

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

Том 21. № 2

2022

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

Volume 21. No. 2

2022

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78163** of March 13, 2020)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78163** от 13 марта 2020 г.)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

The journal is included into **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)**

Журнал включен в базу **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **MLA** (USA), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **EBSCO** (USA), **ProQuest** (USA), **CiteFactor** (Canada), **COPAC*** (Great Britain), **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **JournalSeek** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), **OCLC WorldCat®** (USA), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **MIAR** (Spain), **ZDB** (Germany), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **MLA** (США), **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **EBSCO** (США), **ProQuest** (США), **CiteFactor** (Канада), **COPAC*** (Великобритания), **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **JournalSeek** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **OCLC WorldCat®** (США), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **MIAR** (Испания), **ZDB** (Германия), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2022

Том 21. № 2

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2022

Volume 21. No. 2

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2022. Vol. 21. No. 2

Academic Periodical

First published in 1996

6 issues a year

Editorial Staff:

Assoc. Prof., Dr. *E.M. Sheptukhina* – Chief Editor (Volgograd)

Prof., Dr. *E.Yu. Ilyinova* – Deputy Chief Editor (Volgograd)

Prof., Dr. *S.V. Ionova* (Moscow)

Prof., Dr. *S.S. Takhtarova* (Kazan)

Cand. *I.A. Safonova* – Executive Secretary (Volgograd)

Cand. *O.S. Volkova* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *R.S. Alikaev* (Nalchik);

Prof., Dr. *N.S. Bolotnova* (Tomsk);

Prof., Dr. *S. Vogeler* (Brussels, Belgium);

Prof., Dr. *D. Voyvodich* (Novi Sad, Serbia);

Prof., Dr. *V.Z. Demyankov* (Moscow);

Leading Researcher, Dr. *N.N. Zapolskaya* (Moscow);

Prof., Dr. *M.V. Zelikov* (Saint Petersburg);

Assoc. Prof., Dr. *D.Yu. Ilyin* (Volgograd);

Prof., Dr. *V.I. Karasik* (Volgograd);

Prof., Dr. *A.F. Kelletat* (Mainz, Germany);

Prof., Dr. *K. Koncharevich* (Belgrade, Serbia);

Prof., Dr. *E.I. Koriakowcewa* (Siedlce, Poland);

Prof., Dr. *L.P. Krysin* (Moscow);

Prof., Dr. *O.A. Leontovich* (Volgograd);

Prof., Dr. *I.P. Lysakova* (Saint Petersburg);

Prof., Dr. *O.A. Prokhvatilova* (Moscow);

Prof., Dr. *O.N. Prokhorova* (Belgorod);

Prof., Dr. *V.I. Terkulov* (Donetsk, DPR);

Dr. Phil., Prof. of Slavonic Philology *V.S. Tomelleri* (Turin, Italy);

Assoc. Prof., Dr. *E. Hoffmann* (Vienna, Austria);

Prof., Dr. *N.L. Shamne* (Volgograd);

Prof., Dr. *L. Shipelevich* (Warsaw, Poland);

Dr. *R. Schmitt* (Mannheim, Germany)

Editors, Proofreaders: *N.M. Vishnyakova, I.V. Smetanina*

Editors of English texts: *E.A. Agarkova, O.S. Volkova*

Making up and technical editing *O.N. Yadykina*

Passed for printing Mar. 3, 2022.

Date of publication: May 5, 2022. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 17.5. Published pages 18.8.

Number of copies 500 (1st duplicate 1–30).

Order 48. «C» 9.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Journal website: <https://l.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2022. Т. 21. № 2

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шептухина* – главный редактор (г. Волгоград)

д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)

д-р филол. наук, проф. *С.В. Ионова* (г. Москва)

д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)

канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный секретарь (г. Волгоград)

канд. филол. наук *О.С. Волкова* – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);

д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);

д-р филол. наук, проф. *С. Вогелер* (г. Брюссель, Бельгия);

д-р филол. наук, проф. *Д. Войводич* (г. Нови Сад, Сербия);

д-р филол. наук, проф. *В.З. Демьянков* (г. Москва);

д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. *Н.Н. Запольская* (г. Москва);

д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург);

д-р филол. наук, доц. *Д.Ю. Ильин* (г. Волгоград);

д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград);

д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия);

д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия);

д-р филол. наук, проф. *Е.И. Коряковцева* (г. Седльце, Польша);

д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва);

д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград);

д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург);

д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохвятилова* (г. Москва);

д-р филол. наук, проф. *О.Н. Прохорова* (г. Белгород);

д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк, ДНР);

д-р филологии, проф. слав. филологии *В.С. Томеллери* (г. Турин, Италия);

д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия);

д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград);

д-р гуманитар. наук, проф. *Л. Шипелевич* (г. Варшава, Польша);

д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия)

Редакторы, корректоры: *Н.М. Вишнякова*,
И.В. Сметанина

Редакторы английских текстов:

Е.А. Агаркова, *О.С. Волкова*

Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 03.03 2022 г.

Дата выхода в свет: 05.05 2022 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 17,5.

Уч.-изд. л. 18,8. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–30).

Заказ 48. «С» 9.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство

Волгоградского государственного университета

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Сайт журнала: <https://l.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала: <https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

- Голев Н.Д., Иркова А.В.* Эволютивная юридизация лексики: теоретические и методические аспекты 5
Земичева С.С., Васильченко А.А.
Концепт «дружба»
в диалектной речи Среднего Приобья 19
Юдина Н.В., Калугина О.А. Фреймовая репрезентация концепта «цифровая экономика»
в русскоязычной дискурсивной практике 35
Савчук Т.Н. Аргументативный потенциал аналогии
в дискурсе гуманитарных наук 46
Караваяева П.Ю. Отражение представлений
о грамматической норме в «Сборнике житий
греческих святых» преподобного Нила Сорского 58

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

- Валентинова О.И., Рыбаков М.А.* Падежные системы
тюркских языков Южной Сибири (сопоставление
с использованием геометрического моделирования) 72
Юшкова Л.А. Словообразовательный потенциал
существительного *Corona*
в немецкой субстантивной лексике
периода пандемии COVID-19 85
Самохин И.С., Никашина Н.В., Станчуляк Т.Г.
Номинации представителей негроидной расы
в английском и русском языках:
лексикографический и дискурсивный аспекты 99

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- Глуценко В.А., Орел А.С., Пискунов А.В.* Законы
фонетические и фонематические в свете
современных историко-фонологических исследований
(лингвистикоисториографический аспект) [На англ. яз.] 113
Большаков А.Г., Фарушкин М.Х. Языковая ситуация
в республиках Поволжья и Приуралья:
основные тенденции изменений 123
Скрынникова И.В., Астафурова Т.Н.
Образный фрейминг дискурса пандемии:
от метафорических войн с коронавирусом
до войн с антипрививочниками [На англ. яз.] 136
Кириллова С.Е. Функциональный потенциал
катоиконимов в текстах
Волгоградских региональных газет XX–XXI веков ... 149

ДИСКУССИИ

- Щирова И.А., Сергаева Ю.В.* Синкретизм
как «измерение» научно-фантастического текста:
опыт системного описания 159
Тюкаева Н.И. Принципы
системного моделирования жанра
(на примере текстов
естественной письменной речи) 171

CONTENTS

EVOLUTION AND FUNCTIONING OF THE RUSSIAN LANGUAGE

- Golev N.D., Irkova A.V.* Evolutional Legal System
of Vocabulary: Theoretical and Methodological Aspects ... 5
Zemicheva S.S., Vasil'chenko A.A.
Concept “Druzhiba” (“Friendship”)
in Dialect Speech of the Middle Ob Area 19
Yudina N.V., Kalugina O.A. Frame-Based Representation
of the Concept “Digital Economy”
in the Russian-Language Discursive Practice 35
Savchuk T.N. Argumentative Potential of Analogy
in the Discourse of the Humanities 46
Karavayeva P.Yu. Grammar Norm Reflection
in the “Collection of Greek Saints’ Hagiographies”
by St. Nilus of Sora 58

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND COMPARATIVE STUDIES OF LANGUAGES

- Valentinova O.I., Rybakov M.A.* Case Systems
of Turkic Languages of Southern Siberia
(Comparison with Geometric Modeling) 72
Yushkova L.A. Word-Formation Potential
of the Noun *Corona*
in the German Substantive
COVID-Pandemic Vocabulary 85
Samokhin I.S., Nikashina N.V., Stanchulyak T.G.
Nominating Representatives of the Negroid Race
in the English and Russian Languages:
Lexicographic and Discursive Aspects 99

MATERIALS AND REPORTS

- Glushchenko V.A., Orel A.S., Piskunov A.V.*
Phonetic and Phonemic Laws
in Modern Historical and Phonological Studies
(Linguistic Historiographical Aspect) 113
Bolshakov A.G., Farukshin M.Kh. Language Situation
in Republics Located Between the Volga Upland
and the Ural Mountains: Main Trends of Changes 123
Skrynnikova I.V., Astafurova T.N.
Figurative Framing Around Pandemic Discourse:
From Metaphorical Wars on Coronavirus
to Wars on Anti-Vaxxers 136
Kirillova S.Ye. Functional Potential of Katoikonims
(Exemplified by 20th – 21st Century
Volgograd Regional Newspapers) 149

DISCUSSIONS

- Schirova I.A., Sergaeva Yu.V.* Syncretism
As a Science Fiction Text’s “Dimension”:
Experience of Systemic Description 159
Tyukaeva N.I. Principles
of System Modeling of the Genre
(Exemplified by Texts
of Natural Written Speech) 171

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.1>

UDC 81'42:340.113

LBC 81.055.51.3

Submitted: 21.03.2021

Accepted: 20.12.2021

EVOLUTIONAL LEGAL SYSTEM OF VOCABULARY: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS¹

Nikolay D. Golev

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Anna V. Irkova

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Abstract. The article discloses the issue of gradual terminological formation of national vocabulary in legal documents. The material for the study was the words and phrases from Article 152 of the Civil Code of the Russian Federation “Protection of the honor, dignity and business reputation of citizens”. The investigation of national vocabulary units has enabled to prove that though being incorporated into latest Russian legal texts, they are still deprived of pure terminological status. Having discovered the lack of vocabulary homogeneity, the authors singled out the degrees of legal-term applicability for the texts under study and introduced authentic typology, distinguishing the range of items from national language bulk to special judicial terms. Thus, legal terms are both specialized linguistic units and language units that preserve in their *genetic code* its national properties: polysemy, variability and potential dynamics, irreducibility to one single meaning. The study shows that legal-term applicability terminology correlates with the stages of evolution in national vocabulary. This assumption is exemplified by the analysis of the words with the same root morpheme *chest-* with the focus on their semantic development. The synchronous study of legal-term applicability requires elaboration of the method of legal text continuous sampling, which is of applied value for linguistic expertise of judicial texts.

Key words: legal linguistics, legal terminology, legal system of vocabulary, lexicological analysis, terminologization.

Citation. Golev N.D., Irkova A.V. Evolutional Legal System of Vocabulary: Theoretical and Methodological Aspects. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 2, pp. 5-18. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.1>

УДК 81'42:340.113

ББК 81.055.51.3

Дата поступления статьи: 21.03.2021

Дата принятия статьи: 20.12.2021

ЭВОЛЮТИВНАЯ ЮРИДИЗАЦИЯ ЛЕКСИКИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ¹

Николай Данилович Голев

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия

Анна Валентиновна Иркова

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово Россия

Аннотация. В статье рассматривается проблема терминологизации общенародной лексики на материале законодательных документов. В качестве источника языковых фактов использована статья 152 Гражданского кодекса Российской Федерации «Защита чести, достоинства и деловой репутации граждан». Представлены результаты лингвистического изучения особого пласта в лексическом составе текстов российских законов последнего времени. Этот пласт образуют лексемы, не достигшие в полной мере статуса юридических терминов и вошедшие в текст закона как единицы общенародной лексики. Выявлена неоднородность лексического состава текста закона по степени «юридизированности» включенных в него слов. Предложена типология лексических единиц по данному признаку. Показано, что типы располагаются в широком диапазоне: от общенародных слов до узкоспециальных юридических терминов. Установлено, что такая типология в диахроническом аспекте коррелирует с этапами эволютивной юридизации общенародного слова. Данное положение иллюстрировано анализом слов с корнем *чест-* в аспекте их смыслового развития. Для исследования процесса терминологизации в синхронном плане разработана методика сплошного лексикологического анализа текста закона. Она имеет прикладное значение, поскольку может использоваться при проведении лингвистической экспертизы законодательных текстов.

Ключевые слова: юрислингвистика, юридическая терминология, юридизация лексики, лексикологический анализ, терминологизация.

Цитирование. Голев Н. Д., Иркова А. В. Эволютивная юридизация лексики: теоретические и методические аспекты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 5–18. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.1>

Введение

Статья представляет научной общественности результаты лингвистического исследования особого лексического пласта в тексте российских законов последнего времени. Его образуют лексемы, не достигшие в полной мере статуса юридических терминов и вошедшие в нормативно-правовые акты как общенародные единицы. Их использование в правовых контекстах трактуется авторами статьи как необходимое и неизбежное, поскольку нормы права адресованы не только профессиональным юристам, но и обычным гражданам. Такое разнонаправленное предназначение юридических текстов создает трудности в правовой коммуникации, изучение которой актуально для юрислингвистики. Наше исследование включено в очерченную лингвистическую парадигму. Далее кратко охарактеризуем ее.

В России широкий спектр проблем терминологизации слов национального языка в правовой сфере (юридизация) включен в междисциплинарный научный контекст терминологии, юридической лингвистики и судебной лингвистической экспертизы. В последние годы особенно обострились вопросы, связанные с неопределенной семантикой предтерминов. Выявление сущности эволюционного феномена юридизации весьма сложно. Некоторые из новообразованных терминов, в первую оче-

редь те, которые недавно вошли в официальный юридический оборот и еще не приобрели устойчивых значений, становятся предметом внимания лингвистов, чаще всего это заимствованные слова и жаргонизмы [Лькова, 2009; Новинская, 2009; Рыженкова, 2001; и др.].

Исследователи юридической терминологии уделяют меньше внимания юридизации общенародной русской лексики [Голев, 2000; 2012; Зиянгинова, 2019; Косова, 2004; и др.]. Ряд правоведов указывают на необходимость применения методов дискурсивно-правового анализа к текстам российского законодательства [Храмцова, 2017; и др.].

В некоторых работах анализируется юридиколо-лингвистическая неопределенность и особенности тех или иных предтерминов [Батюшкина, 2021]. В этом же аспекте Н.Н. Голубь и М.А. Осадчий рассматривают такое явление, как нечеткие детерминанты и/или определители – штампованные выражения, действующие в качестве семантических компрессоров. Благодаря компактности и непрозрачной семантике эти единицы становятся импульсами для вывода неясных значений [Голубь, Осадчий, 2012].

В аспекте возможности предупреждения коррупционных проявлений Е.И. Галяшина исследует неполную легализацию (юридизацию) посредством лингвистического изучения текстов нормативных правовых актов [Галяшина, 2020].

Термин «юридизация» обозначает самое общее и широкое понятие в юриспруденции – приобретение каким-либо социальным явлением юридического статуса. Юридизации могут подвергнуться экономические, политические, имущественные, моральные отношения, которые изначально не регулировались правом, но затем были включены в юридическую сферу. Говоря о юридизации лексики, мы имеем в виду только термины, входящие в тексты закона. Научная терминология юриспруденции представляет иную функциональную область лексики, хотя и является важнейшим источником законодательных терминов. Нередко научная литература выступает опосредующим звеном процесса юридизации общенародной лексики, этапом ее официализации².

Юридический язык не может быть оторван от естественного языка не только по генетическим причинам, но и по причинам синхронно-функциональным (подробно об этом см.: [Голев, 2000; 2012; Голев, Иркова, 2020]). Последний момент отметили авторы пионерской для российской юрислингвистики монографии «Понятие чести, достоинства оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой коммуникации» [Понятия чести..., 2004]. Авторы констатируют: «Число конфликтов растет, как говорится, не по дням, а по часам. И буквально в каждом вопросе о содержании понятий, перешедших из обыденного языка в язык юридических документов, является едва ли не определяющим» [Понятия чести..., 2004, с. 4]. Данное наблюдение является базовым для нашего исследования, поскольку авторы названной книги рассматривают некоторые термины из сферы юрисдикции закона о защите нематериальных благ личности: *честь, достоинство, деловая репутация, престиж и доброе имя*.

Первый вопрос, который ставят авторы, связан с ключевой проблемой реализации названного закона: «Четко ли определены в текстах права основные понятия, такие как “честь”, “достоинство”, “клевета”, “оскорбление”, “унижение чести и достоинства” и пр.» [Понятия чести..., 2004, с. 11]. Так, рассматривая дефиницию оскорбления в ст. 130 УК РФ, в которой оскорбление определяется как «унижение чести и достоинства другого лица, вы-

раженное в неприличной форме», авторы останавливаются на факте неопределенности представления понятия «неприличная форма», которое дает комментарий к ст. 130, и иронически замечают – «лучше бы не давал» [Понятия чести..., 2004, с. 15].

Наше исследование основано на изучении закономерностей эволютивной юридизации слов с корнями *чест-*, *добр-*, *гражд-*, то есть лексики законодательства, защищающего нематериальные блага граждан. К наиболее значимым положениям, на которые мы опираемся, относятся следующие. Во-первых, чрезвычайно высока вероятность того, что конкретное решение по делу об унижении чести и достоинства, клевете, оскорблении, возмещении морального вреда будет иметь субъективный, спорный, юридически уязвимый характер. Во-вторых, все или почти все основные понятия права, относящиеся к данному кругу дел, не имеют объективного и оперативного определения и толкования. С одной стороны, не совсем понятно, какие компоненты они содержат. С другой стороны, ими не допускается прямого применения неустоявшихся, двусмысленных терминов (предтерминов) на практике (или такое применение оказывается противоречивым). Это открывает широкий спектр возможностей для «политизации» гражданских и уголовных дел, связанных со СМИ, давления на СМИ со стороны властей, манипулирования общественным мнением и т. д. [Понятия чести..., 2004, с. 31–32].

Отсутствие четкой границы между юридической и общенародной лексикой отражено в еще одной фундаментальной для юрислингвистики работе – учебном пособии А.Н. Баранова «Лингвистическая экспертиза текста» [Баранов, 2013]. Его автор предложил рассматривать термины в рамках оппозиции «юридически определяемые термины / лингвистически определяемые термины» [Баранов, 2013, с. 20], которая иллюстрируется следующим примером: «В Федеральном законе “Об авторском и смежных правах” дается определение понятий автора (“физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение”), фонограммы (“любая исключительно звуковая форма запись исполнения или иных звуков”), экземпляра произведения (“ко-

пия произведения, изготовленная в любой материальной форме»). При этом отсутствуют определения таких понятий, как «оригинальное произведение», «самостоятельное произведение», «переработка произведения» [Баранов, 2013, с. 20]. Мы принимаем названную оппозицию как базовую для исследования. Развивая идеи А.Н. Баранова, отметим два значимых момента. Во-первых, любой текст закона состоит из юридически и лингвистически определяемых терминов в разном их соотношении, что существенно обуславливает эффективность закона. Наличие большого количества лингвистически выявляемых терминов создаст помехи для однозначного понимания текста закона, что нередко становится предметом антикоррупционной экспертизы. Во-вторых, между двумя полюсами, отмеченными А.Н. Барановым, находится множество промежуточных типов, а группу лингвистически определяемых терминов также составляют разнообразные лексические единицы и словосочетания, в разной степени удаленные от юридического ядра. К ним можно отнести и единицы, не являющиеся терминами, например служебные слова, местоимения, числительные и другие слова русской общенародной лексики.

Целью нашей работы является установление закономерностей эволютивной юридикации общенародной лексики. Конкретная задача исследования, представляемого в статье, – разработка классификации неполностью юридиказированных лексем по степени их «юридикационности».

Материал и методы

Классификация лексем по степени их «юридикационности» основывается на их синхронном семасиологическом анализе с привлечением данных лингвистической и юридической лексикографии. Сравнение этих данных дает основание для квалификации степени приближения лексемы к статусу правового термина. Синхронный анализ в исследовании комплементируется с диахронным анализом, демонстрирующим эволютивность процесса юридикации; в плане диахронии в исследовании выявляются и характеризуются этапы преобразования общенародной лексики в юри-

дическую терминологию. В очерченном плане так называемая «застывшая диахрония» раскрывает прошлые значения слов в их современном воплощении. Синхрония реализует градуированную типологию «степени юридикации» значения лексем, их положения (статус) в настоящем времени.

В качестве источника материала для изучения выступает текст ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации «Защита чести, достоинства и деловой репутации». Рассмотрение семантики слов в данном тексте проводилось по авторской методологии: использовался сплошной лексикологический анализ текста закона. Его особенность заключается в том, что анализу подвергается вся совокупность слов рассматриваемого текста. Оценивается такой параметр, как «степень юридикационности слов».

Практическая значимость результатов такого анализа и его алгоритма связана с экспертизой текстов законопроектов на их доступность, ясность и однозначность толкования. Реализация названных категорий правовой коммуникации всецело зависит от соотношения общенародной семантики и юридических смыслов тех слов, которые составляют текст закона. Отметим, что юридикации подвергаются все языковые средства в лингвоправовом пространстве дискурса, в том числе лексически несамостоятельные (служебные) слова.

При актуализации лексико-квантитативного метода (подсчете лексем, входящих в тот или иной текст законодательной статьи) использовались элементы компьютерной программы GSGen.RU [GSGen.RU...]. Из проведенного анализа контекстов делается вывод о том, что данные семантические признаки не только присутствуют в разнообразных типах дискурсов, но и закрепляются в словарном значении лексем. Все приводимые в статье контексты извлечены из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и различных его подкорпусов.

Для решения нашей задачи предлагается на основе существенного изменения законодательства выделить три этапа функционирования исследуемых лексем: 1) XI–XIX вв.; 2) XIX – начало XX в.; 3) середина XX в. – настоящее время. В соответствии с этими пе-

риодами можно выделить и три типа юридизированного содержания лексики.

Первый тип связан с выражением «околоюрдизированного / недоюрдизированного» смысла и периферийным использованием слов в юридическом значении. Это этап становления юридической семантики (XI–XIX вв.), он открывается разнообразными дискурсивными практиками, в которых юридический смысл находится или в потенции, или только намечает пути своей реализации. Ему соответствует первая степень юридизации, которая характеризуется тем, что общенародное слово попадает в юридический контекст.

Второй тип связан с выражением «предьюрдизированного» смысла. Это этап «промежуточного» использования юридического значения (XIX – начало XX в.), он является переходным в использовании слов в юридическом значении и отражает новый виток в развитии юридизации: укрепление правовых значимостей и их выход на первый план смыслового содержания слова. Ему соответствует вторая степень юридизации. Она заключается в том, что в юридическом контексте образуются «околоюрдические» и «предьюрдические» лексемы.

Третий тип связан с выражением «собственно юрдизированного» смысла. Это этап «ядерного» использования слов в юридическом значении (середина XX в. – настоящее время). Ему соответствует третья степень юридизации, которая отражает регулярную представленность в текстах закона юридических лексем с устойчивым правовым значением: другие смыслы лексем не исчезают, но на первый план содержания слова выходит собственно «юрдизированная» составляющая, реализующаяся в различных публицистических, прозаических, поэтических дискурсах.

Важно отметить, что предлагаемая классификация относится к сущностным, поскольку в ней не только констатируется существование тех или иных классов исследуемого объекта, отражается обусловленность многообразия форм некоторым фактором («юрдизированность» значения слова), но и характеризуется каждая лексическая единица с позиции ее вовлеченности в процесс эволютивной юридизации, выявляются закономерности образования типов этих лексем.

Результаты и обсуждение

Рассмотрим закономерности эволютивной юридизации русской общенародной лексики, приводящей к становлению юридических терминов. Эволютивная юридизация общенародной лексики противопоставлена конвенциональной юридизации термина, приобретающего легитимность в результате законодательного акта. Она предполагает немедленное вхождение термина в официальный юридический узус с четко закрепленным значением (жесткой семантизацией). Изучение закономерностей эволютивной юридизации связано с обращением к наиболее глубинным стадиям «до- и предьюрдизации» на начальном этапе стихийного функционирования будущих единиц юридического дискурса (см. об этом: [Голев, Иркова, 2018; 2020; Иркова, 2019]).

Процесс юридизации так или иначе проходит любое общенародное слово, попадающее в текст закона, поскольку сначала оно функционирует в контексте с общеправовым или специальным юридическим содержанием. Это могут быть не только лексемы с ярко выраженными морально-этическими смыслами, такие как *честь*, *гражданственность* и мн. др., но и различные служебные слова: союзы, частицы и т. д. Отметим, что в правовом контексте свою «особость» получают даже синтаксические конструкции и знаки пунктуации.

Реализация категорий правовой коммуникации зависит от соотношения узуальной семантики и юридических смыслов тех слов, которые составляют текст закона. Выявление этих смыслов принципиально важно при проведении антикоррупционной экспертизы, в которой выделяются зоны и точки, порождающие неопределенность смысла. В ряде работ представлены результаты исследования деюре (моделируемой) и де-факто (реальной) интерпретации понятия «юрдико-лингвистическая неопределенность» (см.: [Барциц, 2010; Кудашкин, 2010; Муртазина, 2010; Родионова, 2010; Кабанов, 2013; Барабаш, 2015; Тухватуллин, 2019]).

В этом плане «недоюрдизированность» служит коррупциогенным фактором. Так, современный этап борьбы с коррупцией отражен в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

Согласно данному закону, антикоррупционная экспертиза – это правовая проверка нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в целях выявления в них коррупциогенных факторов и их последующего устранения.

В инструкции по проведению экспертизы проектов нормативных правовых актов, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96, среди коррупциогенных факторов названа «юридико-лингвистическая неопределенность – употребление неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера» [Постановление Правительства РФ...].

Формирование русской юридической терминологии можно представить в виде модели, которая отражает развитие семантики слова по шкале юридизации и соответствует стадиям формирования юридического значения слова. Нами предложена классификация лексических единиц текста закона по степени их «юридизированности»:

- служебные слова;
- местоименные слова;
- предикативные комплексы и связки с элементами юридического содержания (наличием юридических смыслов);
- общенародные слова и связки;
- околоюридические лексемы;
- предтерминологические лексемы и словосочетания;
- собственно юридические лексемы и словосочетания;
- юридизированные собственные имена (номенклатурная лексика).

Указанные элементы напрямую связаны с типологией «юридизации». Основание типологии – разная степень приближения общенародного слова к юридическому термину как вершинной точке процесса юридизации.

Таким образом, в нашем исследовании представлена идея детерминированности значения слова, с одной стороны, его дискурсивным пространством в диахронном плане и, с другой стороны, заданностью определенного дискурса семантикой самого слова в синхронном плане.

Единицы лексического гнезда с заглавным словом *честь* используются в смысло-

вых комплексах текста исследуемого закона о защите чести, достоинства, доброго имени и деловой репутации личности. «Комплексное» функционирование слов подтверждает наличие стихийной конкуренции между ними. Частотность судебных исков, содержащих эти лексемы, также подтверждает это. Исторически лексемы рассматриваемого гнезда связаны с высокими сакральными смыслами таких слов и концептов, как *правда, справедливость, праведность, благочестивость, доброта* и т. д. Сложность разграничения значений указанных лексем свидетельствует о том, что их «юридизация» возможна только с учетом всего «шлейфа» смыслов, которые эти слова несут за собой, выражая моральные категории.

Так, лексемы *честь, достоинство*, словосочетание *деловая репутация* получают полутерминологическое значение, при этом слово *честь* имеет семантику, сопряженную с глубокими и многогранными морально-нравственными представлениями носителей языка, репрезентируя сильный концепт. Оно вбирает в себя смыслы, возникающие на основе значения, связанного с земной жизнью людей (честность как качество порядочного человека), и смысловые обертоны небесной жизни праведников, святых (таков, например, контекст религиозного дискурса: *Честнейшая Херувим*). Словосочетание *доброе имя* не получает конкретной терминологизированности, встречаясь в единичных контекстах. Это может быть обусловлено тем, что оно раскрывает достаточно широкое смысловое поле, вбирающее в себя значения слов *честь* и *достоинство*, так как, затронув каким-либо образом честь и достоинство человека, нельзя не коснуться его доброго имени.

Единицы лексического гнезда с заглавным словом *гражданин* используются в смысловом комплексе *человек, гражданин, личность, лицо*, который раскрывается в современных текстах закона и представляет собой центр взаимодействия предъюридических и юридических смыслов указанных слов. Взаимодействие узуальной и юридической сторон семантики слова *гражданин* – это синхронное следствие диахронного раскрытия различных его смыслов. Лексема *человек* эксплицирует широкий смысловой регистр,

обозначая представителя живого мира, который являет собой высшую ценность общества и государства, связанную со свободой, правом на жизнь. В семантике лексемы *личность* на первый план выводятся высокие моральные и интеллектуальные свойства человека, поэтому она использована в законе о защите чести, достоинства, доброго имени личности.

Значение лексемы *гражданин* связано с политическими правами, с правом на выборы. Лексема *лицо* (физическое или юридическое) выражает достаточно абстрактный смысл, обозначая носителя различных внутренних качеств, которые он проявляет в обществе, и используется в законе о защите прав на собственность, регулирующих экономические отношения и многое другое.

Лексикологический анализ юридических текстов позволил продемонстрировать классификацию составляющих его речевых единиц, а также обозначить признаковый состав некоторых «предтерминов»: *честь, достоинство, деловая репутация, доброе имя*. Жесткая семантизация и четкая определенность лексических единиц противостоят моделированию семантики слова как элемента полевой организации текста закона. В ее центре находится оппозиция общенародных лексем с диффузностью их значений, нечеткими границами и строго юридических лексем, которые характеризуются наличием жесткой семантики.

Результаты нашего исследования дают основания для разработки особого научно-исследовательского и экспертного метода изучения текста закона, который мы предлагаем назвать термином «сплошной лексикологический анализ», его главная особенность – рассмотрение всего комплекса слов и словосочетаний, составляющих текст закона, а не только собственно терминов.

Так, лексический массив ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации «Защита чести, достоинства и деловой репутации» состоит из следующих разрядов лексем и словосочетаний:

– служебные слова: *в, по, о, и/или, если, от* и др.;

– местоименные слова: *его, другим, этим, их, иных, таких*;

– предикативные комплексы и связки с элементами юридического содержания: *впра-*

ве требовать, не докажет, соответствовать действительности / не соответствовать действительности, распространять порочащие сведения, должны быть опровергнуты и др.;

– слова и связки общенародного употребления: *используемые, порочащие, распространивший, указанные, соответствующие, исходящие, изготовленных* и др.;

– околоюридические лексемы: *защита, честь, достоинство, деловая репутация, сведения* и др.;

– предтерминологические лексемы и словосочетания (эту группу составляют лексемы, представленные в юридической литературе, но не нашедшие в ней однозначного определения): *гражданин, юридическое лицо, порочащие сведения, порядок опровержения сведений*;

– собственно юридические лексемы и словосочетания: *суд, судебное решение, гражданский оборот, действие, предусмотренное решением суда, возмещение убытков, компенсация морального вреда, срок исковой давности, правила пунктов настоящей статьи*;

– юридизированные собственные имена (номенклатурная лексика): *Гражданский кодекс, редакция Федерального закона от 02.07.2013 № 142-ФЗ*.

Частота употребления лингвистических единиц определена при помощи компьютерной программы [Стемминг текста online...]. Таблицы 1 и 2 показывают количественное соотношение лексем по степени их «юридизированности» с учетом частеречной принадлежности. Инструменты статистики помогают в анализе лексического массива текстов. Лексемо-словарная статистика позволяет классифицировать языковые единицы по степени их юридизации (типология), поскольку дает возможность оценивать их количественные и качественные параметры без учета повторов (как в словарной дефиниции, вне контекста). Лексемо-текстовая статистика позволяет классифицировать языковые единицы по степени их юридизации (типология), поскольку дает возможность оценивать их количественные и качественные параметры с учетом повторов (как в контексте).

Сравнение статистических данных, представленных в таблицах, показывает, что наибольшее количество единиц входят в группу «околоюридические лексемы» (22 % и 24 % соответственно). Считаем нужным подчеркнуть, что служебные слова как носители грамматического значения также имеют потенциал юридизации (подробнее о юридизации семантики вида и залога см.: [Голев, 2000, с. 22–23; Ширинкина, 2007, с. 175–176], союзов и союзных слов: [Василенко, Кийко 2017; Зуга, 2020]). Следовательно, служебные слова и грамматические формы выражают часть юридизированного смысла. Анализ показывает, что термины *честь*, *достоинство*, *доброе имя* и *деловая репутация* до сих остаются не юридизированными в полной мере. Таким образом, мы подтвердили на новом материале выводы, сделанные в 1997 г. авторами книги «Понятия чести, достоинства и деловой репутации: спорные тексты СМИ и про-

блемы их анализа и оценки юристами и лингвистами» [Понятия чести..., 2004].

Лексема *достоинство* имеет широкое и размытое содержание, в разных дискурсах она актуализирует такие смысловые признаки, как «нематериальное благо человека», «принадлежность гражданину от рождения или в силу закона», «неотчуждаемость и непередаваемость иным способом», «критерий отношения государства к личности», «правовой статус личности», «охраняется государством» (юридический дискурс); «высшая социальная ценность», «самооценка качеств и способностей», «уважение и самоуважение человеческой личности», «определенное поведение, чтобы эта самооценка не стала ниже», «осознание собственной высокой ценности как личности или как члена социальной группы других людей» (художественный, публицистический, юридический и другие дискурсы).

Таблица 1. Лексемо-словарная статистика

Table 1. Lexeme-dictionary statistics

Группы слов по степени юридизированности	Общее количество слов без учета повторов	
	в абсолютном выражении	%
Служебные слова	21	10
Местоименные слова	13	6
Предикативные комплексы и связи с элементами юридического содержания	39	19
Слова и связи общенародного употребления	25	12
Околоюридические лексемы	46	22
Предтерминологические лексемы и словосочетания	27	13
Собственно юридические лексемы и словосочетания	24	11
Юридизированные собственные имена (номенклатурная лексика)	15	7
<i>Итого</i>	210	100

Таблица 2. Лексемо-текстовая статистика

Table 2. Lexeme-text statistics

Группы слов по степени юридизированности	Общее количество слов с учетом повторов	
	в абсолютном выражении	%
Служебные слова	92	21
Местоименные слова	25	6
Предикативные комплексы и связи с элементами юридического содержания	62	14
Слова и связи общенародного употребления	55	12
Околоюридические лексемы	109	24
Предтерминологические лексемы и словосочетания	55	12
Собственно юридические лексемы и словосочетания	33	7
Юридизированные собственные имена (номенклатурная лексика)	16	4
<i>Итого</i>	447	100

Лексема *честь* сохраняет книжную окраску и реализует следующие смысловые признаки: «нематериальное благо человека», «общественная оценка личности», «мера духовных и социальных качеств гражданина», «личность», «достоинство» («личное», «профессиональное», «военное» и т. п.), «принадлежность от рождения», «непередаваемое» (юридический дискурс); «честное имя», «почет», «уважение», «сознание себя членом социальной группы других людей», «репутация», «доброе имя», «соблюдение определенных, принятых той или иной социальной группой морально-этических правил», «соответствие поведения правилам, чтобы самооценка человека или его оценка со стороны других людей этого социума не стала ниже» (публицистический, художественный, в том числе поэтический, дискурсы).

Семантика словосочетания *деловая репутация* раскрывается таким признаковым составом, как «нематериальное благо», «устоявшаяся общая оценка различной деятельности человека или организации», «профессиональный, социальный и моральный аспекты реализации различной деятельности человека», «оценка со стороны группы лиц», «гражданин, занимающийся предпринимательской деятельностью», «юридическое лицо», «коммерческая и некоммерческая организация», «государственные и муниципальные предприятия», «учреждения» (юридический, публицистический, художественный дискурсы).

Словосочетание *доброе имя* обладает наиболее широким спектром лингвокультурных, символических значений, поскольку невозможно, задев честь, достоинство или деловую репутацию, не коснуться так или иначе доброго имени человека. Признаковый состав атрибутивного словосочетания *доброе имя* включает в себя компоненты: «нематериальное благо», «человек», «организация», «принадлежит гражданину от рождения или в силу закона», «неотчуждаемое», «непередаваемое другим лицам» (юридический дискурс); «личность», «достоинство», «честь», «честное имя», «доброе дело», «правильное дело» (художественный, в том числе поэтический, публицистический, юридический дискурсы). Атрибутивный комплекс *доброе имя* выражает преимущественно «положительную оценку

людей», причем оцениваются их «профессиональные» и «моральные качества», «нравственная сторона того или иного действия или дела» (интернет-дискурс, юридический, публицистический, художественный дискурсы).

Заключение

Разработанная нами модель эволютивной юридизации общенародной лексики отражает поэтапное развитие юридического значения у общенародного слова. В процессе вхождения общенародного слова в юридический лексикон ведущую роль играет его дискурсивное функционирование.

Юридические тексты основаны на естественном языке, но их отношения с ним разнообразны и неоднозначны. На одном полюсе взаимодействия, в своей естественной ипостаси, общенародная лексика включается в правовую сферу. В ней она трансформируется в юридические тексты (документы). При этом нормативно-правовые акты сохраняют разнообразные яркие черты естественной речи без внутренних юридических условностей и значений. В данных текстах раскрываются субъективные предпосылки и модальности, нетерминологические слова с нечеткой и размытой семантикой, разговорные синтаксические конструкции, свободная композиция текста – все, что характерно для речи людей, далеких от юриспруденции. Прежде всего это относится к таким документам, как жалобы, заявления, протоколы допросов. Они отражают повседневную речь. В то же время следует отметить, что первичная юридическая обработка таких текстов значительно отдаляет их от естественных значений и форм в сторону юридических значений и форм, поскольку они предполагают другие презумпции построения текста, другие модальности и, соответственно, другие способы реализации.

Дискурсивно-семантический анализ общенародной лексики дает возможность установить и зафиксировать разную степень терминологизации (юридизации) лексем и учесть узуальные смыслы при интерпретации текстов современного законодательства. Промежуточным этапом юридизации является стадия «застывшей диахронии» слова как синхронного сосуществования предъюриди-

ческих и юридических смыслов лексем. Она отражает синхронные следствия эволютивной юридикации.

Таким образом, юридические термины являются одновременно специализированными языковыми единицами и единицами языка, сохраняющимися в своем «генетическом коде» свойства общенародных языковых единиц естественного языка: многозначность, вариативность и потенциальную динамику, несводимость к одному единственному значению.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 19-012-00202 А «Обыденная политическая коммуникация в социальных сетях: комплексный лингвистический анализ»).

The study is supported by Russian Foundation for Basic Research (RFBR) (Project No. 19-012-00202 A “Everyday political communication in social networks: complex linguistic analysis”).

² Не менее важно отметить, что научное исследование, дефинирование, уточнение смысла терминов из языка закона следует после того, как термин введен и принят законодателем, а во многих случаях и был апробирован в юридической практике (см., например: [Шарангия, 2013; Федюковский, 2014]). Результатом изучения может быть рекомендация для законодателя, что подчиняется в целом общему принципу, связанному с отношением к неофициальному толкованию права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барабаш О. В., 2015. «Коррупциогенный фактор» как юридический термин: структура, содержание, дефиниция // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. № 4 (36). С. 156–164.
- Баранов А. Н., 2013. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика. М.: Флинта : Наука. 591 с.
- Барциц И. Н., 2010. Анतिकоррупционная экспертиза в системе эффективного правотворчества (к разработке методики проведения антикоррупционной экспертизы) // Государство и право. № 9. С. 16–25.
- Батюшкина М. В., 2021. Юридикологическая неопределенность терминов и норм российских законов // Русистика. Т. 19, № 2. С. 138–154. DOI: 10.22363/2618-8163-2021-19-2-138-154.
- Василенко П. Ю., Кийко А. И., 2017. Многообразие средств выражения логических операторов в текстах законодательных актов // Курсантские исследования : сб. науч. работ. Вып. 4. С. 10–12. URL: http://elib.institutemvd.by/handle/MVD_NAM/1353 (дата обращения: 22.03.2021).
- Галяшина Е. И., 2020. Лингвистическая экспертиза нормативных правовых актов как средство профилактики коррупции // Вестник экономической безопасности. № 2. С. 147–151. DOI: 10.24411/2414-3995-2020-10100. ISSN: 2414-3995.
- Голев Н. Д., 2000. Юридикация естественного языка как лингвистическая проблема // Юрислингвистика. № 2. С. 8–40.
- Голев Н. Д., 2012. Научные термины как единицы стихийного функционирования языка: полемические заметки // Метаязык науки : материалы Междунар. науч. конф. (Сыктывкар, 10–13 июня 2012 г.). Сыктывкар : Изд-во Сыктывкар. гос. ун-та им. Питирипа Сорочкина. С. 5–11.
- Голев Н. Д., Иркова А. В., 2018. Становление юридического термина как процесс юридикации общенародного слова (дискурсивно-семантический анализ лексем с корнями *чест-* и *добр-*) // Вестник Московского государственного университета. № 4. С. 212–242.
- Голев Н. Д., Иркова А. В., 2020. Сплошной синхронно-диахронный семасиологический анализ лексического состава текста закона (на материале статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации) // Вестник Томского государственного университета. № 452. С. 21–27. DOI: 10.17223/15617793/452/2.
- Голубь Н. Н., Осадчий М. А., 2012. Нечеткие определители в текстах правовой коммерческой документации // Вестник Кемеровского государственного университета. № 43 (52). С. 124–127.
- Зиянгирова Е. Л., 2019. Юридикация лексем естественного языка как один из основных процессов терминологической лексики метаязыка юрислингвистики // Вестник Башкирского государственного университета. Т. 24, № 3. С. 625–629.
- Зуга О. В., 2020. Проблемы восприятия и интерпретации сочинительных конструкций с союзами *и*, *или* в законодательных актах Российской Федерации // Политическая лингвистика. № 3 (81). С. 189–197. DOI: 10.26170/pl20-03-19.
- Иркова А. В. 2019. Предъюридические и юридические смыслы лексемы «гражданин» в общественно-политическом дискурсе // Сибирский филологический журнал. № 3. С. 215–224. DOI: 10.17223/18137083/68/19.
- Иркова А. В., 2020. Эволютивная юридикация русской общенародной лексики: диахронно-синхронный дискурсивно-семантический анализ лексем с корнями *чест-*, *гражд-* : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово. 25 с.

- Кабанов П. А., 2013. Юреликсизация неопределенность как коррупциогенный фактор // Преступность, уголовная политика, уголовный закон : сб. науч. тр. / под ред. Н. А. Лопашенко. Саратов : Саратов. гос. юрид. акад. С. 462–465.
- Косова М. В., 2004. Терминологизация как процесс переосмысления русской общенародной лексикис : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Н. Новгород. 51 с.
- Кудашкин А. В., 2010. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов, проводимая органами прокуратуры, – эффективное средство противодействия коррупции // Актуальные проблемы экономики и права. № 4. С. 90–95.
- Лыкова Н. Н., 2009. Французские заимствования в русской юридической терминологии // Вестник Тюменского государственного университета. № 1. С. 217–221.
- Муртазина Г. М., 2010. Антикоррупционная экспертиза муниципальных правовых актов как мера борьбы с коррупцией // Актуальные проблемы экономики и права. № 1. С. 155–160.
- Новинская Н. В., 2009. Терминологизация разных частей речи // Альманах современной науки и образования. № 2-2. С. 101–102.
- Понятия чести, достоинства и деловой репутации: спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами, 2004 / под ред. А. К. Симонова [и др.]. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Медвед. 326 с.
- Постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/197633/> (дата обращения: 06.02.2021).
- Родионова О. Н., 2010. Антикоррупционная экспертиза // Российский юридический журнал. № 1 (70). С. 158–162.
- Рыженкова Т. В., 2001. Специфика процесса терминологизации в отраслевой терминосистеме: на материале русской и английской терминологии правоведения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград. 21 с.
- Стемминг текста online. Выделение основы слова стеммером Портера. Оценка частоты употребления слов в тексте // GSGen.RU. URL: <https://gsgen.ru/tools/dlina-seo-text/> (дата обращения: 06.02.2021).
- Тухватуллин Т. А., 2019. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: вопросы теории и практики // Российская юстиция. № 2. С. 9–11.
- Федюковский А. А., 2014. Этимологический анализ русского юридического термина «свидетель» // Правоохранительная система России: состояние и перспективы развития. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та управления и экономики. С. 170–177.
- Храмцова Н. Г., 2017. Метод дискурс-правового анализа и юридико-позитивистское познание права // Правовое государство: теория и практика. № 3 (21). С. 75–80.
- Шарангия С. З., 2013. Насилие, вина, непреодолимая сила: особенности юридической конструкции терминов // Социокультурные корни насилия в современном обществе : материалы Междунар. конф. (Н. Новгород, 1–3 нояб. 2012 г.). Н. Новгород : Науч.-исслед. социол. центр. С. 648–652.
- Ширинкина М. А., 2007. Словесные технологии совершенствования законодательства (на материале Налогового кодекса РФ) // Юрислингвистика. № 8. С. 171–180.
- GSGen.RU – инструменты веб-разработчика. URL: <https://gsgen.ru/tools/dlina-seo-text/> (дата обращения: 06.02.2021).

ИСТОЧНИКИ

- Гражданский кодекс Российской Федерации : федер. закон принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. URL: <http://stgkrf.ru> (дата обращения: 22.03.2018).
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorgo.ru> (дата обращения: 19.08.2019).

REFERENCES

- Barabash O.V., 2015. «Korrupsiogennyy faktor» kak yuridicheskiy termin: struktura, sodержanie, definitiya [“Corruption Factor” As a Juridical Term: Structure, Content, Definition]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University Proceedings. Volga Region. Humanities], no. 4 (36), pp. 156-164.
- Baranov A.N., 2013. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoreticheskie osnovaniya i praktika* [Linguistic Expertise of the Text: Theoretical Foundations and Practice]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 591 p.
- Bartsits I.N., 2010. Antikorruptsionnaya ekspertiza v sisteme effektivnogo pravotvorchestva (k razrabotke metodiki provedeniya antikorruptsiionnoy ekspertizy) [Anticorruption Expertise in the System of Effective Law-Making (To Develop a Methodology for Conducting an

- Anticorruption Expertise)]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], no. 9, pp. 16-25.
- Batyushkina M.V., 2021. Yuridiko-lingvisticheskaya neopredelennost terminov i norm rossiyskikh zakonov [Legal and Linguistic Uncertainty of Terms and Norms of Russian Laws]. *Rusistika* [Russian Language Studies], vol. 19, no. 2, pp. 138-154. DOI: 10.22363/2618-8163-2021-19-2-138-154.
- Vasilenko P.Yu., Kiyko A.I., 2017. Mnogoobrazie sredstv vyrazheniya logicheskikh operatorov v tekstakh zakonodatelnykh aktov [The Variety of Means of Expressing Logical Operators in the Texts of Legislative Acts]. *Kursantskie issledovaniya: sb. nauch. rabot* [Cadet Studies. Collection of Scientific Papers], iss. 4, pp. 10-12. URL: http://elib.institutemvd.by/handle/MVD_NAM/1353 (accessed 22 March 2021).
- Galyashina E.I., 2020. Lingvisticheskaya ekspertiza normativnykh pravovykh aktov kak sredstvo profilaktiki korruptsii [Linguistic Expertise of Normative Legal Acts As a Means of Corruption Prevention]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti* [Bulletin of Economic Security], no. 2, pp. 147-151. DOI: 10.24411/2414-3995-2020-10100.
- Golev N.D., 2000. Yuridizatsiya estestvennogo yazyka kak lingvisticheskaya problema [Problem of Juridization of Natural Language in Contemporary Linguistics]. *Yurilingvistika* [Legal Linguistics], no. 2, pp. 8-40.
- Golev N.D., 2012. Nauchnye terminy kak edinitsy stikhiynogo funktsionirovaniya yazyka: polemicheskie zametki [Scientific Terms As Manifestations of Spontaneous Functioning of Language: Polemic Notes]. *Metazyk nauki: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Syktyvkar, 10–13 iyunya 2012 g.)* [Metalanguage of Science. Proceedings of the International Scientific Conference (Syktyvkar, June 10–13, 2012)]. Syktyvkar, Izd-vo Syktyvskarskogo gosudarstvennogo universiteta im. Pitirima Sorokina, pp. 5-11.
- Golev N.D., Irkova A.V., 2018. Stanovlenie yuridicheskogo termina kak protsess yuridizatsii obshchenarodnogo slova (diskursivno-semanticheskii analiz leksem s kornyami chest-i dobr-) [The Development of Law Terms As the Process of Juridization of Commonly Used Terms (Discourse and Semantic Analysis of Words That Include Roots -chest-, and -dobr-)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Moscow State University Bulletin], no. 4, pp. 212-242.
- Golev N.D., Irkova A.V., 2020. Sploshnoy sinkhronno-diakhronnyy semasiologicheskii analiz leksheskogo sostava teksta zakona (na materiale stat'i 152 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii) [Continuous Semasiological Analysis of the Lexical Composition of the Law Text (A Case Study of Article 152 of the Civil Code of the Russian Federation)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], no. 452, pp. 21-27. DOI: 10.17223/15617793/452/2.
- Golub N.N., Osadchiy M.A., 2012. Nechetkie opredeliteli v tekstakh pravovoy kommercheskoy dokumentatsii [Fuzzy Qualifiers in the Texts of Legal Commercial Documentation]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], no. 43 (52), pp. 124-27.
- Ziyangirova E.L., 2019. Yuridizatsiya leksem estestvennogo yazyka kak odin iz osnovnykh protsessov terminologicheskoy leksiki metazyka yurilingvistiki [Legalization of Natural Language Lexemes As One of the Main Processes of the Terminological Vocabulary of the Metalanguage of Jurislinguistics]. *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Bashkir State University], vol. 24, no. 3, pp. 625-629.
- Zuga O.V., 2020. Problemy vospriyatiya i interpretatsii sochinitel'nykh konstruktivnykh soyuzami i, ili v zakonodatelnykh aktakh Rossiyskoy Federatsii [Problems of Comprehension and Interpretation of Coordinating Constructions with the Conjunctions i and ili in Legislative Acts of the Russian Federation]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 3 (81), pp. 189-197. DOI: 10.26170/pl20-03-19.
- Irkova A.V., 2019. Predyuridicheskie i yuridicheskie smysly leksemy «grazhdanin» v obshchestvenno-politicheskom diskurse [Prejuridical and Juridical Meanings of a Lexeme “grazhdanin” (A Citizen) in Social-Political Discourse]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Philological Journal], no. 3, pp. 215-224. DOI: 10.17223/18137083/68/19.
- Irkova A.V., 2020. *Evolyutivnaya yuridizatsiya russkoy obshchenarodnoy leksiki: diakhronno-sinkhronnyy diskursivno-semanticheskii analiz leksem s kornyami chest-, grazhd-: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Evolutionary Juridification of the Russian common Vocabulary: A Diachronic-Synchronous Discursive-Semantic Analysis of Lexemes with the Roots chest-, grazhd-. Cand. phil. sci. abs. diss.]. Kemerovo. 25 p.
- Kabanov P.A., 2013. Yuridiko-lingvisticheskaya neopredelennost' kak korruptsiogennyi faktor [Legal and Linguistic Uncertainty As a Corruption-Causing Factor]. Lopashenko N.A., ed. *Prestupnost, ugovlnaya politika, ugovlnyy*

- zakon: sb. nauch. tr.* [Crime, Criminal Policy, Criminal Law. Collection of Scientific Papers]. Saratov, Sarat. gos. jurid. akad., pp. 462-465.
- Kosova M.V., 2004. *Terminologizatsiya kak protsess pereosmysleniya russkoy obshchenarodnoy leksiki: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Terminology As a Process of Rethinking Russian Common Vocabulary. Dr. philol. sci. abs. diss.]. Nizhny Novgorod. 51 p.
- Kudashkin A.V., 2010. Antikorruptsionnaya ekspertiza normativnykh pravovykh aktov, provodimaya organami prokuratury, – effektivnoe sredstvo protivodeystviya korruptsii [Anticorruption Expertise of Normative Legal Acts Carried out by the Prosecutor’s Office is an Effective Means of Combating Corruption]. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava* [Actual Problems of Economics and Law], no. 4, pp. 90-95.
- Lykova N.N., 2009. Frantsuzskie zaimstvovaniya v russkoy yuridicheskoy terminologii [French Borrowings in Russian Legal Terminology]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tyumen State University], no. 1, pp. 217-221.
- Murtazina G.M., 2010. Antikorruptsionnaya ekspertiza munitsipalnykh pravovykh aktov kak mera bor’by s korruptsией [Anti-Corruption Expertise of Municipal Legal Acts As a Measure of Prevention of Corruption Offenses in Local Self-Government Bodies]. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava* [Actual Problems of Economics and Law], no. 1, pp. 155-160.
- Novinskaya N.V., 2009. Terminologizatsiya raznykh chastey rechi [Terminology of Different Parts of Speech]. *Almanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Almanac of Modern Science and Education], no. 2-2, pp. 101-102.
- Simonov A.K. et al., eds. *Ponyatiya chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii: spornye teksty SMI i problemy ikh analiza i otsenki yuristami i lingvistami* [Concepts of Honor, Dignity and Business Reputation: Controversial Media Texts and Problems of Their Analysis and Evaluation by Lawyers and Linguists]. Moscow, Medeya Publ. 326 p.
- Postanovlenie Pravitelstva RF ot 26 fevralya 2010 g. № 96 «Ob antikorruptsiionnoy ekspertize normativnykh pravovykh aktov i projektov normativnykh pravovykh aktov» (s izmeneniyami i dopolneniyami) [Resolution of the Government of the Russian Federation No. 96 Dated February 26, 2010 “On Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts and Draft Regulatory Legal Acts” (As Amended and Supplemented)]. URL: <https://base.garant.ru/197633> (accessed 6 February 2021).
- Rodionova O.N., 2010. Antikorruptsionnaya ekspertiza [Anti-Corruption Expertise]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Russian Juridical Journal], no. 1 (70), pp. 158-162.
- Ryzhenkova T.V., 2001. *Spetsifika protsessa transterminologizatsii v otraslevoy terminosisteme: na materiale russkoy i angliyskoy terminologii pravovedeniya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Specificity of the Process of Transterminologization in the Branch Terminosystem: Based on the Material of the Russian and English Jurisprudence Terminology. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Volgograd. 21 p.
- Stemming teksta online. Vydelenie osnovy slova stemmerom Portera. Otsenka chastoty upotrebleniya slov v tekste [Online Text Stemming. Highlighting the Base of a Word with Porter’s Stemmer. Estimating the Frequency of Words in the Text]. *Gsgen.RU*. URL: <https://gsgen.ru/tools/dlina-seo-text> (accessed 6 February 2021).
- Tukhvatullin T.A., 2019. Antikorruptsionnaya ekspertiza normativnykh pravovykh aktov i ikh projektov: voprosy teorii i praktiki [Anti-Corruption Expertise of Normative Legal Acts and Their Projects: Theory and Practice]. *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian Justice], no. 2, pp. 9-11.
- Fedyukovskiy A.A., 2014. Etimologicheskii analiz russkogo yuridicheskogo termina «svidetel» [Etymological Analysis of the Russian Legal Term “Witness”]. *Pravookhranitel'naya sistema Rossii: sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Law Enforcement System of Russia: Its Condition and Prospects for Development]. Saint Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta upravleniya i ekonomiki, pp. 170-177.
- Hramtsova N.G. 2017. Metod diskurs-pravovogo analiza i yuridiko-pozitivistskoe poznanie prava [Method of Discourse-Legal Analysis and Legal-Positivist Knowledge of Law]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* [Legal State: Theory and Practice], no. 3 (21), pp. 75-80.
- Sharangiya S.Z., 2013. Nasilie, vina, nepreodolimaya sila: osobennosti yuridicheskoy konstruktssii terminov [Violence, Guilt, and Irresistible Force: Features of the Legal Construction of Terms]. *Sotsiokul'turnye korni nasiliya v sovremennom obshchestve: materialy mezhdunar. konf. (N. Novgorod, 1–3 noyab. 2012 g.)* [Social and Cultural Roots of Violence in Modern Society. Proceedings of the International Conference (Nizhny Novgorod, November 1–3, 2012)]. Nizhny Novgorod, Nauch.-issled. sotsiol. tsentr, pp. 648-652.

Shirinkina M.A., 2007. Slovesnye tekhnologii sovershenstvovaniya zakonodatelstva (na materiale nalogovogo kodeksa RF) [Verbal Technologies for Improving Legislation (Based on the Material of the Tax Code of the Russian Federation)]. *Yurislingvistika* [Legal Linguistics], no. 8, pp. 171-180.

Gsgen.RU – instrumenty veb-razrabotchika [Gsgen.RU – Web Developer Tools]. URL: <https://gsgen.ru/tools/dlina-seo-text> (accessed 6 February 2021).

SOURCES

Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii: feder. zakon prinyat Gos. Dumoy 21 okt. 1994 g. [Civil Code of the Russian Federation. Federal Law Adopted by the State Duma on October 21, 1994]. URL: <http://stgkrf.ru> (accessed 22 March 2018).

Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed 19 August 2019).

Information About the Authors

Nikolay D. Golev, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language and Literature, Kemerovo State University, Krasnaya St, 6, 650000 Kemerovo, Russia, ngolevd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0559-3007>

Anna V. Irkova, Candidate of Sciences (Philology), Senior Lecturer, Department of Russian Language and Literature, Kemerovo State University, Krasnaya St, 6, 650000 Kemerovo, Russia, a.irkova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0615-9931>

Информация об авторах

Николай Данилович Голев, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Кемеровский государственный университет, ул. Красная, 6, 650000 г. Кемерово, Россия, ngolevd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0559-3007>

Анна Валентиновна Иркова, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы, Кемеровский государственный университет, ул. Красная, 6, 650000 г. Кемерово, Россия, a.irkova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0615-9931>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.2>

UDC 81'282
LBC 81.025.7

Submitted: 27.04.2021
Accepted: 20.12.2021

CONCEPT "DRUZHBA" ("FRIENDSHIP") IN DIALECT SPEECH OF THE MIDDLE OB AREA ¹

Svetlana S. Zemicheva

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Anna A. Vasil'chenko

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Abstract. The work is based on records of dialect speech (the territory of Tomsk and Kemerovo regions). The reliability of the research is provided by the amount of speech samples (more than 600 contexts were analyzed). The novelty of the work is due to the appeal to the study of dialectal discourse as a phenomenon which includes literary and non-literary units and has specific extralinguistic parameters. The main research tool is the electronic corpus of dialect texts created by the authors of the article. In the course of the study, dialect units that were absent in published dictionaries were identified. It was found that friendship relations in dialectal discourse are most often associated with the following parameters: territorial community, participation in rituals, leisure, joint work, military service/participation in a war, home visits and refreshments. The specificity in comparison with representatives of urban culture consists in the prevalence of the parameter of territorial community over the others, the weak representation of the component "school friends", as well as in the fact that the component "mate" is not actualized. The influence of discursive parameters on the representation of the concept is revealed. Thus, a significant number of nominations for women's friendship is explained by the gender of the informants, and the weak representation of the conceptual component "conflict" – by the conditions of recording materials on the expedition. In the figurative layer of the concept "druzhba" ("friendship") in the dialect, semantic transfer from the sphere "Family" prevails, which also reflects the specifics of traditional culture. The value layer of the concept in the dialect includes ideal representations related to the past and opposed to the present. The described ideal of friendship presupposes mutual assistance, trust, openness, which corresponds to general Russian ideas.

Key words: traditional culture, dialectology, Siberian dialects of Russian, concept "druzhba" ("friendship"), dialect corpus.

Citation. Zemicheva S.S., Vasil'chenko A.A. Concept "Druzhba" ("Friendship") in Dialect Speech of the Middle Ob Area. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 2, pp. 19-34. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.2>

УДК 81'282
ББК 81.025.7

Дата поступления статьи: 27.04.2021
Дата принятия статьи: 20.12.2021

КОНЦЕПТ «ДРУЖБА» В ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ ¹

Светлана Сергеевна Земичева

Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия

Анна Анатольевна Васильченко

Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия

Аннотация. Работа выполнена на материале записей диалектной речи (территория Томской и Кемеровской областей). Достоверность исследования обеспечивается значительным объемом речевого материала (проанализировано более 600 контекстов). Новизна работы обусловлена обращением к диалектному

дискурсу как целому, включающему литературные и нелитературные единицы, а также имеющему специфические экстралингвистические параметры. Основным инструментом исследования является электронный корпус диалектных текстов, создаваемый авторами статьи и включающий диалектные единицы, отсутствующие в опубликованных словарях. Установлено, что отношения дружбы в диалектном дискурсе чаще всего связаны со следующими параметрами: территориальная общность, участие в обрядах, общий досуг, совместный труд, служба в армии / участие в войне, посещение дома и угощение. Специфика состоит в преобладании параметра территориальной общности над остальными, слабой представленности компонента «друзья по учебе», а также в неактуализированности компонента «приятельство». Обнаружено влияние дискурсивных параметров на репрезентацию концепта. Так, значительное число номинаций женской дружбы объясняется гендерным составом информантов, а неостребованность понятийного компонента «конфликт» – условиями записи материалов в экспедиции. В образном слое концепта «дружба» в диалекте преобладает семантический перенос из сферы «Семья», что также отражает специфику традиционной культуры. Ценностный слой концепта в диалекте включает идеальные представления, относящиеся к области прошлого и противопоставленные настоящему. Описываемый идеал дружбы предполагает взаимопомощь, доверие, открытость, что соответствует общерусским закономерностям.

Ключевые слова: народно-речевая культура, диалектология, русские говоры Сибири, концепт «дружба», диалектный корпус.

Цитирование. Земичева С. С., Васильченко А. А. Концепт «дружба» в диалектной речи Среднего Приобья // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 19–34. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.2>

Введение

Дружба как один из национально-специфичных концептов неоднократно была предметом изучения на материале как русского, так и других языков [Арапова, 2004; Арапова, Гайсина, 2005; Вежбицкая, 2001; Вендина, 2020, с. 505–512; Иванова, 2020; Коняева, 2015; Приходько, 2016; Рябкова, 2013; Тарасова, 2007; Урысон, 2003; Хаметова, 2010; Шмелёв, 2005; и др.]. Подробный обзор работ на русском языке сделан Т.В. Леонтьевой [Леонтьева, 2016а]. Ею же проведен мотивационный анализ диалектных лексем, репрезентирующих понятие «дружба» в русских говорах [Леонтьева, 2011]. Установлено, что при обозначении дружбы в диалекте центральное положение занимает идея единства, важны также внешние проявления дружбы (в частности, хождение в гости). Кроме того, сделано интересное наблюдение-гипотеза: «информанты-диалектоносители произносят слово *друг* с осторожностью, легкой насмешкой, смущением, так что становится ясно: в их сознании смысл ‘духовная близость (о друзьях)’... то ли не актуализирован, то ли дискриминирован, то ли табуирован, то ли видоизменен, и это должно служить предметом отдельного исследования» [Леонтьева, 2016б, с. 346].

Этой цитатой вдохновлено появление настоящей статьи. Ее цель – описать пред-

ставления о дружбе, реализованные в дискурсе носителей народно-речевой культуры. Новизна исследования обусловлена тем, что оно базируется на анализе целостных текстов (хотя это понятие к диалектному материалу применяется условно, поскольку он представляет собой письменную расшифровку устной речи). При этом в фокусе внимания оказываются не только собственно диалектные, но и литературные слова.

Добавим, что исследование семантики и функционирования общерусских слов, используемых в диалектной речи, является одним из актуальных направлений диалектологии. Появление полных словарей (АОС, ВС, ПОС) показало, что многие единицы литературного языка в диалектной речи имеют смысловые особенности, нередко сохраняют архаические элементы значения [Грицкевич, Новиков, 2011; Демешкина, 2002; Нефёдова, 2010; и др.].

Материал и методы

Для данной работы важно понятие дискурсивной картины мира, которая рассматривается как «часть языковой картины мира, воплощенная в тексте, текстах, порождаемых в некоем типовом социально-психологическом контексте с типовыми коммуникантами» [Резанова, 2011, с. 26]. Дискурсивная картина мира предстает не только как система кон-

цептов, объединяющая коммуникантов, но и как тип коммуникации, вплетенной в типовые ситуации социальной деятельности [Резанова, 2011, с. 42].

Дискурсивный подход в диалектных исследованиях был впервые заявлен в работе В.Е. Гольдина [Гольдин, 1997]. Диалект в рамках такого подхода понимается как устная разновидность языка, имеющая своеобразные социальные (речь сельских жителей старшего поколения) и коммуникативные (экспедиционные условия записи) характеристики [Демешкина, Тубалова, 2017; Калиткина, 2015; и др.]. Инициатором общения выступает диалектолог (собиратель), приехавший из города. Вместе с тем, как замечает Г.В. Калиткина, «в условиях диалога с “чужаком” рядовой носитель традиции выступает и носителем группового самосознания» [Калиткина, 2015, с. 170–171]. Коммуникативная ситуация чаще всего предполагает общение людей одного пола (женщины), различных по возрасту (молодые собиратели, пожилые информанты) и уровню образования (собиратели – студенты или преподаватели университета, информанты – малограмотные сельские жители). При этом превосходство собирателей по уровню образования отчасти компенсируется превосходством информантов по возрасту, что уравнивает их позиции. Степень непринужденности разговора в экспедиционных условиях может быть разной и зависит как от ситуации, так и от личных качеств коммуникантов.

Концепты в данной работе понимаются как «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [Карасик, 2009, с. 24]. Исследование диалектной речи с данных позиций представлено в ряде работ (см., например: [Вендина, 2020; Грицкевич, Новиков, 2011; Гынгазова, 2019; Демешкина, 2002; и др.]). Добавим, что анализ, проводимый на уровне концепта, позволяет выявить своеобразие жизненного опыта крестьян по сравнению с носителями литературного языка [Гынгазова, 2009; Иванцова, 2018], а также специфику ценностного слоя традиционной культуры [Гынгазова, 2006].

В.И. Карасик выделяет понятийную, предметно-образную и ценностную составляющие культурного концепта. Понятийная сторона концепта – это языковая фиксация концепта, словарная дефиниция репрезентирующих его понятий, его признаковая структура; предметно-образная составляющая концепта понимается как представление концепта в сознании индивида через ассоциацию с каким-либо предметом, качеством, событием; ценностная сторона концепта соотносится со значимостью этого феномена как для индивидуума, так и для коллектива [Карасик, 2002, с. 89–116]. Описание этих сторон, или слоев, концепта определяет методику настоящей работы. В ходе исследования использовались приемы контент-анализа, интерпретации, классификации, сравнения, количественных подсчетов.

Сбор материала проводился в 2 этапа: на первом из диалектных словарей (СРСГ, СРСГД, СС, СОС) были выбраны единицы, в толковании которых есть лексемы с корнем *-друг/-друж-*. Учитывались также данные «Идеографического словаря диалектной языковой личности» (ИСДЯЛ), включающего как диалектные, так и литературные единицы. На втором этапе отбирались контексты с этими единицами из Томского диалектного корпуса. Корпус представляет собой электронный ресурс на основе архива диалектных записей, сделанных с 1947 по 2019 г. на территории Среднего Приобья (Томской и Кемеровской областей). В настоящее время корпус насчитывает более двух миллионов словоупотреблений. Для данной статьи использовались, как правило, относительно поздние записи (сделанные с конца 70-х гг. по настоящее время и представляющие собой не отрывочные ответы на лингвистические опросники, а связные тексты воспоминаний о сельской жизни и быте, приближенные к естественной коммуникации, в том числе собственные экспедиционные записи авторов статьи объемом более 50 часов).

При сборе материала выбирались только те единицы, которые непосредственно относятся к понятию дружбы; номинации, относящиеся к другим семантическим полям (*раздру'жба* – ссора, *друг* – ‘возлюбленный’), не рассматривались в связи с тем, что они исследованы в работах предшественни-

ков [Вендина, 2020, с. 505–512; Леонтьева, 2011]. Не учитывалось использование слов-репрезентантов концепта в фольклоре, так как он отличается от диалекта по ряду дискурсивных параметров.

Всего было собрано и проанализировано более 600 высказываний. В полученной выборке информантами в большинстве случаев выступают женщины (85 % текстов) в возрасте от 55 лет и старше. Уровень образования почти в половине текстов (42 %) не указан. Среди информантов, о которых эти сведения есть, представлены примерно в равных долях неграмотные (22 %), имеющие начальное (19 %) или неполное среднее (17 %) образование, реже отмечается полное среднее или среднее специальное (8 %), в отдельных случаях – высшее образование (2 %).

Результаты и обсуждение

Место концепта

в диалектной концептосфере.

Частотные характеристики единиц

На основе собранных материалов было сформировано номинативное поле концепта «дружба» в диалектной речи Среднего Приобья, включающее более 30 единиц. К наиболее частотным относятся *подружка* (212 употреблений)², *подруга* (115), *друг* (90). Эти единицы образуют ядро концепта. Кроме того, частотные характеристики отражают гендерную диспропорцию материалов корпуса: преобладают номинации женской дружбы (*подруга*, *подружка*).

Промежуточное положение между ядром и периферией занимают номинации *товарищ* (67), *дружный* (65), *дружно* (62), *дружить* (37).

Чтобы определить место дружбы в диалектной концептосфере, приведем частотные характеристики некоторых других лексем, обозначающих социальные отношения. Несомненно, наиболее важной разновидностью социальных связей в диалектной культуре является родство (*отец* – 2465 употреблений в Томском диалектном корпусе, *мать* – 1794, *муж* – 1398, *жена* – 695); более частотны по сравнению с обозначениями друга также лексемы *гость* (340), *со-*

сед (293), менее частотны единицы *знакомый* (85), *враг* (85). На основе этих данных можно предположить, что концепт «дружба» характеризуется меньшей коммуникативной выделенностью по сравнению с такими концептами, как «родство», «гостеприимство», «соседство».

Специфика номинативного поля концепта

В номинативном поле концепта обращает на себя внимание невербализованность понятия «приятельство» (*приятельница* – 1, *приятель* – 0).

Некоторые из единиц, образующих периферию понятийного поля, отсутствуют в словарях современного литературного языка или характеризуются как устаревшие / просторечные: *това'рка* 'подруга' (7), *дру'жливый / дружлив'вый* 'дружелюбный' (3), *дружело'бый* 'дружный только с одним человеком' (1), *друже'ствый* 'дружеский' (1), *дру'жность* 'дружба' (1), *задружи'ться* 'подружиться' (1), *совет* 'дружба, согласие' (1), *сове'тно* 'дружно' (1). Таким образом, хотя в номинативное поле концепта входят нелитературные единицы, основная часть их не имеет смысловых отличий от литературного языка.

Специфику традиционной культуры отражает использование имени прилагательного *дружелю'бый*:

(1) Дружелю'бый – есть такие, дружно живут. Две подруги вот какие дружелю'бые, никакого больше человека не принимают, самолюбки какие, только друг друга любите, а те нехорошие (Колп. Сар.) (СС, ч. 1, 1983, с. 96).

Это слово представлено в единичном примере, поэтому требует дополнительной верификации. В «Псковском областном словаре» обнаруживается глагол *дружелю'бить*, причем контекст сходен с представленным выше:

(2) Евреи друг друга дружелюбили, а наш народ не такой (ПОС, вып. 10, 1994, с. 15).

В обоих примерах заложена идея противопоставления малой группы коллективу в целом. Такое поведение не одобряется в тра-

диционном обществе, что указывает на приоритет социальных отношений по сравнению с межличностными и согласуется с наблюдениями Т.В. Леонтьевой о специфике дружбы в диалектной культуре [Леонтьева, 2011, с. 204–205].

Кроме того, выборка текстов из диалектного корпуса позволила выявить 2 единицы, которые отсутствуют как в диалектных словарях среднеобского региона, так и в СРНГ: *сдружа*, *отдружи'ть*. Рассмотрим их подробнее.

Слово *сдружа* зафиксировано в единичном употреблении, без ударения:

(3) Немец венге'р, румын против нас пустил, болгар не пустил. Югославы сами защищались. Болгар немец совсем не пустил. Они – славяне, с нами сдружа (м., 1910 г.р.).

По всей видимости, это наречие, используемое в функции сказуемого (как *сродни*); значение его можно сформулировать так: 'находясь в дружеских отношениях'.

Глагол *отдружи'ть* также встретился один раз, но в достаточно развернутом контексте:

(4) Видели, дак собак уже сколько съел [волк]. С одной собакой дружил-дружил, напоследки съел её. В сенки ходил, дружил-дружил, а потом собаки не стало, съел, всё. [смеётся] Ну так отдружи'л, такой друг (ж., 1933 г.р., начальн.).

Сходный пример приводится в словаре В.И. Даля:

(5) Отдружил ты мне за добро худом, отомстил, воздал (Даль).

При этом значение, сформулированное в данном источнике ('перестать дружить, не дружить более') представляется не вполне соответствующим контексту. Завершение дружбы в обоих примерах – скорее следствие неких действий, обозначаемых глаголом. С учетом контекстов более точным было бы толкование 'ответить на дружбу'. При этом в обоих случаях на дружбу отвечают злом; неясно, можно ли *отдружить* добром, то есть является ли эмоциональный компонент частью семантики слова или он факультативен.

Понятийный слой концепта

В рамках дискурсивного подхода, принятого в настоящей работе, для реконструкции структуры понятийного слоя концепта проводился не анализ словарных дефиниций, а контент-анализ высказываний. Они были классифицированы по тематическому основанию.

Результаты анализа показали, что концепт «дружба» в диалектном дискурсе включает следующие компоненты: 1) «территориальная общность»; 2) «совместное участие в обрядах»; 3) «праздники, общий досуг»; 4) «совместный труд»; 5) «совместная служба в армии / участие в войне»; 6) «посещение дома друга с обязательным угощением»; другие упоминаются реже. Значительную часть контекстов (около 40 %) не удалось отнести ни к одному из типов, так как в них номинации дружбы лишь упоминаются, но характер отношений не описывается подробно.

Далее рассмотрим каждый из названных компонентов.

1. Для диалектного дискурса очень важна дружба по принципу проживания на одной территории (70 примеров):

(6) Подруги, конечно, были. Мы вообще дружно жили на нашей улице (ж., 1933 г.р., ср. спец.);

(7) Деревня дружной была, вот Трёхусье [соседнее село], там недружный народ был (ж., 1939 г.р., неполн. ср.);

(8) Как мы стари'нны праздники справляли? От – Па'ска. К ей стряпали, готовили всё на свете. Гостей ждали. Гостей много понаезжа'ло из других деревень. Это как между деревня'ми дружба (ж., 1905 г.р.).

Круг тех, кого называют друзьями, может варьироваться у разных информантов: от проживания на одной улице (пример (6)) до населенного пункта в целом (7); в отдельных случаях эта граница может расширяться и за его пределы (8).

При встрече с земляками даже после долгой разлуки общаются близко и открыто:

(9) Маленько выпил чуть-чуть, друг старый. Десять лет не вида'лись мы. Сусе'д мой был. Попроедать заехал всех. Живёт, шахты там – Домба'сс (м., 1903 г.р., неграм.).

Таким образом, дружба в сельском социуме связана с понятием соседства.

В контексте проживания на одной территории затрагивается тема межнациональных отношений. В исследуемом регионе проживают представители разных национальностей, в их числе – коренные народы Сибири (селькупы, ханты, шорцы, эвенки и др., часто обозначаемые как *остяки'*, *яса'иные*), а также татары, чувашы, мордва, евреи, ссыльные украинцы, немцы, поляки, прибалты и др. В дискурсе сибирских крестьян постулируется необходимость мирного сосуществования в условиях соседства разных этносов:

(10) И вот сколько народу жили, а народ дружный был. Дружно. Русский с остяка'ми не узна'шь. Приехал наш табун, русские и остяки', не заметишь (м., 1879 г.р., начальн.);

(11) А, это, потом этих, латышей, присылали суда. <...> А потом им разрешили уехать, оне' все уехали на место. <...> Моя она подружка была, ну, она моло'денька была. Она меня, может, лет на десять, на пятнадцать моложе. Она мне то'ко недавно, с перестройки не стала. А то мне всегда пишет. (ж., 1928 г.р., неполн. ср.)

Лексема *друг* может использоваться как обращение к представителю другой национальности, чтобы показать свой настрой на сотрудничество:

(12) [А на русском разговаривали?] Разговаривали, ну «друг» – это всё от у них поговорка, они русских всё «друг», «друг» называли. Но остяки' тут были, от сам, целый посёлок был (м., 1907 г.р., начальн.).

2. Неотъемлемой частью традиционной культуры является обряд (59 текстовых фрагментов). Взаимосвязь концепта «дружба» с концептом «свадьба» проявляется в обозначении свадебных чинов (*дру'жка*, *дружко'*, *дружок* и др.), на текстовом уровне также чаще всего упоминается о сватовстве, свадебном обряде:

(13) Ну ходил, приходил, сватал, конечно. [А кто приходил?] Друзья его. Мать и отец были (ж., 1926 г.р.);

(14) Утром, да, перед свадьбой. Моят в бане подружки, одевают, всё чисто на неё [невесту] (ж., 1921 г.р.);

(15) Украл себе невесту он. Поехал, познакомился, а на следующий день с товарищем поехали

и привёз её прям в холщовой юбке к дяде (ж., 1901 г.р., начальн.).

Другие обряды (похоронный, крестильный) упоминаются реже:

(16) В деревне дружили. Хре'сьбины были, отве'дки, когда родишь, уже к нам приходили, вот всё, все это хре'сьбины делали. Всё равно. Ну жили так в деревне дружно мы (ж., 1941 г.р., ср. спец.).

Отметим, что высокая частотность темы «Свадьба» обусловлена не только значимостью этого события, но и условиями сбора материала (в экспедиции вопрос о свадьбе задается чаще других).

3. Для дружбы важно совместное проведение досуга (43 примера). Под досугом при этом понимается, во-первых, время отдыха от работы:

(17) Пели. Мы с подружкой сильно хорошо пели. Таки' голоса у нас были. Тут ба'ушки одни, пойдём из клуба, когда поём, так одна ба'ушка выходила: «Ой, девчонки, так я не вытерпела, так и вышла». Шо вас слушать. Пели с ней хорошо (ж., 1929 г.р.);

во-вторых, календарные праздники:

(18) На Ма'сленке ката'лися на лошадях. У нас подружки были. Ка'жна должна свои круги откатать. Ой, в Ма'сленку ши'бко было в Богосло'вке весело! На конях, да ишо' и с гармошкой, как-то весело (ж., 1914 г.р., неграм.).

В новых текстах упоминаются и семейные праздники, отмечаемые вместе с друзьями (день рождения, годовщина свадьбы).

4. Совместная трудовая деятельность как объединяющее начало – частотное основание для дружбы (48 примеров):

(19) И вот у меня тоже подружка, она умерла, Тася, вместе с ей коров доили (ж., 1934 г.р., неполн. ср.).

5. В мужских текстах основанием для дружбы нередко является служба в армии или участие в военных действиях (30 примеров):

(20) После брали е'ю [дядю] на кита'йску войну. Я уж больша' была. Дед е'ю иконой бла'гославлял: «Будь мужествен. Бере'и друзей своих», а мир плачет (ж., 1901 г.р., начальн.).

По прошествии многих лет именно фронтовых друзей вспоминают как самых близких, даже если связь с ними прервалась:

(21) Был у меня один такой друг, под Москвой в тридцати километров город был Щёлков[о], вот задушевный был друг. Пили, ели, всё делили, письма читали, всё вместе и кода' он ещё живой был, где-то в Эстонии потерялся. Убило его говорят. <...> У меня адресу его не было. Я его и потерял, а с этим другом мы всё время переписывались до самого последу. <...> Хотелось свово' задушевного друга увидеть, кака' у него жись, ведь ни разу я его после войны не встретил (м., 1915 г.р.).

6. Для поддержания дружеских отношений важно посещение дома друга (всего зафиксирован 21 пример):

(22) Ну а так у меня была подруга, она умерла раньше тоже. <...> И мы как сёстры, как родные с ней. Она ко мне ходила семьёй, а мы к ней (ж., 1933 г.р.).

В таких случаях переплетаются представления о дружбе и гостеприимстве. Отмечается, что друзья могут приходить в гости без приглашения:

(23) Вот, допустим, у меня сегодня там день рождения. Ко мне друзья идут, я их не приглашаю, они сами идут. А я уже знаю, что они придут, вот (ж., 1925 г.р., ср. спец.).

Обязательным атрибутом дружеских отношений в крестьянской среде является совместное застолье, причем не только во время праздников, но и в будни:

(24) Я пришла, допустим, к подружке – это были обязан, как говорится, садились и ели. Ко мне пришли, вот мои подружки – мы садились и ели. Никогда ничего не было запретного, чтобы пришёл и не накормили (ж., 1952 г.р., ср. спец.).

Среди более редких компонентов концепта можно отметить следующие.

7. Совместная учеба как основание дружбы (14 примеров) появляется в поздних текстах, что отражает специфику условий жизни: для сельских жителей старшего поколения эта сфера либо представляет собой лакуну (учились мало, не учились вообще), либо переплетается с другими отношениями (по-

нятие «одноклассники» совпадает с более широким «односельчане»):

(25) Вот с ней мы дружили, мы и техникум с ней вместе заканчивали, она только уехала работать в Омутинский район Тюменской области, а я вот в Ханты-Мансийск, три года отработала там (ж., 1932 г.р., ср. спец.).

Кроме того, неактуальность связана и с возрастом информантов:

(26) Мы дружим, вместе. Учились с кем вместе там это, уже... уже я вот некоторых и не помню даже, с кем училась, что училась, так это вот, с кем видишься, того помнишь, а так уже забывать стала (ж., 1933 г.р., ср. спец.).

Вместе с тем в некоторых текстах упоминается, что друзья могли выступать в роли наставников, вне рамок учебных заведений:

(27) Училса [грамоте] самоу'ком от товарищей (м., 1884 г.р., начальн.).

8. В мужских текстах дружба связана с совместной охотой (6 примеров):

(28) Охотились они двое, с товарищем (м., 1927 г.р., неполн., ср.).

9. В отдельных случаях упоминаются общие шалости, объединяющие друзей:

(29) Никуды'шны щас стали [молодые], старух раньше боялись. Раз мы полезли с подругой за морко'вей, она спрыгнула и оттудова зацепилас за частокол и пове'силаса, ну над этой морко'вей со смеху умерли (ж., 1892 г.р.).

10. Обман, предательство, ссоры с друзьями упоминаются изредка:

(30) Пе'рво подружка моя была, потом су-пе'рница стала (ж., 1909 г.р., начальн.).

Неактуализированность последнего аспекта объясняется, по-видимому, условиями сбора материала (о конфликтах предпочитают не рассказывать малознакомым людям).

Таким образом, дружба мыслится в первую очередь как отношения между людьми. На периферии есть представление о

дружбе с животными (пример (31)), а также о политических отношениях России с другими странами (32):

(31) А без собаки охотник не охотник, потому что он запаха не имеет никакого, а собака, это милое дело, правильно грят, что друг человека (м., 1923 г.р., неполн. ср.);

(32) Тогда меня в третий батальон назначили. У меня удостоверение было на медаль за взятие Праги. Под послед двадцать тысяч лошадей выгнали из Германии. Тепе'ря они там друзья, а мы тогда у них ко'ней отобрали (м., 1896 г.р., неграм.).

Основная «функция» друга – помощь, взаимовыручка.

Реже упоминается о том, что друг может научить чему-то, дать совет, оказать моральную поддержку:

(33) Мне подруга сказала: не смотри ни на что, выходи за него, парень хороший. Съездили в райисполком, залегистри'ровались (ж., 1902 г.р., начальн.).

Духовная близость, общие взгляды как основа дружбы упоминаются в единичных примерах:

(34) У нас была учительница по немецкому, мы с ней дружно жили, а она вроде это, верила, и я в Боуа верую с, с молодых лет (ж., 1934 г.р., начальн.).

Вероятно, это обусловлено тем, что сельские жители в целом разделяют общую систему ценностей, поэтому выбор «друга по интересам» не актуален.

Эмоциональный аспект концепта «дружба» включает представление о совместно переживаемых положительных эмоциях (регулярно сочетаются в контекстах наречия *дружно* и *весело*). Упоминается также о сочувствии к подруге, общем переживании горя (пример (35)), об уважении со стороны друзей, о любви к подруге (36):

(35) <Вперёд> вышла замуж подружка моя. Против жила. Выдали её за нелюбимого парня. Сильно богатой был. Да ёна не хотела, отец её бил, подружка моя красавица была, тоже сиротой росла <...> Да пошла подружка, я тоже плакала с ей. На е'йной свадьбе была (ж., 1901 г.р., начальн.);

(36) К Марии Брониславовне сходите! К моей подруге, она вообще интересно разгова'риват! Сходите к ней, она такая, это... она такая, мм, она хоро-

шая, она очень хорошая. <...> Я её люблю, это моя подруга, подруга это, можно сказать, чуть не сестра (ж., 1939 г.р., неполн. ср.).

Эмоциональный аспект нередко представлен через отрицание:

(37) Ну, жили так в деревне дружно мы, не было такого, чтоб там на кого-то зло такое, ненависть была такая, все жили (ж., 1941 г.р., ср. спец.).

В таких контекстах дружба понимается как отсутствие вражды, злонамеренности, зависти, жадности.

Таким образом, дружба в диалекте предстает прежде всего как деятельное участие в жизни другого человека. Представление о духовной связи, эмоциональные компоненты концепта, напротив, относятся к периферии. Эти выводы согласуются с наблюдениями Т.В. Леонтьевой.

Образный слой концепта

В соответствии с подходом, разработанным О.И. Блиновой и Е.А. Юриной, под образными понимаются единицы, характеризующиеся двуплановой семантикой, выраженной посредством метафорической внутренней формы. В их число включаются собственно образные слова, фразеологические и компаративные обороты (СОС, с. 6–7).

Номинативное поле концепта «дружба» в исследуемых материалах практически не включает слов с метафорической внутренней формой, за исключением единиц *совет* и *советно*. Т.И. Вендина отмечает, что в подобных номинациях актуализируется компонент речевого взаимодействия, а следы прежнего значения сохраняются в традиционном свадебном пожелании «совет да любовь» [Вендина, 2020, с. 208].

К образному слою концепта «дружба» в речи сельских жителей Среднего Приобья можно отнести ряд сравнений (основная часть выявлена при анализе корпусных материалов, некоторые фиксируются в опубликованных словарях): *как вроде одной семьей, как два брата, как две сестры, как дочь родна', как родные, как свои, как <на'званные> сёстры, лучше дочери родной*. При моделировании данной сферы востребован перенос из сферы «родственные отношения». Сходные явления отме-

чаются также в других говорах и типичны для диалектной культуры [Вендина, 2020, с. 509–510; Леонтьева, 2011, с. 201–204].

Именно семья является для диалектоносителя эталоном межличностных отношений, основанных на взаимовыручке, поддержке, доверии. Сфера дружбы характеризуется через сравнение с этим образцом:

(38) Но как-то жили все дружно [в посёлке], как, как вроде одной семьёй (ж., 1931 г.р.).

Особый интерес представляет словосочетание *названные сёстры*, характеризующее особенно близкие, доверительные отношения двух женщин-односельчанок, знакомых с детства:

(39) Мы не подруги, мы уж как на... на'званные как сёстры, с ней, сёстры. Машенька, мы всегда, встретимся, поцелуемся, друг друга мы (ж., 1939 г.р., неполн. ср.).

Эта номинация отсылает к отношениям посестримства (побратимства), которые представляют собой «искусственно создаваемые – через свободный, преимущественно, выбор и определенный обряд – отношения родства» [Громыко, 1991, с. 70]. М.М. Громыко отмечает, что обычай побратимства «отражает народный идеал духовной близости, максимально выраженного содружества» [Громыко, 1991, с. 89–90].

К образному слою концепта «дружба» можно отнести также атрибутивные лексемы, моделирующие дружеские отношения на основе представлений о физических свойствах (*крепко дружили*) или пространственных категориях (*близкие друзья*). Имя прилагательное *задушевный* указывает на связь исследуемого концепта с духовным началом в человеке. Эти модели типичны для русской языковой картины мира в целом.

Ценностный слой концепта

В работе О.А. Араповой дружба характеризуется как нормативный концепт. «Обыденное сознание трактует его в модусе долженствования, а не бытия» [Арапова, 2004]. В диалектном дискурсе о дружбе можно выделить и «модус реальности», и «модус долженствования». К пер-

вому из них относится большинство примеров, приведенных выше.

Представление о должном актуализируется через базовую для традиционной культуры оппозицию «раньше – теперь». При этом тексты, реализующие ее, записаны в разные временные периоды – с конца 60-х гг. по настоящее время. Независимо от даты записи текстов, прошлое идеализируется. Описываемый идеал дружбы включает прежде всего представления о взаимопомощи и бескорыстии:

(40) Ну жили всё мы очень дружно. Если горе случи'лося, то всей деревней помогали. Если похороны были, свадьба, уже всей деревней (ж., 1934 г.р., начальн.).

В современности, по мнению информантов, эти ценности исчезают:

(41) Раньше дружне' люди жили, пособляли друг дружке, шас не допро'сисся, к кому пойти – им всё некогда (м., 1903 г.р., неграм.).

Дружба связана с понятиями доверия, открытости, воспринимаемыми как утраченная ценность:

(42) Хорошо жили, дружно жили люди, мы никогда не закрывались на ночь! Вот в Карсях помню, я никогда даже привычки не имела, чтоб я на ночь дверь закрыла (ж., 1925 г.р., ср. спец.).

Трансформация народной культуры ведет к исчезновению традиций гостеприимства, застолья:

(43) М.И. А шас да, а шас, ведь уо'споди, бо-яты каждый к себе позвать. То паласы затопчут, то шторы порвут, то ишо' что-нибудь.

Л.А. То много съедят [смеются].

М.И. То много съедят, да-да-да, всё (ж., 1931 г.р.).

Современность характеризуется как время разрушения этических норм, традиционное застолье превращается в пьянство:

(44) А тапе'рь-то жи'зня не глянется нам, шас всё не так, раньше и гуляли весело, дружно, а шас мужики напьются, режуся, не ндра'вится нам это (ж., 1896 г.р., неграм.).

Не одобряется и другая крайность – отсутствие друзей, которое, по мнению старшего поколения, характерно для молодых:

(45) Я вот щас про своих про молодых, чё им, по двадцать три года, у них никаких, чтобы они там вечером куда-то собрали'сь, сказали: «Баба, ну посиди», девчонка уснёт, куда-то бы сходили, с друзьями посидели – не-ет, им не надо. <...> Их почему-то никуда не ма'нит, они никуда, у них нет ни друзей, никаких ни схо'дбишев, ничё нету у них. А мы нет, мы время проводили, у нас хватало время и на это дело. Погулять-то тоже, находили время (ж., 1927 гр., неполн. ср.).

Таким образом, практически во всех приведенных выше контекстах репрезентанты концепта «дружба» имеют позитивные коннотации, однако в редких случаях (14 высказываний, что соответствует около 3 % проанализированного материала) отмечаются и негативные.

Первая группа таких примеров – рассказы о неподобающем поведении, где обозначения друзей могут приобретать коннотации осуждения:

(46) Галя [дочь] у меня тут свихну'лася без меня, нашлись подружки гуля'шшые, куря'шшые. От она пошла не по хорошим путям (ж., 1943 гр., начальн.).

В этих случаях речь идёт о друзьях не самого информанта, а членов его семьи; не одобряется пьянство, курение, распутство, в которое родственника вовлекают такие друзья.

Вторую группу образуют контексты, где обозначения друга или подруги используются как обращения с оттенком иронии.

(47) Беру я снимаю башмаки свои (а переход с здания в здание небольшой). Грязными башмаками, как будто кто-то по потолку прошёл. И с чистой совестью сидим в спортзале. Ну и все идут: о, а-ха-ха, о, кто-то прошёл, о, вот. Ну а чё, у нас Сан Саных был, вёл там электрическую централизацию. <...> «Ну-ка идите сюда, друзья, чья работа?» (м., 1950 гр., ср. спец.);

(48) Аксинья мылась, мылась у меня в бане зимой, а потом и говорит: «Ты знашь чё, дорога' това'рка, я у тебя в бане заразилась. Сыпь изде'лалась» (ж., 1909 гр., начальн.) (ПСДЯЛ, т. 4, 2012, с. 184).

В таких случаях негативные коннотации обусловлены жанром (чаще всего это упрек).

Однако существование примеров подобного рода не ограничено рамками диалектно-

го дискурса. Так, использование диминутива *дружок* в качестве иронически-неодобрительного обращения фиксируется в словаре С.И. Ожегова (с пометой «просторечное») (Ожегов) (ср. также форму множественного числа *дружки*, имеющую явные негативные коннотации).

Таким образом, согласно нашим наблюдениям, негативные коннотации у репрезентантов концепта «друг» нерегулярны и ситуативно обусловлены. Они не существуют изолированно, а проникают из диалекта в другие подсистемы языка.

Выводы

Концепт «дружба» в диалектной речи тесно связан с наиболее важными сферами жизни крестьянина: семьей, работой, обрядом, домом, едой, при этом по сравнению с другими видами социальных отношений дружба характеризуется слабой коммуникативной выделенностью, что отражается в меньшей частоте репрезентантов концепта.

Ядро понятийного поля концепта в диалектной речи совпадает с литературным языком, на периферии отмечаются единицы, которые находятся за его рамками. Результаты контент-анализа высказываний диалектного дискурса показали, что дружба в сознании коммуникантов прежде всего связана с общностью территории (21,2 %), обрядами (17,8 %), совместным трудом (14,4 %) и досугом (12,9 %); эти результаты отражают своеобразие традиционной культуры, ее характерные ценности. Реже упоминаются служба в армии и участие в военных действиях (9 %), учеба (4,2 %), охота (1,8 %), совместные шалости (1 %), конфликты (1 %). Как представляется, неактуальность компонента «друзья по учебе» обусловлена особенностями жизни, а также возрастом информантов и может рассматриваться как одна из характерных черт диалектного дискурса. Невостребованность понятийного компонента «конфликт» объясняется, по-видимому, экспедиционными условиями записи речи.

В сравнении с литературным языком выявлена лакуна: неактуально для диалектного дискурса понятие «приятельство». Можно предположить, что крестьянский социум в

целом формирует достаточно сильные связи между его членами, поэтому представление о слабых связях оказывается неактуальным.

В образном слое концепта преобладает семантический перенос из сферы «семья», которая занимает ведущее положение в диалектной концептосфере. О.А. Арапова и Р.М. Гайсина отмечают, что подобный семантический перенос «представляет собой регулярное ментальное образование, свойственное обыденному сознанию рядового носителя русского языка и в настоящий момент активно эксплуатирующееся в сфере жаргонного словоупотребления (*братва, братки, братан*)» [Арапова, Гайсина, 2005, с. 70].

Для ценностного слоя концепта в диалекте характерно наличие идеальных представлений, которые относятся к области прошлого и противопоставлены настоящему. Описываемый идеал дружбы предполагает взаимопомощь, доверие, открытость. Такие представления типичны для русской языковой картины мира в целом.

Полученные результаты позволяют уточнить наблюдения о специфике концепта в диалекте, сделанные Т.В. Леонтьевой при исследовании словарного состава русских говоров. Подтверждается вывод о том, что в диалектном дискурсе внешние проявления дружбы (совместная деятельность, взаимопомощь) упоминаются чаще, чем внутренние переживания. Однако необходимо отметить, что эмоциональный аспект все же представлен: дружба связана как с позитивными чувствами (веселье, радость, любовь, доверие), так и с негативными (совместное переживание горя).

Понятие «друг» может приобретать негативные коннотации (в частности, в жанрах порицания или упрека), но число таких примеров невелико (около 3 % высказываний). Таким образом, предположение Т.В. Леонтьевой о том, что репрезентанты концепта «дружба» в диалекте часто окрашены насмешкой, иронией, не подтверждается количественными данными. В большинстве случаев дружба воспринимается нейтрально или позитивно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья выполнена за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10015 «Разра-

ботка электронных ресурсов для исследования народно-речевой культуры Среднего Приобья»).

The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project number 19-78-10015 “Development of electronic resources for the study of the folk speech culture of the Middle Ob region”.

² При подсчетах указано использование слова в значении, относящемся к концепту «дружба», прочие значения не учитывались; для слова *друг* омонимия снята.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арапова О. А., 2004. Концепт «дружба»: системный и функционально-когнитивный анализ : дис. ... канд. филол. наук. Уфа. 242 с.
- Арапова О. А., Гайсина Р. М., 2005. Дружба // Антология концептов. Т. 1 / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград : Парадигма. С. 58–80.
- Вежицкая А., 2001. Понимание культур через посредство ключевых слов. М. : Яз. слав. культуры. 288 с.
- Вендина Т. И., 2020. Антропология диалектного слова. М. ; СПб. : Нестор-История. 684 с. DOI: 10.31168/4469-1776-1.
- Гольдин В. Е., 1997. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии : дис. ... д-ра филол. наук в виде науч. докл. Саратов. 52 с.
- Грицкевич Ю. Н., Новиков В. Г., 2011. Концепт «мода» в диалектном дискурсе // Вестник Псковского государственного педагогического университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. № 15. С. 77–80.
- Гынгазова Л. Г., 2006. О концепте «Воля» в индивидуальном сознании носителя традиционной речевой культуры // Актуальные проблемы русистики. Вып. 3. Языковые аспекты регионального существования человека. Томск : Изд-во Том. ун-та. С. 220–229.
- Гынгазова Л. Г., 2009. Ценностная картина мира диалектоносителя: к проблеме лакунарности // Лакунарность в языке, картине мира, словаре и тексте : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Т. И. Стекловой. Новосибирск : Изд-во НГПУ. С. 115–122.
- Гынгазова Л. Г., 2019. Ключевые концепты традиционной народной культуры в речевых практиках сибирской крестьянки // Словесная культура Сибири в общероссийском и европейском контекстах (XIX – начало XX в.) / под общ. ред. И. А. Айзиковой. Томск : Изд. дом ТГУ. С. 55–95.
- Громыко М. М., 1991. Мир русской деревни. М. : Молодая гвардия. 270 с.

- Демешкина Т. А., 2002. Способы описания концептов диалектной культуры // *Картина мира: модели, методы, концепты : материалы Всерос. междисциплинар. шк. молодых ученых (Томск, 1–3 нояб. 2001 г.)*. Томск : Нац. исслед. Том. гос. ун-т. С. 59–67.
- Демешкина Т. А., Тубалова И. В., 2017. Диалектный дискурс как сфера реализации национальной культуры: константы и трансформации // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. № 50. С. 36–54. DOI: 10.17223/19986645/50/3.
- Иванова М. А., 2020. Концепт *Freundschaft* (Дружба) в виртуальной коммуникации // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. Т. 19, № 4. С. 99–108. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.9>.
- Иванцова Е. В., 2018. Вариативность реализации ключевого концепта ХЛЕБ в разных типах русской речевой культуры // *Актуальные проблемы и перспективы русистики : материалы по итогам Междунар. конф. русистов в Барселон. ун-те (Барселона, 20–22 июня 2018 г.)*. Barcelona : Trialba Ediciones. С. 1172–1181.
- Калиткина Г. В., 2015. Трансляция традиции в диалектном дискурсе // *Концепты культуры*. Библиотека журнала «Русин». № 3. С. 167–182. DOI: 10.17223/23451734/3/13.
- Карасик В. И., 2002. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена. 477 с.
- Карасик В. И., 2009. Языковые ключи. М. : Гнозис. 406 с.
- Коняева Е. В., 2015. Модификаты концепта «дружба» в русском языке конца XX – начала XXI вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург. 24 с.
- Леонтьева Т. В., 2011. Средства номинации понятий «друг», «дружба», «дружить» в русских народных говорах: мотивационный анализ // *Язык. Текст. Дискурс*. № 9. С. 196–207.
- Леонтьева Т. В., 2016а. Лексика дружбы: перспективы изучения // *Социокультурное пространство России и зарубежья: общество, образование, язык*. № 5. С. 71–78.
- Леонтьева Т. В., 2016б. Оценка поведения человека в костромских говорах: коммуникативный аспект // *Динамика традиции в региональном измерении. Трансформационные процессы в культуре и языке Костромского края* / отв. ред. и сост. И. А. Морозов, И. С. Слепцова. М. : ИЭА РАН. С. 345–346.
- Нефедова Е. А., 2010. Общерусское слово в диалектном словаре // *Межкафедральный словарный кабинет имени проф. Б.А. Ларина* / отв. ред. А. С. Герд, Е. В. Пурицкая. СПб. : Филол. фак. СПбГУ. С. 92–102.
- Приходько В. К., 2016. Лексические средства выражения концепта «дружба» в русских говорах Приамурья // *Россия в мировом сообществе: смысловое пространство диалога культур : материалы Междунар. форума «Восточный вектор миграционных процессов: диалог с русской культурой»* / отв. ред. Е. В. Кулеш. Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та. С. 249–254.
- Резанова З. И., 2011. Дискурсивные картины мира // *Картины русского мира: современный медиадискурс* / под ред. З. И. Резановой. Томск : ИД СК-С. С. 15–94.
- Рябкова Е. С., 2013. Способы описания концептов позитивных межличностных отношений: концепты «друг», «дружба» // *Вестник Челябинского государственного университета*. № 10 (301). С. 88–91.
- Тарасова А. В., 2007. Понятийные характеристики концепта «друг» в русском и английском языковом сознании // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Филологические науки*. № 5 (23). С. 28–31.
- Урысон Е. В., 2003. Друг, товарищ, приятель // *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. 2-е изд., испр. и доп. М. : Шк. «Яз. слав. культуры». С. 297–299.
- Хаметова М. Ф., 2010. Национально-культурные особенности концепта «дружба» в англоязычной картине мира // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика*. № 1 (177). С. 97–101.
- Шмелев А. Д., 2005. Дружба в русской языковой картине мира // *Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи языковой картины мира*. М. : Яз. слав. культуры. С. 289–303.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- АОС* – Архангельский областной словарь / ред. О. Г. Гецова, Е. А. Нефедова. М. : Наука, 1980–2019. Вып. 1–19.
- ВС* – Вершининский словарь : в 7 т. / под ред. О. И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998–2002. 7 т.
- Даль* – Отдрузить // *Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка* : в 4 т. М. : Рус. яз., 1978–1980. 4 т. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/293886>.
- ИСДЯЛ* – Идеографический словарь диалектной языковой личности / сост. С. С. Земичева. URL: <http://losl.tsu.ru/node/65> (дата обращения: 25.01.2021).

- ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–24. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1967–2013.
- ПСДЯЛ – Полный словарь диалектной языковой личности. В 4 т. Т. 4. С–Я / под ред. Е. В. Ивановой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. 366 с.
- СРСГ – Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби : в 3 т. / под ред. В. В. Палагиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1964–1967. 3 т.
- СРСГД – Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби : Дополнение : в 2 ч. / под ред. О. И. Блиновой, В. В. Палагиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1975. 2 ч.
- СС – Среднеобский словарь : (Дополнение) : в 2 ч. / под ред. В. В. Палагиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983–1986. 2 ч.
- СОС – Словарь образных слов и выражений народного говора / под ред. О. И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 308 с.
- Ожегов – Толковый словарь русского языка / сост. С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2000. 940 с.
- Томский диалектный корпус // Лаборатория общей и сибирской лексикографии НИ ТГУ. URL: <http://losl.tsu.ru/corpus> (дата обращения: 25.01.2021).
- REFERENCES**
- Arapova O.A., 2004. *Kontsept «druzhba»: sistemnyj i funkcionalno-kognitivnyy analiz: dis. ... kand. filol. nauk* [Concept “Friendship”: Systemic and Functional-Cognitive Analysis. Cand. philol. sci. diss.]. Ufa. 242 p.
- Arapova O.A., Gaysina R.M., 2005. Druzhba [Friendship]. Karasik V.I., Sternin I.A., eds. *Antologiya kontseptov* [Anthology of Concepts]. Volgograd, Paradigma Publ., vol. 1, pp. 58-80.
- Vezhbickaya A., 2001. *Ponimanie kultur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding Cultures Through Their Key Words]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 288 p.
- Vendina T.A., 2020. *Antropologiya dialektного slova* [Anthropology of a Dialect Word]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ. 684 p. DOI: 10.31168/4469-1776-1.
- Goldin V.E., 1997. *Teoreticheskie problemy kommunikativnoy dialektologii: dis. ... d-ra filol. nauk v vide nauch. dokl.* [Theoretical Problems of Communicative Dialectology. Dr. philol. sci. diss. in a Form of a Scientific Report]. Saratov. 52 p.
- Grickevich J.N., Novikov V.G., 2011. Kontsept «moda» v dialektnom diskurse [The Concept of “Fashion” in Dialectal Discourse]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Socialno-gumanitarnye i psikhologo-pedagogicheskie nauki* [Bulletin of Pskov State Pedagogical University. Series: Social-Humanitarian and Psychological-Pedagogical Sciences], no. 15, pp. 77-80.
- Gyngazova L.G., 2006. O kontsepte «Volya» v individualnom soznanii nositelya traditsionnoy rechevoy kultury [On the Concept “Will” in the Individual Consciousness of the Traditional Speech Culture]. *Aktualnye problemy rusistiki. Вып. 3. Yazykovye aspekty regionalnogo sushchestvovaniya cheloveka* [Topical Problems of Russian Philology. Iss. 3. Language Aspects of Regional Human Existence]. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta, pp. 220-229.
- Gyngazova L.G., 2009. Tsennostnaya kartina mira dialektonositelya: k probleme lakunarnosti [Value World View of the Dialect Speaker: To the Problem of Lacunarity]. Steksova T.I., ed. *Lakunarnost v yazyke, kartine mira, slovare i tekste: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Lacunarity in Language, World View, Vocabulary and Text. Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Novosibirsk, Izd-vo NGPU, pp. 115-122.
- Gyngazova L.G., 2019. Klyuchevye kontsepty traditsionnoy narodnoy kultury v rechevykh praktikakh sibirskoy krest'yanki [Key Concepts of Traditional Folk Culture in the Speech Practices of the Siberian Peasant Woman]. Ayzikova I.A., ed. *Slovesnaya kultura Sibiri v obshcherossiyskom i evropeyskom kontekstakh (XIX – nachalo XX v.)* [Verbal Culture of Siberia in the All-Russian and European Contexts (19th – Early 20th Centuries)]. Tomsk, Izd. dom TGU, pp. 55-95.
- Gromyko M.M., 1991. *Mir russkoy derevni* [World of the Russian Village]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ. 270 p.
- Demeshkina T.A., 2002. Sposoby opisaniya kontseptov dialektnoy kultury [Ways of Describing Concepts of Dialect Culture]. *Kartina mira: modeli, metody, kontsepty: materialy Vseros. mezhdistsiplinar. shk. molodykh uchenykh (Tomsk, 1–3 noyab. 2001 g.)* [World View: Models, Methods, Concepts. Proceedings of the All-Russian Interdisciplinary School of Young Scientists (Tomsk, November 1–3, 2001)]. Tomsk, Nats. issled. Tom. gos. un-t, pp. 59-67.
- Demeshkina T.A., Tubalova I.V., 2017. Dialektnyy diskurs kak sfera realizatsii nacionalnoy kultury: konstanty i transformatsii [Dialect Discourse As

- a Sphere of National Culture Representation: Constants and Transformations]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philology], no. 50, pp. 36-54. DOI: 10.17223/19986645/50/3.
- Ivanova M.A., 2020. Kontsept Freundschaft (Druzhba) v virtualnoy kommunikatsii [Concept “Freundschaft” (“Friendship”) in Virtual Communication]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 19, no. 4, pp. 99-108. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.9>.
- Ivantsova E.V., 2018. Variativnost realizatsii klyuchevogo kontsepta KhLEB v raznykh tipakh russkoy rechevoy kultury [Variation in the Implementation of the Key Concept of BREAD in Different Types of Russian Speech Culture]. *Aktualnye problemy i perspektivy rusistiki: materialy po itogam Mezhdunar. konf. rusistov v Barselon. un-te (Barselona, 20–22 iyunya 2018 g.)* [Actual Problems and Prospects of Russian Studies. Proceedings of the International Conference of Russianists at the University of Barcelona (Barcelona, June 20–22, 2018)]. Barcelona, Trialba Ediciones, pp. 1172-1181.
- Kalitkina G.V., 2015. Translyatsiya traditsii v dialektnom diskurse [Translation of the Tradition in the Dialect Discourse]. *Kontsepty kultury. Biblioteka zhurnala «Rusin»*, no. 3, pp. 167-182. DOI: 10.17223/23451734/3/13.
- Karasik V.I., 2002. *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Linguistic Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Peremena Publ. 477 p.
- Karasik V.I., 2009. *Yazykovyye klyuchi* [Language Keys]. Moscow, Gnozis Publ. 406 p.
- Konyaeva E.V., 2015. *Modifikaty kontsepta «druzhba» v russkom yazyke kontsa XX – nachala XXI vv.: avto-ref. dis. ... kand. filol. nauk* [Modifications of the Concept “Friendship” in the Russian Language of the Late 20th – Early 21st Centuries. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Ekaterinburg. 24 p.
- Leontyeva T.V., 2011. Sredstva nominatsii ponyatiy «drug», «druzhba», «druzhit’» v russkikh narodnykh govorakh: motivatsionnyy analiz [Means of Nominating the Concepts “Friend”, “Friendship”, “Befriend” in Russian Folk Dialects: Motivational Analysis]. *Yazyk. Tekst. Diskurs* [Language. Text. Discourse], no. 9, pp. 196-207.
- Leontyeva T.V., 2016a. Leksika druzhby: perspektivy izucheniya [Friendship Vocabulary: Study Perspectives]. *Sotsiokulturnoye prostranstvo Rossii i zarubezhya: obshchestvo, obrazovaniye, yazyk* [Social and Cultural Space of Russia and Abroad: Society, Education, Language], no. 5, pp. 71-78.
- Leont’eva T.V., 2016b. Otsenka povedeniya cheloveka v kostromskikh govorakh: kommunikativnyy aspekt [Assessment of Human Behavior in Kostroma Dialects: Communicative Aspect]. Morozov I.A., Sleptsova I.S., eds. *Dinamika traditsii v regionalnom izmerenii. Transformatsionnye protsessy v kulture i yazyke Kostromskogo kraya* [Dynamics of Tradition in the Regional Dimension. Transformational Processes in the Culture and Language of Kostroma Region]. Moscow, IEA RAN, pp. 345-346.
- Nefedova E.A., 2010. Obshcherusskoe slovo v dialektnom slovare [The All-Russian Word in the Dialect Dictionary]. Gerd A.S., Puritskaya E.V., eds. *Mezhkafedralnyy slovarnyy kabinet imeni prof. B.A. Larina* [Interdepartmental Vocabulary Named After Professor B.A. Larin]. Saint Petersburg, Filol. fak. SPbGU, pp. 92-102.
- Prikhodko V.K., 2016. Leksicheskie sredstva vyrazheniya kontsepta «druzhba» v russkikh govorakh Priamurya [Lexical Means of Expressing the Concept “Friendship” in Russian Dialects of the Amur River Region]. Kulesh E.V., ed. *Rossiya v mirovom soobshchestve: smyslovoe prostranstvo dialoga kultur: materialy Mezhdunar. foruma «Vostochnyy vektor migratsionnykh protsessov: dialog s russkoy kulturoy»* [Russia in the World Community: Semantic Space of the Dialogue of Cultures. Proceedings of the International Forum “Eastern Vector of Migration Processes: Dialogue With Russian Culture”]. Khabarovsk, Izd-vo Tikhookean. gos. un-ta, pp. 249-254.
- Rezanova Z.I., 2011. Diskursivnye kartiny mira [Discursive Pictures of the World]. Rezanova Z.I., ed. *Kartiny russkogo mira: sovremennyy mediadiskurs* [Pictures of the Russian World: Modern Media Discourse]. Tomsk, ID SK-S, pp. 15-94.
- Riabkova E.S., 2013. Sposoby opisaniya kontseptov pozitivnykh mezhlichnostnykh otnosheniy: kontsepty «drug», «druzhba» [Ways of Describing the Concepts of Positive Interpersonal Relations: The Concepts “Friend”, “Friendship”]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], no.10 (301), pp. 88-91.
- Tarasova A.V., 2007. Ponyatiynye kharakteristiki kontsepta «drug» v russkom i angliyskom yazykovom soznanii [Conceptual Characteristics of the Concept “Friend” in Russian and English Language Consciousness]. *Izvestiya Volgo-*

- gradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologicheskie nauki* [Izvestia of Volgograd State Pedagogical University. Series: Philological Sciences], no. 5 (23), pp. 28-31.
- Uryson E.V., 2003. Drug, tovarishch, priyatel [Friend, Comrade, Mate]. *Novyy obyasnitelnyy slovar sinonimov russkogo yazyka* [New Explanatory Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. Moscow, Shkola «Yazyki slavyanskoy kultury» Publ., pp. 297-299.
- Khametova M.F., 2010. Natsionalno-kulturnye osobennosti kontsepta «druzhba» v angloyazychnoy kartine mira [National and Cultural Features of the Concept “Friendship” in the English-Language Picture of the World]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the South Ural State University. Linguistics], no. 1 (177), pp. 97-101.
- Shmelev A.D., 2005. Druzhba v russkoy yazykovoy kartine mira [Friendship in the Russian Linguistic World View]. Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. *Klyuchevye idei yazykovoy kartiny mira* [Key Ideas of the Linguistic World View in Russian]. Moscow, Yaz. slav. kul'tury Publ., pp. 289-303.
- SOURCES AND DICTIONARIES**
- Gecova O.G., Nefedova E.A., eds. *Arhangel'skiy oblastnoy slovar* [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Moscow, Nauka Publ., 1980-2019, iss. 1-19.
- Blinova O.I., ed. *Vershininskiy slovar: v 7 t.* [Vershininsky Dictionary. In 7 Vols.]. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta, 1998–2002. 7 vols.
- Otdruzhit'. Dal' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 Vols.]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1978–1980. 4 vols. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/293886>.
- Zemicheva S.S., ed. *Ideograficheskiy slovar dialektnoy yazykovoy lichnosti* [Ideographic Dictionary of Dialect Language Personality]. URL: <http://losl.tsu.ru/node/65> (accessed 25 January 2021).
- Pskovskiy oblastnoy slovar s istoricheskimi dannymi. Vyp. 1–24* [Pskov Regional Dictionary with Historical Data. Iss. 1–24]. Saint Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1967–2013.
- Ivantsova E.V., ed. *Polnyy slovar dialektnoy yazykovoy lichnosti. V 4 t. T. 4. S-Ya* [Complete Dictionary of a Dialect Language Personality. In 4 Vols. Vol. 4 S-Ya]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo universiteta, 2012. 366 p.
- Palagina V.V., ed. *Slovar russkikh starozhilcheskikh govorov sredney chasti basseyna r. Obi: v 3 t.* [Dictionary of Russian Old-Timer Dialects of the Middle Part of the Ob River Basin. In 3 Vols.]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo universiteta, 1964–1967. 3 vols.
- Blinova O.I., Palagina V.V., eds. *Slovar russkikh starozhilcheskikh govorov sredney chasti basseyna r. Obi: Dopolnenie: v 2 ch.* [Dictionary of Russian Old-Timer Dialects of the Middle Part of the Ob River Basin. Supplement. In 2 Parts]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo universiteta, 1975. 2 parts.
- Palagina V.V., ed. *Sredneobskiy slovar: (Dopolnenie): v 2 ch.* [The Middle Ob Dictionary. (Supplement). In 2 Parts]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo universiteta, 1983–1986. 2 parts.
- Blinova O.I., ed. *Slovar obraznykh slov i vyrazheniy narodnogo govora* [Dictionary of Figurative Words and Expressions of Folk Dialect]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo universiteta, 2001. 308 p.
- Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu., eds. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2000. 940 p.
- Tomskiy dialektnyy korpus [Tomsk Dialect Corpus]. *Laboratoriya obshey i sibirskoy leksikografii NI TGU* [Laboratory of General and Siberian Lexicography of NR TSU]. URL: <http://losl.tsu.ru/corpus> (accessed 25 January 2021).

Information About the Authors

Svetlana S. Zemicheva, Candidate of Sciences (Philology), Senior Researcher, Laboratory of General and Siberian Lexicography, National Research Tomsk State University, Prosp. Lenina, 36, 634050 Tomsk, Russia, optysmith@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3266-3696>

Anna A. Vasil'chenko, Junior Researcher, Laboratory of General and Siberian Lexicography, National Research Tomsk State University, Prosp. Lenina, 36, 634050 Tomsk, Russia, annavasilchenko.95@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7065-8594>

Информация об авторах

Светлана Сергеевна Земичева, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории общей и сибирской лексикографии, Национальный исследовательский Томский государственный университет, просп. Ленина, 36, 634050 г. Томск, Россия, optysmith@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3266-3696>

Анна Анатольевна Васильченко, младший научный сотрудник лаборатории общей и сибирской лексикографии, Национальный исследовательский Томский государственный университет, просп. Ленина, 36, 634050 г. Томск, Россия, annavasilchenko.95@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7065-8594>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.3>

UDC 811.161.1'42
LBC 81.411.2-51

Submitted: 23.06.2021
Accepted: 20.12.2021

FRAME-BASED REPRESENTATION OF THE CONCEPT “DIGITAL ECONOMY” IN THE RUSSIAN-LANGUAGE DISCURSIVE PRACTICE

Natalya V. Yudina

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Olga A. Kalugina

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. The article presents the primary structure of the concept “digital economy”. The research material is comprised of lexical units and word combinations that verbalize this concept and are included in electronic dictionaries and scientific publications on the relevant topics, selected by the keyword method. Frame analysis clarified that the concept “digital economy” in its cognitive structure reflects a hierarchy of cognitive layers that includes *artificial intelligence* and *data* subframes, which are distributed into several interconnected slots, including *development, information, ICT, technology*. A number of typical thematic categories and morphological-and-syntactic constructions were revealed in the structure of the concept digital economy. The application of linguacultural approach resulted in the thematic categorization of units, which represent the concept under study. The linguistic and cognitive approach has enabled part-of-speech categorization of the concept representatives. It is revealed that thematically the concept “digital economy” is represented by the following categories: *tools and means, processes, goods and services*. By means of the morphological-and-syntactic categorization of the language units, the dominance of the “Adjective + Noun” model was identified, the attributes *informational, digital, electronic* are found to be most frequent; they reflect the processes and categories of digitalization and informatization in the modern linguistic world image.

Key words: concept, frame, slot, digital economy, frame analysis, linguistic world image.

Citation. Yudina N.V., Kalugina O.A. Frame-Based Representation of the Concept “Digital Economy” in the Russian-Language Discursive Practice. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 2, pp. 35-45. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.3>

УДК 811.161.1'42
ББК 81.411.2-51

Дата поступления статьи: 23.06.2021
Дата принятия статьи: 20.12.2021

ФРЕЙМОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА» В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКЕ

Наталья Владимировна Юдина

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

Ольга Анатольевна Калугина

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье представлена первичная структура концепта «цифровая экономика». Источниками исследования послужили вербализующие этот концепт лексические единицы и словосочетания, содержащиеся в электронных словарях и научных публикациях соответствующей тематики, отобранных методом ключевого слова. С использованием фреймового анализа уточнено, что концепт «цифровая экономика», выступая в качестве когнитивной структуры, представляет иерархию, включающую субфреймы *искусственный интеллект* и *данные*, которые делятся на несколько взаимосвязанных слотов: *развитие, информация, ИКТ, техноло-*

гши. Выявлено наличие в структуре концепта «цифровая экономика» лингвокультурного ряда типичных тематических категорий и морфолого-синтаксических конструкций. Результатом применения лингвокультурного подхода стала тематическая категоризация единиц, репрезентирующих концепт «цифровая экономика». Лингвокогнитивный подход нашел отражение в частеречной категоризации репрезентантов исследуемого концепта. Установлено, что тематически концепт «цифровая экономика» представлен категориями «инструменты и средства», «процессы», «товары и услуги». В результате морфолого-синтаксической категоризации языковых единиц показано доминирование сочетаний, построенных по модели «прилагательное + существительное», в которых частотны атрибутивы *информационная, цифровая, электронная*, свидетельствующие об отражении процессов и категорий цифровизации и информатизации в современной языковой картине мира.

Ключевые слова: концепт, фрейм, слот, цифровая экономика, фреймовый анализ, языковая картина мира.

Цитирование. Юдина Н. В., Калугина О. А. Фреймовая репрезентация концепта «цифровая экономика» в русскоязычной дискурсивной практике // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 35–45. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.3>

Введение

В начале третьего десятилетия XXI в. цифровая экономика оказывает значительное влияние на социокультурную сферу и является одной из ведущих сфер жизнедеятельности современного человека. Внедрение высокоскоростных технологий в быт приводит к обновлению языковой картины мира. Возникновение новых реалий, связанных с цифровизацией экономики, находит отражение в речи людей, художественной и научной литературе, медиапространстве. Однако в связи с новизной данных процессов возникает необходимость изучения их концептуализации и вербального выражения.

В научной литературе представлены публикации отечественных ученых, посвященные непосредственно понятию цифровой экономики и соответствующему концепту. Количество их невелико. Так, Ю.П. Денисов, М.Б. Ионина, занимаясь исследованием реализации концепта «цифровая экономика» в политическом и научном дискурсах, рассматривают его понятийные признаки на основе анализа дефиниций, зафиксированных в официальных юридических документах. Исследователи приходят к выводу о том, что существует два подхода к толкованию термина *цифровая экономика*: 1) процесс хозяйственной деятельности в высокотехнологичном обществе; 2) система. В анализируемой работе отмечаются такие базисные элементы феномена цифровой экономики, как человеческий капитал и интеллектуальный капитал. Наиболее часто репрезентируют исследуемый концепт такие слова, как *цифровизация* (частота употреблений слова – 12), *тех-*

нологии (11), *личность* (8). Отмечая, что концепт «цифровая экономика» рассматривался, помимо политического и научного дискурса, и в рамках социальной философии, Ю.П. Денисов и М.Б. Ионина полагают, что данный феномен требует дальнейшего тщательного изучения [Денисов, Ионина, 2019].

В лингвистическом и лингвоментальном аспектах предлагает рассматривать понятие цифровой экономики В.В. Волков. Используя методологию филологической герменевтики, компонентный анализ семантики, а также лексико-семантический анализ, опирающийся на толкования авторитетных словарей, В.В. Волков исследует такие лексемы, как *компьютер, число, цифра, цифровой, экономика*. Полученные им результаты показали, что цифровая экономика является понятийным оппозитом производительной экономики, а также одним из аспектов экономической жизни, заключающимся в управлении экономикой через компьютерные системы. Семантика словосочетания *цифровая экономика* базируется на метонимической трансформации терминов *цифра* и *цифровой*. Лексема *цифра* и словосочетание *цифровая экономика* применительно к «наивному» сознанию выступают как синонимы лексемы *компьютер* и словосочетания *компьютерная экономика*, являясь в современном публичном дискурсе средствами речевого манипулирования [Волков, 2020].

Д.С. Нефедова, исследуя так называемую лексику сферы инноваций, затрагивает вопрос формирования неолексем в контексте развития цифровой экономики и анализирует разнообразные способы неологизации языка сферы цифровых технологий на примере массмедийных

материалов. Особый интерес представляют аналитические неоминации, образованные в результате актуализации заимствованных элементов *кибер-* и *крипто-*. Кроме того, автор отмечает увеличение терминологических сочетаний с неоминацией *цифровой*, которые не вызывают сложности в употреблении у носителей языка и быстро входят в активное употребление [Нефедова, 2019].

В качестве источников для сбора фактического материала указанные исследователи используют лексикографические издания, а также речевой материал – документы, имеющие, как правило, официальный статус. В связи с этим следует отметить, что представленные исследования в основном фрагментарны и узконаправлены.

Как видим, термин *цифровая экономика* характеризуется неоднозначностью его трактовки, многозначностью смыслов, что может привести к некорректной объективизации языковой картины мира. Вопрос о возможности унификации понятия *цифровая экономика* и разработке четкой структуры концепта «цифровая экономика» остается дискуссионным и представляет интерес как для лингвистов, так и для экономистов.

Цель нашего исследования состоит в выявлении содержательного минимума концепта «цифровая экономика» и его описания для дальнейшей унификации понятийного аппарата цифровой экономики, что будет способствовать отражению многоплановости фрагмента языковой картины мира, в котором представлен данный концепт.

Материал и методы

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных специалистов, в которых разрабатывается понятие концепта и характеризуется его структура с лингвокогнитивных и лингвокультурных позиций [Бастриков, Бастрикова, 2012; Болдырев, 2016; Джамбаева, 2014; Карасик, 2008; Кубрякова, 2009; Masalimova et al., 2019], а также развивается понятие фрейма и его структуры [Гусева, 2008; Лыткина, Селезнева, 2011; Панасенко, 2000; и др.].

Одной из характерных особенностей современного языкознания является так называемый лингвистический плюрализм в понимании

термина *концепт* и правила его функционирования. Сегодня в лингвистике развиваются и дополняют друг друга разнообразные научные подходы, среди которых важное место занимают лингвокогнитивный и лингвокультурный. Представители лингвокогнитивного подхода определяют концепт как единицу осознанного знания; ментальную единицу, основу инфраструктуры человеческого мозга; единицу гештальтного типа, непосредственно связанную с речевой деятельностью, а также фрагменты опыта, хранящиеся в сознании человека [Бабина и др., 2009; Кубрякова, 2009, с. 71; Бастриков, Бастрикова, 2012; Кузнецова, 2020]. В основу лингвокультурного подхода заложена идея национальной концептосферы, а исследовательским вектором движения является путь от культуры к сознанию. При таком подходе концепт представляет собой «как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов, 1997, с. 40]; основную единицу культуры, «культурно-ментально-языковое» образование, хранилище в памяти человека, опыт [Джамбаева, 2014, с. 40]. В структуру концепта входит все то, что делает его фактором культуры. Однако постижение культурного и социального невозможно без осмысления когнитивной составляющей.

Следовательно, данные подходы не являются взаимоисключающими, но способны дополнять друг друга и могут применяться при исследовании первичной структуры концепта «цифровая экономика» в современной русскоязычной дискурсивной практике. Кроме того, мы используем возможности когнитивного подхода к анализу языковых явлений, в части фрескового представления ментальных репрезентаций.

Концепт является более широким понятием, чем фрейм, который может рассматриваться как одна из форм воплощения концепта, представляющего многомерную фреймовую структуру, – «сеть из узлов и связей между ними» [Минский, 1979, с. 26]. Данные базовые понятия могут выполнять текстопорождающую функцию, определять структуру текста и способ «разворачивания» информации в нем [Лыткина, Селезнева, 2011, с. 212]. Связи между компонентами или уровнями фрейма основываются на ассоциативных взаимоотношениях, которые отражают ассоциатив-

ную природу мышления человека. Среди свойств фрейма, например, Л.А. Панасенко и Э.Ю. Гусева выделяют способность к динамичности и взаимопроникновению, а также взаимосвязь с мыслительными процессами [Гусева, 2008; Панасенко, 2000].

Принимая во внимание современные тенденции в изучении концепта «цифровая экономика», учитывая достижения в изучении концептов в русле лингвокогнитивного и лингвокультурного подходов, а также рассматривая фрейм как форму воплощения концепта, представим результаты фреймового анализа концепта «цифровая экономика».

Материалом исследования послужило 915 языковых единиц, вербализующих понятие цифровой экономики, содержащихся в электронных словарях по анализируемой тематике (Глоссарий терминов...; Национальный центр...). Кроме того, для анализа дефиниций выбрано более 1 000 научных статей, посвященных теме «цифровая экономика», размещенных в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU, так как опубликованные в них научные материалы подвергались рецензированию, апробации и содержат проверенную достоверную информацию. Поиск источников по наукометрической базе данных был ограничен по категории: ключевое слово – *цифровая экономика* (eLIBRARY.RU).

Языковые единицы исследования классифицированы следующим образом:

– категоризация концепта «цифровая экономика» по ключевым речевым маркерам и частотности их исследования;

– частеречная категоризация концепта «цифровая экономика»;

– тематическая категоризация концепта «цифровая экономика».

Результаты и обсуждение

При когнитивном анализе фреймовой структуры концепта «цифровая экономика» учитывался тот факт, что фрейм относится к многоуровневым когнитивным структурам.

Фреймовая структура концепта «цифровая экономика» может быть представлена в виде пирамиды, вершиной которой является концепт-фрейм «цифровая экономика», а ниже расположены его структурные элементы: субфреймы, делящиеся на слоты и терминалы, наполненные вариативными компонентами. Концепт-фрейм и субфреймы – это иерархия, когнитивная модель фиксации и организации знаний о некоторой стереотипной ситуации, отраженной в определениях термина *цифровая экономика*, представленных в современной русскоязычной дискурсивной практике.

С целью конструирования фреймовой структуры концепта «цифровая экономика» нами были отобраны эксплицирующие его наиболее частотные лексические единицы и словосочетания (см. таблицу).

Лексические единицы и словосочетания, характеризующие концепт «цифровая экономика»

Lexical units and phrases, which characterize the concept “digital economy”

Лексическая единица / словосочетание	Частотность употребления (%)
<i>искусственный интеллект</i>	16
<i>данные</i>	15
<i>развитие</i>	9
<i>информация</i>	8
<i>информационно-коммуникационные технологии</i>	7
<i>технологии</i>	7
<i>обмен</i>	5
<i>производство</i>	4
<i>деятельность</i>	3
<i>потребление</i>	3
<i>товары</i>	3
<i>услуги</i>	3
другие единицы	17

Как свидетельствует таблица, значимую позицию в структуре концепта «цифровая экономика» в русскоязычном дискурсе занимают субфреймы, представленные словосочетанием *искусственный интеллект* и лексической единицей *данные*. Смысловое содержание словосочетания *искусственный интеллект* заключается в следующем: согласно мнениям специалистов, искусственный интеллект преобразовывает экономические процессы, меняя природу труда, расширяя человеческие возможности, он задействован в сборе и обработке больших данных, на его технологиях базируется разработка программного обеспечения. Важным направлением развития цифровой экономики является создание условий для продуктивной работы специалистов в области искусственного интеллекта. В свою очередь, данные являются основной ценностью для цифровой экономики, служат эффективным инструментом для повышения прибыльности и стабильности компаний.

К слотам субфрейма *искусственный интеллект* мы считаем возможным отнести такие лексемы, как *развитие* (п. 3), *информация* (п. 4), *информационно-коммуникационные технологии (ИКТ)* (п. 5). Очевидно, что языковая единица *развитие* имеет смысловую связь с языковой единицей *информационно-коммуникационные технологии*. Лексема *информация* используется в сочетании с существительными *доступность, защита, конфиденциальность, обладатель, представление, распределение, свобода*. Термин *информация* в контексте цифровой экономики обозначает товар, ресурс и экономическое благо. В цифровой экономике задействованы различные виды технологий: аддитивные, квантовые, информационные, вспомогательная, подрывная, Wi-Fi, цифровая.

Обмен и производство включают в себя экономические блага, товары и услуги, денежные средства, а также информацию. Цифровая экономика, согласно полученным лингвистическим данным, связана с хозяйственной и экономической деятельностью.

В целом лексические единицы, составляющие фреймовую структуру концепта «цифровая экономика», можно разделить на следующие категории:

а) инструменты и средства, которыми оперирует цифровая экономика (*информационно-коммуникационные технологии, данные, информация, технологии, искусственный интеллект*), – 53 % от всех употреблений единиц, относящихся к сфере цифровой экономики;

б) процессы (*развитие, обмен, производство, деятельность, потребление*) – 24 % от всех употреблений;

в) продукты деятельности (*товары, услуги*) – 6 % от всех употреблений.

Кроме того, в проанализированных нами лексикографических источниках зафиксированы термины, связанные с регулированием процессов цифровой экономики посредством влияния государства и государственных органов. Указанные единицы могут быть отнесены к следующим тематическим группам:

– цифровое государственное управление, позволяющее обеспечить новый уровень предоставления услуг, которые важны для повышения уровня жизни граждан и развития бизнес-среды. Эта группа представлена преимущественно словосочетаниями, близкими к номинациям и терминологически связанным сочетаниям слов, которые могут обозначать органы представления услуг (*многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг (МФЦ)*); инструменты и механизмы предоставления услуг (*официальный сайт государственного органа или органа местного самоуправления, портал государственных и муниципальных услуг*); процессы получения государственных услуг (*получение государственных и муниципальных услуг в электронной форме, предоставление государственных и муниципальных услуг в электронной форме, механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме*);

– информационная безопасность (*государственные информационные системы, информационная безопасность, объекты критической информационной инфраструктуры, российское программное обеспечение*);

– информационная инфраструктура (*подключение социально значимых объектов к сети Интернет, инфраструктура электронного правительства, использование Интер-*

нета для участия в государственных закупках, межведомственное информационное взаимодействие, программное обеспечение).

Обозначенные тематические группы (цифровое государственное управление, информационная безопасность, информационная инфраструктура) выступают в качестве приоритетных направлений в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

На основе проведенного лингвистического анализа можно графически представить фреймовую структуру концепта «цифровая экономика» (см. рисунок).

Таким образом, на базе дефиниций термина *цифровая экономика*, а также на основе анализа содержания лексикографических источников и глоссариев по изучаемой предметной области знаний описан содержательный минимум концепта «цифровая экономика», включающий в первую очередь два основных субфрейма: *искусственный интеллект* и *данные*. В качестве слотов выступают такие единицы, как *цифровой*, *развитие*, *информация*, *технологии*, *информационно-коммуникационные технологии*.

Помимо выявления и описания фреймовой структуры концепта «цифровая экономика» самостоятельный научный интерес представляет формирование морфологосинтаксической классификации его вербальных реализаций.

Основываясь на фреймовом анализе, выделим три основные, наиболее часто встречающиеся категории:

1) имена существительные (22 % от общего количества проанализированных примеров), которые относятся к следующим тематическим группам:

– наименования лиц, имеющих отношение к сфере цифровой экономики в частности и цифровизации в целом, а также наименования профессий и рода занятий, появившихся в результате цифровизации общества (*блогер, фрилансер, хакер* и др.);

– инструменты интернет-пространства, направленные на коммуникацию и передачу различного рода информации (*блог, веб, вебинар, вики, видеоконференсвязь, блогосфера, киберпространство, платформа, интернет, экстранет* и др.);

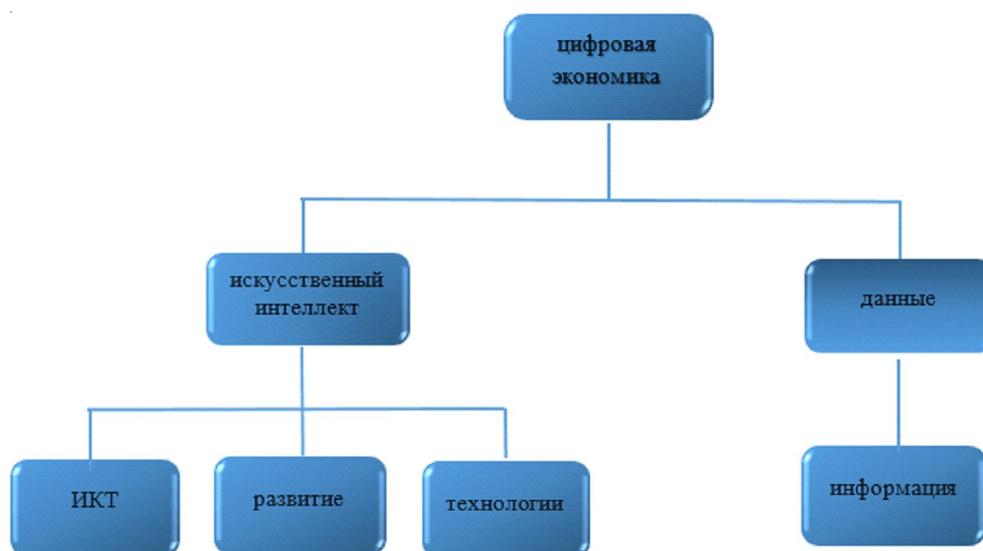
– наименования логических систем хранения цифровой информации (*блокчейн, кубит, метаданные, кластер, куки, серверы* и др.);

– технологии, связанные с платежными системами (*кибервалюта, криптовалюта* и др.);

– электронные устройства, используемые в различных сферах деятельности (*дрон, смартфон* и др.);

– общие наименования фундаментальных понятий (*данные, информация, коммуникация*);

– номинации процесса преобразования аналоговых технологий и физических объек-

Графическая структура концепта «цифровая экономика»
Graphic structure of the concept “digital economy”

тов в цифровые (*платформизация, роботизация, дигитализация, оцифровка* и др.);

– сферы услуг, оказываемых в цифровом формате или с использованием цифровых технологий (*инжиниринг, телемедицина, нейрорепротезирование* и др.);

– номинации экономических и иных процессов, связанных с трудоустройством, видами заработка (*аутсорсинг, гиганомика, гогономика, киберсквогтинг, краудсорсинг, краудфандинг* и др.);

2) словосочетания разных структурных моделей:

- «существительное + существительное» (19,2 % от общего количества проанализированных примеров), где в качестве стержневого компонента выступают такие существительные, как *данные* и *информация*, в родительном падеже (*аналитика, база, вариативность, добыча, достоверность, защита, изменчивость, конфиденциальность, массив, модель, обработка, объем, разнообразие, тип (данных), доступность, защита, конфиденциальность, представление, распределение, свобода (информации)*). Указанные сочетания могут быть отнесены к таким тематическим группам, как характеристика данных; состояние и основные процессы, имеющие отношение к информации.

Кроме того, в данной структурной модели распространены такие тематические группы, как:

– наименования физических и юридических лиц, связанных с информационными коммуникационными технологиями, направленными на развитие цифровой экономики (*оператор связи, исполнитель услуги, обладатель информации, поставщик услуги*);

– наименование технологий и связанных с ними процессов (*Интернет вещей, технология Wi-Fi, компоненты робототехники, отрасль инфокоммуникации, торговля технологиями*);

- «прилагательное + существительное» (46,4 % от общего количества проанализированных единиц). Внутри данной группы наиболее представлены словосочетания с прилагательными *информационный* и *цифровой*, образующими совместно с существительными неоминации:

- *информационная* (-ое / -ый) (14 % от всех употреблений словосочетаний, построенных по модели «прилагательное + существительное») (*безопасность, война, грамотность, индустрия, среда, сфера, наполнение, неравенство, общество, оружие, право, технологии, криминал, рынок* и др.);

- *цифровой* (-ое / -ая) (38 % от всех употреблений словосочетаний, построенных по модели «прилагательное + существительное»).

К субстантивному распространителям прилагательного *цифровой* относится большое количество различных существительных: а) наименования отраслей и сфер жизнедеятельности общества (*культура, наука, экономика, промышленность, энергетика, здравоохранение, образование, бизнес, медиа, СМИ* и др.); б) к инструментам и продуктам указанной деятельности (*валюта, грамотность, инфраструктура, платформа, контент, навык, товар, продукт* и др.); в) к исполнителям указанных выше действий (*гражданин, двойник* и др.). Указанные группы субстантивов активно используются в новейшей русскоязычной дискурсивной практике и при других именах прилагательных, в том числе:

- *электронная* (-ое / -ый) (14 % от всех употреблений словосочетаний, построенных по конструкции «прилагательное + существительное»); ср.: *библиотека, коммерция, подпись, транзакция, услуга, здравоохранение, обучение, документ, документооборот, общение, сделка, торговля* и др.;

- *сетевая* (-ое / -ый) (5 %); ср.: *организация, партисипативность, стигмергия, сообщество, этикет* и др.;

- *онлайновая* (-ый) (4 %); ср.: *платформа, работа, семинар, сервис* и др.;

- *виртуальная* (-ое) (3 %); ср.: *реальность, сообщество, офис* и др.;

- *квантовые* (-ый) (3 %); ср.: *вычисление, коммуникации, компьютер* и др.;

- *умный* (3 %); ср.: *город, дом, завод* и др.;

- *открытый* (3 %); ср.: *доступ, код, стандарт* и др.;

- *информационное* (-ая) (3 %); ср.: *информационное пространство, общество, система* и др.;

- *машинное* (-ый) (2 %); ср.: *обучение, перевод* и др.;

– подрывная (2 %); ср.: *инновация, технология* и др.;

– поисковая (2 %); ср.: *машина, система* и др.;

– общедоступная (2 %); ср.: *информация, платформа* и др.;

– информационно-коммуникативная (2 %); ср.: *инфраструктура, технология* и др.

Менее употребительны сочетания, построенные по модели «прилагательное + существительное», входящие в такие тематические группы, как:

– виды сетей и типы реальности, созданные посредством технологий (*всемирная паутина, нейронная сеть, социальная сеть, информационно-телекоммуникационная сеть, виртуальная реальность, смешанная реальность, дополненная реальность*);

– номинации, характеризующие изменения в политической и экономической системах (*партисипативная демократия, партисипаторная демократия, платформенная экономика, шеринговая экономика*).

Часть примеров словосочетаний, построенных по модели «прилагательное + существительное», могут быть отнесены к специальной профессиональной лексике (*вспомогательная технология, глубокое обучение, искусственный интеллект, облачные вычисления, распределенный реестр, аддитивное производство, антивирусные средства, антиспамовые фильтры, аппаратное обеспечение, большие данные, туманные вычисления* и др.).

Выводы

Применение фреймового анализа для выявления первичной структуры концепта «цифровая экономика» позволило определить наличие в его структуре ряда типичных тематических категорий и морфолого-синтаксических конструкций:

– тематически концепт «цифровая экономика» представлен такими категориями, как инструменты, средства, процессы, продукты деятельности, отражающими функционирование и развитие цифровой экономики;

– морфолого-синтаксическая категоризация концепта «цифровая экономика» демонстрирует доминирование словосочетаний над

отдельными лексемами, что свидетельствует о тенденции к интеллектуализации ментальных процессов жизнедеятельности общества. Среди словосочетаний наиболее представлены комбинации слов, построенные по модели «прилагательное + существительное» с ярко выраженными неоминациями *информационная, цифровая, электронная*, что свидетельствует о расширении представленности процессов и категорий цифровизации и информатизации в языковой картине мира современной русскоязычной языковой личности, а также об актуализации экономической деятельности и экономических процессов в современном обществе.

Графически концепт «цифровая экономика», выступая в качестве когнитивной структуры, включает в себя такие субфреймы, как *искусственный интеллект, данные*, которые, в свою очередь, делятся на несколько взаимосвязанных слотов: *развитие, информация, информационно-коммуникационные технологии, технологии*. Указанные слоты включают базовую информацию и являются стилистически нейтральными языковыми единицами.

Представленное количество предлагаемых слотов концепта «цифровая экономика» не является конечным. Фреймовый анализ будет продолжен с учетом экстралингвистических факторов усиления влияния цифровизации на жизнедеятельность современного общества, а также с привлечением для анализа значительного по объему новейшего языкового материала, отражающего дискурсивную практику XXI века.

Раскрываемая в статье первичная структура концепта «цифровая экономика» может быть использована специалистами в сфере гуманитарного научного знания (лингвистами, социологами, экономистами) для изучения терминологической системы современной экономики. Выводы по результатам данной работы могут послужить базой для дополнения имеющихся лексикографических источников, содержащих ключевое словосочетание *цифровая экономика*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бастриков А. В., Бастрикова Е. М., 2012. Лингвокультурные концепты как основа языкового мен-

- талитета // Филология и культура. № 3 (29). С. 15–19.
- Болдырев Н. Н., 2016. Типология концептов и языковая интерпретация. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/42885/1/nr_2016_02.pdf (дата обращения: 01.10.2021).
- Волков В. В., 2020. «Цифровая экономика»: лингвистический и лингвоментальный аспекты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 13, вып. 7. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.24>. URL: www.gramota.net/materials/2/2020/7/24.html (дата обращения: 23.09.2021).
- Гусева Э. Ю., 2008. Фрейм как схематизированное представление концепта «бизнес» и элементы его компонентного состава // Интеллект. Инновации. Инвестиции. № 1. С. 30–34.
- Денисов Ю. П., Ионина М. Б., 2019. Цифровая экономика: концепт и сущность феномена // Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being. Vol. 8, iss. 1A. DOI: 10.25799/AR.2019.41.1.021.
- Джамбаева Ж. А., 2014. Лингвокультурная концептология: современное состояние и пути развития // Вопросы русской филологии и методики преподавания русского языка и литературы. М. : Алмавест. С. 37–48.
- Карасик В. И., 2008. Лингвокультурные концепты: Лингвокультурные концепты: подходы к изучению // Социолингвистика вчера и сегодня : сб. науч. тр. М. : РАН ИНИОН. С. 127–155.
- Кубрякова Е. С., 2009. О концептах, схваченных знаком // Studia Linguistica XVIII. Актуальные проблемы современного языкознания. СПб. : Политехника-сервис. С. 69–75.
- Кузнецова Н. А., 2020. Лингвокультурологический подход к концепту (на примере концепта «школа») // Вестник науки. Т. 2, № 6 (27). С. 25–31.
- Лыткина О. И., Селезнева Л. В., 2011. Исследование дискурса в рамках сдвига научной парадигмы: фрейм и концепт // Ученые записки Российского государственного социального университета. № 3 (91). С. 206–213.
- Минский М., 1979. Фреймы для представления знаний / под ред. Ф. М. Кулакова. М. : Энергия. 151 с.
- Нефедова Д. С., 2019. Формирование лексики сферы инноваций в контексте цифрового развития российской экономики // Филология. Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. № 4. С. 141–144.
- Панасенко Л. А., 2000. Функциональная поликатегоризация глагола в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук. Тамбов. 186 с.
- Степанов Ю. С., 1997. Концепт // Степанов Ю. С. Константы : Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Шк. «Яз. рус. культуры». 824 с.
- Masalimova A. R., Korzhuev A. V., Vasbieva D. G., Galushkin A. A., Maydangalieva Z. A., Zaytseva N. A., 2019. Preservation of National Languages As a Factor of National Security in the Contemporary World // European Journal of Science and Theology. Vol. 15, № 2. P. 113–121.

ИСТОЧНИКИ

- Глоссарий терминов и определений, используемых при анализе состояния и развития цифровой экономики. URL: <https://www.issras.ru/glterm.php> (дата обращения: 26.12.2020).
- Национальный центр цифровой экономики. Глоссарий. URL: <https://digital.msu.ru/glossary/> (дата обращения: 26.10.2021).
- eLIBRARY.RU. URL: <https://www.elibrary.ru/defaultx.asp> (дата обращения: 01.11.2021).

REFERENCES

- Bastrikov A.V., Bastrikova E.M., 2012. Lingvokulturnye kontsepty kak osnova yazykovogo mentaliteta [Concepts of Cultural Linguistics As the Basis of Language Mentality]. *Filologiya i kultura* [Philology and Culture], no. 3 (29), pp. 15-19.
- Boldyrev N.N., 2016. *Tipologiya kontseptov i yazykovaya interpretatsiya* [The Typology of Concepts and Linguistic Interpretation]. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/42885/1/nr_2016_02.pdf (accessed 1 October 2021).
- Volkov V.V., 2020. «Cifrovaya ekonomika»: lingvisticheskiy i lingvomentalnyy aspekty [“Digital Economy”: Linguistic and Linguoamental Aspects]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], vol. 13, iss. 7. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.24>. URL: www.gramota.net/materials/2/2020/7/24.html (accessed 23 September 2021).
- Guseva E.Yu., 2008. Freym kak skhematizirovannoe predstavlenie kontsepta «biznes» i elementy ego komponentnogo sostava [Frame As a Schematized Representation of the Concept “Business” and Elements of Its Component Composition]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments], no. 1, p. 30-34.
- Denisov Yu.P., Ionina M.B. Tsifrovaya ekonomika: kontsept i sushchnost fenomena [Digital Economy: Concept and Essence of the Phenomenon]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i chesloveke* [Context and Reflection:

- Philosophy of the World and Human Being], vol. 8, iss. 1A. DOI: 10.25799/AR.2019.41.1.021.
- Dzhambaeva Zh.A., 2014. Lingvokulturnaya kontseptologiya: sovremennoe sostoyanie i puti razvitiya [Linguocultural Conceptology: Current State and Development Paths]. *Voprosy russkoy filologii i metodiki prepodavaniya russkogo yazyka i literatury* [Issues of Russian Philology and Methods of Teaching the Russian Language and Literature]. Moscow, Almavest Publ., pp. 37-48.
- Karasik V.I., 2008. Lingvokulturnye kontsepty: Lingvokulturnye kontsepty: podkhody k izucheniyu [Linguocultural Concepts: Approaches to the Study]. *Sotsiolingvistika vchera i segodnya: sb. nauch. tr.* [Sociolinguistics Yesterday and Today. Collections of Scientific Papers]. Moscow, RAN INION, pp. 127-155.
- Kubryakova E.S., 2009. O kontseptakh, skhvachennykh znakom [On the Concepts Captured by the Sign]. *Studia Linguistica XVIII. Aktual'nye problemy sovremennogo yazykoznananiya* [Studia Linguistica 18. Topical Issues of Modern Linguistics]. Saint Petersburg, Politekhnikaservis Publ., pp. 69-75.
- Kuznetsova N.A. 2020. Lingvokulturologicheskiy podkhod k kontseptu (na primere kontsepta «shkola») [Linguocultural Approach to the Concept (Case of the Concept “School”)]. *Vestnik nauki*, vol. 2, no. 6 (27), pp. 25-31.
- Lytkina O.I., Selezneva L.V., 2011. Issledovanie diskursa v ramkakh sdviga nauchnoy paradigmy: freym i kontsept [Exploring Discourse in a Scientific Paradigm Shift: Frame and Concept] *Uchenye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsialnogo universiteta* [Scientific Notes of RSSU], no. 3 (91), pp. 206-213.
- Minskiy M., 1979. *Freymy dlya predstavleniya znaniy* [Frames for Representing Knowledge]. Moscow, Energiya Publ. 151p.
- Nefyodova D.S., 2019. Formirovanie leksiki sfery innovatsiy v kontekste tsifrovogo razvitiya rossiyskoy ekonomiki [Formation of Vocabulary in the Sphere of Innovation in the Context of Digital Development of the Russian Economy]. *Filologiya. Aktualnye problem teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no. 4, pp. 141-144.
- Panasenko L.A., 2000. *Funktsionalnaya polikategorizatsiya glagola v sovremennom angliyskom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk.* [Functional Polycategorization of the Verb in Modern English. Cand. philol. sci. diss.]. Tambov. 186 p.
- Stepanov Yu.S., 1997. Kontsept [Concept]. Stepanov Yu.S. *Konstanty: Slovar russkoy kultury. Opyt issledovaniya* [Constants: Dictionary of Russian Culture. Research Experience]. Moscow, Shkola «Yazyki russkoy kultury» Publ. 824 p.
- Masalimova A.R., Korzhuev A.V., Vasbieva D.G. Galushkin A.A., Maydangalieva Z.A., Zaitseva N.A., 2019. Preservation of National Languages As a Factor of National Security in the Contemporary World. *European Journal of Science and Theology*, vol. 15, no. 2, pp. 113-121.

SOURCES

- Glossariy terminov i opredeleniy, ispolzuemykh pri analize sostoyaniya i razvitiya tsifrovoy ekonomiki* [Glossary of Terms and Definitions Used in the Analysis of the State and Development of the Digital Economy]. URL: <https://www.issras.ru/glterm.php> (accessed 26 December 2020).
- Natsionalnyy tsentr tsifrovoy ekonomiki. Glossariy* [National Center for Digital Economy. Glossary]. URL: <https://digital.msu.ru/glossary> (accessed 26 October 2021).
- eLIBRARY.RU*. URL: <https://www.elibrary.ru/defaultx.asp> (accessed 1 November 2021).

Information About the Authors

Natalya V. Yudina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Prosp. Leningradsky, 49, 125993 Moscow, Russia, dr.yudina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7305-6959>

Olga A. Kalugina, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Prosp. Leningradsky, 49, 125993 Moscow, Russia, kaluginaruc@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3288-1423>

Информация об авторах

Наталья Владимировна Юдина, доктор филологических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, просп. Ленинградский, 49, 125993 г. Москва, Россия, dr.yudina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7305-6959>

Ольга Анатольевна Калугина, доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, просп. Ленинградский, 49, 125993 г. Москва, Россия, kaluginaruc@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3288-1423>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.4>

UDC 81'42:81'342.621
LBC 81.055.51.2

Submitted: 10.03.2021
Accepted: 20.12.2021

ARGUMENTATIVE POTENTIAL OF ANALOGY IN THE DISCOURSE OF THE HUMANITIES

Tatiana N. Savchuk

Belarusian State University, Minsk, Belarus

Abstract. The article reveals the functions of various types of analogy in argumentative discourse, substantiates the criteria for the effectiveness of reasoning by analogy in scientific argumentation. The study is carried out on the basis of scientific and humanitarian texts extracted from peer-reviewed journals. It is established that a wide functional range of analogous reasoning is formed by two meanings: proper argumentative and paraargumentative. The proper argumentative role of analogy provides its use as a special type of argumentation schemes. The analogous scheme is associated with a rational impact on the addressee and is implemented through a literal analogy. It performs the following functions: cognitive, evidential, heuristic, interpretive, normative and axiological. The paraargument value of the analogy lies in the fact that it, being outside the argumentative construction, supports the argument, enhancing the persuasive effect. This pragmatic intention is achieved through an indirect analogy, which affects the addressee through a figurative-emotional channel. Figurative analogy is used for visual explanation, popularization of presentation, emotional rapprochement with the addressee, psychological intensification of argumentative influence. If the normative criteria for evaluating analogous argumentation are violated, fallacies arise that are qualified as incorrect use of argumentative schemes or as tactical errors. Understanding the pragmatic specifics of different types of analogy, the ability to apply them in scientific communication is considered as an essential component of the argumentative competence of the subjects of humanitarian discourse.

Key words: argumentation, analogy, literal analogy, figurative analogy, discourse, humanities.

Citation. Savchuk T.N. Argumentative Potential of Analogy in the Discourse of the Humanities. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 2, pp. 46-57. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.4>

УДК 81'42:81'342.621
ББК 81.055.51.2

Дата поступления статьи: 10.03.2021
Дата принятия статьи: 20.12.2021

АРГУМЕНТАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АНАЛОГИИ В ДИСКУРСЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Татьяна Николаевна Савчук

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь

Аннотация. В статье на материале научных текстов гуманитарной направленности выявлены функции различных типов аналогии в аргументативном дискурсе, обоснованы критерии эффективности рассуждений по аналогии в научной аргументации. Установлено, что широкий функциональный диапазон аналогических рассуждений формируется двумя значениями: собственно аргументативным и парааргументативным. Собственно аргументативное значение обуславливает использование аналогии как особого типа схем аргументации. Аналогическая схема связана с рациональным воздействием на адресата и реализуется за счет буквальная аналогии, которая выполняет познавательную, доказательную, эвристическую, интерпретирующую, нормативную, аксиологическую функции. Парааргументативное значение аналогии способствует поддержанию аргументации, усилению убеждающего эффекта. Эта прагматическая цель достигается посредством не прямой (фигуральной) аналогии, которая воздействует на адресата через образно-эмоциональный канал и применяется для наглядного объяснения, популяризации изложения, эмоциональ-

ного сближения с адресатом, психологической интенсификации аргументативного воздействия. При нарушении нормативных критериев аналогической аргументации возникают погрешности, которые квалифицируются как неправильное применение аргументативных схем либо как тактические ошибки. Понимание прагматической специфики разных видов аналогии, умение применять их в научной коммуникации рассматривается как составляющая аргументативной компетенции субъектов гуманитарного дискурса.

Ключевые слова: аргументация, аналогия, буквальная аналогия, фигуральная аналогия, дискурс, гуманитарные науки.

Цитирование. Савчук Т. Н. Аргументативный потенциал аналогии в дискурсе гуманитарных наук // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 46–57. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.4>

Введение

Естественная для человеческого сознания привычка сравнивать различные явления создает основу для рассуждения по аналогии. Понимание этой когнитивно-речевой процедуры опирается на этимологию коррелирующего с ней термина: в переводе с греческого *analogia* – «сходство, соразмерность, пропорция». Соответственно аналогия определяется как «разновидность рассуждения, которое выражает подобие предметов или явлений в каких-либо свойствах, признаках или отношениях» [Порус, Воробьева, 2021]. Общую схему аналогии можно представить следующим образом: *Если между А и В имеет место отношение подобия, при этом объект А обладает признаками а, b, с, d, объект В обладает признаками а, b, с, то, вероятно, объект В обладает признаком d* (А – аналог (модель), В – прототип (оригинал), а, b, с – общие признаки, d – переносимый признак) [Савчук, 2018, с. 87].

Аналогия исследуется с античных времен как неизменный атрибут убеждающего (аргументативного) воздействия¹, существуют различные ее концепции. В формальной и неформальной логике аналогия рассматривается как специфический (недедуктивный) тип вывода [Ивин, 2001, с. 213–226; Савчук, 2004, с. 17–21; Waller, 1991], в риторике и неориторике – как прием обоснования [Клюев, 2001, с. 104–113; Перельман, Олбрехт-Тытека, 1987, с. 226–259], в теории аргументации – как аргументативная схема [Garssen, 2001; Juthe, 2005; Wohlrapp, 1998] или тип аргумента [Eemeren van, Garssen, 2014; Garssen, 2009; Garssen, 2021; Macagno, Walton, Tindale, 2017].

В зависимости от парадигмы исследования выделяются разные виды аналогии. Так,

традиционный подход, выработанный формальной логикой, на основании характера переносимого признака различает аналогию свойств и аналогию отношений (см., например: [Ивин, 2001, с. 216–218; Савчук, 2004, с. 18; Waller, 1991, р. 200–201]). В других концепциях под аналогией понимают наличие структурного подобия между элементами двух объектов [Juthe, 2005, р. 5; Garssen, 2001, р. 85], то есть только аналогию отношений. Как отмечают Х. Перельман и Л. Олбрехт-Тытека, аналогия является не «отношением сходства, а сходством отношений» [Перельман, Олбрехт-Тытека, 1987, с. 227]. Ее структуру составляют тема (совокупность членов аналогии, «на которых держится заключение») и фора (совокупность членов аналогии, «служащих для подкрепления рассуждения») [Перельман, Олбрехт-Тытека, 1987, с. 227].

Принадлежность сопоставляемых объектов к одной предметной области или к различным позволяет дифференцировать соответственно прямую (буквальную) и непрямую (фигуральную / образную) аналогию [Eemeren van, Garssen, 2014, р. 41–42; Garssen, 2001, р. 86–87; Juthe, 2005, р. 5] (в другой терминологии – «физическую» и «метафизическую» аналогию [Клюев, 2001, с. 107–109]). При этом, согласно неориторике, к «бесспорной» принадлежит лишь аналогия, в которой «фора берется из области материально-чувственной, а тема из области духовной» [Перельман, Олбрехт-Тытека, 1987, с. 228], то есть фигуральная аналогия.

Аналогия может быть строгой (точной) и нестрогой (популярной), что определяется характером признаков, участвующих в сопоставлении. Если признаки сравниваемых объектов существенны, разнообразны, тесно связаны с переносимым признаком, аналогия будет стро-

гой, в других случаях – популярной [Ивин, 2001, с. 219–220; Савчук, 2004, с. 19–20].

Несмотря на различие исследовательских подходов к аналогии, представляется возможным выделить несколько инвариантных свойств этого вида рассуждения. Во-первых, между моделью и прототипом существует отношение подобия, которое является частным случаем сходства и характеризуется наличием корреляции между элементами модели и оригинала [Ивин, 2001, с. 218; Перельман и др., 1987, с. 227; Juthe, 2005, p. 7]. Во-вторых, вывод по аналогии предполагает переход от частного к частному (это нужно учитывать, чтобы не путать аналогию с другими типами аргументации) [Juthe, 2005, p. 24; Wohlrapp, 1998, p. 349]. В-третьих, прототипическому объекту обязательно приписывается новое свойство (эксплицитно или имплицитно), то есть присутствует развитие мысли (данный признак позволяет отличить аналогию, в частности, от риторического сравнения) [Савчук, 2017, с. 100].

Понимание концептуальной специфики аналогии, своеобразия ее таксономических вариантов служит методологической предпосылкой данного исследования, цель которого – раскрыть аргументативный потенциал аналогии в дискурсе гуманитарных наук². Теоретически исследование связано с конвергентной лингвистической концепцией аргументации, интегрирующей дескриптивный и нормативный подходы к изучаемому объекту, обеспечивающей соответственно его описание и оценку (см.: [Савчук, 2018]). Это означает, что цель статьи может быть конкретизирована двумя основными вопросами: 1) каковы прагматические функции различных типов аналогии в научно-гуманитарной аргументативной практике?; 2) каковы критерии эффективности рассуждений по аналогии в гуманитарном дискурсе?

Материал и методы

Материалом исследования послужили русскоязычные научные статьи гуманитарного профиля (175 текстов по социологии, психологии, культурологии, лингвистике, журналистике), извлеченные из рецензируемых журналов за 2001–2019 годов.

Прагматика аналогии определяется возможностью использования этого типа рассуждения в двух значениях: 1) собственно аргументативном и 2) парааргументативном. Каждое из них проявляется в различных функциональных вариантах.

Такая дифференциация базируется на разграничении понятий «аргументация» и «парааргументация», релевантном для дискурса гуманитарных наук. Под аргументацией понимается интеллектуально-коммуникативная процедура, нацеленная на доказательство определенной точки зрения и убеждение адресата в ее истинности / приемлемости. В свою очередь, парааргументация рассматривается как вспомогательные компоненты дискурса, поддерживающие (усиливающие) убеждающее воздействие. Аргументация предполагает особое построение высказывания – наличие в текстовой структуре тезиса, аргументов и связи между ними, в то время как парааргументативные рассуждения находятся за пределами аргументативной конструкции.

Результаты и обсуждение

Собственно аргументативная функция обуславливает использование аналогии как особого типа схем аргументации³. Вывод по аналогии мы относим к фактуальным схемам, которые обеспечивают обоснование истинности тезиса обращением в посылках к эмпирическим данным [Савчук, 2017, с. 98–99]. В случае аналогии частный случай (факт) используется как элемент сопоставления. Аналогическая (сопоставительная) схема аргументации применяется для того, чтобы на основе сходства свойств каких-либо явлений или отношений между ними убедить реципиента в возможности сходного описания и/или оценки сопоставляемых фактов / событий. Прагматика аналогии базируется на логической закономерности: если предметы сходны в одних признаках, то они сходны и в других, значит, то, что истинно для одного предмета, истинно и для другого [Савчук, 2004, с. 17].

Реализация собственно аргументативного значения аналогии связана с рациональным воздействием на адресата, что предполагает использование буквальной аналогии, члены которой принадлежат близким предметным

сферам. В этом случае аналогия выполняет **познавательную** функцию: знания о хорошо изученном научном объекте переносятся на новый объект. Такой принцип позволяет вводить в дискурс новые понятия, термины, определения, а также обосновывать их оценку:

(1) Введение в XVIII в. в Великобритании термина «четвертая власть» в отношении газет по праву **можно сравнить** с информационной революцией, **подобной** использованию компьютерных технологий в полиграфии или развитию Интернета⁴ (ВСПбУ1, с. 114).

Переносимые на основе подобия знания могут касаться методов, моделей анализа:

(2) Подход, рассматривающий политическое сознание как субкатегорию по отношению к политической культуре и как ее предпосылку, а политическую деятельность как форму ее проявления, дает возможность считать политическое сознание и политическую деятельность журналиста компонентами его политической культуры. **Логика этого подхода позволяет подобным образом структурировать и другие формы культуры.** В частности, профессиональное сознание и профессиональную деятельность можно рассматривать в качестве компонентов профессиональной культуры, правовое сознание и правовую деятельность – как компоненты правовой культуры, моральное сознание и моральную деятельность включать в структуру моральной культуры (ВБГУ, с. 62).

Заметим, что обычно те или иные конституенты вывода пропускаются, в результате аналогия оказывается свернутой, как в (1). В случае эксплицитного выражения всех составных компонентов, как в (2), имеет место полноструктурная аналогия.

Сближение модели и оригинала в аналогическом рассуждении позволяет актуализировать его **доказательный** потенциал. Чем ближе при этом сравниваемые предметные области, тем больше аргументативная сила сопоставительного умозаключения:

(3) В настоящее время за счет использования достижений науки в наиболее экономически развитых странах обеспечивается до 70 % роста ВВП. Особое значение в общественном развитии этот фактор приобретает для стран с ограниченными собственными энергосырьевыми ресурсами... К этим странам с полным основанием можно отнести и Республику Беларусь, находящуюся

в схожей с ними ситуации с энергоресурсообеспечением... (СА4, с. 210).

Положение о целесообразности приоритетного развития науки в Республике Беларусь выводится на основе сопоставления с позитивным опытом близких в социально-экономическом отношении стран.

Доказательную роль аналогии аргументатор может сделать более очевидной для реципиента. Это достигается за счет акцентирования существенности сходных признаков сравниваемых объектов и второстепенности несходных свойств, а также за счет детализации этих признаков:

(4) Создание в нашей стране в последние годы «национальных исследовательских университетов»... вполне соответствует запросам культурно-цивилизационного развития постиндустриализма во всем мире. ...Как бы ни были развиты США и страны ЕС в индустриальном плане, вряд ли можно с уверенностью сказать, что они «завершили» постиндустриальную модернизацию, соответственно, реформу науки и образования. Там **идут такие же процессы** преобразования «старых», «классических», «научно-образовательных» университетов в университеты нового поколения... **Мы только были заторможены** «перестройкой»... Но перед нами **стоят те же самые задачи** в пространстве постиндустриальной модернизации... (НИК2, с. 56).

В гуманитарном дискурсе доказательный характер аналогии проявляется как в позитивной (подтверждающей) – см. примеры (1)–(4), так и в негативной (критикующей) аргументации. В случае критики внимание фокусируется не на общих признаках сравниваемых объектов, а на их различии:

(5) Однако применение параметров, **стилистически похожих** с теми, что характеризуют первые три ветви власти, может оказать негативное действие на общественное мнение – у определенной части населения создается впечатление, что четыре власти равноценны. На наш взгляд, критерием в решении этой проблемы может служить тот факт, что законодательная, исполнительная и судебная власти обладают главной функцией – разрабатывать, принимать и претворять в жизнь управленческие решения. Они отвечают за них своим авторитетом, влиянием в обществе. У журналистики **такая функция отсутствует**... (ВСПбУ1, с. 116).

В (5) основой для опровержения точки зрения, согласно которой журналистика обладает властными полномочиями, служит утверждение об отсутствии ожидаемого сходства (переносимого признака) у модели (*три ветви власти*) и оригинала (*журналистика*).

В научной аргументации существенным является **эвристический** потенциал аналогии, которая дает возможность предвидеть, прогнозировать характеристики новых объектов, результаты их поведения:

(6) В то же время не следует делать поспешных заключений о том, как Интернет повлияет на политическую систему. <...>. **Точно так же как** телевидение не использовало все свои возможности для влияния на политику до 60–70-х гг. XX в., **логично ожидать, что** полное влияние Интернета не проявится отчетливо в течение ближайшего времени (ВСПбУ2, с. 131).

Научная догадка может касаться рационального объяснения изучаемого явления, тогда роль аналогии будет **интерпретирующей**:

(7) **По-видимому, сходный механизм** однообразного восприятия **лежит в основе** известного феномена «дорожного гипноза» и связанной с ним высокой аварийностью на дорогах... **Вероятно**, психологические эффекты, возникающие при наблюдении движения вперед и, соответственно, расширяющегося пространства, **согласуются с** психологическими состояниями, возникающими при активизации дивергентного мышления (НПЖ4, с. 106).

Осознание учеными неточности полученных по аналогии эвристических заключений маркируется соответствующими модальными операторами, что отражено в (7).

Для гуманитаристики характерно использование буквальной аналогии не только в теоретической, но и в практической аргументации, которая мотивирует к принятию решений в разных сферах деятельности. Аргументатор, который обосновывает желательность / нежелательность определенного действия, целесообразность того или иного предложения, актуализирует **нормативное** значение аналогии:

(8) В 30-е годы прошлого века производителями и прокатчиками фильмов в США был принят Кодекс Хейса, ограничивающий демонстрацию картин, подрывающих нравственные устои обще-

ства. <...>. Видимо, **настала необходимость принять что-то подобное**, касающееся средств массовой информации (СА2, с. 487).

Аргументативные действия пропонента могут быть направлены на убеждение адресата в том, что в отношении модели и оригинала возможно не только сходное описание, но и сходная оценка. В таком случае мы говорим об **аксиологической** прагматике аналогии:

(9) Постмодернистский стиль **напоминает во многих аспектах** подрывную (в отношении незыблемых первооснов) деятельность античных софистов и средневековых номиналистов... Жизнь у Рорти или Деррида, **как в свое время** у Фрасимаха или Гиппия, лишена единой цели, не может быть объяснена, но лишь описана, причем не глубинно-сущностно, а поверхностно-феноменально (НИК4, с. 111).

Как видно из примеров (1)–(9), в качестве параметров сопоставления в прямой аналогии могут выступать временные, географические, политические, социальные, культурные признаки.

Общепризнанно, что аналогия – «шаткий способ аргументации» [Перельман, Олбрехт-Тытека, 1987, с. 244]. Доказательная сила этого типа вывода прямо пропорциональна степени его строгости. В гуманитарном дискурсе точная аналогия – явление редкое, обычно используется популярная аналогия.

Парааргументативное значение аналогии проявляется в том, что она поддерживает аргументацию, усиливая убеждающий эффект. Эта прагматическая цель достигается за счет непрямой аналогии, которая воздействует на адресата через образно-эмоциональный канал.

Отмечается широкое использование аналогии в **объяснительной** функции. Причем за счет характерного для фигуральной аналогии сближения когнитивной и практической сфер («сопоставления несопоставимого», по выражению Б. Гарсена [Garssen, 2009]) достигается наглядность объяснения. Движение мысли от конкретного к абстрактному позволяет «схватить» идею, облегчает восприятие новой информации:

(10) Так почему же вера в магическое до сих пор жива? Возможно, она выживает **так же, как**

выживали мелкие млекопитающие в век динозавров: уйдя «под землю» – в глубину бессознательного (НПЖ2, с. 42).

Реконструкция подобных этому аналогических умозаключений обычно требует актуализации фоновых знаний реципиента, что позволяет сделать объяснение более очевидным, а следовательно, убедительным:

(11) Усвоение социальных и культурных норм, в принципе, **мало чем отличается от** усвоения через практику падений закона всемирного тяготения, а через болезненный ожог умения правильно обращаться со спичками (НПЖ3, с. 21).

Имплицитное уподобление социокультурных норм законам природы приводит к выводу об аналогичном (практическом) характере постижения норм культуры и социальных законов.

Использование не прямой аналогии способствует **популяризации** изложения, реализует тактику эмоционального сближения с адресатом:

(12) Странно говорить о лингвистике в сфере, названной лингвистической. Между тем резон в такой постановке вопроса не просто есть, а он весьма велик... <...>. **Это столь же уместно, как** рассуждать о золоте в современных золотых украшениях, о мясе в мясных колбасах, о молочных жирах в молоке и твороге, о сыре в сырных изделиях и пр. – читатель легко продолжит этот немудреный печальный ряд (ВВГУ, с. 19, 25).

Обратим внимание на то, что в (12) аналогическое рассуждение выносится в затекстовые примечания – тем самым подтверждается его парааргументативный характер. Убеждающее воздействие усиливается благодаря тому, что для прояснения одной темы аргументатор привлекает несколько сходных аналогов, объединенных «логикой здравого смысла».

Фигуральная аналогия, как правило, несет оценочный заряд, чаще негативный. Формируя соответствующий эмоциональный фон рассуждения, образная аналогия выступает как прием **психологического усиления** аргументации:

(13) ...Избыточно технологизированная среда и подчиненные ее законам сограждане живут жизнью конкретного, а порой и чисто виртуального персонажа *не вместе с ним, а вместо него*. **Подоб-**

но ситуации на современной богатой свадьбе, где гости умиротворенно сидят за столом, а танцуют, поют и оживленно разговаривают специально нанятые для этого случая профессиональные артисты. И только один пожилой участник торжества говорит своему соседу: «Как странно, друг, – свадьба наша, а гуляют на ней другие!» (НПЖ3, с. 24).

Перлокутивный эффект негативно-оценочной аналогии подкрепляется иронической окраской высказывания, что отражено, например, в (12) и (13).

При значительной отдаленности предметных сфер фигуральной аналогии она превращается в метафору, которая квалифицируется в данном случае как «сгущенная аналогия» [Перельман, Олбрехт-Тытека, 1987, с. 249], например:

(14) В итоге многочисленная бюрократия рассматривает бизнес-сообщество **в качестве** стада овец, которое можно стричь сколько угодно раз, даже не утруждая себя заботой о нем, поскольку оно пасется самостоятельно (СА1, с. 148).

Основная цель «сгущения» аналогии – психологическое воздействие на реципиента путем актуализации эмоционального канала восприятия информации. Этому способствует использование аксиологически нагруженных слов и выражений:

(15) Казалось бы, объектом такого рода программ является все-таки относительно узкая социальная группа – неблагополучные семьи и дети... <...>. Однако в действительности такого рода программы имеют широкий социальный контекст. Нельзя создать **социальную оранжею** для избранных или **социальную резервацию** для неблагополучных (НПЖ1, с. 43).

Стремление к эмоциональной убедительности аргументации побуждает авторов научных текстов не только сгущать аналогию, но и, напротив, расширять, обогащать ее. Развитие аналогии происходит за счет конкретизации ее членов, сообщения детализированной информации об уподобляемых объектах и их признаках:

(16) Человек с естественно-научным складом мышления, который привык, что в теоретическом построении нет ни одной лишней детали (**как в** изящном карточном домике), убежден, что и в гумани-

тарной науке появление дисгармонирующего с существующей традицией факта дискредитирует всю эту традицию (стоит вытащить одну-единственную карту из нижнего ряда, и карточный домик рухнет). Однако **речь идет не о карточном домике, а о муравейнике** – десятках и сотнях тысяч элементов, весьма причудливо связанных между собой. Убрав лопату земли из основания, мы обрушим не весь муравейник, а лишь его участок (ФН, с. 4).

В (16) обогащенная аналогия представляет собой рассуждение особого рода – прием, называемый «сходством через противоположность» [Перельман, Олбрехт-Тытека, 1987, с. 239]: для прототипа (*методология гуманитарного знания*) формируются две модели (*карточный домик* и *муравейник*), которые далее противопоставляются. При этом аргументатор демонстрирует несостоятельность идеи о сходстве оригинала с первой моделью, тем самым подчеркивая подобие второй пары отношений. Эффективность такой (обратной) аналогии, на наш взгляд, имеет психологические основания: внимание адресата переключается с инерционной ментальной схемы (а потому, казалось бы, очевидной мысли) на новую модель ситуации и, соответственно, неожиданную для адресата идею. В результате сознание закрепляет новую идею, поскольку ее усвоение потребовало определенных когнитивных усилий.

Интенсифицирующая роль обратной аналогии отчетливо проявляется при включении в структуру аргументирующего высказывания нескольких моделей, противоположных той, которую обосновывает аргументатор:

(17) Когда мы говорим о развитии коллективного сознания, о его трансформации и дифференциации в особые формы, то не должны забывать, что сознание **не есть** некий «духовный левиафан», **не витает** в воздухе, **на манер** гегелевского абсолютного духа, и **не существует наряду с** конкретными живыми индивидами и их «индивидуальным сознанием»... Институты духовного производства... оформляются в глубинах первобытности на основе деятельности особых социальных групп (НИК2, с. 41).

В (17) акцентируется отношение противоречия между оригинальной идеей и аналогами – известными, привычными образами, хранящимися в сознании реципиента в виде эксперт-

ных знаний, что способствует усилению аргументации.

Использование аналогии в дискурсе гуманитарных наук возможно регламентировать. При этом необходимо учитывать несколько факторов: приоритет рациональности в научной аргументации, прагматику аргументирующего высказывания, общие закономерности аналогии, а также специфику ее разновидностей. Если эти факторы игнорируются, в аналогической аргументации возникают разного рода погрешности, которые мы квалифицируем как неправильное применение аргументативных схем либо как тактические ошибки⁵. Рассмотрим в нормативном аспекте несколько характерных примеров.

Аналогия возможна при развитии мысли от известного, знакомого к неизвестному и только в таком случае реализует заложенный в нее смысл. Противоположная направленность рассуждения делает вывод сомнительным:

(18) ...Книга, как носитель произведения, является одним из самых сложных социально-культурных кодов... **В чем-то книгу можно уподобить мозгу: как** мозг в своих электрохимических сигналах кодирует и моделирует Универсум, **так же и** книга в знаково-информационном пространстве печатного текста моделирует и кодирует Универсум бытия и Универсум знаний (НИК1, с. 17).

Вряд ли целесообразной будет фигуральная аналогия, в которой нет развития мысли, прироста информации – сравнение делается ради сравнения:

(19) Слово, будучи материальным по своей сути, состоящим из звуков, несет в себе идеальное содержание – мысли, чувства, настроения, духовный мир человека. **Слово** – та **ниточка**, которая соединяет в человеке его материальную и духовную сущность, и поэтому **в слове заложена огромная сила** – сила речевого воздействия одного человека на другого (НИК3, с. 103).

В (19) тактический просчет усугубляется логическим противоречием выделенных образных выражений.

Логика сравнения должна быть понятной, то есть связь модели и оригинала, наличие у них общих признаков и характер переносимого признака не должны вызывать вопросов у реципиента: неоднозначность

может провоцировать упрощение и искажение сути пропонируемой идеи. Проблематичны уместность и тактическая оправданность образной аналогии, которая не проясняет смысл нового понятия, а, скорее, затемняет его и в результате преобразует высказывание в псевдообъяснение:

(20) Капитал живет по своим законам, законам максимизации прибыли и минимизации убытков в целях самовозрастания... **Он как громадная амeba**, существующая с единственной целью – самовозрастать... Эта амeba не имеет разума, и потому ей требуются разумные слуги – люди. <...>. Капитализм – это организованная система, «телом» которой являются человеческие связи (САЗ, с. 333).

В оценке подобных рассуждений сошлемся на высказывание теоретиков неориторики: «При модификации форы необходима осторожность, ибо при этом есть риск сделать ее чересчур фантастичной, а ведь даже в виде гипотезы нельзя утверждать то, что противоречит истине» [Перельман, Олбрехт-Тытека, 1987, с. 234]. Эта мысль представляется особенно актуальной для научной аргументативной практики. При этом следует обратить внимание на то, что интерпретация, критический анализ и оценка аргументирующих высказываний / текстов предполагают вариативность, естественный источник которой – параметрические (профессиональные и личностные) характеристики исследователя-интерпретатора.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что в научном гуманитарном дискурсе аналогия обладает значительным аргументативным потенциалом. Широкий функциональный диапазон аналогических рассуждений формируется двумя значениями: собственно аргументативным и парааргументативным. Они коррелируют с рациональным и эмоциональным воздействием на адресата и реализуются соответственно за счет буквальная и фигуральная аналогии.

Выделенные две группы прагматических значений аналогии, на наш взгляд, соотносятся с двумя дистинктивными характеристиками научно-гуманитарного дискурса. С одной

стороны, критерий научности знания требует точности, строгости аргументирующих рассуждений, что находит выражение в собственно аргументативной функции аналогии. С другой стороны, гуманитарный характер дискурса снимает запрет на оценочность, образность, вероятность, отсюда – широкое использование аналогии в парааргументативной роли.

Эффективность применения аналогии определяется требованиями к научно-гуманитарной аргументации, сформированными в рамках конвергентной теории на основе прагматической лингвистики и неформальной логики. Целесообразность того или иного типа аналогического рассуждения определяется с учетом его аргументативной роли и в каждом случае предусматривает тщательный анализ с привлечением достаточного дискурсивного контекста. Немотивированная аналогия отвлекает внимание реципиента, запутывает рассуждение, тем самым ослабляет аргументацию. Однако при корректном использовании аналогия, которой свойственно преобразование имеющегося опыта в новые знания, способна стимулировать креативные идеи, концепции, решения, актуализировать творческий потенциал научного обоснования. Понимание прагматической специфики разных видов аналогии, умение применять их в научной коммуникации рассматривается как составляющая аргументативной компетенции субъектов гуманитарного дискурса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Традиция теоретического осмысления аналогии восходит к «Аналитикам» Аристотеля.

² Насколько нам известно, аналогия в научно-гуманитарной коммуникативной практике до сих пор не была объектом специального рассмотрения. Для изучения аналогии теоретики аргументации привлекают, как правило, материал юридического и политического дискурсов, а также обыденной коммуникации (см., например: [Eemeren van, Garssen et al., 2014; Garssen, 2009; Garssen, 2021]).

³ Схема аргументации – это способ связи ее конститuentов: аргументов (посылок / доводов) и тезиса (точки зрения), иными словами, это конвенциональные правила, принципы, которые позволяют «переносить» приемлемость посылок на пропонируемый тезис [Garssen, 2001, p. 81].

⁴ Идентификацию аналогии облегчают специфические языковые средства – аргументативные вербализаторы (см.: [Савчук, 2018, с. 120–121]). В примерах они выделяются полужирным шрифтом.

⁵ Нормативная модель научно-гуманитарной аргументации обосновывается в наших предыдущих работах (см., например: [Савчук, 2018, с. 187–220]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ивин А. А., 2001. Логика. М.: Фаир-Пресс. 320 с.
- Клюев Е. В., 2001. Риторика: Инвенция. Диспозиция. Элокуция. М.: Приор. 271 с.
- Перельман Х., Олбрехт-Тытека Л., 1987. Из книги «Новая риторика: трактат об аргументации»: пер. с фр. // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс. С. 207–264.
- Порус В. Н., Воробьева С. В., 2021. Аналогия // Гуманитарная энциклопедия: Концепты. Центр гуманитарных технологий, 2002–2021. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7211> (дата обращения: 02.02.2021).
- Савчук Т. Н., 2004. Логика. В 3 ч. Ч. 3. Недедуктивные выводы. Логические основы общения. Минск: Изд-во МИУ. 51 с.
- Савчук Т. Н., 2017. Прагматическая специфика фактуальных схем в научно-гуманитарной аргументации // Весці БДПУ. Серыя 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. № 1. С. 97–102.
- Савчук Т. Н., 2018. Аргументация в русско- и белорусскоязычном научно-гуманитарном дискурсе. Минск: БГУ. 279 с.
- Eemeren F. H. van, Garssen B. J., 2014. Argumentation by Analogy in Stereotypical Argumentative Patterns // Systematic Approaches to Argument by Analogy. Dordrecht: Springer. P. 41–56.
- Garssen B. J., 2001. Argument Schemes // Crucial Concepts in Argumentation Theory. Amsterdam: Amsterdam University Press. P. 81–99.
- Garssen B., 2009. Comparing the Incomparable: Figurative Analogies in a Dialectical Testing Procedure // Pondering on Problems of Argumentation: Twenty Essays on Theoretical Issues. Dordrecht: Springer. P. 133–140.
- Garssen B., 2021. The Maxims of Common Sense: Strategic Manoeuvring with Figurative Analogies // The Language of Argumentation. Dordrecht: Springer. P. 213–227.
- Juthe A., 2005. Argument by Analogy // Argumentation. Vol. 19, №1. P. 1–27. DOI: 10.1007/s10503-005-2314-9.
- Macagno F., Walton D., Tindale Ch., 2017. Analogical Arguments: Inferential Structures and Defeasibility Conditions // Argumentation. Vol. 31, № 2. P. 221–243. DOI: 10.1007/s10503-016-9406-6.
- Waller B. N., 1991. Classifying and Analyzing Analogies // Informal Logic. Vol. 21, № 3. P. 199–218.
- Wohlrapp H., 1998. A New Light on Non-Deductive Argumentation Schemes // Argumentation. Vol. 12, № 1. P. 341–350.

ИСТОЧНИКИ

- ВБГУ – Казанков В. А. К концепции политической культуры журналиста // Вестник БГУ. Серия 4, Филология. Журналистика. Педагогика. 2008. № 1. С. 60–63.
- ВВГУ – Баранов А. Н. Лингвистика в лингвистической экспертизе (метод и истина) // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. 2017. Т. 16, № 2. С. 18–27. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.2>.
- ВСПбУ1 – Вертешин А. И. Российская журналистика периода новейшей трансформации – властная система или служение политической власти? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9, Филология, востоковедение, журналистика. 2005. Вып. 4. С. 114–124.
- ВСПбУ2 – Филатова О. Г. Политическое влияние интернета на массовую аудиторию // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9, Филология, востоковедение, журналистика. 2007. Вып. 3, ч. 1. С. 126–132.
- НИК1 – Гриценко В. П. Социокультурные коды и механизмы культурной трансляции // Наука. Искусство. Культура. 2014. Вып. 3. С. 5–17.
- НИК2 – Игнатова В. С., Римский В. П. Проблема «традиции – инновации» и генезис научно-инновационных субкультур (культурно-цивилизационный контекст) // Наука. Искусство. Культура. 2012. Вып. 1. С. 34–57.
- НИК3 – Туралина Н. А. Стихия слова, понимание и речевое воздействие // Наука. Искусство. Культура. 2014. Вып. 3. С. 103–107.
- НИК4 – Цуканов Е. А. Не позволяйте обществу скакать или зачем террористам дискурс // Наука. Искусство. Культура. 2014. Вып. 3. С. 108–114.
- НПЖ1 – Реан А. А. Семья риска. Дети. Общество // Национальный психологический журнал. 2007. № 2. С. 40–43.
- НПЖ2 – Субботский Е. В. Выживание в мире машин: взгляд психолога на причины веры в магию // Национальный психологический журнал. 2010. № 1 (3). С. 42–47.
- НПЖ3 – Тхостов А. Ш., Сурнов К. Г. Культура и патология: побочные эффекты социализации // Национальный психологический журнал. 2006. № 1. С. 20–27.
- НПЖ4 – Тюрин П. Т. Об эмоциональных состояниях, возникающих при наблюдении разно-

- направленных движений // Национальный психологический журнал. 2012. № 1 (7). С. 104–106.
- СА1 – Бубнов Ю. М. Коррупция как социальная болезнь // Социологический альманах. 2011. Вып. 2. С. 138–149.
- СА2 – Русецкая В. И. Роль средств массовой информации в формировании общественной нравственности // Социологический альманах. 2013. Вып. 4. С. 482–487.
- СА3 – Смирнов В. Э. Человек постсовременный: к методологии исследования // Социологический альманах. 2012. Вып. 3. С. 327–336.
- СА4 – Хурс М. Н. Ученые степени и звания в контексте совершенствования механизма мотивации научной деятельности // Социологический альманах. 2010. Вып. 1. С. 210–216.
- ФН – Изотов А. И. Филологическое знание: проблема степени верифицируемости // Филологические науки. 2016. № 1. С. 3–8.
- Ivin A.A., 2001. *Logika* [Logic]. Moscow, Fair-Press Publ. 320 p.
- Klyuev E.V., 2001. *Ritorika: Inventsiya. Dispozitsiya. Elokutsiya* [Rhetoric: Invention. Disposition. Elocution]. Moscow, Prior Publ. 271 p.
- Perelman Kh., Olbrekht-Tyteka L., 1987. Iz knigi «Novaya ritorika: traktat ob argumentatsii» [From the Book “New Rhetoric: A Treatise on Argumentation”]. *Yazyk i modelirovanie sotsialnogo vzaimodeystviya* [Language and Modeling of Social Interaction]. Moscow, Progress Publ., pp. 207-264.
- Porus V.N., Vorobyeva S.V., 2021. Analogiya [Analogy] *Gumanitarnaya entsiklopediya: Kontsepty. Tsentr humanitarnykh tekhnologiy, 2002–2021* [Humanitarian Encyclopedia: Concepts. Center for Humanitarian Technologies, 2002–2021]. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7211> (accessed 2 February 2021).
- Savchuk T.N., 2004. *Logika. V 3 ch. Ch. 3. Nededuktivnye vyvody. Logicheskie osnovy obshheniya* [Logic. In 3 Parts. Part 3. Non-Deductive Reasoning. Logical Foundations of Communication]. Minsk, Izd-vo MIU. 51 p.
- Savchuk T.N., 2017. Pragmaticheskaya spetsifika faktualnykh skhem v nauchno-gumanitarnoy argumentatsii [Pragmatic Specifics of Factual Schemes in Scientific Humanitarian Argumentation]. *Vesti BDPU. Seryya 1. Pedagogika. Psikhologiya. Filalogiya* [BSPU Bulletin. Pedagogy. Psychology. Philology], no. 1, pp. 97-102.
- Savchuk T.N., 2018. *Argumentatsiya v russko- i belorusskoyazychnom nauchno-gumanitarnom diskurse* [Argumentation in the Russian and Belarusian Language Scientific and Humanitarian Discourse]. Minsk, BGU. 279 p.
- Emeren F.H. van., Garssen B.J., 2014. Argumentation by Analogy in Stereotypical Argumentative Patterns. *Systematic Approaches to Argument by Analogy*. Dordrecht, Springer, pp. 41-56.
- Garssen B.J., 2001. Argument Schemes. *Crucial Concepts in Argumentation Theory*. Amsterdam, Amsterdam University Press, pp. 81-99.
- Garssen B., 2009. Comparing the Incomparable: Figurative Analogies in a Dialectical Testing Procedure. *Pondering on Problems of Argumentation: Twenty Essays on Theoretical Issues*. Dordrecht, Springer, pp. 133-140.
- Garssen B., 2021. The Maxims of Common Sense: Strategic Manoeuvring with Figurative Analogies. *The Language of Argumentation*. Dordrecht, Springer, pp. 213-227.
- Juthe A., 2005. Argument by Analogy. *Argumentation*, vol. 19, no. 1, pp. 1-27. DOI: 10.1007/s10503-005-2314-9.
- Macagno F., Walton D., Tindale Ch., 2017. Analogical Arguments: Inferential Structures and Defeasibility Conditions. *Argumentation*, vol. 31, no. 2, pp. 221-243. DOI: 10.1007/s10503-016-9406-6.
- Waller B.N., 1991. Classifying and Analyzing Analogies. *Informal Logic*, vol. 21, no. 3, pp. 199-218.
- Wohlrapp H., 1998. A New Light on Non-Deductive Argumentation Schemes. *Argumentation*, vol. 12, no. 1, pp. 341-350.

REFERENCES

SOURCES

- Transformation – A Power System or a Service to Political Power?]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya, vostokovedenie, zhurnalistika* [Bulletin of St. Petersburg University. Philology, Oriental Studies, Journalism], 2005, iss. 4, pp. 114-124.
- Filatova O.G. Politicheskoe vliyanie interneta na massovuyu auditoriyu [The Political Impact of the Internet on Mass Audiences]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya, vostokovedenie, zhurnalistika* [Bulletin of St. Petersburg University. Philology, Oriental Studies, Journalism], 2007, iss. 3, part 1, pp. 126-132.
- Gritsenko V.P. Sotsiokulturnye kody i mekhanizmy kulturnoy translyatsii [Sociocultural Codes and Mechanisms of Cultural Transmission]. *Nauka. Iskusstvo. Kultura* [The Science. Art. Culture], 2014, iss. 3, pp. 5-17.
- Ignatova V.S. Rimskiy V.P. Problema «traditsii – innovatsii» i genezis nauchno-innovatsionnykh subkultur (kulturno-tsivilizatsionnyy kontekst) [The Problem of “Tradition – Innovation” and the Genesis of Scientific and Innovative Subcultures (Cultural and Civilizational Context)]. *Nauka. Iskusstvo. Kultura* [The Science. Art. Culture], 2012, iss. 1, pp. 34-57.
- Turanina N.A. Stikhiya slova, ponimanie i rechevoe vozdeystvie [Element of the Word, Understanding and Speech Impact]. *Nauka. Iskusstvo. Kultura* [The Science. Art. Culture], 2014, iss. 3, pp. 103-107.
- Tsukanov E.A. Ne pozvolyayte obshchestvu skakat ili zachem terroristam diskurs [Don't Let the Society Skip or Why Terrorists Need a Discourse]. *Nauka. Iskusstvo. Kultura* [The Science. Art. Culture], 2014, iss. 3, pp. 108-114.
- Rean A.A. Semyi riska. Deti. Obshchestvo [Families at Risk. Children. Society]. *Natsionalnyy psikhologicheskiy zhurnal* [National Psychological Journal], 2007, no. 2, pp. 40-43.
- Subbotkiy E.V. Vyzhivanie v mire mashin: vzglyad psikhologa na prichiny very v magiyu [Survival in the World of Machines: A Psychologist's View on the Reasons for Believing in Magic]. *Natsionalnyy psikhologicheskiy zhurnal* [National Psychological Journal], 2010, no. 1 (3), pp. 42-47.
- Tkhostov A.Sh., Surnov K.G. Kultura i patologiya: pobochnye efekty sotsializatsii [Culture and Pathology: Side Effects of Socialization]. *Natsionalnyy psikhologicheskiy zhurnal* [National Psychological Journal], 2006, no. 1, pp. 20-27.
- Tyurin P.T. Ob emotsionalnykh sostoyaniyakh, vznikayushchikh pri nablyudenii raznonapravlennykh dvizheniy [About Emotional States Arising from the Observation of Multidirectional Movements]. *Natsionalnyy psikhologicheskiy zhurnal* [National Psychological Journal], 2012, no. 1 (7), pp. 104-106.
- Bubnov Yu.M. Korruptsiya kak sotsialnaya bolezni. [Corruption As a Social Disease]. *Sotsiologicheskiy almanakh* [Sociological Almanac], 2011, iss. 2, pp. 138-149.
- Rusetskaya V.I. Rol sredstv massovoy informatsii v formirovaniy obshchestvennoy npravstvennosti [The Role of the Media in the Formation of Public Morality]. *Sotsiologicheskiy almanakh* [Sociological Almanac], 2013, iss. 4, pp. 482-487.
- Smirnov V.E. Chelovek postsovremenny: k metodologii issledovaniya [Postmodern Man: Towards Research Methodology]. *Sotsiologicheskiy almanakh* [Sociological Almanac], 2012, iss. 3, pp. 327-336.
- Khurs M.N. Uchenye stepeni i zvaniya v kontekste sovershenstvovaniya mekhanizma motivatsii nauchnoy deyatel'nosti [Academic Degrees and Titles in the Context of Improving the Mechanism of Motivation for Scientific Activity]. *Sotsiologicheskiy almanakh* [Sociological Almanac], 2010, iss. 1, pp. 210-216.
- Izotov A.I. Filologicheskoe znanie: problema stepeni verifitsiruемости [Philological Knowledge: the Problem of the Degree of Verifiability]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 2016, no. 1, pp. 3-8.

Information About the Author

Tatiana N. Savchuk, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Applied Linguistics, Belarusian State University, Prosp. Nezavisimosti, 4, 220030 Minsk, Belarus, tatyana.s77@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2646-3543>

Информация об авторе

Татьяна Николаевна Савчук, доктор филологических наук, профессор кафедры прикладной лингвистики, Белорусский государственный университет, просп. Независимости, 4, 220030 г. Минск, Беларусь, tatyana.s77@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2646-3543>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.5>UDC 811.161.1'36(091)
LBC 81.411.2-03Submitted: 21.10.2021
Accepted: 20.12.2021**GRAMMAR NORM REFLECTION IN THE “COLLECTION OF GREEK SAINTS’ HAGIOGRAPHIES” BY ST. NILUS OF SORA****Polina Yu. Karavayeva**

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to identification of the normalizing mode in dual forms use (free, distributive, connected, semi-connected, congruent, dual in constructions with two names) and the postposition of *radi / děl'a*, which were considered by St. Nilus of Sora when editing the hagiographies of St. Athanasius the Athonite, of St. Onuphrius the Great, St. Theodore the Studite and St. Nicholas the Studite. A comparison of the hagiographic texts in the autograph of St. Nilus of Sora with the established main antigraphs showed that the corrections made by Elder Nilus are of a strict systemic nature. Basic principles of editing duality contexts have been described in detail. It is revealed that the basic principle of St. Nilus of Sora editing of hagiographies at the grammatical level is the synthesis of the normalization guidelines developed in the Athos book centers and the ideas of Russian scribes about the grammatical norm of hagiographic sources that were formed in the second half of the 15th century. While using the postposition *radi / děl'a* Nilus focused mainly on the syntactic norm of the new South Slavic translations of the 13th – 14th centuries, the language of which is characterized by the use of syntactic Greekism – a pretext *radi*.

Key words: hagiography, translated hagiographies, main antigraph, autograph, St. Nilus of Sora, Church Slavonic language, grammar norm, dual.

Citation. Karavayeva P.Yu. Grammar Norm Reflection in the “Collection of Greek Saints’ Hagiographies” by St. Nilus of Sora. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 2, pp. 58-71. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.5>

УДК 811.161.1'36(091)
ББК 81.411.2-03Дата поступления статьи: 21.10.2021
Дата принятия статьи: 20.12.2021**ОТРАЖЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГРАММАТИЧЕСКОЙ НОРМЕ
В «СОБОРНИКЕ ЖИТИЙ ГРЕЧЕСКИХ СВЯТЫХ»
ПРЕПОДОБНОГО НИЛА СОРСКОГО****Полина Юрьевна Караваева**

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена выявлению нормализаторских установок в области употребления дуальных форм (свободного, дистрибутивного, связанного, полусвязанного, конгруэнтного двойственного числа) разных частей речи и расположения исконного послелога *ради / дѣла*, которыми руководствовался преподобный Нил Сорский при редактировании житий Афанасия Афонского, Онуфрия Великого Пустычника, Феодора Студита и Николая Студита, входящих в «Сборник житий греческих святых». В результате сопоставления житийных текстов в автографе Нила Сорского с основными антиграфами определено, что внесенные книжником изменения имеют строгий системный характер. В статье подробно охарактеризованы базовые принципы редактирования контекстов с формами двойственного числа. Установлено, что базовым принципом редактирования Нилом Сорским житий на грамматическом уровне является синтез нормализаторских установок, выработанных в святогорских книжных центрах, и представлений русских книжников о грамматической норме агиографических источников, сформировавшихся во второй половине XV века. Показано, что в использовании исконного послелога *ради / дѣла* книжник ориентировался преимущественно на синтаксическую норму новых южнославянских переводов XIII–XIV вв., языку которых присуще употребление синтаксического грецизма – предлога *ради*.

Ключевые слова: житие, переводные жития, основной антиграф, автограф, Нил Сорский, церковнославянский язык, грамматическая норма, двойственное число.

Цитирование. Караваева П. Ю. Отражение представлений о грамматической норме в «Соборнике житий греческих святых» преподобного Нила Сорского // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 58–71. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.5>

Введение

В кругу житийных сборников, созданных до появления Великих Миней Четых митрополита Макария (1541 г.), несомненную ценность для понимания эволюции грамматической нормы литературного языка средневековой Руси представляет «Соборник житий греческих святых» преподобного Нила Сорского (1488–1508 гг.) – «триптих переводных житий святых Древнего Востока, подобранный, упорядоченный по принципу миней и собственноручно переписанный великим книжником» [Леннгрэн, 2014, с. 27]. Изучение агиографических текстов, входящих в этот памятник книжно-славянской письменности, является важным для истории русского литературного языка как в плане выявления текстологической традиции каждого жития, так и в плане описания и систематизации языковых особенностей житий, вошедших в Соборник (далее – СНС).

Настоящая статья посвящена исследованию некоторых морфологических и синтаксических изменений, внесенных прп. Нилом Сорским в Жития св. Афанасия Афонского (далее – ЖАА), св. Онуфрия Великого Пустынника (далее – ЖОВ), св. Феодора Студита (далее – ЖФСт) и св. Николая Студита (далее – ЖНСт), и реконструкции представлений великого старца и его учеников о грамматической норме церковнославянского языка второй половины XV – первой трети XVI века.

Выявление и систематизация принципов редактирования великим старцем житий греческих святых должны быть предварены установлением текстов-антиграфов каждого изучаемого агиографического источника. На сегодняшний день Т.П. Леннгрэн обнаружены тексты, послужившие основными антиграфами для включенных в СНС ЖОВ, ЖФСт и ЖНСт (КБ-24/1101, КБ-30/1107 и КБ-15/1254 соответственно) [Леннгрэн, 2010; 2012а; 2012б].

В наших предыдущих работах в результате сличения ЖАА, переработанного Нилом

Сорским, с созданными ранее (XIV–XV вв.) славянскими списками исследуемого жития (НБКМ-307, Пог.-803, ТСЛ-749, ТСЛ-746, Тихонр.-474, Соф.-1376, Вол.-605, ТСЛ-678, ОСРК-Q.I.1300) и греческим оригиналом (VITA B) установлено, что в качестве основного антиграфа правленного текста ЖАА книжник использовал агиографический источник, принадлежащий текстологической семье γ^2 (Соф.-1376, ТСЛ-746, Тихонр.-474) [Караваева, 2021].

Кроме того, были привлечены и изучены *de visu* восточнославянские списки ЖАА, ЖОВ, ЖФСт и ЖНСт в составе следующих рукописей: ЖАА Соф.-1376 [Абрамович, 1907, с. 283–291; Никольский, 1897, с. 301–307], ТСЛ-746 [Арсений, 1879, с. 139–141; Дмитриева, 1972, с. 155–156], Тихонр.-474 [Георгиевский, 1913, с. 85–86], ГЛМ-8354/14а; ЖОВ КБ-24/1101, ГЛМ-8354/14б; ЖФСт КБ-30/1107, ТСЛ-684; ЖНСт КБ-15/1254, Вол.-630. На основании данных ЖАА, ЖОВ, ЖФСт, ЖНСт в настоящей работе подробно охарактеризованы нормализаторские установки в области употребления форм дв. ч. (о типах форм дв. ч. и их динамике см.: [Жолобов, 1993; 1997; 1998б; 2002; 2019; Жолобов, Крысько, 2001; Маруяма, 2011а; 2011б; 2014]) и постановки исконного послелога **ради /дѣла**, которыми руководствовался Нил Сорский.

Результаты и обсуждение

СНС был создан сорским подвижником в старорусский период, когда употребление форм дв. ч. в церковнославянских текстах – как переводных, так и оригинальных – претерпело существенные изменения. В XV–XVI вв. важное значение приобретает жанровая принадлежность церковнославянского текста. Так, в старорусских летописях в форме дв. ч. продолжают употребляться исключительно существительные, обозначающие парносимметричные предметы, в остальных случаях дуальные формы вытесняются плюральными. Однако общая

поступательная тенденция к редукции форм дв. ч. не является всеобъемлющей.

Не имея опоры в живом языке с конца XIII в., в XIV–XV вв., согласно исследованию О.Ф. Жолобова, использование форм дв. ч. становится приметой именно церковнославянских текстов. Как следствие, употребление дуальных и плюральных форм в памятниках письменности определяется уровнем грамотности переписчика / редактора / автора, текстуальными связями с авторитетными текстами, устойчивостью книжной традиции жанра, к которому принадлежит копируемый или создаваемый текст, и во многом – сознательными грамматическими предпочтениями переписчика и автора [Жолобов 1998а, с. 228–230]. Ввиду этого в нашей работе характер употребления дуальных / плюральных форм в контексте двойственности проанализирован с учетом того факта, что при редактировании соответствующих частей антиграфа Нил Сорский опирается, с одной стороны, на имеющиеся у него знания о норме употребления форм дв. ч. в агиографических текстах предшествующего периода, с другой – на собственные грамматические предпочтения, сложившиеся у него под влиянием различных книжных школ.

Соматические лексемы

Свободное употребление форм двойственного числа

Сопоставительный анализ характера употребления слов, обозначающих природные парносимметричные предметы при наличии контекстуального субъекта в форме ед. ч. в житиях-источниках и текстах житий, включенных в СНС, позволил установить следующее: 1) существительные, обозначающие парные части тела, с высокой степенью частотности употребляются в формах дв. ч. и в текстах-антиграфах, и в житиях в составе Сборника; 2) и источники, и СНС демонстрируют довольно последовательное сохранение дуальных форм по сравнению с плюральными, таким образом мы не можем говорить о варьировании форм дв. ч. / мн. ч. при свободном употреблении; 3) при выборе формы дв. или мн. ч. в таких контекстах существенную роль играет лексический фактор. Так, одни лексемы Нил Сорский употребляет только

в форме дв. ч., исключая полностью фрагменты жития-источника с примерами использования этих существительных в формах мн. ч. (прежде всего **оочи**, а также **нозѣ**):

[ЖАА] **Въ единѣ днь ѿврьсенѣмъ въ нѣтрѣ дѣшевнымъ емоу очесемъ** (ТСЛ-746, л. 362 об. и др.) – Ø (ГЛМ-8354/14а).

К слову **роука** наблюдается иное отношение. Старец Нил, сохраняя в большинстве фрагментов верно употребленные формы свободного дв. ч., в то же время воспринимает использование форм мн. ч. существительного **роука** вместо форм дв. ч. как допустимый (не равноценный!) вариант выражения того же значения, а не отклонение о нормы:

[ЖАА] 1) [инок Герасим] **твердѣ иногѣа лозю и высокоу, въсхотѣ своимъ роукама** [дв. ч.] **ѿ земнымъ гдрѣ въстрѣгнути... съ рѣкама** [дв. ч.] **розгоумѣ** (ТСЛ-746, л. 399 об. и др.) – **твердѣ иногда и высокѣ лозѣ, въсхотѣ своимъ рѣкама** [дв. ч.] **ѿ земля въсторгнити... съ рѣками** [мн. ч.] **лозѣ онѣ емѣ** (ГЛМ-8354/14а, л. 195 об.);

2) и **стѣго помощь призвавъ великѣмъ глѣмъ възъпи... роукама** [дв. ч.] **плескаше** (ТСЛ-746, л. 413 и др.) – и **дерзости исполньсѣ стѣго помощь призвавъ... рѣками** [мн. ч.] **плескаше** (ГЛМ-8354/14а, л. 206);

[ЖФСТ] 3) **рѣцѣ, тѣ мнѣ и иже со мною послажнста, дѣлати и самѣ въсхотѣ. рѣкама кнѣгы пиша** (КБ-30/1107, л. 338 об.) – **рѣцѣ мои послажнстѣ мнѣ, и сѣшимъ съ мною, дѣлати рѣками и самѣ въсхотѣ, писаше оубо книги** (ТСЛ-684, л. 134 – 134 об.).

В целом старец Нил сохраняет при свободном употреблении формы дв. ч. у лексем соматической группы (см. табл. 1), что свойственно и сложившейся в XIII–XIV вв. грамматической традиции Афонской книжной школы, и языку оригинальных старорусских житий. Однако на этом фоне обращает на себя внимание характер употребления лексемы **оочи**, которая используется Нилом Сорским исключительно в формах дв. ч., в чем обнаруживается явное влияние грамматической нормы оригинальных книжно-литературных памятников старорусского периода – Житий свв. Стефана Пермского (далее – ЖСП) и Сергия Радонежского (далее – ЖСР), созданных в начале XV в. Епифанием Премудрым, где существительные **око** и **оухо** встречаются в только в дв. ч. (см. об этом: [Маруяма, 2011а, с. 169]).

Таблица 1. Распределение форм дв. ч. / мн. ч. при свободном употреблении

Table 1. Dual and plural forms in free use

Лексемы соматической группы	Основной антиграф												Редакция исследуемого жития в СНС																		
	Дв. ч.				Мн. ч.				Ед. ч.				Дв. ч.				Мн. ч.				Ед. ч.										
	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж			
О	А	Ф	Н	О	А	Ф	Н	О	А	Ф	Н	О	А	Ф	Н	О	А	Ф	Н	О	А	Ф	Н	О	А	Ф	Н	О	А	Ф	Н
В	А	Ст	Ст	В	А	Ст	Ст	В	А	Ст	Ст	В	А	Ст	Ст	В	А	Ст	Ст	В	А	Ст	Ст	В	А	Ст	Ст	В	А	Ст	Ст
око	3	9	5	1	0	1	0	—	0	1	1	1	3	9	2	1	0	0	0	—	0	0	1	1	0	0	1	1			
роука	5	17	6	5	0	1	1	—	2	12	1	4	5	15	6	3	0	4	2	—	2	12	2	4	0	0	0	—			
нога	4	14	2	1	0	0	0	—	0	6	0	—	4	14	2	2	0	0	0	—	0	6	0	—	0	0	0	—			
оуста	0	0	0	—	1	2	2	3	0	0	0	—	0	0	0	—	1	1	2	2	0	0	0	—	0	0	0	—			
конечнѣ 'ноги'	—	0	—	—	—	1	—	—	—	0	—	—	—	1	—	—	—	0	—	—	—	0	—	—	—	0	—	—			
пърси	—	1	0	—	—	0	1	—	—	0	0	—	—	0	0	—	—	1	1	—	—	0	0	—	—	0	0	—			
колѣно	—	3	—	—	—	0	—	—	—	0	—	—	—	2	—	—	—	1	—	—	—	0	—	—	—	0	—	—			
стопа	0	0	—	—	1	1	—	—	0	0	—	—	0	0	—	—	1	1	—	—	0	0	—	—	0	0	—	—			
ланнѣ	—	0	—	—	—	0	—	—	—	1	—	—	—	0	—	—	—	0	—	—	—	1	—	—	—	0	—	—			
оухо	—	—	1	—	—	—	0	—	—	—	0	—	—	—	0	—	—	—	0	—	—	—	0	—	—	—	0	—			
плеще	—	—	1	—	—	—	0	—	—	—	0	—	—	—	1	—	—	—	0	—	—	—	0	—	—	—	0	—			
рамо	—	—	1	—	—	—	0	—	—	—	0	—	—	—	1	—	—	—	0	—	—	—	0	—	—	—	0	—			
Итого	79				15				24				71				17				29										

Дистрибутивное употребление форм числа

При дистрибутивном употреблении в текстах-антиграфах и Сборнике наблюдается конкуренция форм дв. ч. / мн. ч. с несущественным преобладанием плюралей (см. табл. 2), что характерно для языка новых южнославянских переводов. Важную роль в распределении форм играет лексический фактор. Так, существительное **оуста** употреблено и в антиграфах, и в СНС только в формах мн. ч., что соответствует грамматической норме, сложившейся в древнейших переводах и сохранившейся в новых южнославянских переводах XIII–XIV веков.

Существительное **оочи**, напротив, засвидетельствовано в формах дв. ч. и в текстах-антиграфах, и в Ниловых редакциях. Обратившись к некоторым другим святогорским переводным агиографическим источникам XIII–XIV вв. – Житиям свв. Варлаама и Иоасафа (ТСЛ-687), св. Григория Синаита (ТСЛ-116, Син.-923), обнаруживаем, что употребление сущ. **око** в плюралейной форме при субъекте действия в форме мн. ч. является элементом нормы:

В сиѣ гарустѣ ражѣгса самодръжець, повелѣ оубо бгословесныхъ азъки нѣ оубъзати. изъврѣтъѣти же и оочеса нѣхъ. ржкы же кбпно

и ноги ѿсѣци... оочеса же желѣзны нокты истръгоша (ТСЛ-687, лл. 154 об. – 155).

При дистрибутивном употреблении слова **око** Нил Сорский ориентируется прежде всего на грамматическую норму оригинальных старорусских житий, которым присуще последовательное употребление данного существительного в формах дв. ч. [Маруяма, 2011а, с. 171; 2011б].

Существительное **ноздри**, которое в древнейших текстах и новых переводах встречается исключительно в формах мн. ч. склонения на *i (см.: [Тюняева, 2008, с. 96]; а также [ССЯ, с. 440; Старославянский словарь, с. 383; СДРЯ XI–XIV, . 429–430; Срезн., с. 464–465; СЛРЯ XI–XVII, с. 420]), употреблено в ЖАА-источнике в соответствии с нормой, но исключено Нилом из текста СНС. Слово **рамо** в отредактированном Нилом ЖАА встретилось единожды в форме мн. ч., в то время как в ЖСП и ЖСР и при свободном, и при дистрибутивном употреблении это слово зафиксировано только в формах дв. ч. Слова **нога** и **роука** демонстрируют вариативный характер употребления форм дв. и мн. ч. При этом использование форм мн. и дв. числа. частоупотребительной лексемы **роука** вызывает особый интерес. Старец, очевидно, допускал варьирование дуальных / плюралейных форм

Таблица 2. Распределение форм дв. ч. / мн.ч. при дистрибутивном употреблении

Table 2. Dual and plural forms in distributive use

Лексемы соматиче- ской группы	Основной антиграф								Редакция исследуемого жития в СНС							
	ЖОВ		ЖАА		ЖФСт		ЖНСт		ЖОВ		ЖАА		ЖФСт		ЖНСт	
	дв.	мн.	дв.	мн.	дв.	мн.	дв.	мн.	дв.	мн.	дв.	мн.	дв.	мн.	дв.	мн.
роука	0	1	4	3	0	2	–	–	0	1	3	2	1	4	–	–
нога	–	–	1	0	0	1	1	–	–	–	1	0	0	1	1	–
оуста	0	1	0	1	–	–	–	–	0	1	0	1	–	–	–	–
рамо	–	–	0	1	–	–	–	–	–	–	0	1	–	–	–	–
ноздри	–	–	0	2	–	–	–	–	–	–	0	0	–	–	–	–
око	1	0	–	–	3	0	–	–	1	0	–	–	2	0	1	–
<i>Итого</i>	1	2	5	7	3	3	1	0	1	2	4	4	3	5	2	0
дв. / мн. ч.	10/12								10/11							

этого существительного при дистрибутивном его употреблении, однако преимущественно использовал формы мн. числа. Таким образом, книжник в характере употребления форм дистрибутивного дв. ч. / мн. ч. во многом ориентировался на грамматическую норму южнославянских переводных агиографических текстов, которым присуще варьирование форм дв. ч. / мн. ч. парных обозначений с незначительным преобладанием плюралейных [Тюняева, 2008, с. 144].

Лексема родители

При исследовании характера употребления существительного **родители** и синтаксически зависимых от контекстуального субъекта прилагательных, причастий, неличных местоимений (притяжательных, неопределенных, указательных), глагольных форм 3 л. в исправленных старцем Нилом житиях установлено, что употребление этого существительного в СНС отражает сложившуюся в агиографических текстах XV в. грамматическую норму использования данной лексемы преимущественно в формах мн. ч. (дв. ч. – 1 случай; мн. ч. – 7). Результаты анализа синтаксически зависимых от существительного **родители** слов (см. табл. 3) демонстрируют тенденцию к варьированию форм конгруэнтного дв. и мн. ч. с преобладанием в ряде случаев плюралейных форм в житиях СНС: прилагательные (дв. ч. – 1 пример; мн. ч. – 7), причастия (дв. ч. – 5 примеров; мн. ч. – 6), неличные местоимения (дв. ч. – 2 примера; мн. ч. – 2), глагольные формы 3 л. (дв. ч. – 14; мн. ч. – 6). Отметим, что варьирование форм конгруэнтного дв. и мн. ч., согласно суще-

ствующим исследованиям, обнаруживается и в более ранних памятниках письменности различного времени возникновения, локализации и жанровой принадлежности [Жолобов, Крысько, 2001, с. 142–143]. На фоне этих данных существенное значение имеет тот факт, как в агиографических текстах распределяются дуальные и плюралейные формы во фрагментах с конгруэнтной разновидностью дв. ч., поскольку именно к житиям как источнику сведений о грамматической норме церковнославянского языка обращается Нил Сорский.

А. Синтаксически зависимые от существительного **родители** прилагательные Нил Сорский употребляет преимущественно в формах мн. ч., сохраняя все встретившиеся в ЖАА прилагательные в плюралейной форме и заменяя одну из двух форм дв. ч. на плюралейную в ЖФСт. В сохранении форм мн. ч. и замене формы дв. ч. на мн. ч. отчетливо прослеживается стремление книжника ориентироваться на грамматическую норму новых южнославянских переводов XIII–XIV вв.:

[ЖФСт] *семоу ѿбо великомуу ѿцѣю. ѿчьство оубо велѣконменѣтъ съ константинъ гра^а, иже и новын римъ паче наречеса, родителя же свѣтла родомъ* (КБ-30/1107, л. 303 об.) – *семѹ оубо великомѹ ѿчѣство. великонменитын константинъ град, иже и новын римъ наречеса. родители же свѣтли родомъ* (ТСЛ-684, л. 116).

Так, в новом (XIV в.) южнославянском переводе Жития св. Андрея Юродивого (далее – ЖАЮ) прилагательные при конгруэнтном употреблении стоят в формах мн. ч., в то время как и в древнерусском переводе ЖАЮ «в целом отмечается систематически правиль-

Таблица 3. Сущ. родители и синтаксически зависимые слова

Table 3. Noun родители (roditeli) and syntactically dependent words

Существительное <i>родители</i>															
ЖАА				ЖОВ				ЖФСт				ЖНСт			
антиграф		автограф		антиграф		автограф		антиграф		автограф		антиграф		автограф	
дв.	мн.	дв.	мн.	дв.	мн.	дв.	мн.	дв.	мн.	дв.	мн.	дв.	мн.	дв.	мн.
0	1	0	1	0	1	0	1	3	0	1	2	1	2	0	3
КОНГРУЭНТНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ															
Прилагательные															
ЖАА				ЖОВ				ЖФСт				ЖНСт			
антиграф		автограф		антиграф		автограф		антиграф		автограф		антиграф		автограф	
дв.	мн.	дв.	мн.	дв.	мн.	дв.	мн.	дв.	мн.	дв.	мн.	дв.	мн.	дв.	мн.
0	6	0	6	–	–	–	–	2	0	1	1	–	–	–	–
Причастия															
ЖАА				ЖОВ				ЖФСт				ЖНСт			
антиграф		автограф		антиграф		автограф		антиграф		автограф		антиграф		автограф	
дв.	мн.	дв.	мн.	дв.	мн.	дв.	мн.	дв.	мн.	дв.	мн.	дв.	мн.	дв.	мн.
0	1	0	1	0	1	0	1	5	2	4	3	2	0	1	1
Неличные местоимения															
ЖАА				ЖОВ				ЖФСт				ЖНСт			
антиграф		автограф		антиграф		автограф		антиграф		автограф		антиграф		автограф	
дв.	мн.	дв.	мн.	дв.	мн.	дв.	мн.	дв.	мн.	дв.	мн.	дв.	мн.	дв.	мн.
0	1	0	1	0	1	0	1	1	0	1	0	1	0	1	0
Глагольные формы 3 л.															
ЖАА				ЖОВ				ЖФСт				ЖНСт			
антиграф		автограф		антиграф		автограф		антиграф		автограф		антиграф		автограф	
дв.	мн.	дв.	мн.	дв.	мн.	дв.	мн.	дв.	мн.	дв.	мн.	дв.	мн.	дв.	мн.
0	3	0	3	0	1	0	1	12	0	11	2	3	0	3	0

ное употребление дуальных форм» [Тюняева, 2008, с. 145], и оригинальные старорусские жития демонстрируют преобладание форм дв. числа.

Б. Синтаксически зависимые от существительного *родители* причастия Нил Сорский употребляет вариативно (5/6) с небольшим преобладанием плюральных форм. Однако следует особо отметить, что книжник последовательно сохраняет встретившиеся в принадлежащих к числу новых переводов ЖАА и ЖОВ формы мн. ч. причастий, а в относящихся к кругу древних переводов ЖФСт и ЖНСт спорадически осуществляет замену дв. ч. → мн. ч.:

[ЖНСт] *Сего прѣбнаго ѿца ншего никола рѡа` тела живѣща в тои же веси по бжю законѣ, и родиста сего великаго ѿца. и ѿ оуныа версты предаста его оучитиѣ книга^{мн.}, и црѣвномоу чинѣ. тако же и сама црѣвника сѣща (КБ- 5/1254, л. 35) – сего же прѣбнаго ѿца никола родители живоуще в тои же веси по бжю законѣ, родиста сего великаго ѿца. и ѿ юныа версты предаста его оучити книга^{мн.} и црѣвномѣ чинѣ, тако* и сама црѣвника сѣща (Вол.-630, л. 187 об.).*

Вновь обратившись к переводному ЖАЮ, видим, что в южнославянском переводе XIV в. преобладают плюральные формы, в то время как «в древнерусском переводе предпочтение отдается дуальным формам причастий» [Тюняева, 2008, с. 142]. Таким образом, и в данном случае книжник опирается на грамматическую норму среднеболгарских текстов.

В. В употреблении неличных местоимений Нил Сорский допускает вариативность (дв. ч. / мн. ч.), при этом книжник ни в один из исследуемых текстов не вносит правку. Данные других агиографических источников позволяют увидеть следующую картину: в не связанном по происхождению с восточнославянским южнославянском переводе ЖАЮ XIV в. преобладают формы мн. ч. неличных местоимений; в древнерусском же переводе ЖАЮ XII в. отмечено варьирование дуальных / плюральных форм, как и в оригинальных русских ЖСП и ЖСР.

Г. При употреблении глагольных форм 3 л. обращают на себя внимание несколько фактов. Во-первых, Нил Сорский сохраняет формы мн. ч. глаголов, встретившиеся ему в

ЖАА и ЖОВ. Во-вторых, в ЖФСт книжник единожды заменяет форму дв. ч. на форму мн. ч., а также в одном из фрагментов добавляет глагол в форме мн. ч.:

[ЖФСт] аще бо инѣхъ видѣста. иконоборцемъ свою простирающа славоу. но та ѹбо тѣмъ не повинюущася власта или слово ихъ ѿноуѣ приимаста. таже и да болшою еже къ бгѹ любовь покажата. и авитиса въ истиннѹ еже вѣста пронарекована. славу оубо и имѣние. и еже въ црѣкыхъ честь. тако прахъ не помнозѣ ѿложиста. бга же за вса прїимаета. его же держан. имѣти всего достоннѣ мнѣста (КБ-30/1107, л. 303 об. – 304) – аще бо инѣхъ видѣста иконоборцемъ свою славу простирающа, и словесъ ихъ ѿноуѣ не прїимаста, да болшю всемъ любовь еже къ боу покажета, и авистася въ истиннѹ таже вѣста пронарекованна. славу же і имѣние і еже въ црѣкихъ честь, не помнозѣ тако прахъ ѿложивше. бга вмѣсто всѣхъ прїимаета. его же имѣти, всего честнѣе вмѣниша (ТСЛ-684, л. 116 – 116 об.).

С одной стороны, в правке дв. ч. → мн. ч. глаголов 3 л. обнаруживается влияние грамматической нормы южнославянских переводов XIII–XIV вв., где наблюдается тенденция движения «литературной нормы в сторону замены форм дв. ч. формами мн. ч. с последующим вытеснением дуальных форм» [Тюняева, 2008, с. 144]. В то же время известно, что в старорусских житиях XV в. (ЖСП, ЖСР) при субъекте **родители** предикаты стоят и в формах дв., и в формах мн. ч., однако преимущественно используется дв. ч. [Маруяма 2011а, с. 181]. Таким образом, в употреблении глаголов 3 л. при субъекте **родители** входящие в Сборник тексты обнаруживают большее сходство с оригинальными русскими житиями. При этом все же несомненно, что на представления Нила Сорского и его учеников о характере нормы употребления форм конгруэнтного дв. ч. / мн. ч. во многом оказали влияние и новые южнославянские переводы XIII–XIV вв., правленные редакции богослужебных книг (см. пункты А и Б), поскольку именно для языка этих письменных источников свойственно варьирование форм дв. и мн. ч. с незначительным преобладанием плюральных.

Связанное и несвязанное двойственное число

Теперь обратимся к употреблению форм связанного (и несвязанного) дв. ч. в отредак-

тированных преподобным Нилом Сорским агиографических текстах.

Установлено, что языку правленных заволжским старцем Нилом житий присуще свободное варьирование форм связанного дв. и мн. ч.:

[ЖНСт] в то время двѣма свѣтилома к намъ вѣсїавшема и хвѣ цркви хитрыхъ словесъ лѹчами освѣтиста. бгноснваа ѿца, ѿеѹра же мѣню и фешна. брата сѹща ествѡ, паче же и вѣрою ѹсердн (КБ-15/1254, л. 46 об.) – в то оубо время, двѣма свѣтилома к намъ въ цриградѣ пришѣшимъ. и хвѣ цркви мдрыхъ словесъ лѹчами освѣтивши. бгноснаа ѿца глю. ѿеѹра. и ѿеѹфана. брата сѹща ествомъ. вѣрою же блгочтнви, и оусердни ѡ православіи повѡрьници (Вол.-630, л. 195 об. – 196).

Кроме того, великий старец существенно редактирует встретившиеся в этих контекстах формы, относящиеся к конгруэнтной разновидности дуалиса (см. выше контекст из ЖНСт). Например, в ЖОВ обнаружен фрагмент, в котором употреблены формы связанного, несвязанного и конгруэнтного дв. ч.:

оулоучихъ блгѡвеніе ѿ прѣвныхъ поустыинникъ. и ѿ стго аггла. изыдохъ въ егупетъ шествїа три дни. верѣтохъ же два брата боцася ба. и почихъ в домоу ею .т. днїи. повествоуа има еже видѣх... она же ѿвѣщавше ми рѣша с радостїю мною, поистиннѣ брате пафноутїе сподобилса еси, великыя рабы бжїа съвершеныа видѣти. та же брата она человекѡлюбца, и страннѡлюбца вѣста постника, боцася ба ѿ всеа дша... слышавше же таже исповѣдахъ има, споспѣшно написаста сїа. и съ тцанїемъ текша вехѡжаста вса скиты, проносаще книги. таже написаста проповѣданїемъ монмъ (КБ-24/1101, л. 342 – 342 об.) – полѹчихъ блгѡвеніе ѿ преподобныхъ пѣстынникъ, и ѿ стго аггла. і ндохъ въ егупетъ. верѣтохъ же два брата боцася ба ѿ всеа дша. и почихъ в келїи ихъ .т. днїи, і повѣдахъ имъ еже видѣх і елика слышахъ. они же ѿвѣщавше рѣша ми с радостїю мною. поистиннѣ брате пафнотїе, сподобилса еси великїи и съвершеныа рабы бжїа видѣти. влхоуѣ брата она члѡколюбца і страннѡлюбца и постника, имѹще любовь велїю къ братїи. и потцашася спѣшно написати таже слышаша ѿ мене. и съ ѹсердїемъ вехѡжаста скиты братьна. проносаще книги, таже написаста повѣданнаа ѿ мене. и по прочитанїи сиѣстимъ ѿцемъ, приаша ихъ въ цркви ст҃ю (ГЛМ-8354/146, л. 113).

Встретившаяся форма связанного дв. ч. употреблена верно и в основном антиграфе,

и в автографе старца Нила (два брата дв. ч. им. п.). Однако при координации с числительным два (конгруэнтном употреблении) ближайшая причастная форма стоит в дв. ч. (КБ-24/1101 два брата боацаса ба̄ – ГЛМ-8354/146 два брата боацаса ба̄ ѿ всеа дша), а дистантно расположенные причастия и личная форма глагола употреблены во мн. ч. (КБ-24/1101 ѿвѣщавше – СНС ѿвѣщавше; КБ-24/1101 рѣша – ГЛМ-8354/146 рѣша). Такой характер правки служит одним из доказательств того, что преподобный Нил Сорский во многом ориентировался на языковую норму новых южнославянских переводов XIII–XIV веков. Следует отметить, что при редактировании житийного текста великий старец заменил на плюральные и формы дв. ч. местоимений (ѡю → ихъ, има → имъ, она → они). Подобный характер правки также позволяет говорить о стремлении книжника и его учеников следовать грамматической норме новых южнославянских переводов и правленных редакций, поскольку, например, в переводе ЖАЮ XIV в. преобладают формы мн. ч. личных местоимений [Тюняева, 2008, с. 144]. Кроме того, выявлено, что в контекстах со связанным дв. ч. и включающих конструкции с двумя именами, соединенными союзом и, старец Нил последовательно заменяет конгруэнтное дв. ч. на мн. число.

Конгруэнтное двойственное число

Во включенных в СНС ЖАА, ЖОВ, ЖФСт и ЖНСт согласованные определения – прилагательные, притяжательные / неопределенные / указательные местоимения, причастия в атрибутивной функции – за редким исключением состоят в отношениях числового согласования с существительными.

В контекстах двойственности в отредактированных Нилом Сорским ЖАА, ЖОВ, ЖФСт и ЖНСт в роли предиката засвидетельствованы существительные, прилагательные, глаголы в формах наст. вр., аориста, имперфекта, перфекта, причастия. При этом выбор дуальной / плюральной форм предиката прежде всего обусловлен субъектом действия. Так, при лексеме родители в СНС наблюдается варьирование дуальных / плюральных форм предиката (дв. ч. – 14 случаев; мн. ч. – 15).

Однако на этом фоне существенное значение имеют примеры осуществленной старцем Нилом замены дв. ч. → мн. ч. (мнѡста [дв. ч.] → вмѣниша [мн. ч.], ѡложиста [дв. ч.] → исправлено на причастие ѡложивше [мн. ч.]), подтверждающие постепенное движение грамматической нормы церковнославянского языка старорусской редакции в сторону замены форм дв. ч. формами мн. ч. в подобных контекстах. Отметим, что для старорусских книжных текстов различной жанровой принадлежности (в том числе агиографических) была характерна тенденция к поступательной минимизации использования дуальных форм и ограничению сферы их использования кругом лексем соматической группы при упоминании одного субъекта действия.

При лексемах, обозначающих парные части тела человека, при свободном употреблении Нил Сорский ставит предикаты в формах дв. числа. При дистрибутивном употреблении предикат стоит в форме мн. числа. Показательно, что при координации с числительными дѡва / оба (связанном употреблении) в исправленных Нилом агиографических текстах преобладают глагольные формы мн. числа. В Соборнике Нила Сорского засвидетельствованы случаи замены простых претеритов в форме дв. ч. на простые претериты в форме мн. ч.: бѣста аорист дв. ч. 3 л. → бѡхот имперфект 3 л. мн. ч.; [патриарх и Св. Феодор Студит] сложивша [дв. ч.]... дроужбою же и теплѣишоу любовь паче възрастивъша [дв. ч.] пребываста [дв. ч.] прочее въ себѣ, не тѣлѡ токмо, но и болми паче дшама [дв. ч.] не разлоучна [дв. ч.] – фрагмент существенно переработан, связанное дв. ч. → конструкция с двумя именами [патриарх и Св. Феодор Студит] патрїархъ же и прѣбныи ѡеодоръ, ѡтолѣ теплѣише дховнѣю любовь межѣ собою възрастиша [мн. ч.], и единомрени [мн. ч.] въ блгое выша [мн. ч.]. Итак, с одной стороны, в характере распределения дуальных / плюральных форм при конгруэнтном употреблении обнаруживаются общие черты с некоторыми оригинальными старорусскими агиографическими текстами XV века. Так, в ЖСП [Маруяма, 2014] при лексемах соматической группы в свободном употреблении предикативные формы последовательно употребляются в дв. ч., а при дистрибутивном –

во мн. числе. Таким образом, дистрибутивное дв. ч. русские книжники XV в. сознательно противопоставляют свободному употреблению. При этом в ЖСП при числительном *дѣва / оба* и существительном, сочетающемся с ним, дуальные предикативные формы значительно преобладают над плюральными. В отредактированных же великим старцем Нилом житиях, напротив, при связанном и несвязанном употреблении предпочтение отдается формам мн. ч., в чем проявляется очевидное влияние грамматической нормы новых афонских переводов с греческого на церковнославянский и правленных редакций XIII–XIV веков. Как известно, например, в южнославянский перевод ЖАЮ XIV в. при связанном употреблении предикаты последовательно даны в формах мн. числа.

Итак, в плане употребления предикатов (конгруэнтное дв. ч.) при свободном, дистрибутивном, связанном (несвязанном) употреблении и лексеме *родители* отредактированные Нилом агиографические тексты обнаруживают черты, отражающие грамматическую норму переводов эпохи второго южнославянского влияния, с одной стороны, и особенности в области употребления форм дв. ч. / мн. ч., характерные для грамматической нормы старорусских житийных текстов – с другой. Такое переплетение восточнославянских и южнославянских традиций в СНС во многом обусловлено влиянием на представления старца о характере грамматической нормы церковнославянского языка как новых южнославянских переводов и правленных редакций XIII–XIV вв., с языковыми особенностями которых книжник познакомился во время пребывания в течение десяти лет в монастырях Св. Горы Афон, так и языка оригинальных старорусских житий, хранившихся в библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря.

Местоположение

исконного послелога ради / дѣла

В СНС старец Нил в абсолютном большинстве случаев последовательно сохраняет послелог *ради*, что не противоречит норме древних кирилло-мефодиевских текстов и отражает сформировавшиеся синтаксические принципы Афонской книжной школы.

На фоне превалирующего послелога *ради* особый интерес вызывают случаи самостоятельной постановки Нилом Сорским *ради* в интерпозицию (между атрибутом и субстантивом). Такое местоположение *ради* засвидетельствовано в обоих болгарских и обоих сербских переводах Иерусалимского типикона, что также позволяет говорить о несомненном влиянии на представления старца и его учеников о синтаксической норме церковнославянского языка известных новых святогорских переводов и правленных редакций XIII–XIV веков.

Однако еще более показательны в отредактированных Нилом Сорским агиографических текстах осуществленные книжником перестановки и вставки, включающие *ради* в качестве предлога. Постановка исконного послелога *ради* в препозицию является синтаксическим гречизмом, маркером, указывающим на влияние синтаксической нормы новых святогорских переводов и правленных редакций на представление русских книжников XV – начала XVI в. о характере синтаксической нормы церковнославянского языка:

ради жже ѿ сихъ члкъмъ прибываемыж полза (НБКМ-307, л. 3 и др., в том числе списки гр. γ² и δ) – διὰ τὸ ἐκ τούτων τοῖς ἀνθρώποις προσγιόμενον ὄφελος (VITA B [Noret, 1982]) – *Иже изрядныхъ мѣженъ житїа написана. и древнимъ оубо нѣжна вѣша, ради иже ѿ сихъ прибывающаа ползы* (ГЛМ-8354/14а, л. 138); *въ ѡ-ѡн же прїиде· се ѡбш, да и блгодаритъ мѣтръ бжїю ради жже на варвары повѣдѣж* (НБКМ-307, л. 16 и др., в том числе списки гр. γ² и δ) – εἰς δὲ τὸν Ἄθω παραγέγονε, τοῦτο μὲν ἵνα καὶ εὐχαριστήσῃ τῇ μητρὶ τοῦ θεοῦ ἔνεκεν τῆς κατὰ τῶν βαρβάρων νίκης (VITA B [Noret, 1982]) – *да блгодаритъ мѣтръ бжїю, ради иже на варвары повѣды* (ГЛМ-8354/14а, л. 153); *посилаетъ ради ѡча въздысканїа* (НБКМ-307, л. 28 об. и др., в том числе списки гр. γ² и δ) – πέμπει διὰ τὴν τοῦ πατρὸς ἀναζήτησιν (VITA B [Noret, 1982]) – *тѣи же на всако мѣсто влѣчьствїа своего, писанїа посылае* ради ѡча въздысканїа (ГЛМ-8354/14а, л. 166 об.).

Однако первостепенное значение в данном случае играют примеры, обнаруженные нами в текстах ЖАА, ЖОВ, ЖФСт и ЖНССт в СНС, свидетельствующие о том, что Нил Сорский считает употребление *ради* в качестве предлога соответствующим норме церковнославянского языка конца XV – начала XVI в.: полностью переработанный фрагмент

также многжды *Ѡрицатиѡ ѡча слѡженїа емѡ, ради блѡгоговѣнїства* (ГЛМ-8354/14а, л. 168); *ї ныи прихѡдѡщїа ѡвсюдѡ ради по-требы коєа* (ГЛМ-8354/14а, л. 170 об.). Переводам и правленным редакциям эпохи второго южнославянского влияния – Норовской Псалтыри, тырновским текстам, Киприановской псалтыри, переводу творений Дионисия Ареопажита, выполненному монахом Исайей на Афоне в 50–60-е гг. XIV в., – присущ иной, по сравнению с древними, характер постановки *ради* / *дѣла* (в том числе препозитивное положение). Принимая во внимание жанровую принадлежность исследуемых текстов, мы привлекли данные святогорских переводов XIII–XIV вв. [Турилов, 2010] Житий св. Григория Синаита и свв. Варлаама и Иоасафа. Скрупулезный анализ языка дополнительно привлеченных агиографических источников позволил обнаружить, что характер распределения препозиции / постпозиции *ради* в этих житиях различается: в Житии прп. Варлаама и Иоасафа засвидетельствовано 4 примера (ТСЛ-687) употребления предлога *ради* (всего 86), в Житии св. Григория Синаита, более позднем переводе первой трети XIV в., засвидетельствован 21 фрагмент с предлогом *ради* (ТСЛ-116, Синод. 923) при 40 случаях использования *ради* в тексте жития. При этом отличительной чертой обоих святогорских переводов выступает именно использование *ради* (в ряде случаев) в препозитивном положении как элемент синтаксической нормы. Таким образом, при постановке *ради* / *дѣла* Нил Сорский преимущественно ориентируется на синтаксическую норму новых переводов и правленных редакций XIII–XIV веков.

Заключение

При редактировании агиографических текстов на грамматическом уровне Нил Сорский не следует сложившимся в какой-либо одной школе книжности представлениям о норме церковнославянского языка, на книжника оказывают влияние несколько книжных школ и традиций. В отредактированных Нилом Сорским житиях гармонично переплетаются основные нормализаторские тенденции и установки, отраженные в новых переводах и правленных редакциях XIII–XIV вв., и по-

степенно эволюционирующая под влиянием произошедших в живом языке изменений грамматическая норма оригинальных русских житий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамович Д. И., 1907. Описание рукописей С.-Петербургской Духовной Академии. Софийская библиотека. Вып. 2. Четьи Минеи. Прологи. Патерики. СПб. : Тип. Императ. Акад. наук. 330, [1] с.
- Арсений (иером. Тр.-Серг. Лавры), 1879. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. В 3 ч. Ч. 3. М. : Изд. Императ. о-ва истории и древностей рос. при Моск. ун-те. 267, [44] с.
- Георгиевский Г. П., 1913. Собрание Н.С. Тихонравова. Ч. 1. Рукописи. Изд. к пятидесятилетию юбилею существования Музея в Москве. М. : Печ. А. Снегиревой. 126 с.
- Дмитриева Р. П., 1972. Четьи сборники XV в. как жанр // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом). Л. : Наука. Т. 27. С. 150–180.
- Жолобов О. Ф., 1993. Двойственное число и отношения двоичности в древнерусском тексте (на материале Сказания о Борисе и Глебе) // Русский язык донационального периода : межвуз. сб. / под ред. В. В. Колесова, О. А. Черепановой. СПб. : Изд-во СПбГУ. С. 88–96.
- Жолобов О. Ф., 1997. Древнерусское двойственное число в общеславянском контексте. Казань : УНИПРЕСС. 114 с.
- Жолобов О. Ф., 1998а. История двойственного числа и количественных конструкций в русском языке : дис. ... д-ра филол. наук. М. 372 с.
- Жолобов О. Ф., 1998б. Двойственное число в Архангельском Евангелии 1092 г. // *Florilegium Slavicum: Liber ad honorandum Herbert Jelitte*. Frankfurt a. M [etc.] : Lang. S. 337–348.
- Жолобов О. Ф., 2002. Морфосинтаксис числительных два, три, четыре: к истории малого количественного // *Russian Linguistics*. Vol. 26, № 1. С. 1–27.
- Жолобов О. Ф., 2019. Дуальные формы в древнерусском сборнике XIII в. (РНБ, Ф.п.1.39) // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика. В 2 т. Т. 1 : тр. и материалы Междунар. конф. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Е. А. Горобец, Э. А. Исламовой. Казань : Казан. (Приволж.) федер. ун-т. С. 69–74.
- Жолобов О. Ф., Крысько В. Б., 2001. Историческая грамматика древнерусского языка. Двойственное число. М. : Азбуковник. 235 с.

- Караваяева П. Ю., 2021. Житие Святого Афанасия Афонского в славянской рукописной традиции XIV–XV веков: новые данные // Румянцевские чтения – 2021. В 2 ч. Ч. 1 : материалы Междунар. науч.-практ. конф. М. : Пашков дом. С. 442–446.
- Леннгрен Т. П., 2010. Автограф Нила Сорского: «*преписана бы с книги, старца нила*» // *Palaeoslavica*. Vol. 20, № 1. С. 197–242.
- Леннгрен Т. П., 2012а. Житие Феодора Студита в автографе Нила Сорского // *Palaeoslavica*. Vol. 20, № 1. С. 134–206.
- Леннгрен Т. П., 2012б. Переводные жития преподобных святых в древнерусской книжности до и после создания Сборника Нила Сорского (Часть I) // *Palaeoslavica*. Vol. 20, № 2. С. 283–301.
- Леннгрен Т. П., 2014. Источники Жития Арсения Великого в Великих Минеях Четых // Вестник «Альянс-Архео». Вып. 3. С. 25–39.
- Маруяма Ю., 2011а. К вопросу о распределении форм двойственного числа в русских житийных памятниках начала XV в. (на материале «Жития Стефана Пермского» и «Жития Сергия Радонежского») // *Русский язык в научном освещении*. № 1 (21). С. 162–188.
- Маруяма Ю., 2011б. Специфика употребления форм дв. числа у Пахомия Логофета (на материале Пахомиевских редакций Жития Сергия Радонежского) // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики. Язык и литература*. № 3 (45). С. 82–83.
- Маруяма Ю., 2014. Употребление дуальных форм в житийных текстах старорусского периода: лексический, грамматический и прагматический факторы // *Grammaticalization and Lexicalization in the Slavic Languages : Proceedings from the 36th Meeting of the Commission on the Grammatical Structure of the Slavic Languages of the International Committee Slavists*. P. 51–62.
- Никольский Н. К., 1897. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века. СПб. : Синод. тип. 328 с. (Издание Императорского общества любителей древней письменности ; т. 113).
- Турилов А. А., 2010. Южнославянские переводы XIV–XV вв. и корпус переводных текстов на Руси. Часть первая // Вестник церковной истории. № 1/2 (17/18). С. 147–175.
- Тюняева Д. Б., 2008. Житие Андрея Юродивого в славянском переводе XIV века: особенности языка и переводческой техники : дис. ... канд. филол. наук. М. 262 с.
- Noret J., 1982. *Vitae duae antiquae Sancti Athanasii Athonitae* Modern critical edition of Vitae A and B. Louvain : [s. n.], 1982. 249 p.

ИСТОЧНИКИ

- Вол.-630* – РГБ. Ф. 113 (Собрание библиотеки Ио-сифо-Волоцкого монастыря). 1514 г.
- ГЛМ-8354/14а, б* – Государственный литературный музей. Отдел рукописных фондов. РОФ 8354, № 14. Начало XVI в.
- КБ-15/1254* – РНБ. Ф. 351 (Собрание библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря). № 15/1254. XV в.
- КБ-24/1101* – РНБ. Ф. 351 (Собрание библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря). № 24/1101. XV в.
- КБ-30/1107* – РНБ. Ф. 351 (Собрание библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря). № 30/1107. Конец XV – начало XVI в.
- НБКМ-307* – Национальная библиотека Свв. Кирилла и Мефодия, Болгария (София). Славянские и иноязычные рукописи. № 307. 40–50-е гг. XIV в.
- Синод.-923* – ГИМ. Отдел рукописей и старопечатных книг (Собрание Синодальное славянское). № 923. 1-я четверть XV в.
- Соф.-1376* – РНБ. Ф. 728 (Собрание библиотеки Новгородского Софийского собора). № 1376. Конец XV в.
- Тихонр.-474* – РГБ. Ф. 299 (Собрание Н.С. Тихонравова). № 474. Конец XV – начало XVI в.
- ТСЛ-687* – РГБ. Ф. 304.1 (Собрание Троице-Сергиевой лавры). № 687. 1444 г.
- ТСЛ-746* – РГБ. Ф. 304.1 (Собрание Троице-Сергиевой лавры). № 746. 1436–1445 гг.
- ТСЛ-116* – РГБ. Ф. 304.1 (Собрание Троице-Сергиевой лавры). № 116. Конец XV в.
- ТСЛ-684* – РГБ. Ф. 304.1 (Собрание Троице-Сергиевой лавры). № 684. Начало XVI в.

СЛОВАРИ

- СДРЯ XI–XIV вв.* – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. В 12 т. Т. 5. М. : Рус. яз., 2002. 644 с.
- СлРЯ XI–XVII* – Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 1986. Вып. 11. 456 с.
- Срезн.* – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3 т. Т. 2. Репр. изд. 1902 г. М. : Знак, 2003. 1801 с.
- Старославянский словарь* – Старославянский словарь по рукописям X–XI веков / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М. : Рус. яз., 1994. 842 с.
- ССЯ* – Словарь старославянского языка = *Slovník jazyka staroslověnského*. В 4 т. Т. 2. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. 638 с.

REFERENCES

- Abramovich D.I., 1907. *Opisanie rukopisey S.-Peterburgskoy Dukhovnoy Akademii. Sofiyskaya biblioteka. Vyp. 2. Chet'i Minei. Prologi. Pateriki* [Description of the Manuscripts of the Saint Petersburg Theological Academy. Sofia Library. Iss. 2. Menaions, Prologues. Patericons]. Saint Petersburg, Tip. Imperat. Akad. nauk. 330, 1 p.
- Arseniy (hieromonk of Trinity Lavra of St. Sergius), 1879. *Opisanie slavyanskikh rukopisey biblioteki Svyato-Troitskoy Sergievoy lavry. V 3 ch. Ch. 3* [Description of the Slavonic Manuscripts of the Library of Trinity Lavra of St. Sergius. In 3 Parts. Part 3]. Moscow, Izd. Imperat. o-va istorii i drevnostey ros. pri Mosk. un-te. 267, 44 p.
- Georgievskiy G.P., 1913. *Sobranie N.S. Tikhonravova. Ch. 1. Rukopisi. Izd. k pyatidesyatilet. yubileyu sushchestvovaniya Muzeya v Moskve* [Collection of N.S. Tikhonravov. Part 1. Manuscripts. Edition Dedicated to the Fiftieth Anniversary of the Museum in Moscow]. Moscow, Pech. A. Snegirevoy. 126 p.
- Dmitrieva R.P., 1972. Chet'i sborniki XV v. kak zhanr [The Menaion Collections of the 15th Century As a Genre]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury Instituta russkoy literatury AN SSSR (Pushkinskiy Dom)* [Works of the Department of Old Russian Literature of the Institute of Russian Literature of the Academy of Sciences of the USSR (Pushkin House)]. Leningrad, Nauka Publ., vol. 27, pp. 150-180.
- Zholobov O.F., 1993. Dvoystvennoe chislo i otnosheniya dvoichnosti v drevnerusskom tekste (na materiale Skazaniya o Borise i Glebe) [The Dual Number and Relationships of Duality in Old Russian Text (Based on the Story of Boris and Gleb)]. Kolesova V.V., Cherepanovoy O.A., eds. *Russkiy yazyk donatsionalnogo perioda: mezhvuz. sb.* [Russian Language of Pre-National Period. Interuniversity Collection]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, pp. 88-96.
- Zholobov O.F., 1997. *Drevnerusskoe dvoystvennoe chislo v obshch斯拉vianskom kontekste* [The Old Russian Dual Number in a Common Slavic Context]. Kazan, UNIPRESS Publ. 114 p.
- Zholobov O.F., 1998a. *Istoriya dvoystvennogo chisla i kvantitativnykh konstruksiy v russkom yazyke: dis. ... d-ra filol. nauk* [The History of the Dual Number and Quantitative Constructions in Russian Language. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow. 372 p.
- Zholobov O.F., 1998b. Dvoystvennoe chislo v Arkhangel'skom Evangelii 1092 g. [The Dual Number in the Archangel Gospel of 1092]. *Florilegium Slavicum: Liber ad honorandum Herbert Jelitte*. Frankfurt am Main, Lang, S. 337-348.
- Zholobov O.F., 2002. Morfosintaksis chislitelnykh dva, tri, chetyre: k istorii malogo kvantitativa [The Morphosyntax of the Numerals dva 'two', tri 'three', chetyre 'four': A Contribution to the History of Smaller Quantitatives]. *Russian Linguistics*, vol. 26, no. 1, pp. 1-27.
- Zholobov O.F., 2019. Dualnye formy v drevnerusskom sbornike XIII v. (RNB, F.p.I.39) [Dual Forms in the Old Russian Collection of the 13th Century (RNL, F.p.I.39)]. Galiullin K.R., Gorobets E.A., Islamova E.A., eds. *I.A. Boduen de Kurtene i mirovaya lingvistika. V 2 t. T. 1: tr. i materialy Mezhdunar. konf.* [I.A. Baudouin de Courtenay and World Linguistics. In 2 Vols. Vol. 1. Works and Materials of the International Conference]. Kazan, Kazan. (Privolzh.) feder. un-t, pp. 69-74.
- Zholobov O.F., Krysko V.B., 2001. *Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo yazyka. Dvoystvennoe chislo* [Historical Grammar of the Old Russian Language. The Dual Number]. Moscow, Azbukovnik Publ. 235 p.
- Karavaeva P.Yu., 2021. Zhitie Svyatogo Afanasiya Afonskogo v slavyanskoy rukopisnoy traditsii XIV–XV vekov: novye dannye [The Life of Saint Athanasius the Athonite in the Slavonic Manuscript Tradition of the 14th–15th Centuries: New Data]. *Rumyantsevskie chteniya – 2021. V 2 ch. Ch. 1: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Rumyantsev Readings, 2021. In 2 Parts. Part 1. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. Moscow, Pashkov dom, pp. 442-446.
- Lenngren T.P., 2010. Avtograf Nila Sorskogo: «prepisana byst' s knigi, startsa nila» [Autograph by St. Nilus of Sora: “prepisana byst' s knigi, startsa nila”]. *Palaeoslavica*, vol. 20, no. 1, pp. 197-242.
- Lenngren T.P., 2012a. Zhitie Feodora Studita v avtografe Nila Sorskogo [The Life of St. Theodore the Studite in Autograph by St. Nilus of Sora]. *Palaeoslavica*, vol. 20, no. 1, pp. 134-206.
- Lenngren T.P., 2012b. Perevodnye zhitiya prepodobnykh svyatykh v drevnerusskoy knizhnosti do i posle sozdaniya Sobornika Nila Sorskogo (Chast' I) [Translated Lives of Venerable Saints in Old Russian Writing Tradition Before and After Creation of the Collection by St. Nilus of Sora (Part 1)]. *Palaeoslavica*, vol. 20, no. 2, pp. 283-301.
- Lenngren T.P., 2014. Istochniki Zhitiya Arseniya Velikogo v Velikikh Mineyakh Chet'ikh [Sources of the Life of St. Arsenius the Great in the Great Menaion Reader]. *Vestnik «Alyans-Arkheo»*, iss. 3, pp. 25-39.

- Maruyama Yu., 2011a. K voprosu o raspredelenii form dvoystvennogo chisla v russkikh zhitiynykh pamyatnikakh nachala XV v. (na materiale «Zhitiya Stefana Permskogo» i «Zhitiya Sergiya Radonezhskogo») [On the Distribution of Dual Forms in Russian Hagiographies of the 15th Century: A Case Study of Life of St. Stephen of Perm' and Life of St. Sergius of Radonezh]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], no. 1 (21), pp. 162-188.
- Maruyama Yu., 2011b. Spetsifika upotrebleniya form dv. chisla u Pakhomiya Logofeta (na materiale Pakhomievskikh redaktsiy Zhitiya Sergiya Radonezhskogo) [The Specifics of the Use of Forms of the Dual Number by Pachomius Logothetes (Based on Pachomius Redactions of the Life of St. Sergius of Radonezh)]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. Yazyk i literatura* [Ancient Russia. Questions of Medieval Studies. Language and Literature], no. 3 (45), pp. 82-83.
- Maruyama Yu., 2014. Upotreblenie dual'nykh form v zhitiynykh tekstakh staroruskogo perioda: leksicheskiy, grammaticheskiy i pragmaticheskiy faktory [The Use of Dual Forms in Hagiographic Texts of the Old Russian Period: Lexical, Grammatical and Pragmatic Factors]. *Grammaticalization and Lexicalization in the Slavic Languages: Proceedings from the 36th Meeting of the Commission on the Grammatical Structure of the Slavic Languages of the International Committee Slavists*, pp. 51-62.
- Nikolskiy N.K., 1897. *Opisanie rukopisey Kirillo-Belozerskogo monastyraya, sostavlennoe v kontse XV veka* [Description of the Manuscripts of the Kirillo-Belozersky Monastery, Compiled at the End of the 15th Century]. Saint Petersburg, Sinod. tip. 328 p. (Izdanie Imperatorskogo obshchestva lyubiteley drevney pis'mennosti; t. 113 [Edition of the Imperial Society of Lovers of Ancient Literature ; vol. 113]).
- Turilov A.A., 2010. Yuzhnoslavyanskije perevody XIV–XV vv. i korpus perevodnykh tekstov na Rusi. Chast' pervaya [South Slavonic Translations of the 14th – 15th Centuries and the Corpus of Translated Texts in Russia. Part 1]. *Vestnik tserkovnoy istorii* [Church History Bulletin], no. 1-2 (17/18), pp. 147-175.
- Tyunyaeva D.B., 2008a. *Zhitie Andrey a Yurodivogo v slavyanskom perevode XIV veka: osobennosti yazyka i perevodcheskoy tekhniki: dis. ... kand. filol. nauk* [The Life of Andrew the Fool-for-Christ in Slavonic Translation of the 14th Century: Features of the Language and Translation Technique. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow. 262 p.
- Noret J., 1982. *Vitae duae antiquae Sancti Athanasii Athonitae. Modern Critical Edition of Vitae A and B*. Louvain, s. n. 249 p.

SOURCES

- RGB [Russian State Library], f. 113 (Sobraniye biblioteki Iosifo-Volotskogo monastyraya). 1514.
- Gosudarstvennyi literaturnyi muzey [State Literary Museum], Otdel rukopisnykh fondov, ROF 8354, no. 14. Early 16th century.
- RNB [National Library of Russia], f. 351 (Sobraniye biblioteki Kirillo-Belozerskogo monastyraya), no. 15/1254. 15th century.
- RNB [National Library of Russia], f. 351 (Sobraniye biblioteki Kirillo-Belozerskogo monastyraya), no. 24/1101. 15th century.
- RNB [National Library of Russia], f. 351 (Sobraniye biblioteki Kirillo-Belozerskogo monastyraya), no. 30/1107. Late 15th – early 16th centuries.
- Natsional'naya biblioteka Sv. Kirilla i Mefodiya, Bolgariya (Sofiya) [SS. Cyril and Methodius National Library, Bulgaria (Sofia)], Slavyanskiye i inoyazychnye rukopisi, no. 307. 40s – 50s of the 14th century.
- GIM [State Historical Museum], Otdel rukopisey i staropechatnykh knig (Sobraniye Sinodal'noye slavyanskoye), no. 923. 1st quarter of the 15th century.
- RNB [National Library of Russia], f. 728 (Sobraniye biblioteki Novgorodskogo Sofiyanskogo sobora), no. 1376. Late 15th century.
- RGB [Russian State Library], f. 299 (Sobraniye N.S. Tikhonravova), no. 474. Late 15th – early 16th centuries.
- RGB [Russian State Library], f. 304.I (Sobraniye Troitse-Sergievoy lavry), no. 687. 1444.
- RGB [Russian State Library], f. 304.I (Sobraniye Troitse-Sergievoy lavry), no. 746. 1436–1445.
- RGB [Russian State Library], f. 304.I (Sobraniye Troitse-Sergievoy lavry), no. 116. Late 15th century.
- RGB [Russian State Library], f. 304.I (Sobraniye Troitse-Sergievoy lavry), no. 684. Early 16th century.

DICTIONARIES

- Slovar drevnerusskogo yazyka XI–XIV vv. V 12 t. T. 5* [Dictionary of the Old Russian Language of the 11th – 16th Centuries. In 12 Vols. Vol. 5]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2002. 644 p.
- Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1986, iss. 11. 456 p.
- Sreznevskiy I.I. *Materialy dlya slovary a drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam. V 3 t. T. 2*

[Materials for Dictionary of the Old Russian Language according to Manuscripts. In 3 Vols. Vol. 2]. Moscow, Znak Publ., 2003. 1801 p.
Tseytlin R.M., Veчерка R., Blagova E., eds. *Staroslavjanskiy slovar po rukopisyam X–XI vekov* [Old Slavonic Dictionary by Manuscripts

of the 10th – 11th Centuries]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1994. 842 p.

Slovar staroslavjanskogo yazyka = Slovník jazyka staroslověnského. V 4 t. T. 2 [Dictionary of the Old Slavic Language. In 4 Vols. Vol. 2]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, 2006. 638 p.

Information About the Author

Polina Yu. Karavayeva, Senior Lecturer, Department of Russian Language and Speech Culture, Plekhanov Russian University of Economics, Stremyanny Lane, 36, 117997 Moscow, Russia, ikaravaeva30@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3876-229X>

Информация об авторе

Полина Юрьевна Караваяева, старший преподаватель кафедры русского языка и культуры речи, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, пер. Стремянный, 36, 117997 г. Москва, Россия, ikaravaeva30@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3876-229X>

www.volsu.ru

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.6>

UDC 811.512.1'366.54
LBC 81.63-21

Submitted: 12.04.2021
Accepted: 20.12.2021

CASE SYSTEMS OF TURKIC LANGUAGES OF SOUTHERN SIBERIA (COMPARISON WITH GEOMETRIC MODELING)

Olga I. Valentinova

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Mikhail A. Rybakov

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Abstract. The subject of the article is a comparison of the case systems of the agglutinative Turkic languages of Southern Siberia with the aim to establish their typological commonality and differences. The method of case systems geometric modeling allows us to clearly demonstrate the semantic oppositions of case forms in a selected language and compare differences in the semantic structure of case systems of both related and non-related languages. The main result of the study is the establishment of a direct relationship between the case category, the language morphological type and the canonical structure of a typical utterance in each language and an indirect relationship with the typical conditions of communication in a language community. The study showed that the case systems of the considered languages contain the optimal composition of paradigm elements in the communicative conditions typical for agglutinative languages. Speakers of agglutinative languages have common generic and individual images, and in a particular situation, communicants are aware of the subjects and objects mentioned in the utterance, which allows using case forms to express not only the main actant roles, but also additional components of grammatical meanings. The results obtained can be used primarily in systemic typology, as well as in Turkic studies.

Key words: linguistic model, case semantics, case system, systemic linguistics, systemology, Turkic languages.

Citation. Valentinova O.I., Rybakov M.A. Case Systems of Turkic Languages of Southern Siberia (Comparison with Geometric Modeling). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 2, pp. 72-84. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.6>

УДК 811.512.1'366.54
ББК 81.63-21

Дата поступления статьи: 12.04.2021
Дата принятия статьи: 20.12.2021

ПАДЕЖНЫЕ СИСТЕМЫ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ (СОПОСТАВЛЕНИЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ГЕОМЕТРИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ)

Ольга Ивановна Валентинова

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия

Михаил Анатольевич Рыбаков

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты сопоставления падежных систем агглютинативных тюркских языков Южной Сибири, проведенного с целью выявления их типологической общности и отличий. Применен метод геометрического моделирования, позволивший не только продемонстрировать семантические оппозиции падежных форм в отдельном языке, но и охарактеризовать различия в семантической структуре падежных систем как родственных, так и неродственных языков. Установлена непосредственная взаимосвязь грамматической категории падежа с морфологическим типом языка и канонической структурой типичного высказывания на данном языке и опосредованная связь с типичными условиями коммуникации в языковом коллективе. Исследование показало, что падежные системы рассмотренных языков содержат оптимальный в типичных для агглютинативных языков коммуникативных условиях состав элементов парадигмы. Носители агглютинативных языков имеют общие родо-видовые и индивидуальные образы, а в конкретной ситуации коммуниканты осведомлены об упоминаемых в высказывании субъектах и объектах, что дает возможность выражать при помощи падежных форм не только основные актантные роли, но и дополнительные компоненты грамматических значений. Полученные результаты могут быть использованы прежде всего в системной типологии, а также в тюркологических исследованиях.

Ключевые слова: лингвистическая модель, падежная семантика, падежная система, системная лингвистика, системология, тюркские языки.

Цитирование. Валентинова О. И., Рыбаков М. А. Падежные системы тюркских языков Южной Сибири (сопоставление с использованием геометрического моделирования) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 72–84. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.6>

Введение

Идея моделирования языковых явлений, восходящая к трудам И.А. Бодуэна де Куртенэ, Я.И. Линцбаха, Л.В. Щербы, получила широкое распространение лишь по мере развития структурного и системного подходов в лингвистике. Отметим, что Я.И. Линцбах рациональную, свободную от противоречий и способную охватывать всевозможные случаи грамматику считал возможным построить только на основе геометрического моделирования [Линцбах, 2009, с. 83].

Для анализа грамматической категории падежа метод моделирования впервые применил в 1936 г. Р. Якобсон, исследуя русскую падежную систему [Якобсон, 1985], затем в 1960 г. Вяч.Вс. Иванов и В.Н. Топоров, изучая падежи санскрита [Иванов, Топоров, 1960], Вяч.Вс. Иванов – падежную систему хеттского языка [Иванов, 2001], И.М. Тронский, реконструируя общеиндоевропейскую падежную систему [Тронский, 1967].

В нашем исследовании количество падежных форм в системе некоторого языка определяется с учетом следующих принципов: 1) два падежа могут быть признаны элементами системы только в том случае, если меж-

ду ними есть формальное морфологическое различие; 2) для каждой включенной в падежную систему грамматической формы можно выявить инвариантное падежное грамматическое значение.

По аналогии с оппозицией фонетических и фонологических моделей [Мельников, 2003, с. 294] в морфологии можно противопоставить формально-морфологические и семантико-морфологические модели. Формально-морфологические модели чаще оказываются чисто структурными, включают в качестве элементов падежные показатели и отражают их фонетическое и/или фонемное варьирование в зависимости от типа языка. Так, агглютинативные аффиксы могут отличаться аллофонным варьированием по законам сингармонизма при полном тождестве фонемного состава морфемы (в этом случае морфема представлена в языке единственным морфом), флективные же аффиксы падежа могут содержать исторически обусловленные чередования фонем (в этом случае морфема представлена несколькими морфемами в зависимости от типа склонения).

Семантико-морфологические модели могут отражать либо оппозиции инвариантных значений (именно такие модели рассматрива-

ются в данной статье), либо иной уровень семантического анализа – соотношение общего (инвариантного) значения с частными значениями. Во втором случае оригиналом для модели будет система семантических ролей, выражаемых одной падежной формой, а элементами модели – конкретные семантические роли и связи между ними.

Эти разновидности семантико-морфологических моделей будут семасиологическими. Чтобы построить ономазиологические модели, надо взять за основу некоторую семантическую роль и отразить в модели падежные формы, которые могут ее выразить. Если эти средства представить как равноправные и выбираемые случайно, то модель окажется структурной, а если выявить и представить условия выбора и функцию именно данного выбора одного из возможных средств выражения, то модель станет системной.

Для семипадежных систем наиболее подходящей моделью является пирамида с шестиугольным основанием. Такая геометрическая фигура особенно удачна для агглютинативных языков тюркской семьи: она позволяет показать особое положение прямого падежа номинативной падежной системы (номинатива) и его равную удаленность от всех косвенных падежей. Объемные геометрические модели падежных систем принадлежат к классу феноменологических структурных моделей, допущенные в них обобщения делают их удобными для типологического исследования.

К тюркским языкам Сибири метод моделирования семантических отношений в падежной системе применялся в целом ряде исследований (см., например: [Артемьев, 1999; Кошкарева, 2004; Невская, 2005; Сагаан, 1998; Чугункова, 1998]).

Номинатив представляется в данном случае наиболее нейтральным типологическим наименованием формально немаркированной формы имени существительного в агглютинативном номинативном, то есть неэргативном, языке (во флективных же языках номинатив маркирован и семантически, и даже формально – собственной флексией). Его традиционное название – именительный падеж – вполне обоснованно представляется тюркологами неточным по причине его способности в це-

лом ряде случаев заменять косвенные падежи при достаточной ясности контекста речи. Об этом пишет, например, М.Э. Дубровина: «При переложении схемы индоевропейских языков на тюркскую падежную систему едва ли удастся объяснить случаи употребления или неупотребления ряда падежных аффиксов при словах, выступающих в одинаковых синтаксических ролях (прямое или косвенное дополнение, приименное определение), например случаи факультативности показателей винительного, родительного, дательного, местно-исходного падежей в рунических текстах» [Дубровина, 2013, с. 11]. Она же обращает внимание на то, что «в тюркских языках как агглютинативных, в отличие от флективных, употребление в речевой словоформе словоизменяемых аффиксов (падеж, число) обусловлено наличием коммуникативной потребности, а не сложившимися в ходе эволюции традициями» [Дубровина, 2013, с. 10]. В работе И.А. Невской и Е.С. Паниной отмечена высокая частотность, а значит, особая функциональная роль номинатива в тюркских языках (50 % случаев употребления всех падежных форм имени) [Невская, Панина, 2018, с. 211]. Поэтому наиболее подходящим для описательных целей представляется термин «основной падеж», так как он правильно отражает место падежа в парадигме и подчеркивает его отличие от флективного именительного падежа.

Результаты и обсуждение

Алтайская падежная система

Рассмотрим падежную систему алтайского (ойротского) языка (см. рис. 1).

По данным статьи в энциклопедии «Языки Российской Федерации и соседних государств» [Баскаков, Яковлева, 2000, с. 86–90], состав падежной системы алтайского языка определяется как семикомпонентный. С учетом имеющихся работ (см.: [Невская, 2016, с. 8; Тазранова, 2017, с. 258]) в число падежных форм алтайского языка необходимо включить сравнительный падеж. Его показатель *-тый / -тий / -туй / -түй / -дуй / -дүй* [Дыренкова, 1940; Тазранова, 2017, с. 258] сочетается с аффиксами множественности и поссесивности.

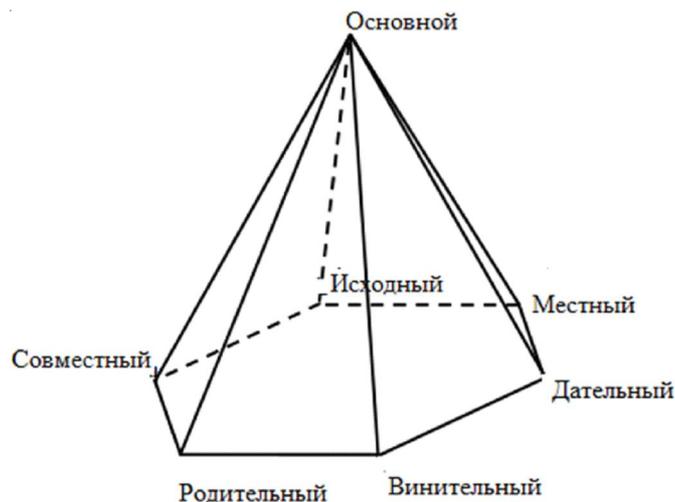

Рис. 1. Падежная система алтайского языка (7 форм)

Fig. 1. Altaic case system (7 forms)

Принимая во внимание работы А.А. Озоновой (см., например: [Озонова, 2004]), необходимо уточнить, что одна из алтайских падежных форм именуется в грамматиках и совместным падежом, и орудным, и творительным, так как она действительно выражает значения совместности и инструмента. Соответственно, более подходящей характеристикой формы с аффиксом *-ла / -ле / -ло / -лө* в алтайском будет ее обозначение как формы совместно-инструментального падежа.

Типичной чертой всех тюркских языков, кроме якутского, является оппозиция локатива и аблатива. Не менее типичны оппозиции локатива и датива (по признаку «статичность – динамичность»), аблатива и датива (по направлению движения «куда – откуда?»), локатива инструментального (по признаку «точка – трасса»). Для этих падежей общая закономерность проявляется в реализации не только их основных пространственных значений (нахождение объекта в некотором месте – движение объекта из (от) некоторого места), но и метафорически либо метонимически связанных с ними семантических функций, например выражение периода (местный падеж) или точки отсчета во времени (исходный падеж).

Специфической чертой алтайской падежной системы является наличие сравнительного и совместно-инструментального падежей, которые встречаются не во всех тюркских языках.

Тофаларская падежная система

Для тофаларского языка подходящей моделью является пирамида с шестиугольным основанием, но с отличием одной из вершин: пролатив (прототипическое значение – «вдоль чего»; производное значение – «посредством чего, с помощью чего») на месте совместного падежа (см. рис. 2).

Состав падежной системы устанавливается по данным энциклопедических статей [Рассадин, 1997, с. 377; 2005, с. 113], но с поправками, сделанными на основе замечаний, высказанных в более ранней и подробной работе этого же автора [Рассадин, 1978], в которой исследователь убедительно доказывает, что «в тофаларском языке форма на *-ша / -ше* имеет статус падежной формы» и предлагает назвать этот падеж *продольным* (Prosecutivus) [Рассадин, 1978, с. 47], что полностью синонимично термину *пролатив*, принятому нами из общетипологических соображений.

По традиции во всех перечисленных публикациях о тофаларском языке выделяется частный падеж (партитив). В.И. Рассадин отмечает, что в свете сравнительно-исторических данных частный падеж можно не считать самостоятельной формой, а выделять единую форму местно-партитивного падежа [Рассадин, 1978, с. 42], но в итоге все же включает его в общую парадигму, составленную, таким образом, из 8 падежей [Рассадин, 1978, с. 48].

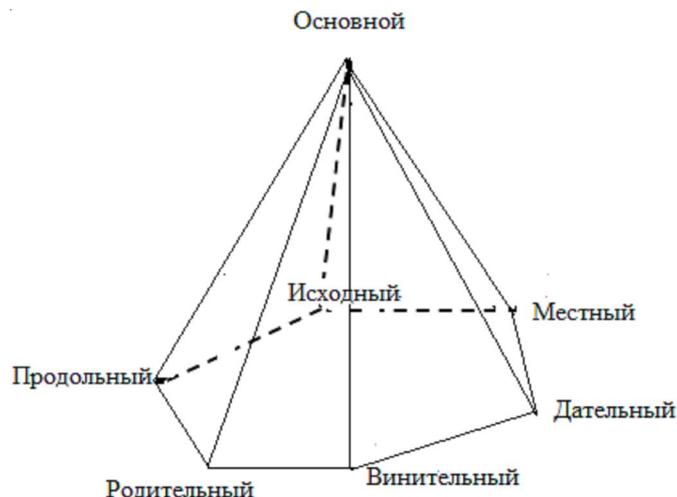

Рис. 2. Падежная система тофаларского языка

Fig. 2. Tofalar case system

В построенной нами модели партитивный падеж не указывается в соответствии с отмеченным в начале статьи общим принципом выделения падежа – у него нет аффикса, отличающегося от показателя местного падежа.

В тофаларском языке, как практически и во всех остальных языках региона, наблюдается типичная для многих языков различного строя система семантических ролей датива: адресат, бенефактив (получатель блага), латив (направление движения), цель, но также ряд специфических ролей, указанных В.И. Рассадиным: срок, цена (эквивалент), причина, в том числе исполнитель действия как причина [Рассадин, 1978, с. 38].

Представление агенса в качестве причины и выражение этого значения дативом показывает, что даже универсальные внеязыковые смыслы конкретный язык может весьма своеобразно «упаковать» в своих грамматических значениях и представить не напрямую, а используя грамматическое значение как намек на некоторый смысл, который необходимо выразить. При этом комбинирование частных падежных значений в одной форме происходит не случайным образом, а на основании ее инвариантного значения, для удобства выполнения коммуникативных задач языка и в соответствии с его внутренней формой, которая в системной типологии определяется как «сущность языковой системы, проявляющая себя через многие доступные наблюдению проекции, в том числе через “морфоло-

гическую” и “стадиальную” классификации языковых типов» [Мельников, 2000, с. 52] и – добавим – через связи инвариантных грамматических значений с частными семантическими функциями.

Не менее типичной оказывается в тофаларском и система вариативных значений аблатива (исходного падежа): «удаление от некоторой точки», «отдаленность от некоторой точки», «лишение (отсутствие) предмета» (семантическая роль, именуемая целым рядом синонимичных терминов: *каритив*, *приватив*, *абэссив*), и «указание на эталон сравнения» (*компаратив*). Перечисленные значения отмечены и снабжены примерами в [Рассадин, 1978, с. 39–40].

В.И. Рассадин отмечает факультативность аффикса винительного падежа при наличии в словоформе аффиксов принадлежности к первому или второму лицу и при указании на определенный предмет [Рассадин, 1978, с. 37]. Эта особенность соответствует отмеченной Г.П. Мельниковым тенденции всех агглютинативных языков к использованию экономной аффиксации, последовательно реализованной в тюркских языках.

Указанная в тофаларском языке грамматикализация наречных оборотов [Рассадин, 1978, с. 44–47] и их постепенное превращение в падежные формы имени существительного могут рассматриваться как грамматическая тенденция для любого агглютинативного языка, где число носителей сокращается и, сле-

довательно, коллектив говорящих становится более осведомленным о характере обсуждаемых ситуаций и составе участников этих ситуаций. При таком изменении внешней детерминанты внутренняя детерминанта языка настраивается на усложнение морфологической системы.

Тувинская падежная система

Графически тувинская падежная система может быть представлена аналогично тофаларской, но с иными элементами (рис. 3).

Хотя в энциклопедии «Языки мира. Тюркские языки» отмечены 8 падежных форм [Сат, 1997, с. 387], в предлагаемой нами модели учитываются только 7 форм, поскольку выделенные в энциклопедии формы направительного I и направительного II падежей принадлежат к разным системам: форма с суффиксом *-че / -же* – к литературному языку, а форма с суффиксом *-дыва* (со всеми сингармоническими вариантами) – диалектам. Именно 7 форм выделяется в «Грамматике тувинского языка» [Исхаков, Пальмбах, 1961, с. 118].

Семантические роли, которые выражаются местными падежами тувинского языка (местным, исходным и направительным) в качестве их частных (вариативных) значений, подробно описаны в монографии А.Б. Хертег [Хертег, 2013]. В сопоставляемых агглютинативных тюркских языках также обнаруживается значимость дательного падежа в выражении ло-

кативных значений: в тувинском языке он выражает место (в конкуренции с местным падежом) и конечную точку (в конкуренции с направительным) [Хертег, 2013, с. 40], в шорском – неопределенное местонахождение [Невская, 1997], а в алтайском – временное местонахождение [Николина, Озонова, 2005, с. 12].

В исследованиях А.Б. Хертег показано, что конкуренция локативных падежей не произвольна, а выступает как средство выражения определенных различий в смысловой структуре изображаемой ситуации и тесно связана с семантикой предиката. При выражении значения конечной точки движения (директива-финиша) в тувинском языке выбор формы дательного или направительного падежей «определяется аспектуальной характеристикой предиката» [Хертег, 2013, с. 73]: при перфектном предикате – дательный, при имперфектном – направительный. Другим различительным семантическим признаком выступает запланированность достижения конечной точки (датель) либо незапланированность (директив) [Хертег, 2013, с. 73], еще один признак директива – «быстрота достижения конечной точки» [Хертег, 2013, с. 74]. Инвариантным различием этих двух падежных форм – датива и директива – является обозначение либо стремления к контакту с ориентиром или проникновения внутрь (датель), либо направления в сторону ориентира (директив) [Чугунекова, 1998, с. 71–72].

Системный характер связи между пространственными и непространственными значе-

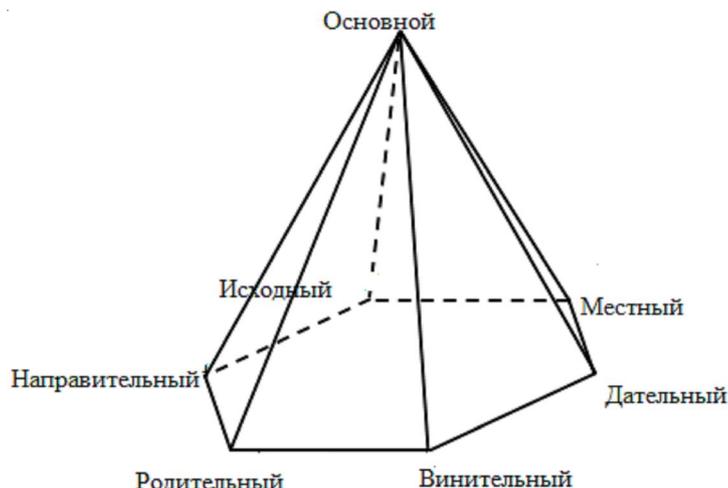

Рис. 3. Падежная система тувинского языка

Fig. 3. Tuvan case system

ниями местных падежей отмечался А.Б. Хертег: «Большинство предметных значений вторичны и появились на базе основных локальных значений этих падежей в результате переноса по сходству или смежности» [Хертег, 2013, с. 103]. Однако в этой же работе в качестве немотивированных значений тувинского дательного падежа названы агент (действующее лицо) и экспериенцер (субъект восприятия) [Хертег, 2013, с. 104, 118], а приводимые примеры показывают, что в качестве агента рассматривается адресат императива, а значение адресата для датива как типичное для многих языков. Типологические данные показывают и типичность роли экспериенцера для дательного падежа. Это не случайность: если представить передачу сигнала (сообщения, эмоции и др.) от стимула по некоторому каналу к субъекту восприятия, то возникает метафорическая картина движения от исходной точки (стимула) через некоторую трассу к конечной точке – экспериенцеру. Таким образом, это значение для датива вполне мотивированно. Дополнительным доказательством служит выполнение аблативом функции обозначения стимула, источника информации при глаголах с семантикой восприятия, такие примеры представлены в монографии [Хертег, 2013, с. 137].

С позиций системной лингвистики инвариантное значение датива формулируется как «“мнимое” движение, заключающееся в векторной направленности одного предмета к другому и функциональном единстве предметов» [Чернышев, 2017, с. 551].

Хакасская падежная система

Вопрос о количестве падежей в хакасском языке тоже дискуссионный. В энциклопедии «Языки Российской Федерации и соседних государств» в хакасском языке выделяют 8 падежей [Донидзе, 2005, с. 287]. Однако М.И. Боргояков добавляет к ним причинно-следственный падеж (в нашей типологии – каузатив) с показателем *-таңар* и продольно-сравнительный (в нашей типологии – пролатив-компаратив) с показателем *-ча* [Боргояков, 1976, с. 121]. Его точку зрения разделяет В.И. Рассадин, который дает обоснование включению форм с аффиксом *-ча* в падежную

систему хакасского языка [Рассадин, 1978, с. 44–46]. Научные грамматики хакасского и шорского языков трактуют данные грамматические формы как наречия с продуктивным наречным суффиксом. Обстоятельное значение места может быть как у падежной формы, так и у наречия. Возникает вопрос о критерии разграничения словоизменительного падежного аффикса и деривационного аффикса наречия. Из определений словообразования и словоизменения становится понятным, что при условии регулярности грамматического показателя, выражаемого значения и производящей основы, а также возможности добавления показателя ко всем основам некоторого класса слов производная форма должна считаться словоизменительной. В работе В.И. Рассадина отмечается именно универсальность форм с аффиксом *-ча* в сравнении с обычными наречными аффиксами, а тем более с аффиксами-последлогами [Рассадин, 1978, с. 46].

Таким образом, падежную систему хакасского языка, вслед за М.И. Боргояковым, можно представить как состоящую из 10 падежных форм (см. рис. 4).

Десятипадежная система потребовала использовать в качестве модели фигуру, в которой соединены параллелепипед и треугольная призма. Верхнее ребро отражает базовую оппозицию основного и винительного падежей агглютинативных языков номинативного строя, при этом в хакасском, как и в других тюркских языках, основной падеж характеризуется свойствами нейтрализатора падежных оппозиций в контекстах, где падежное оформление имени семантически избыточно.

Использованные в нашей модели названия падежей отличаются от принятых в описательных грамматиках: пролатив-компаратив обычно называется продольно-сравнительным, каузатив – причинно-следственным (иногда причинным), комитатив-инструменталис – творительным. Полагаем, что название *творительный* подходит только для славянских падежных систем, в которых данная форма объединяет весьма обширный и сложно устроенный кластер семантических ролей, а в агглютинативных языках семантическая структура подобной формы более прозрачна, хотя и различается в конкретных языках:

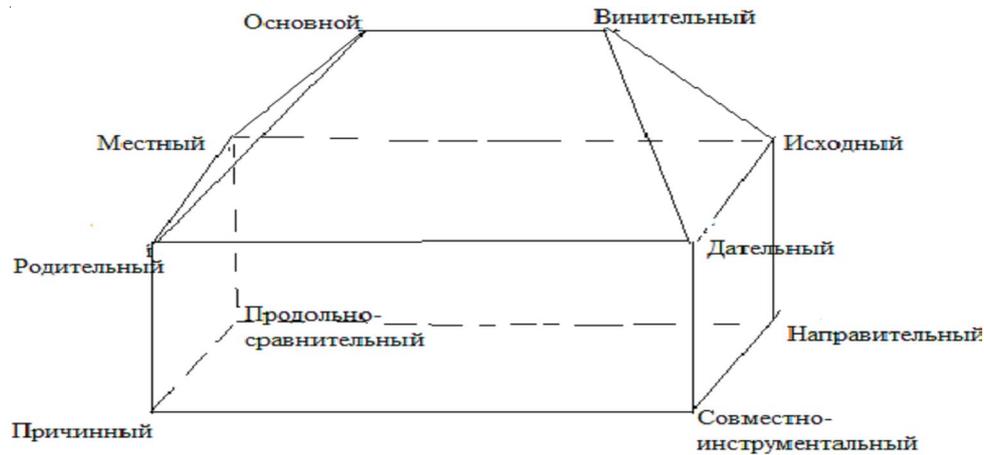

Рис. 4. Падежная система хакасского языка

Fig. 4. Khakass case system

в алтайском есть комитатив (совместный падеж), а в якутском имеются отдельные формы комитатива (-ныын / -наан и другие варианты) и инструменталиса (-нан / -ннан и другие варианты). Различие здесь в представленности и детальности разграничения собственно-сопроводительной падежной функции, выделенной Г.П. Мельниковым [Мельников, 1980, с. 44]. Данная функция либо совмещается в каком-либо одном падеже, либо выражается отдельными падежными формами. Значение инструмента по своей природе является как раз сопроводительным: инструмент «сопровождает» агенса при выполнении действия, неслучайно поэтому объединение семантических ролей инструмента и соучастника является типологически частотным в языках разных семей, а трактовка таких форм как случайного соединения разнородных значений не учитывает системную природу образных связей между значениями.

Рассмотрим структуру модели хакасских падежей. Призма включает 6 падежных форм, составляющих ядро падежной системы в любом тюркском языке (особый случай якутский и долганский языки, утратившие родительный падеж, но имеющие вместо него другой притемный падеж – партитив). Эта призма является готовой моделью для падежной системы турецкого языка, включающей эти же 6 падежей. Передняя грань призмы отражает типичную четверку грамматических падежей, которая может составлять четырехпадежную систему, как,

например, в немецком языке. Задняя грань параллелепипеда отражает четверку местных падежей, передняя – падежи с различными семантическими функциями (верхнее ребро – с широкими, нижнее – с более конкретными), верхняя – типичные косвенные падежи тюркских языков, нижняя – специфические падежи хакасского языка относительно общетюркской системы.

Типологические сходства и различия

Инвариантное значение сопоставляемых падежных форм в рассмотренных языках в полной мере отражает универсальные инвариантные значения соответствующих падежей, но при этом дополняется некоторыми признаками, характерными для языков тюркской семьи (см. таблицу).

В сопоставленных языках хорошо просматривается шестипадежное ядро тюркской падежной системы (основной – винительный, дательный – родительный, местный – исходный), дополняемое отдельными локативными или семантическими падежами.

Языки, для которых моделью падежной системы стала одна и та же геометрическая фигура, можно считать структурно сходными даже в случае некоторых различий угловых точек этой фигуры, поскольку эти точки (в оригинальной системе – падежные формы) нередко оказываются функционально сходными. Таковы, например, функции генитива и партитива, инструменталиса и комитатива, директива и датива. Если же в системе

Инвариантные значения падежных форм

Invariant meanings of case forms

Падеж	Универсальное значение	Дополнительный признак в тюркских языках
Nom (номинатив, именительный, основной, прямой)	Субъект в функции агенса	Нейтрализатор любого падежа в высказываниях, не требующих детализации смысла
Acc (аккузатив, винительный)	Объект действия – пациенс	–
Dat (датив, дательный, дательноподлежащий)	Векторная направленность к объекту действия (адресат, бенефициант, экспериенцер)	Направление при предикатах движения
Gen (генитив, родительный)	Любой участник, связанный с темой сообщения (характеризатор темы)	Притяжательное значение иногда воспринимается как основное
Part (частный, партитивный)	Часть субстанции (места, времени, представленных субстанционально)	–
Loc (локатив, местный)	Место	–
AbI (аблатив, исходный)	Исходная точка развития ситуации (не только физического движения) в пространстве или времени	–
ProIat (пролатив, транзитив, продольный)	Путь развития ситуации (не только физического движения)	В хакасском, тофаларском и шорском – дополнительное значение эталона сравнения
Dir (директив, направительный)	Конечная точка развития ситуации	–
Instr (инструментальный, орудный)	Инструмент, средство, способ действия	В некоторых языках – соучастник
Com (комитатив, совместный)	Соучастник	–
Comp (компаратив, сравнительный)	Эталон сравнения	–

представлены оба падежа из перечисленных пар, то для ее отражения в модели требуется более сложная фигура, а функции между ними будут разграничены и более детализованы в данном языке.

Заключение

Агглютинативный строй языка с характерной для него тенденцией к экономной аффиксации складывается в условиях превращения малого языкового коллектива в достаточно однородный, относительно большой коллектив, в котором существенно увеличиваются временные интервалы общения, например в связи с переходом к кочевому скотоводческому образу жизни, и возникает потребность в регулярности языкового строя.

Номинативный строй этих языков с характерным для него описанием ситуации от причины (инициатора) к следствию – результат разрастания языкового коллектива до той

степени, которая лишает его членов возможности непосредственно наблюдать социально значимые события. Так, агглютинативные дагестанские языки, носители которых живут в удаленных друг от друга небольших аулах, выработали эргативную технику, изображающую событие от следствия к причине, типичной темой сообщения при таком ракурсе изображения становится объект, о свойстве которого намерен сообщить говорящий, а ремой – название признака этого объекта.

Возможность соотнесения – по числу падежей и общим, универсальным значениям – падежных систем агглютинативных языков номинативного подтипа и флективных языков, в которых номинативность проявляется в наибольшей степени, определяется тем обстоятельством, что сведения, передаваемые агглютинативными языками (о социально значимых, существенных, качественных признаках), близки к сведениям, передаваемым флективными языками в больших

однородных оседлых коллективах. Различие заключается в том, что социально значимые сведения, передаваемые языками с агглютинативной техникой, относятся к общеизвестным в языковом коллективе субъектам и объектам, а социально значимые сведения, передаваемые флективной техникой, относятся к целым классам субъектов и объектов, поскольку члены языкового коллектива с индивидуальными представителями этих классов обычно не знакомы. Очевидно, это обстоятельство добавляет дополнительные значения к универсальным значениям падежей.

Рассмотренные выше падежные системы содержат такой состав элементов парадигмы, который оказывается оптимальным в типичных для агглютинативных языков коммуникативных условиях, так как говорящие на них коллективы являются однородными и имеют общие родовидовые и индивидуальные образы. Более сложные падежные системы, возникающие обычно в микроколлективах в условиях редких и незначительных интервалов в общении, требуют еще и общности текущих образов, а если общность реализуется только на уровне родовидовых образов, как во флективных языках, то максимальное число падежей – 6–8. В случае когда общих образов совсем мало или нет, как при аналитизме, падеж вообще исчезает из языка или не возникает, если такие условия были изначально.

Характерное для коммуникативного курса агглютинативных языков отсутствие фиксированного типичного смыслового задания, актуальная обусловленность выбора точки показа как главное средство, которое дает возможность вложить самые разные сюжеты в структуру однотипного, регулярно построенного предложения, обеспечиваются лаконичной системой падежей с выражаемыми ими универсальными значениями и образными значениями, образуемыми на основе смежности и сходства, и возможностью замены – в условиях самодостаточного контекста – любого из падежей основным падежом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артемьев Н. М., 1999. Категория падежа: системный анализ (на материале долганского и якутского языков). СПб. : Изд-во РГПУ. 142 с.
- Баскаков Н. А., Яковлева Н. А., 2000. Алтайский язык // Языки Российской Федерации и соседних государств. В 3 т. Т. 1 : энциклопедия. М. : Наука. С. 86–93.
- Боргояков М. И., 1976. Развитие падежных форм и их значений в хакасском языке. Абакан : Хакас. гос. ун-т. 176 с.
- Донидзе Г. И., 2005. Хакасский язык // Языки Российской Федерации и соседних государств. В 3 т. Т. 3 : энциклопедия. М. : Наука. С. 282–293.
- Дубровина М. Э., 2013. Эволюция тюркской категории склонения в свете системной лингвистики (на материале языка древнетюркских рунических памятников) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13, Языкознание. Вып. 1. С. 10–17.
- Дыренкова Н. П., 1940. Грамматика ойротского языка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. 302 с.
- Иванов Вяч. Вс., 2001. Хеттский язык. М. : URSS. 269 с.
- Иванов В. В., Топоров В. Н., 1960. Санскрит. М. : Изд-во вост. лит. 135 с.
- Исхаков Ф. Г., Пальмбаха А. А., 1961. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М. : Изд. вост. лит. 472 с.
- Кошкарева Н. Б., 2004. Эмотивные модели простых предложений с дательным падежом при непереходных глаголах // Принципы моделирования структуры и семантики предложения : К 80-летию М.И. Черемисиной. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т. С. 28–58.
- Линцбах Я. И., 2009. Принципы философского языка. Опыт точного языкознания. М. : URSS. 248 с.
- Мельников Г. П., 1980. Природа падежных значений и классификация падежей // Исследования в области грамматики и типологии языков. М. : Изд-во МГУ. С. 39–64.
- Мельников Г. П., 2000. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадийной. М. : РУДН. 92 с.
- Мельников Г. П., 2003. Системная типология языков. Принципы. Методы. Модели. М. : Наука. 395 с.
- Невская И. А., 1997. Типология локативных конструкций в тюркских языках Южной Сибири: на материале шорского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск. 45 с.
- Невская И. А., 2005. Пространственные отношения в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка). Новосибирск : Ин-т филологии Сиб. отд-ния Рос. акад. наук. 305 с.
- Невская И. А., 2016. Спорные вопросы алтайской грамматики: о статусе формы на *-дый* // Российская тюркология. № 1 (16). С. 3–14.
- Невская И. А., Панина Е. С., 2018. Сложность падежных систем исторических и современных

- тюркских языков // Сложность языков сибирского ареала в диахронно-типологической перспективе / отв. ред. А. А. Мальцева. Новосибирск : Гео. С. 155–212.
- Николина Е. В., Озонова А. А., 2005. Падежная система чалканского диалекта // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т. Вып. 17. С. 4–25.
- Озонова А. А., 2004. Семантика и функции орудного падежа в алтайском языке // Гуманитарные науки в Сибири. Серия «Филология». № 4. С. 101–107.
- Рассадин В. И., 1978. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М. : Наука. 287 с.
- Рассадин В. И., 1997. Тофаларский язык // Языки мира. Тюркские языки. М. : Индрик. С. 372–383.
- Рассадин В. И., 2005. Тофаларский язык // Языки Российской Федерации и соседних государств. В 3 т. Т. 3 : энциклопедия. М. : Наука. С. 107–118.
- Сагаан Н. Я., 1998. Система средств выражения пространственных отношений в тувинском языке : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск. 142 с.
- Сат Ш. Ч., 1997. Тувинский язык // Языки мира. Тюркские языки. М. : Индрик. С. 385–393.
- Тазранова А. Р., 2017. Падежная система в алтайском языке (на материале трех научных грамматик алтайского языка) // Сибирский филологический журнал. № 4. С. 253–263. DOI: 10.17223/18137083/61/23.
- Тронский И. М., 1967. Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции). Л. : Наука. 104 с.
- Хертег А. Б., 2013. Значения локальных падежей в тувинском и хакасском языках. Новосибирск : Ин-т филологии СО РАН. 274 с.
- Чернышев А. Б., 2017. Принципы системной типологии в отношении к категории датива // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 8, № 3. С. 543–553. DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-543-553.
- Чугункова А. Н., 1998. Глаголы движения и формируемые ими модели простого предложения: на материале хакасского языка : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск. 156 с.
- Якобсон Р., 1985. К общему учению о падеже. Общее значение русского падежа // Избранные работы. М. : Прогресс. С. 139–175.
- (Based on the Material of the Dolgan and Yakut Languages)]. Saint Petersburg, Izd-vo RGPU. 142 p.
- Baskakov N.A., Yakovleva N.A., 2000. Altayskiy yazyk [Altai Language]. *Yazyki Rossiyskoy Federatsii i sosednikh gosudarstv. V 3 t. T. 1: entsiklopediya* [Languages of the Russian Federation and Neighboring States. In 3 Vols. Vol. 1. Encyclopedia]. Moscow, Nauka Publ., pp. 86-93.
- Borgoyakov M.I., 1976. *Razvitie padezhnykh form i ikh znacheniy v khakasskom yazyke* [The Development of Case Forms and Their Meanings in the Khakass Languages]. Abakan, Khakas. gos. un-t. 176 p.
- Donidze G.I., 2005. Khakasskiy yazyk [Khakass Language]. *Yazyki Rossiyskoy Federatsii i sosednikh gosudarstv. V 3 t. T. 3: entsiklopediya* [Languages of the Russian Federation and Neighboring States. In 3 Vols. Vol. 3. Encyclopedia]. Moscow, Nauka Publ., pp. 282-293.
- Dubrovina M.E., 2013. Evolyutsiya tyurkskoy kategorii skloneniya v svete sistemnoy lingvistiki (na materiale yazyka drevnetyurkskikh runicheskikh pamyatnikov) [Evolution of the Turkic Declination Category in the Light of Systemic Linguistics (Based on the Language of Ancient Turkic Runic Monuments)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta Seriya 13. Yazykoznanie* [Saint Petersburg University Bulletin. Linguistics], iss. 1, pp. 10-17.
- Dyrenkova N.P., 1940. *Grammatika oyrotskogo yazyka* [Oirotic Language Grammar]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR. 302 p.
- Ivanov Vyach. Vs., 2001. *Hettskiy yazyk* [Hittite]. Moscow, URSS Publ. 269 p.
- Ivanov V.V., Toporov V.N., 1960. *Sanskrit*. Moscow, Izd-vo vost. lit. 135 p.
- Ishakov F.G., Palmbakh A.A., 1961. *Grammatika tuvinskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Tuvan Language Grammar. Phonetics and Morphology]. Moscow, Izd-vo vost. lit. 472 p.
- Koshkareva N.B., 2004. Emotivnye modeli prostykh predlozheniy s datelnym padezhom pri neperekhodnykh glagolakh [Emotive Models of Simple Sentences with a Dative Case in Intransitive Verbs]. *Printsipy modelirovaniya struktury i semantiki predlozheniya* [Principles of Structure and Semantics Modeling of Sentences]. Novosibirsk, Novosib. gos. un-t, pp. 28-58.
- Lincbakh Ya.I., 2009. *Printsipy filosofskogo yazyka. Opyt tochnogo yazykoznaneya* [Principles of Philosophical Language. The Experience of Exact Linguistics]. Moscow, URSS Publ. 248 p.
- Melnikov G.P., 1980. Priroda padezhnykh znacheniy i klassifikatsiya padezhey [The Nature of Case

REFERENCES

Artemyev N.M., 1999. *Kategoriya padezha: sistemnyy analiz (na materiale dolganskogo i yakutskogo yazykov)* [Case Category: System Analysis

- Values and the Classification of Cases]. *Issledovaniya v oblasti grammatiki i tipologii yazykov* [Studies in Grammar and Typology of Languages]. Moscow, Izd-vo MGU, pp. 39-64.
- Melnikov G.P., 2000. *Sistemnaya tipologiya yazykov: sintez morfologicheskoy klassifikatsii yazykov so stadialnoy* [Systemic Typology of Languages: Synthesis of Morphological Classification of Languages with Stadial]. Moscow, RUDN. 92 p.
- Melnikov G.P., 2003. *Sistemnaya tipologiya yazykov. Printsipy. Metody. Modeli* [System Typology of Languages. Principles. Methods. Models]. Moscow, Nauka Publ. 395 p.
- Nevskaya I.A., 1997. *Tipologiya lokativnykh konstruktiv v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoy Sibiri: na materiale shorskogo yazyka: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Typology of locative constructions in the Turkic Languages of Southern Siberia: On the Material of the Shor Language. Dr. philol. sci. abs. diss.]. Novosibirsk. 45 p.
- Nevskaya I.A., 2005. *Prostranstvennyye otnosheniya v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoy Sibiri (na materiale shorskogo yazyka)* [Spatial Relations in the Turkic Languages of Southern Siberia (Based on the Material of the Shor Language)]. Novosibirsk, In-t filologii Sib. otd-niya Ros. akad. nauk. 305 p.
- Nevskaya I.A., 2016. Spornye voprosy altayskoy grammatiki: o statuse formy na -dyy [Controversial Issues of Altai Grammar: On the Status of the Form -dyy]. *Rossiyskaya tyurkologiya* [Russian Turcology], no. 1 (16), pp. 3-14.
- Nevskaya I.A., Panina E.S., 2018. Slozhnost padezhnykh sistem istoricheskikh i sovremennykh tyurkskikh yazykov [Complexity of Case Systems of Historical and Modern Turkic Languages]. Maltseva A.A., ed. *Slozhnost yazykov sibirskogo areala v diahronno-tipologicheskoy perspective* [Complexity of the Languages of the Siberian Area in the Diachronic-Typological Perspective]. Novosibirsk, Geo Publ., pp. 155-212.
- Nikolina E.V., Ozonova A.A., 2005. Padezhnaya sistema chalkanskogo dialekta [The Case System of the Chalkan Dialect]. *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Indigenous Siberia Peoples Languages]. Novosibirsk, Novosib. gos. un-t, iss. 17, pp. 4-25.
- Ozonova A.A., 2004. Semantika i funktsii orudnogo padezha v altayskom yazyke [Semantics and Functions of the Case in Altai Language]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri. Seriya «Filologiya»* [Humanities in Siberia. Series "Philology"], no. 4, pp. 101-107.
- Rassadin V.I., 1978. *Morfologiya tofalarskogo yazyka v sravnitel'nom osveshchenii* [Morphology of the Tofalar Language in Comparative Coverage]. Moscow, Nauka Publ. 287 p.
- Rassadin V.I., 1997. Tofalarskiy yazyk [Tofalar Language]. *Yazyki mira. Tyurkskie yazyki* [Languages of the World. Turkic Languages]. Moscow, Indrik Publ., pp. 372-383.
- Rassadin V.I., 2005. Tofalarskiy yazyk [Tofalar Language]. *Yazyki Rossiyskoy Federatsii i sosednikh gosudarstv. V 3 t. T. 3: entsiklopediya* [Languages of the Russian Federation and Neighboring States. In 3 Vols. Vol. 3. Encyclopedia]. Moscow, Nauka Publ., pp. 107-118.
- Sagaan N.Ya., 1998. *Sistema sredstv vyrazheniya prostranstvennykh otnosheniy v tuvinskom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk* [The System of Means of Expressing Spatial Relations in the Tuvan Language. Cand. philol. sci. diss.]. Novosibirsk. 142 p.
- Sat Sh.Ch., 1997. Tuvinskiy yazyk [Tuvan Language]. *Yazyki mira. Tyurkskie yazyki* [Languages of the World. Turkic Languages]. Moscow, Indrik Publ., pp. 385-393.
- Tazranova A.R., 2017. Padezhnaya sistema v altayskom yazyke (na materiale tryokh nauchnykh grammatik altayskogo yazyka) [Case System in the Altai Language (On Material of Three Scientific Grammars of the Altai Language)]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Philological Journal], no. 4, pp. 253-263. DOI: 10.17223/18137083/61/23.
- Tronskiy I.M., 1967. *Obshcheindoevropeyskoe yazykovoe sostoyanie (voprosy rekonstruktsii)* [Common Indo-European Language State (Reconstruction Issues)]. Leningrad, Nauka Publ. 104 p.
- Herteg A.B., 2013. *Znacheniya lokalnykh padezhey v tuvinskom i khakasskom yazykakh* [Meanings of Local Cases in Tuvan and Khakass Languages]. Novosibirsk, In-t filologii SO RAN. 274 p.
- Chernyshev A.B., 2017. Printsipy sistemnoy tipologii v otnoshenii k kategorii dativa [Principles of System Typology Applicable to Dative]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], vol. 8, no. 3, pp. 543-553. DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-543-553.
- Chugunekova A.N., 1998. *Glagoly dvizheniya i formiruemye imi modeli prostogo predlozheniya: na materiale khakasskogo yazyka: dis... kand. filol. nauk*. [Verbs of Movement and the Models of Simple Sentences Formed by Them: On the Material of the Khakass Language. Cand. philol. sci. diss.]. Novosibirsk. 156 p.

Jakobson R., 1985. К общему учению о падеже. Общее значение русского падежа [To the General Theory of the Case. The General

Significance of the Russian Case]. *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Moscow, Progress Publ., pp. 139-175.

Information About the Authors

Olga I. Valentinova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of General and Russian Linguistics, Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maklaya St, 6, 117198 Moscow, Russia, ovalentinova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8510-8701>

Mikhail A. Rybakov, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of General and Russian Linguistics, Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maklaya St, 6, 117198 Moscow, Russia, rybakov-ma@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9444-3889>

Информация об авторах

Ольга Ивановна Валентинова, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 г. Москва, Россия, ovalentinova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8510-8701>

Михаил Анатольевич Рыбаков, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 г. Москва, Россия, rybakov-ma@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9444-3889>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.7>

UDC 811.112.2'373.43
LBC 81.432.4-32

Submitted: 26.07.2021
Accepted: 20.12.2021

WORD-FORMATION POTENTIAL OF THE NOUN *CORONA* IN THE GERMAN SUBSTANTIVE COVID-PANDEMIC VOCABULARY

Lyudmila A. Yushkova

Udmurt State University, Izhevsk, Russia

Abstract. This article examines the word-formation capacity of the noun base *Corona*, the core of the lexical-semantic field *Coronavirus pandemic* in modern German. It highlights the word-formation dynamics in the bulk of German nouns that are built with the noun stem *Corona* and are united in a thematic group. About 250 lexemes served as research material. Information on their usage was collected by examining the content presented in lexicographical editions, German news publications, on websites and social networks. The word-formation models of nouns that are currently productive in the German pandemic discourse were identified, with compounding defined as the dominant method of constructing neologisms in the German language. Among productive models the compounds with the noun stem *Corona-* were singled out; their word building meaning was characterized according to degrees of morpho-semantic motivation. The degree of word-formation activity of the models and affixes, which are productive in the lexical field under analyzes, was determined. Specificity of the usage and frequency level were distinguished; the lexemes that are formed after synonymous models showed semantic and functional differences. It is concluded that word formation of substantives in the time of coronavirus pandemic demonstrates the enhancement of the activity of peripheral word-formation models, in particular, paronomastic pattern.

Key words: neologism, word formation, compounding, derivation, abbreviation, paronomastic word formation.

Citation. Yushkova L.A. Word-Formation Potential of the Noun *Corona* in the German Substantive COVID-Pandemic Vocabulary. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 2, pp. 85-98. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.7>

УДК 811.112.2'373.43
ББК 81.432.4-32

Дата поступления статьи: 26.07.2021
Дата принятия статьи: 20.12.2021

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО *CORONA* В НЕМЕЦКОЙ СУБСТАНТИВНОЙ ЛЕКСИКЕ ПЕРИОДА ПАНДЕМИИ COVID-19

Людмила Анатольевна Юшкова

Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается словообразовательная роль основы существительного *Corona* в современном немецком языке, которое составляет ядро лексико-семантического поля «коронавирусная пандемия». В исследовании охарактеризована словообразовательная динамика в корпусе немецких существительных, относящихся к одному словообразовательному гнезду и образованных от основы существительного *Corona*. Материалом для анализа послужили 250 лексем. Данные об их употреблении получены на основе изучения контекстов, представленных в лексикографических изданиях, в статьях немецких новостных изданий, на веб-сайтах и в социальных сетях. Подтверждено, что словосложение – это ведущий способ образования неологизмов в немецком языке. Выявлены продуктивные модели образования сложных слов с основой существительного *Corona*, описано их словообразовательное значение. Охарактеризованы группы сложных

слов в зависимости от степени их морфосемантической мотивированности. Определена степень словообразовательной активности моделей и аффиксов в выбранной для анализа лексической сфере. Выявлены особенности употребления производных существительных и степень их частотности. Показано, что лексемы, образованные по конкурирующим моделям, имеют семантические и функциональные отличия. Установлено, что в немецком субстантивном словообразовании периода коронавирусной пандемии сильна тенденция к активному использованию периферийных словообразовательных моделей, в частности паронимического словообразования.

Ключевые слова: неологизм, словообразование, словосложение, словопроизводство, сокращение, паронимическое словообразование.

Цитирование. Юшкова Л. А. Словообразовательный потенциал существительного *Corona* в немецкой субстантивной лексике периода пандемии COVID-19 // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 85–98. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.7>

Введение

Усиление динамики лексической системы языка всегда отмечается в кризисные периоды развития социума. Любые значительные изменения в жизни общества вызывают всплеск языковой творческой активности, в том числе лингвистической, так как новые явления и объекты создают потребность в новых номинациях, а изменившиеся условия существования, новые впечатления и опыт заставляют людей выходить из «зоны комфорта». Таким образом, лингвистическая креативность в кризисные периоды истории общества мотивируется двумя основными причинами: появлением новых денотатов и потребностью в новых экспрессивных средствах, позволяющих выразить восприятие изменившейся действительности.

К настоящему времени появилось большое количество работ, посвященных анализу обусловленных пандемией актуальных процессов в немецкой лексике [Гатауллин, 2020; Темиргазина, Лучик, 2020; Klosa-Kückelhaus, 2020a; 2020b; Krug, 2021; Möhrs, 2020a; 2020b; Moulin, 2020; Weinert, 2021; Zifonun, 2020; и др.]. В ряде статей отмечалась значительная словообразовательная активность существительного *Corona* [Гатауллин, 2020, Balnat, 2020; Kaczmarek, 2021; Möhrs, 2020b], однако задача подробного и полного анализа немецких существительных с мотивирующей основой *-corona-* с точки зрения их структурно-семантических особенностей не ставилась.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы характеризовать структурно-семантические особенности отобранных для анализа

лексем и словообразовательные возможности основы существительного *Corona*.

Объектом данного исследования является пласт новых лексических единиц немецкого языка с компонентом *Corona*, появившихся в период с октября 2019 по май 2021 г. и относящихся к лексико-семантической группе «коронавирусная пандемия».

Материал и методы исследования

Основным источником материала послужил «Словарь неологизмов» (Neologismenwörterbuch), который размещен в лексикографической базе данных OWID, созданной Институтом немецкого языка им. Лейбница (IDS), а именно та часть его словника, которая включает лексику периода коронавирусной пандемии (далее – OWID). Помимо этого, фактический материал был получен из электронного словаря немецкой разговорной лексики *MundMische*, из научных статей по проблемам коммуникации и динамике немецкого языка в период эпидемического кризиса, публикаций немецких новостных сайтов, сообщений на различных интернет-форумах, в твитах и блогах, статей на тему пандемии коронавируса в периодических изданиях, а также из читательских комментариев к этим статьям. Всего было проанализировано 250 существительных, отобранных методом сплошной выборки из перечисленных выше источников.

В качестве основных методов исследования материала применялись словообразовательный и этимологический анализ новообразованных существительных. Для уточнения значений производных лексем, выявления семантических и функциональных отличий слов

с конкурирующими аффиксами были использованы методы компонентного и контекстуального анализа, а также анализ лексикографических дефиниций.

Результаты и обсуждения

Сложные существительные с компонентом *Corona*

Слова, образованные по модели «*Corona* + основа существительного», составляют наиболее многочисленную группу среди отобранных неологизмов.

Полная форма слова *Coronavirus* / *Corona-Virus* как в качестве самостоятельной лексемы, так и в составе производных неологизмов в проанализированных источниках встречается редко, вероятно, в силу того, что многосложные основы традиционно менее активно задействованы в процессе словосложения при наличии их кратких форм. Кроме того, на словообразовательных возможностях полной формы этого существительного сказывается ее крайне невысокая частотность в немецком языке. В исследовании было зафиксировано только одно разговорное слово, в составе которого использована основа *-coronavirus-*: *Coronavirus-Syndrom*: «das plötzliche Bedürfnis, sofort raus aus dem Haus oder dem falschen Land, wo man gerade gestrandet ist, und ab und weg zu müssen – vielleicht dahin wo die Welt noch in Ordnung ist – besonders wenn es etwas kränkelt» (*MundMische*) / внезапная потребность уйти из дома или уехать из страны, где вы оказались в затруднительном положении, возможно, туда, где сохраняется порядок и привычное течение жизни, особенно если вы не очень хорошо себя чувствуете (здесь и далее перевод наш. – Л. Ю.).

Среди неологизмов с компонентом *Corona* можно выделить следующие наиболее объемные тематические подгруппы лексем:

- медицинские термины и профессионализмы (*Corona-Pandemie*, *Corona-Impfstoff*, *Corona-Infektion*, *Corona-Station*);
- слова из области общественно-политической коммуникации (*Corona-Debatte*, *Corona-Politik*, *Coronasession*, *Corona-Gipfel*);

- лексемы из области СМИ (*Corona-Ticker*, *Corona-Bulletin*);

- лексемы из области экономики и права (*Corona-Scheck*, *Corona-Bonds*, *Corona-Prämie*, *Corona-Bußgeldkatalog*);

- лексемы из области образования (*Corona-Ferien*, *Corona-School*, *Corona-Abitur*, *Corona-Schichtunterricht*);

- лексемы из области компьютерных технологий (*Corona-App*, *Corona-Warn-App*, *Coronawarnplattform*);

- обозначения актуальных явлений, предметов или процессов новой реальности бытовой сферы (*Corona-Radweg*, *Corona-Gutschein*, *Corona-Party*, *Corona-Nachlass*);

- эмоционально окрашенные лексемы, обозначающие состояние и настроение людей и общества в период пандемии (*Corona-Angst*, *Corona-Wahnsinn*, *Corona-Panik*, *Coronastress*).

Очевидно, что лексема *Corona*, как ключевая лексема немецкого пандемийного дискурса, не только обладает высокой активностью в словообразовании существительных, но и имеет выраженную тенденцию к серийному употреблению и, таким образом, может быть отнесена к классу частотных компонентов.

Способность компонента *Corona* сочетаться с широким кругом основ слов, обозначающих самые разные понятия, объясняется расширением его семантики в сторону абстракции. В узком (основном) значении, которое в «Электронном словаре немецкого языка» (DWDS) и толковом словаре Duden сопровождается пометой «разговорное», *Corona* называется вирус SARS-CoV-2. По данным «Словаря неологизмов» (OWID), это слово имеет также метонимическое производное значение – «die durch das Virus SARS-CoV-2 verursachte Infektionskrankheit COVID-19» / инфекция, вызываемая вирусом COVID-19, – и способно выражать широкую семантику: «период пандемии коронавирусной инфекции и связанный с ней кризис». Таким образом, благодаря своей эврисемичности, существительное *Corona* имеет высокую частоту употребления и в прессе, и в профессиональном общении, и в бытовой коммуникации.

Как правило, основа существительного *Corona* функционирует в качестве частотного детерминативного компонента сложных существительных, которые отличаются по

степени мотивированности. На основании анализа семантических отношений, существующих между компонентами композитов и мотивирующими их словами, можно выделить следующие группы лексем.

1. Мотивированные сложные слова, или «Komposita mit Wortbildungsbedeutungen» [Fleischer, Barz, 2012, S. 139], – сложные слова со словообразовательным значением, которые без труда поддаются расшифровке, поскольку семантическая связь между основами, входящими в состав лексемы, обусловлена языковой традицией и устанавливается достаточно легко.

При описании мотивационных отношений между мотивирующими основами сложных слов данной группы используются стандартные высказывания, «пригодные для объяснения семантики всех производных того же словообразовательного ряда» [Кубрякова, 1976, с. 290], в которых кроме мотивирующих слов используется минимальное количество других синтаксически необходимых компонентов. То, что выражено детерминативной основой, занимает в соответствующей синтагме место дополнения в соответствующем падеже или предложного дополнения.

Эта группа существительных представлена, в частности, лексемами со следующими словообразовательными значениями:

а) агентивное значение: «что-либо является действием, которое осуществляется тем, что выражено детерминативной основой» (*Corona-Ausbruch, Corona-Mutation, Corona-Ausbreitung*);

б) значение «лицо, обозначенное базовой основой, выполняет какое-либо действие, которое затрагивает то, что выражено детерминативной основой» (*Corona-Treiber, Coronaverbreiter, Corona-Superverbreiter*);

в) каузативное значение: «что-либо вызвано тем, что обозначено детерминативной основой» (*Corona-Isolation, Corona-Krise, Corona-Hysterie, Corona-Müdigkeit*);

г) финальное значение: «что-либо предназначено для того, что выражено детерминативной основой» (*Corona-Test, Corona-Probe*);

д) экспликативное значение: «что-либо является гиперонимическим обозначением того, что выражено детерминативной основой» (*Coronainfektion, Coronafall, Corona-Pandemie, Coronaerkrankung*);

е) временное значение: «что-либо происходит в период, обозначенный детерминативной основой» (*Corona-Geburtstag, Corona-Silvester, Coronaherbst, Corona-Session*);

ж) значение имени деятеля: «кто-либо по роду деятельности связан с тем, что обозначено детерминативной основой» (*Coronabuster, Coronaexperte*);

з) значение «что-либо направлено на устранение того (или защиту от того), что обозначено детерминативной основой» (*Corona-Impfstoff, Corona-Maske, Corona-Maßnahmen, Corona-Regeln, Corona-Protest*).

2. Композиты, семантическая связь между компонентами которых менее очевидна, чем у существительных, рассмотренных в первой группе. Такие производные можно назвать переходными, поскольку для них характерна множественная интерпретация семантических отношений между основами. Для однозначного понимания требуется знание конкретной экстралингвистической ситуации. Например, существительное *Coronapause* может означать как приостановление распространения вируса (агентивное значение), так и перерыв в деятельности (учреждений, общества) из-за пандемии коронавируса (каузативное значение). С точки зрения языковой традиции оба варианта равноправны, и только внеязыковой контекст способствует правильной интерпретации в пользу второго варианта.

В эту группу частично мотивированных слов входят часто встречающиеся композиты с метафорически преобразованным вторым компонентом, значение которых нагружено дополнительными семами, поэтому сформулировать стандартное высказывание, кратко и ясно расшифровывающее отношение между мотивирующими основами, невозможно. Например, *Coronadiktatur* – это не диктатура во время эпидемии вируса или вызванная эпидемией коронавируса, а фамильярное негативное обозначение политической системы, при которой введены чрезвычайные меры по предупреждению распространения пандемии COVID-19 (OWID).

Другим примером служит лексема *Coronafalle* – 1) «Ort, Veranstaltung, Ereignis usw., wo die Verbreitung des SARS-CoV-2-Virus begünstigt wird» (OWID) / какое-либо место или мероприятие, где можно легко заразиться

вирусом SARS-CoV-2; 2) «wirtschaftlich problematischer Zeitraum, der durch die COVID-19-Pandemie ausgelöst wird» (OWID) / период экономического кризиса, обусловленный пандемией COVID-19; 3) «betrügerische Masche, bei der Kriminelle mithilfe von E-Mails, Anrufen oder durch Klingeln an der Wohnung mit Bezug auf die besonderen Umstände während der COVID-19-Pandemie versuchen, Geld oder Wertsachen von den Betroffenen zu bekommen» (OWID) / мошенническая уловка, при помощи которой преступники, используя электронные или SMS-сообщения, телефонные звонки или при личном посещении, ссылаясь на особые обстоятельства, связанные с пандемией COVID-19, пытаются вымогать деньги у пострадавших. С точки зрения словообразовательной традиции семантические отношения между компонентами этого слова могут быть описаны двояко: 1) что-либо предназначенное для того, что выражено детерминативной основой («ловушка для коронавируса») – финальное значение; 2) то, что выражено детерминативной основой, служит причиной чего-либо («ловушка, возникшая по вине коронавируса») – каузативное значение. Однако обе формулы лишь приблизительно отражают суть отношений между элементами композита, при этом правильным является второй вариант.

3. Слабо мотивированные сложные слова с высокой степенью идиоматичности (идиоматизированные сложные слова). В композитах этой группы переосмысление затрагивает всю лексему целиком, установление прямых семантических отношений между мотивирующими основами практически невозможно, что связано с различной степенью «компрессии смысла» [Шагалова, 2003]. Значение слабо мотивированных композитов осложнено словообразовательной метафоризацией и утрачивает синтагматический характер (о нем подробно см.: [Липка, 1981, S. 120]). Поскольку отношения между компонентами такого существительного настолько сложны, что их трудно описать при помощи стандартизированного схематического высказывания, то понимание семантической связи между компонентами единицы обеспечивается исключительно знанием внеязыкового контекста.

Примером может служить существительное *Coronatausender* – «einmalige steuer- und

sozialabgabefreie Sonderzahlung für Beschäftigte in Österreich zum Ausgleich höherer Belastung während der COVID-19-Pandemie» (OWID) / единовременные стимулирующие выплаты для работников в Австрии за интенсивность труда во время пандемии коронавируса. Невозможно верно определить тип отношений и между компонентами существительного *Coronatie*, так как внутренняя форма этого слова уже в значительной степени идиоматизирована, а сама лексема служит эвфемистическим обозначением коронавируса SARS-CoV-2 (OWID).

Интересный пример представляет собой разговорный окказионализм *Corona-Schwips*. Совпадение внешней формы названия известной марки пива «Corona» с омонимичным наименованием вируса и метонимическое переосмысление второго компонента (*Schwips* – разг. «легкое опьянение») привели к появлению сложного слова, которое употребляется в двух значениях: 1) состояние опьянения, вызванное приемом пива «Corona»; 2) болезненное состояние, наличие симптомов в результате заражения коронавирусной инфекцией. Особый стилистический эффект достигается за счет нарочитого сближения этих значений в высказывании, например в рекламе алкогольного коктейля:

(1) Mit dem Gin in eurem Schnaps Regal lässt sich noch sehr viel mehr anfangen als ihr denkt – Gin Tonic war gestern! <...> Bringt etwas Schwung in euren Corona-Schwips! (Munich mag).

Отдельно следует рассматривать группу сложных слов, которую составляют существительные с конфиксами – связанными элементами иностранного происхождения (как правило, греко-латинского). Конфиксы соотносятся с основами самостоятельных непроеводных слов в других языках и способны выступать в качестве производящих основ и сочетаться с основами разных частей речи в современном немецком языке. В проанализированном материале наиболее представлены двух- и трехсложные слова с префиксами *mega* и *pseudo*¹.

Конфикс *mega* в сочетании с основами существительных указывает на значительность, масштабность того, что выражено основой: *Mega-Corona-Demonstration* или *Mega-Corona-Ausbruch*.

Конфикс *pseudo* указывает на то, что объект, обозначенный основой, имеет ложную природу и только кажется чем-либо, но не является этим в действительности: *Pseudo-Corona-Polizei*, *Pseudo-Corona-Ampel*, *Pseudo-Corona-Solidarität* и др.

В выборке также обнаружены сложные слова с постконфиксами. Например, существительное *Coronaturbo* – 1) «extreme Beschleunigung bei der Ausbreitung der COVID-19-Pandemie durch Nichteinhaltung von Abstands- und Hygieneregeln» (OWID) / экстремальное усиление темпов распространения пандемии COVID-19 из-за несоблюдения гигиенических и изоляционных мер; 2) «lötzlicher Anschlag der (wirtschaftlichen) Entwicklungen in einer bestimmten Branche oder einem bestimmten Bereich während der COVID-19-Pandemie» (OWID) / внезапное усиление экономического роста в отдельной отрасли или области во время пандемии. Еще один пример – существительное *Coronathek* – «видео- и аудиоматериалы для прослушивания и просмотра во время карантина, когда очное посещение культурных мероприятий невозможно». Эта лексема не отмечена в «Словаре неологизмов», но встречается в Интернете и упоминается в списке слов на авторском сайте hör.de (Schröder). В словарях также не зафиксировано существительное *Coronalogie* – букв. «корналогия», «последовательность событий в период пандемии коронавирусной инфекции». Оно образовано по аналогии с существительным *Chronologie* и имеет шутиливо-ироничный оттенок:

(2) Es ist natürlich auch Coronalogie, wenn wir Ausgabe 15 zum Download anbieten (MAG.net).

Стяжения

В выборке представлены сложные слова, у которых в качестве первого компонента выступает синтагма – синтагматические или «фразовые» композиты [Fleischer, Barz, 2012, S. 175], или стяжения.

В. Фляйшер отмечает большую продуктивность именных синтагм в образовании немецких композитов [Fleischer, Barz, 2012, S. 175], что подтверждается примерами синтагматических композитов-неологизмов с ком-

понентом *Corona*. Их первые компоненты – это предложные сочетания. Среди отобранных примеров были выявлены частотные лексемы с компонентами *nach-*, *vor-* и их греко-латинскими или англоязычными соответствиями: *Nach-Corona-Welt*, *Vor-Corona-Welt*, *Post-Corona-Zeit*, *Prä-Corona-Zeit*, *After-Corona-Body*, *Präcoronazän* и др. Их появление и высокая употребительность свидетельствуют о том, что носители языка четко разграничивают жизнь на периоды до пандемии и во время пандемии, а также рассматривают то время, когда связанный с пандемией кризис закончится, как новую эпоху. То, насколько важную роль играет представление о таком членении времени в сознании людей, подтверждается наличием в языке синонимичных существительных *Prä-Covid-Zeit*, *Post-Covid-Zeit*, *Post-Pandemie-Zeit* и других подобных им неологизмов, которые несут значимые «коннотативные смыслы глобальности» [Темиргазина, Лучик, 2020, с. 35].

Многочисленны также стяжения с первым компонентом *Anti-Corona*. Чаще всего эти существительные обозначают социальные явления протестного характера, которые возникают в результате недовольства крайне строгими мерами, вводимыми в связи с угрозой распространения коронавирусной инфекции: *Anticoronademo*, *Anticoronademonstrant*, *Anticoronademonstration*, *Anticoronaprotest*. Кроме того, существительные с этим компонентом обозначают процессы или явления, направленные на защиту от распространения коронавируса и заражения им: *Anticoronakampf*, *Anticoronaschutzwall*, *Anti-Corona-Regeln*.

Другие типы синтагматических композитов встречаются единично, например: *Corona-Grippe-Test*, *Corona-Warn-und-Aktionsplan*.

Усеченные существительные с компонентом *Corona*

Среди лексических единиц с компонентом *Corona* встретились слова, которые были образованы путем редукции плана выражения. В первую очередь сама лексема *Corona*, как было сказано выше, является сокращением до первого сегмента существительного *Coronavirus*. Функционируя в качестве мотивирующей основы, она редуцируется уже до

начальной буквы и в усеченном виде может сочетаться с полными формами других существительных, образуя сложносокращенные слова: *C-Krise (Coronakrise)* или *C-Wort (Coronawort)*. При образовании второго слова кроме сокращения первого компонента произошло целостное эвфемистическое преобразование его семантики: *Coronawort = Coronakrise*.

Сложносокращенные слова образуются также при соединении компонента *Corona* с другим существительным, подвергающимся редукции в процессе словосложения, например: *Coronademo* – «(politisch und weltanschaulich unterschiedlich motivierte) Kundgebung gegen die allgemein gültigen Verhaltensregeln zur Eindämmung der COVID-19-Pandemie» (OWID) / демонстрация против карантинных ограничений (в последнее время – также против обязательной вакцинации); *Coronasoli* – «Sonderabgabe, die dabei helfen soll, Kosten wegen der COVID-19-Pandemie zu finanzieren» (OWID) / специальные выплаты, которые направлены на возмещение расходов, понесенных в связи с пандемией COVID-19.

Сокращением от английского *Corona Virus Disease* является также наименование болезни *COVID-19*, которое не только обладает высокой употребительностью, но и активно участвует в образовании сложных существительных.

Суффиксальные существительные с компонентом *Corona*

Суффиксальные модели образования существительных от основы существительного *Corona* малопродуктивны, а образованные по таким моделям лексемы имеют низкую частотность. Многие из них (*Coronist, Coronaer, Coronoid, Coronerei, Coronalien*) не зафиксированы в «Словаре неологизмов» (OWID) и в других справочных и лексикографических источниках.

Основа существительного *Corona* сочетается, как правило, с экзогенными суффиксами. Все рассмотренные лексемы этого типа образованы по аналогии с терминами на основе выделения суффиксальных морфем последних. Такой механизм образования пейоративно окрашенных слов давно известен и регулярно реализуется в немецком языке: бла-

годаря сочетанию основы с нейтральной или разговорной окраской и «научного» суффикса греко-латинского происхождения возникают разговорные, эмоционально и стилистически маркированные «ложные термины» – «псевдозаимствования» (*Pseudoentlehnungen*) [Meyer, 1974, S. 101]. Большинство из них имеют шутливую или фамильярную окраску.

Так, лексема *Coronismus* образована с участием продуктивного суффикса *-ismus*, который чаще всего используется для образования существительных, называющих религиозные или политические течения, идеологические и научные направления, и сочетается при этом с основами имен собственных или с обозначениями лиц по их качествам. При добавлении этого суффикса к названию вируса происходит нарушение привычной для носителя языка понятийной сочетаемости компонентов в составе данной модели, что обуславливает стилистический эффект. Основное значение этого слова, данное «Словарем неологизмов» (OWID): «während der COVID-19-Pandemie angeordnete (politische) Maßnahmen, die als weitreichender Eingriff in die Privatsphäre und Beschneidung der Grundrechte empfunden werden (OWID) / (политические) меры, введенные во время пандемии COVID-19 с целью уменьшения распространения вируса, которые воспринимаются населением как ограничение их основных прав и вторжение в личную сферу.

Подобным образом формируется прагматическая окраска существительного *Coronist*², которое в проанализированных контекстах употребляется в следующих значениях: 1) тот, кто продвигает и активно поддерживает рекомендации и ограничения, которые должны остановить распространение коронавируса; 2) человек, зараженный вирусом SARS-CoV-2:

(3) Das Recht auf Gesundheit ist nicht überragender als das Recht auf Selbstbestimmung, aber die Coronisten interessiert das nicht, man hat die Macht, zu behaupten, so sei es (Telepolis);

(4) Kann mir einmal jemand erklären welchen Sinn es macht, die Anzahl der Coronisten seit dem 1.1.2020 ständig aufzuaddieren? (OWID).

Суффикс *-ist* при основах существительных служит для обозначения лиц по их при-

надлежности к каким-либо учениям, направлениям, течениям или по их роду занятий и увлечениям (ССЭНЯ, с. 253). Производящая основа в таких случаях представлена именем собственным или существительным, называющим объект интереса или увлечения. Использование наименования вируса или вирусной пандемии в качестве мотивирующего слова представляется нехарактерным и нарушает традиционную сочетаемость понятий, выражаемых компонентами данной модели.

В еще большей степени эффект нарушения смысловой валентности проявляется у слова *Coronoid* – «человек, охваченный страхом заразиться коронавирусом и тщательно соблюдающий все профилактические меры». Суффикс *-oid* функционирует в литературной лексике исключительно в составе научных терминов, поэтому его присоединение к основе разговорного слова нарушает внутрисловную сочетаемость. Подобное семантическое противоречие между компонентами лексемы можно охарактеризовать как стилистический оксюморон, который служит причиной появления эмоциональной, фамильярно-ироничной или шутливой окраски производного существительного.

Можно констатировать, что своеобразие разговорных единиц периода коронавирусной пандемии выражается, во-первых, в нарушениях внутрисловной сочетаемости, во-вторых, в активизации нечастотных, неактивных словообразовательных элементов.

Помимо суффикса *-oid* к таким неактивным элементам относится суффикс *-alie(n)*. Существительное *Coronalien* не включено в словари. Поскольку суффикс *-alie(n)* имеет значение собирательности, а лексема *Corona* в широком смысле может обозначать в целом всю ситуацию, сложившуюся в связи с пандемией и локдауном, то значение слова *Coronalien* можно сформулировать как «совокупность артефактов, относящихся к периоду коронавирусной пандемии». Например, в одном из блогов *Coronalien* употребляется для обозначения коллекции фотографий, сделанных автором блога за время карантина (Fotografie).

По результатам выборки в образованиях от основы *-corona-* можно отметить эндогенные суффиксы *-er*, *-(e)rei*, *-ling* и *-chen*.

Лексема *Coronerei* – «информационный прессинг и (избыточные) ограничительные меры, связанные с распространением вируса SARS-CoV-2» – используется как синоним существительного *Coronismus*. Суффикс *-(e)rei*, будучи эмоционально окрашенным суффиксом с пейоративным собирательным значением, образует существительные с шутливой, пренебрежительной или фамильярной окраской.

В выборке были отмечены окказиональные существительные, образованные с помощью суффиксов лица: *Coronaer* – «Person, die sich mit dem Coronavirus SARS-CoV-2 infiziert hat» (OWID) / человек, заразившийся вирусом SARS-CoV-2»; *Coronikus* – никнейм пользователя: «Homo Coronikus» (Twitter), существительное с шутивно-ироничным оттенком *Corönchen* – «(verharmlosend für) das Coronavirus» (OWID) / (уменьшительно) коронавирус; а также не зафиксированная словарями лексема *Corönling* – «человек, зараженный коронавирусом». Однако контексты употребления единичны, например:

(5) Komisch, dass ich es... bislang noch nie mit einem leibhaftigen Corönling zu tun hatte (Systemrelevante Wettbüros).

Следует отметить, что при образовании окказионализмов большую роль играет словообразовательная аналогия, когда производное слово повторяет структуру и общее значение прототипической единицы. Так, существительное *Coronage* создано и используется по аналогии с существительным *Vernissage*, например, в статье о выставке картин, которая состоялась во время пандемии коронавируса:

(6) Kuratorin Ulrike Seidenschnur hatte am 17. Mai zur „Coronage“ in die St. Johannis-Kirche eingeladen (Ostsee-Zeitung).

По аналогии с существительным *Millenials* образована заимствованная в немецкий язык лексема *Coronials* [Weinert, 2021, S. 102]. В словаре ее значение сформулировано следующим образом: «Teil einer Generation, die während der aufgrund der Ausbreitung von COVID-19 angeordneten Ausgangsbeschränkungen (in Heimquarantäne) gezeugt wurde» (OWID) / часть поколения, которая была рождена в период пандемии COVID-19 и домашнего карантина.

Парономастические образования с компонентом *Corona*

Среди малоактивных моделей, по которым образуются слова с компонентом *Corona*, особый интерес представляют модели образования парономастических лексем. При их реализации обыгрывается сходство внешних структур производного и мотивирующих слов (или их частей). При этом также переосмысливаются значения мотивирующих слов и морфем. Как пишет В.Д. Девкин: «Звуковая форма слова-прообраза произвольно членится. Получаемые сегменты ассоциируются с определенными отрезками смысла» [Девкин, 1979, с. 72].

Парономастическое словообразование – термин, обобщающий разные модели создания каламбурных новообразований, в данном исследовании встретились гаплогические и контаминированные образования.

Самое известное (и не только в Германии) слово-каламбур периода коронавируса *Covidiot* было образовано в английском языке путем междусловного наложения, или гаплогологии, когда два одинаково звучащих сегмента слов *Covid* и *idiot* накладываются друг на друга, при этом ни один из компонентов не подвергается усечению. В немецком языке по модели междусловного наложения образовано существительное *Coronamour* – «der zur Eindämmung der COVID-19-Pandemie angeordneten Kontakt- und Alltagsbeschränkungen entstandene und durch diese geprägte Liebesbeziehung» (OWID) / любовные отношения, возникшие в условиях самоизоляции во время пандемии COVID-19 с целью предотвратить ее распространение.

Другая распространенная парономастическая модель – контаминация, при которой часть одного мотивирующего слова вытесняет созвучную часть другого мотивирующего слова. При этом в отличие от междусловного наложения второй корень формально отсутствует, но участвует в «двойном осмыслении окказионализма» [Земская, 1992, с. 191–192]. По этой модели образована лексема *Corontäne* – 1) «häusliche (Selbst-)Isolation während der COVID-19-Pandemie» (OWID) / самоизоляция во время пандемии COVID-19; 2) «Zeitraum während der COVID-19-Pandemie,

in dem die als isolierend empfundenen Ausgangs- und Kontaktbeschränkungen gelten» (OWID) / период пандемии COVID-19, во время которой действуют ограничения на передвижение и социальные контакты. При образовании существительного первая часть слова-прототипа *Karantäne* заменяется схожей по звучанию словоформой *Corona*.

Таким же способом образована лексема *Coronoia* – «irrational große Angst vor einer Ansteckung mit dem Coronavirus SARS-CoV-2» (OWID) / сильный иррациональный страх заразиться коронавирусом SARS-CoV-2. В этом случае словообразовательная структура слова *Paranoia* сохранена, но при этом корневая морфема заменена схожим по звучанию сегментом *coro-*.

По принципу контаминации образована лексема *Coronacation*, которая составлена из слов *Corona* и английского *Vacation* и обозначает «Urlaub, in dem aufgrund von Hygiene- und Abstandsvorschriften zur Eindämmung der COVID-19-Pandemie und der daraus resultierenden wirtschaftlichen Krise im Hotel-, Gast- und Verkehrsgewerbe unter besonderen Bedingungen (teils besonders günstig) gereist wird» (OWID) / поездка в отпуск, которая обходится дешево, благодаря скидкам и спецпредложениям, предлагаемым транспортными компаниями и предприятиями индустрии гостеприимства в связи с падением спроса из-за ограничительных мер во время пандемии COVID-19.

Стоит упомянуть также окказионализм *Coronakel*, не зафиксированный словарями и встретившийся в единственном контексте. Существительное образовано по аналогии со словом *Schmierakel*: использована часть слова *Mirakel*. Как и его прототип, слово имеет шуточный оттенок:

(7) Verankert im Grundgedanken der Nachhaltigkeit entstanden in nur einem Tag innovative wie durchaus praktikable Konzepte im Spannungsfeld von Design und Natur: vom so genannten Nomaden-Design über die App des Greenfluencers, dem alltagstauglichen „Coronakel“ und einem (vermutlich gar nicht abwegigen) 2. Welle-Paket bis hin zur Nachhaltigkeitsshow (DIPLOMA).

При создании парономастических окказионализмов во всех выявленных примерах

компонент *Corona* сочетается с экзогенными лексемами латинского, греческого и французского происхождения.

Заключение

В результате проведенного исследования подтвердилось предположение о том, что существительное *Corona* имеет очень высокую словообразовательную активность в сфере немецкой субстантивной лексики. Это объясняется рядом существенных факторов.

1. Структурный фактор. Основа существительного *Corona* обладает удобным для комбинирования с другими основами и аффиксами морфемным и фонемным составом.

2. Этимологический фактор. Существительное *Corona* имеет в немецкой лексике ассимилированный омоним с узкоспециальным медицинским значением, который давно включен в систему словообразовательных процессов немецкого языка. Это также способствовало быстрой адаптации неологизма *Corona* в немецкой лексике и словообразованию.

3. Понятийный фактор. В настоящее время пандемия коронавируса SARS-CoV-2 и связанные с ней меры противостояния инфекции охватывают все стороны общественной жизни. Таким образом, существует большое количество событий, процессов и явлений, которые могут и должны быть охарактеризованы с точки зрения их отношения к пандемии коронавируса. Кроме того, возникает потребность в наименованиях для обозначения новых референтов, появляющихся в связи с пандемией.

4. Семантический фактор. Существительное *Corona* имеет сложную семантическую структуру, которая объединяет многозначность с широкозначностью: наряду с двумя более конкретными значениями эта лексема имеет третье, генерализованное значение, которое включает в себя наиболее релевантные признаки, связанные с ситуацией пандемии коронавируса. Это облегчает возможность лексемы *Corona* сочетаться с единицами, относящимися к разным семантическим классам, увеличивает ее комбинаторный потенциал.

Наиболее активным способом образования неологизмов с компонентом *Corona* яв-

ляется словосложение. Подавляющее большинство среди проанализированных субстантивных лексем с компонентом *Corona* составили двухкомпонентные детерминативные существительные (220 единиц). В ходе исследования было выделено три группы композитов в зависимости от степени их морфосемантической мотивированности: полностью мотивированные сложные слова, частично мотивированные сложные слова и слабо мотивированные композиты с высокой степенью переосмысления и идиоматизации.

Значительно менее активны в образовании существительных модели суффиксации (11 единиц), усечения (6 единиц) и стяжения (18 единиц).

Существительное *Corona* проявляет заметную активность в сочетании с суффиксами, чаще реализуются модели с экзогенными морфемами. Лексемы, образованные по конкурирующим моделям, имеют стилистические отличия: как правило, одна из них имеет фамильярную стилистическую окраску (*Coronismus – Coronerei, Coronaer – Coronist – Corönlung*). Многие суффиксальные образования носят окказиональный характер.

Компонент *Corona* демонстрирует среднюю активность при образовании стяжений и сложных лексем с конфиксами, при этом в сочетании с этим компонентом преимущественно используются единицы, значение которых помогает выразить носителям немецкого языка определенный аспект восприятия сложившейся глобальной ситуации.

Следует отдельно отметить продуктивность периферийных моделей с участием основы *-corona-*, в первую очередь контаминаций, что свидетельствует не только о высоком словообразовательном потенциале лексемы *Corona* в современном немецком языке, но и об усилении лингвистической креативности носителей немецкого языка в период «коронавирусного» кризиса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В толковом словаре Duden эти элементы определяются как префиксы. Однако мы относим их к конфиксам на основании их способности функционировать в качестве основ корневых слов – прилагательных, существительных и наречий (*mega* – «от-

лично, здорово»; *pseudo* – (разг.) «ненастоящий, сымитированный, смоделированный» и др.). Компонент *phob* мы относим к конфиксам вслед за В. Фляйшером [Fleischer, Barz, 2012, S. 108].

² Так как лексема *Coronist* в указанном значении существует также в английском языке, можно рассматривать ее как заимствование в немецкую лексику. Мы причисляем ее к производным лексемам на том основании, что модель с суффиксом *-er* весьма продуктивна в немецком языке, а экстралингвистические мотивы для образования существительного *Coronist* в немецком языке не менее сильны, чем в английском. Практика показывает, что подобные спорные случаи немецкие словари трактуют по-разному.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гатауллин Р. Г., 2020. Корона/Coгona в деривационной системе современных языков // Вестник Башкирского университета. Т. 25, №4. С. 840–849. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.4.23.
- Девкин В. Д., 1979. Паронимическая словообразовательная модель // Словообразование и фразообразование : тез. докл. науч. конф. МГПИИЯ им. М. Тореца. М. : МГПИИЯ. С. 71–73.
- Земская Е. А., 1992. Словообразование как деятельность. М. : Наука. 220 с.
- Кубрякова Е. С., 1976. Теория мотивации и определение степени мотивированности производных слов // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент : Ташкент. гос. пед. ин-т им. Низами. №42. С. 285–292.
- Темиргазина З. Ф., Лучик М., 2020. Семиотика «пандемического» дискурса: «новояз» эпохи карантина // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. №6 (1). С. 30–38. DOI: 10.20339/PhS.6-20.030.
- Шагалова Е. Н., 2003. Типы семантических отношений между компонентами в определительных композитах // Доклады международной конференции «Диалог 2003». М. : Наука. URL: <https://www.dialog-21.ru/media/2687/shagalova.pdf>.
- Balnat V., 2020. Unter Beobachtung: Corona-Wortschatz im Deutschen und Französischen // Nouveaux Cahiers d'Allemand: Revue de linguistique et de didactique, Association des Nouveaux Cahiers d'Allemand. №38 (2). URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02931171/document> (date of access: 10.03.2021).
- Fleischer W., Barz I., 2012. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen : Walter de Gruyter. 485 S.
- Kaczmarek H., 2021. Coronavirus(-Pandemie) in Sprache und Denken. Ein Exkurs anhand der deutschen online-Nachrichtmeldungen // Linguistische Treffen in Wrocław. Vol. 19 (I). S. 107–118. DOI: <https://doi.org/10.23817/lingtreff.19-7>.
- Klosa-Kückelhaus A., 2020a. Bilder und Metaphern im Wortschatz rund um die Coronapandemie // Aktuelle Stellungnahmen zur Sprache in der Coronakrise. Mannheim : Leibniz-Institut für Deutsche Sprache (IDS). URL: https://www.ids-mannheim.de/fileadmin/aktuell/Coronakrise/klosa_Bilder_und_metaphern.pdf (date of access: 01.12.2020).
- Klosa-Kückelhaus A., 2020b. Das Coronavirus, seine Varianten und ihre Namen // Aktuelle Stellungnahmen zur Sprache in der Coronakrise. Mannheim : Leibniz-Institut für Deutsche Sprache (IDS). URL: https://www.ids-mannheim.de/fileadmin/aktuell/Coronakrise/Klosa_Corona_Virusvarianten.pdf (date of access: 01.12.2020).
- Krug A., 2021. Mit den Augen Susan Sontags: Metaphern im Umgang mit COVID-19 // Zeitschrift für Ethik und Moralphilosophie. S. 213–229. DOI: 10.1007/s42048-021-00098-4. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s42048-021-00098-4> (date of access: 20.06.2021).
- Lipka L., 1981. Zur Lexikalisierung im Deutschen und Englischen // Wortbildung. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft. S. 119–132.
- Meyer H.-G., 1974. Untersuchungen zum Einfluss des Englischen auf die deutsche Pressesprache. Dargestellt an zwei deutschen Tageszeitungen // Muttersprache. №84. S. 97–133.
- Möhrs Ch., 2020a. Sprache, Emojis und Corona – im Wandel der Zeit // Aktuelle Stellungnahmen zur Sprache in der Coronakrise. Mannheim : Leibniz-Institut für Deutsche Sprache (IDS). URL: https://www.ids-mannheim.de/fileadmin/aktuell/Coronakrise/Moehrs_Sprachwandel.pdf (date of access: 10.03.2021).
- Möhrs Ch., 2020b. Ein Wortnetz entspinnt sich um Corona // Aktuelle Stellungnahmen zur Sprache in der Coronakrise. Mannheim : Leibniz-Institut für Deutsche Sprache (IDS). URL: https://www.ids-mannheim.de/fileadmin/aktuell/Coronakrise/IDS_Sprache_Coronakrise_Moehrs_Wortnetz_Corona.pdf (date of access: 10.03.2021).
- Moulin A., 2020. Linguistische Kreativität in Pandemiezeiten – eine sprachhistorische Annäherung // Aptum. Zeitschrift für Sprachkritik und Sprachkultur. №16, Heft 2/3. S. 268–273.
- Weinert M., 2021. Krisensprache – Sprachkrise – Krisenkommunikation: Sprache in Zeiten der COVID-19 Pandemie. Marburg : Tectum Wissenschaftsverlag. 578 S.

Zifonun G., 2020. Anglizismen in der Coronakrise // Aktuelle Stellungnahmen zur Sprache in der Coronakrise. Mannheim : Leibniz-Institut für Deutsche Sprache (IDS). URL: https://www.ids-mannheim.de/fileadmin/aktuell/Coronakrise/zifonun_anglizismen.pdf (date of access: 10.03.2021).

ИСТОЧНИКИ

DIPLOMA – WIR-tuelle Expedition im Masterstudiengang Creative Direction // DIPLOMA. 2020. 4 Aug. URL: <https://design-master-diploma.de/aktuelles/> (date of access: 10.03.2021).

Fotografie – Fotografie : blog. URL: <https://www.photographyblog.com/> (date of access: 10.03.2021).

MAG.net – Wie cool ist das? MAG.net zum Download // Grundschule Marlower Loris. URL: <http://www.grundschule-marlow.de/news/1/638144/nachrichten/hochmotiviert-die-neue-mag.net-redaktion.html> (date of access: 10.03.2021).

Munich mag – Gin Cocktails Night – LIVE // Munich mag. 2020. 21 May. URL: <https://munichmag.de/suche?q=Gin+Cocktails+Night> (date of access: 10.03.2021).

Ostsee-Zeitung – „Blauer Horizont“: Neue Galerie in Lassin eröffnet // Ostsee-Zeitung.de. 2020. 21 May. URL: <https://www.ostsee-zeitung.de/Vorpommern/Usedom/Blauer-Horizont-Neue-Galerie-in-Lassin> (date of access: 10.03.2021).

Schröder – Schröder D. Coronawörter “C” // hör.de. URL: https://hor.de/coronawoerter/coronawoerter_c.htm (date of access: 10.03.2021).

Systemrelevante Wettbüros – Systemrelevante Wettbüros. 2021. 2 May. URL: <https://goo.su/6n8v> (date of access: 10.03.2021).

Telepolis – Corona im Hirn // Telepolis. URL: <https://goo.su/6MXX> (date of access: 10.03.2021).

Twitter – Twitter. URL: <https://goo.su/6n8y> (date of access: 10.03.2021).

СЛОВАРИ

ССЭНЯ – Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / под ред. М. Д. Степановой. М. : Рус. яз., 1979. 536 с.

Duden – DUDEN. Universalwörterbuch. URL: <http://www.duden.de/> (date of access: 10.03.2021).

DWDS – Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache: Zeit-Corpus. Projekt der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften. URL: <http://dwds.de/> (date of access: 10.03.2021).

MundMische – MundMische. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. URL: <http://www.mundmische.de/> (date of access: 10.03.2021).

OWID – «Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie» (April 2020-heute), Neologismenwörterbuch // OWID – Online Wortschatz-Informationssystem Deutsch, Mannheim, Leibniz-Institut für Deutsche Sprache. URL: <https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp> (date of access: 10.03.2021).

REFERENCES

Gataullin R.G., 2020. Korona/Corona v derivacionnoy sisteme sovremennykh yazykov [Korona/Corona in the Derivative System of Modern Languages]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, vol. 25, no. 4, pp. 840-849. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.4.23.

Devkin V.D., 1979. Paronimicheskaya slovoobrazovatel'naya model [Paronymic Derivational Model]. *Slovoobrazovanie i frazobrazovanie: tez. dokl. nauch. konf. MGPIIYa im M. Toreza* [Word Formation and Phrase Formation. Abstracts from the Reports of the Scientific Conference of M. Torez]. Moscow, MGPIIYa, pp. 71-73.

Zemskaya E.A., 1992. *Slovoobrazovanie kak deyatelnost* [Word formation As an Activity]. Moscow, Nauka Publ. 220 p.

Kubryakova E.S., 1976. Teoriya motivatsii i opredelenie stepeni motivirovannosti proizvodnykh slov [Motivation Theory and Determination of the Degree of Motivation of Derivative Words]. *Aktualnye problemy russkogo slovoobrazovaniya* [Actual Problems of Russian Word Formation]. Tashkent, Tashkentskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut im. Nizami, no. 42, pp. 285-292.

Temirgazina Z.F., Luchik M., 2020. Semiotika «pandemicheskogo» diskursa: «novoyaz» epokhi karantina [Semiotics of “Pandemic” Discourse: “Newspeak” of Quarantine Era]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly* [Philological Sciences. High School Scientific Reports], no. 6 (1), pp. 30-38. DOI: 10.20339/PhS.6-20.030.

Shagalova E.N., 2003. Tipy semanticheskikh otnosheniy mezhdu komponentami v opredelitelnykh kompozitakh [Types of Semantic Relations Between Components in Determinative Composites]. *Doklady mezhdunarodnoy konferentscii «Dialog 2003»* [Reports of the International Conference “Dialogue 2003”]. Moscow, Nauka Publ. URL: <https://www.dialog-21.ru/media/2687/shagalova.pdf>.

- Balnat V., 2020. Unter Beobachtung: Corona-Wortschatz im Deutschen und Französischen. *Nouveaux Cahiers d'Allemand: Revue de linguistique et de didactique, Association des Nouveaux Cahiers d'Allemand*, no. 38 (2). URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02931171/document> (accessed 10 March 2021).
- Fleischer W., Barz I., 2012. *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. Tübingen, Walter de Gruyter. 485 S.
- Kaczmarek H., 2021. Coronavirus(-Pandemie) in Sprache und Denken. Ein Exkurs anhand der deutschen online-Nachrichtenmeldungen. *Linguistische Treffen in Wrocław*, vol. 19 (1), S. 107-118. DOI: <https://doi.org/10.23817/lingtreff.19-7>.
- Klosa-Kückelhaus A., 2020a. Bilder und Metaphern im Wortschatz rund um die Coronapandemie. *Aktuelle Stellungnahmen zur Sprache in der Coronakrise*. Mannheim, Leibniz-Institut für Deutsche Sprache (IDS). URL: https://www.ids-mannheim.de/fileadmin/aktuell/Coronakrise/klosa_Bilder_und_metaphern.pdf (accessed 1 December 2020).
- Klosa-Kückelhaus A., 2020b. Das Coronavirus, seine Varianten und ihre Namen. *Aktuelle Stellungnahmen zur Sprache in der Coronakrise*. Mannheim, Leibniz-Institut für Deutsche Sprache (IDS). URL: https://www.ids-mannheim.de/fileadmin/aktuell/Coronakrise/Klosa_Corona_Virusvarianten.pdf (accessed 1 December 2020).
- Krug A., 2021. Mit den Augen Susan Sontags: Metaphern im Umgang mit COVID-19. *Zeitschrift für Ethik und Moralphilosophie*, S. 213-229. DOI: 10.1007/s42048-021-00098-4. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s42048-021-00098-4> (accessed 20 June 2021).
- Lipka L., 1981. Zur Lexikalisierung im Deutschen und Englischen. *Wortbildung*. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, S. 119-132.
- Meyer H.-G., 1974. Untersuchungen zum Einfluss des Englischen auf die deutsche Pressesprache. Dargestellt an zwei deutschen Tageszeitungen. *Muttersprache*, no. 84, S. 97-133.
- Möhrs Ch., 2020a. Sprache, Emojis und Corona – im Wandel der Zeit. *Aktuelle Stellungnahmen zur Sprache in der Coronakrise*. Mannheim, Leibniz-Institut für Deutsche Sprache (IDS). URL: https://www.ids-mannheim.de/fileadmin/aktuell/Coronakrise/Moehrs_Sprachwandel.pdf (accessed 10 March 2021).
- Möhrs Ch., 2020b. Ein Wortnetz entspinnt sich um Corona. *Aktuelle Stellungnahmen zur Sprache in der Coronakrise*. Mannheim, Leibniz-Institut für Deutsche Sprache (IDS). URL: https://www.ids-mannheim.de/fileadmin/aktuell/Coronakrise/IDS_Sprache_Coronakrise_Moehrs_Wortnetz_Corona.pdf (accessed 10 March 2021).
- Moulin A., 2020. Linguistische Kreativität in Pandemiezeiten – eine sprachhistorische Annäherung. *Aptum. Zeitschrift für Sprachkritik und Sprachkultur*, no. 16, Heft 2/3, S. 268-273.
- Weinert M., 2021. *Krisensprache – Sprachkrise – Krisenkommunikation: Sprache in Zeiten der COVID-19 Pandemie*. Marburg, Tectum Wissenschaftsverlag. 578 S.
- Zifonun G., 2020. Anglizismen in der Coronakrise. *Aktuelle Stellungnahmen zur Sprache in der Coronakrise*. Mannheim, Leibniz-Institut für Deutsche Sprache (IDS). URL: https://www.ids-mannheim.de/fileadmin/aktuell/Coronakrise/zifonun_anglizismen.pdf (accessed 10 March 2021).

SOURCES

- WIR-tuelle Expedition im Masterstudiengang Creative Direction. *DIPLOMA*, 2020, August 4. URL: <https://design-master-diploma.de/aktuelles> (accessed 10 March 2021).
- Fotografie: blog*. URL: <https://www.photographyblog.com> (accessed 10 March 2021).
- Wie cool ist das? MAG.net zum Download. *Grundschule Marlower Loris*. URL: <http://www.grundschule-marlow.de/news/1/638144/nachrichten/hochmotiviert-die-neue-mag.net-redaktion.html> (accessed 10 March 2021).
- Gin Cocktails Night – LIVE. *Munich mag*, 2020, May 21. URL: <https://munichmag.de/suche?q=Gin+Cocktails+Night> (accessed 10 March 2021).
- „Blauer Horizont“: Neue Galerie in Lüssen eröffnet. *Ostsee-Zeitung.de*, 2020, May 21. URL: <https://www.ostsee-zeitung.de/Vorpommern/Usedom/Blauer-Horizont-Neue-Galerie-in-Lüssen> (accessed 10 March 2021).
- Schröder D. Coronawörter “C”. *hör.de*. URL: https://hor.de/coronawoerter/coronawoerter_c.htm (accessed 10 March 2021).
- Systemrelevante Wettbüros*, 2021, May 2. URL: <https://goo.su/6n8v> (accessed 10 March 2021).
- Corona im Hirn. *Telepolis*. URL: <https://goo.su/6MXX> (accessed 10 March 2021).
- Twitter*. URL: <https://goo.su/6n8y> (accessed 10 March 2021).

DICTIONARIES

- Stepanova M.D., ed. *Slovar slovoobrazovatelnykh elementov nemeckogo yazyka* [Dictionary of

- Word-Formation Elements of the German Language]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1979. 536p.
- DUDEN. Universalwörterbuch.* URL: <http://www.duden.de> (accessed 10 March 2021).
- Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache: Zeit-Sorpus. Projekt der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften.* URL: <http://dwds.de> (accessed 10 March 2021).
- MundMische. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache.* URL: <http://www.mundmische.de> (accessed 10 March 2021).
- „Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie“ (April 2020-heute), Neologismenwörterbuch. *OWID – Online Wortschatz-Informationssystem Deutsch, Mannheim, Leibniz-Institut für Deutsche Sprache.* URL: <https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp> (accessed 10 March 2021).

Information About the Author

Lyudmila A. Yushkova, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages in the Field of Law, Economics and Management, Udmurt State University, Universitetskaya St, 1, 426034 Izhevsk, Russia, kafedra306@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8355-2198>

Информация об авторе

Людмила Анатольевна Юшкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков в сфере права, экономики и управления, Удмуртский государственный университет, ул. Университетская, 1, 426034 г. Ижевск, Россия, kafedra306@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8355-2198>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.8>

UDC 81'42:81'373.49
LBC 81.055.51.2

Submitted: 31.05.2021
Accepted: 20.12.2021

NOMINATING REPRESENTATIVES OF THE NEGROID RACE IN THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES: LEXICOGRAPHIC AND DISCURSIVE ASPECTS¹

Ivan S. Samokhin

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Natalya V. Nikashina

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Tatyana G. Stanchulyak

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Abstract. The article discusses the semantic and stylistic status of the English language words and word combinations nominating a representative of the Negroid race. The authors also searched for functional analogs of these designations in the modern Russian language. The research is based on the English-language and Russian-language explanatory dictionaries. The decision to study this semantic group is due to its direct relation to the first politically correct euphemisms. The relevance of the work is associated with researchers' increased interest in politically correct vocabulary and insufficient attention to the specifics of its use in scientific discourse. The authors attempt to provide a preliminary classification of lexical units with regard to the scientific discourse, considering their presence or absence in the selected explanatory dictionaries, as well as stylistic notes and comments. It is recommended to assign each studied designation to one of three categories in view of its supposed compatibility with the scientific discourse: 1) lexical units that can be used as common words and word combinations; 2) lexical units which need to be clarified or justified within the given work; 3) lexical units not recommended for such texts. Further research assumes a more detailed justification and possible refinement of the presented classification within a separate scientific paper.

Key words: political correctness, scientific style, explanatory dictionary, euphemism, representative of the Negroid race.

Citation. Samokhin I.S., Nikashina N.V., Stanchulyak T.G. Nominating Representatives of the Negroid Race in the English and Russian Languages: Lexicographic and Discursive Aspects. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 2, pp. 99-112. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.8>

УДК 81'42:81'373.49
ББК 81.055.51.2

Дата поступления статьи: 31.05.2021
Дата принятия статьи: 20.12.2021

НОМИНАЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НЕГРОИДНОЙ РАСЫ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ И ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТЫ¹

Иван Сергеевич Самохин

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия

Наталья Викторовна Никашина

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия

Татьяна Геннадьевна Станчуляк

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье охарактеризован семантико-стилистический статус лексических единиц английского языка, обозначающих представителя негроидной расы, и проведен поиск аналогов данных номинаций в современном русском языке. Исследование осуществлено на базе англо- и русскоязычных толковых словарей. Актуальность работы связана с повышенным исследовательским интересом к политкорректной лексике при недостаточном внимании к специфике ее функционирования в научном дискурсе. Авторы предложили классификацию обозначающих представителя негроидной расы слов и словосочетаний применительно к научному дискурсу, построенную с учетом их наличия или отсутствия в используемых словарях, принимая во внимание комментарии и стилистические пометы. И.С. Самохиным установлено, что универсально приемлемыми номинациями людей, относящихся к негроидной расе, являются словосочетание *a black person* и существительное *negr*. Н.В. Никашиной выявлены другие английские обозначения и их русские аналоги, допустимые, в частности, в научном дискурсе: *a representative of the Negroid race* и *представитель негроидной расы*, *a person with black or dark brown skin* и *чернокожий человек*. Т.Г. Станчуляк определены номинации, неуместные в научном дискурсе: *(a) black*, *colo(u)red*, *(a) Negro*, *(a) non-white* и субстантивированное прилагательное *чернокожий*.

Ключевые слова: политкорректность, научный стиль, толковый словарь, эвфемизм, представитель негроидной расы.

Цитирование. Самохин И. С., Никашина Н. В., Станчуляк Т. Г. Номинации представителей негроидной расы в английском и русском языках: лексикографический и дискурсивный аспекты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 99–112. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.8>

Введение

Идеология толерантности – терпимости «к чужим мнениям, верованиям, поведению» (Комлев, с. 357) – вызывает устойчивый интерес представителей гуманитарного знания: философов, социологов, культурологов, политологов, правоведов, историков, лингвистов. Однако, по-видимому, не будет преувеличением сказать, что данная система взглядов ассоциируется в первую очередь с ее лингвистической составляющей, для обозначения которой, как правило, используется термин *политкорректность / political correctness* [Герминасова, 2008; Ушакова, 2011; Шарапова, Кобенко, 2014; Hughes, 2015; Kay, Kurthen, 1995; Visson, 2013]. Авторы статьи будут верны этой традиции с учетом того, что понимание политкорректности как языковой стороны толерантности доминирует в русскоязычной справочной литературе различной направленности. В «Большой актуальной политической энциклопедии» данный феномен трактуется как «культурноповеденческая и языковая тенденция, нацеленная на замену устоявшихся терминов, могущих задеть чувства и достоинство того или иного индивидуума, эмоционально нейтральными и/или положительными эвфе-

мизмами» [Большая..., 2009, с. 242]. В «Словаре иностранных слов» отмечается, что политкорректность «имеет дело не столько с содержанием, сколько с символическими образами и корректировкой языкового кода» (Комлев, с. 279).

Роль политкорректности оценивается неоднозначно. Однако в большинстве публикаций этому явлению дается негативная оценка (см., например: [Ионин, 2009; 2017; Кораблева, 2013; Шаров, 2019; O'Neill, 2011; Seigenthaler, 1993; и др.]). Например, В.Н. Кораблева считает, что такая «социальная практика» имеет цель ликвидировать языковые средства, позволяющие обсуждать те или иные общественные проблемы [Кораблева, 2013]. Схожей точки зрения придерживается Л.Г. Ионин, сравнивающий политкорректность с оруэлловским «новоязом» (Newspeak). Автор подчеркивает, что табуирование определенной лексики и навязывание другой, якобы более точной, всегда было характерно для репрессивных политических режимов, стремящихся к формированию у граждан или подданных «правильного» мировоззрения [Ионин, 2009, с. 248–249].

По мнению ряда ученых, цели сторонников политкорректности соответствуют идеа-

лам толерантности, декларируемым в СМИ и международных манифестах, или, по крайней мере, не вступают с ними в принципиальное противоречие [Жерновая, Петрукович, 2016; Кронгауз, 2018; Муллагалиева, 2012; Тер-Минасова, 2008]. Однако многие из этих авторов отмечают, что создаваемые эвфемизмы не всегда удачны. В качестве иллюстрации О.Р. Жерновая и Л.А. Петрукович приводят такие конструкции, как *negative patient care outcome* / *отрицательный результат заботы о пациентах* (в значении «умершие в больнице»), *substance abuse survivors* / *пережившие злоупотребление веществом* (в значении «алкоголики»), *persons with difficult-to-meet needs* / *люди с потребностями, которые трудно принять* (в значении «серийные убийцы») [Жерновая, Петрукович, 2016]. Первый пример даже упомянут в словаре политически корректной лексики Г. Бирда и К. Серфа (Beard & Serf). В монографии Л.К. Муллагалиевой приводится список подобных номинантов (к сожалению, только в переводе): *вербально одаренный* (о болтуне), *альтернативная зарплата* (о взятке), *ограниченная потребность в труде* (о лени) и т. д., а также упоминается решение Госдепартамента США заменить в официальных бланках существительные *Mother* и *Father* номинантами *Parent 1* (*родитель № 1*) и *Parent 2* (*родитель № 2*) [Муллагалиева, 2012, с. 129].

Политкорректность также подвергают критике за излишнюю директивность, навязывание языковых норм. Отмечается, что такой подход противоречит либеральному, созерцательно-описательному отношению к языку, которое укоренилось в Великобритании и США [Бойко, 2017, с. 13; Rossiter, 2020; Shunnaq et al., 2018]. В этих странах нет специальных учреждений, официально занимающихся языковым планированием на государственном уровне. Употребление национального языка традиционно курируют редакторы, педагоги, составители справочной и учебной литературы – энтузиасты с правом «рекомендательного голоса». В странах, где сложилась противоположная традиция, политкорректная лексика распространяется не столь стремительно, но даже в таких условиях этот процесс имеет стабильный и, вероятно, необратимый характер. Например, в России слово

инвалид постепенно вытесняется эвфемизмами *человек с инвалидностью* и *человек с ограниченными возможностями здоровья*, слово *старик* – словосочетанием *лицо пожилого возраста* и т. д. Аналогичная ситуация наблюдается и во Франции, где на страже чистоты языка стоит облеченная властными полномочиями l'Académie française.

Вызывает беспокойство то обстоятельство, что политкорректность навязывает обществу активное употребление неологизмов, еще не включенных ни в один авторитетный и/или общеизвестный словарь. Использование такой лексики органично для разговорного, публицистического и художественного стилей. Однако в рамках двух других стилей – научного и официально-делового – ее следует применять с большой осторожностью. Употребление слов и словосочетаний, значения которых не закреплены в словарях, может негативно отразиться на точности передаваемой информации – характеристике, имеющей ключевое значение для данных разновидностей литературного языка. Кроме того, научный и официально-деловой дискурсы не допускают употребления отрицательно окрашенной лексики – в частности, эвфемизмов, затронутых процессом дисфемизации (если речь не идет о примерах или прямых цитатах). В связи с этим представляется значимым классифицировать политкорректные обозначения представителей негроидной расы в научном дискурсе с учетом фиксации в толковых словарях, наличия стилистических помет и комментариев.

Материал и методы

В данной работе охарактеризован семантико-стилистический статус лексических единиц, номинирующих представителей негроидной расы в современном английском языке и осуществлен поиск функциональных аналогов этих обозначений в современном русском языке. Решение исследовать эту семантическую группу обусловлено тем, что первые политкорректные эвфемизмы относятся именно к ней. Кроме того, этой лексической группе уделяется особое внимание в научной литературе, однако большинство опубликованных работ затрагивают употребление соответству-

ющей лексики в разговорной речи и публицистике [Бондаренко, 2016; Brown, 2019; Langton, Haslanger, Anderson, 2012; и др.]. Труды, посвященные ее использованию в научном дискурсе, единичны, несмотря на богатый материал – большое количество социологических, культурологических и других текстов о чернокожем населении отдельных стран и регионов.

Исследование проводится авторами статьи на базе следующих словарей: «Cambridge Dictionary» (CD), «Longman Dictionary of Contemporary English» (LDCE), «Macmillan Dictionary» (MD), «Merriam-Webster Dictionary» (MWD), «Oxford Advanced Learner's Dictionary» (OALD), а также «Большого толкового словаря русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова, «Большого универсального словаря русского языка» под ред. В.В. Морковкина, «Новейшего большого толкового словаря русского языка» под ред. С.А. Кузнецова, «Толкового словаря современного русского языка» В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной и «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова под ред. Л.И. Скворцова (мы обозначаем эти словари как базовые, чтобы отделить их от других изданий данного типа, использованных при написании статьи). Отдельные авторитетные труды – «Академический толковый словарь русского языка» под ред. Л.П. Крысина, «Активный словарь русского языка» под ред. Ю.Д. Апресяна и «Большой академический словарь русского языка» под ред. А.С. Герда – не были использованы в связи с тем, что на данный момент они опубликованы в неполном виде. Например, доступен том «Большого академического словаря русского языка» со словом *негр*², но не изданы тома с коррелирующими словами *темнокожий* и *чернокожий*. Трехтомный «Современный толковый словарь русского языка» Т.Ф. Ефремовой (2005–2006, 2015) не доступен для читателей, а положенный в его основу «Новый толковый словарь русского языка» того же автора (2000) может содержать устаревшую информацию.

В статье не рассматривались номинанты, относящиеся к сленгу, жаргону и другим разновидностям сниженной лексики (включая даже слово (*an*) *ebony* (русский эквивалент отсутствует) – семантически четкое, освоенное англоязычными культурами и имеющее положительные коннотации). Полагаем, что

невозможность их использования в авторской научной речи очевидна не только для лингвистов, но и для всех образованных носителей английского и русского языков.

Каждое исследованное обозначение предлагается отнести к одной из подгрупп с учетом его потенциального употребления в научном дискурсе: 1) номинанты, являющиеся общеупотребительными (нейтральными или книжными); 2) номинанты, использование которых возможно только при наличии комментария (пояснения значения, обоснования употребления в данной работе и т. д.); 3) номинанты, не рекомендованные для использования в научных и официально-деловых текстах (обидные, разговорные и т. д.). Авторы также уделяют внимание русским словам, которые не обозначают чернокожих людей, но могут быть ошибочно использованы в данном значении из-за сходства с английскими словами (например, при переводе научной статьи). Подчеркнем, что предлагаемая классификация распространяется только на авторскую научную речь, поскольку в примере и прямой цитате может использоваться любая лексика, в том числе оскорбительная и табуированная.

Обязательным условием для включения слова или словосочетания в первую подгруппу является его фиксация как минимум в одном базовом словаре (для слов и простых словосочетаний – в виде отдельной статьи; для сложных словосочетаний – внутри определения, примера или комментария). Лексическая единица, рассматриваемая как табуированная или оскорбительная хотя бы в одном базовом словаре, автоматически попадает в третью подгруппу. Кроме того, учитываются семантические и стилистические нюансы, а также факторы, которые могут не отражаться в справочной литературе: лексическая сочетаемость, формирование ассоциативного ряда и др.

Предлагаемая классификация имеет предварительный характер и допускает возможную доработку в рамках отдельной научной статьи.

Результаты и обсуждение

В данном разделе исследуется потенциал использования популярных обозначений, применяемых к чернокожим людям, в англий-

ском и русском языках. Лексические единицы, созданные или «активированные» для вытеснения слова (*a*) *Negro*, рассматриваются в алфавитном порядке. В соответствии со словарным принципом англоязычные существительные и все русскоязычные номинанты приводятся в единственном числе, хотя в научном дискурсе множественное число для них более характерно. Полученные результаты могут использоваться при написании научных текстов и подготовке выступлений; при переводе статей с английского языка на русский (и наоборот); при работе над двуязычными, толковыми и синонимическими словарями.

Слово (*a*) *Negro*, которое давно избегают использовать авторы текстов различных функциональных стилей, не следует употреблять и в авторской научной речи. Во всех базовых словарях оно приводится как «offensive» («обидное»), «often offensive» («часто обидное») или «sometimes offensive» («иногда обидное») (перевод авторов статьи. – И. С., Н. В., Т. С.); в большинстве – как устаревшее (CD; LDCE; MWD; OALD). Те же стилистические пометы имеет однокоренное прилагательное *negroid*. Ситуации, в которых данные слова (и производные от них) не воспринимаются как обидные, – это разговор двух негров, общение негра и белого, являющихся близкими друзьями, а также самообозначение [Allan, 2016; Rahman, 2012; Whaley, 2005]. Эти ситуации не имеют отношения к научному дискурсу. Однако лексическая единица *Negro* входит в целый ряд закрепившихся названий: *Negro Fort*, *Negro Lake*, *Negro Mountain*, *The Negro Labor Committee*, *The Negro Motorist Green Book*, *The Negro Project* и многих других. Они представляют собой исключение, хотя в последнее время наметилась тенденция к появлению вариантов, учитывающих требования политкорректности: *African Fort*, *African-American spirituals*, *The United Fund* (вместо *The United Negro College Fund*) и т. д.

Русское существительное *негр*, представленное в четырех базовых словарях из пяти (Кузнецов, с. 617; Лопатин, с. 382; Ожегов, с. 610; Ушаков, с. 335), является многозначным. В интересующем нас значении оно не сопровождается какими-либо стилистическими пометами – и, следовательно, должно

рассматриваться как нейтральное. Это относится и к производным словам: *негритенок*, *негритянка*, *негритянский*, *негроид*, *негроидный*. Вероятно, отсутствие у слов этого словообразовательного гнезда устойчивых отрицательных коннотаций связано с тем, что российская история – в отличие от американской – не омрачена притеснением чернокожей расы. Если речь идет о главном значении слова *негр*, исследователь, на наш взгляд, имеет полное право использовать его в своем научном труде, но мы не рекомендуем употреблять данное существительное при выступлении с докладом в присутствии чернокожих слушателей.

Обозначение *African American* / *African-American* представлено в формате отдельной статьи в четырех из пяти базовых словарей. В каждом источнике оно истолковывается примерно одинаково: «a person who lives in the US and is a member of a race of people with dark skin that originally came from Africa» (CD) – «человек, живущий в США и являющийся представителем расы людей с темной кожей, имеющих африканские корни» (здесь и далее перевод определений выполнен Н.В. Никашиной. – И. С., Н. В., Т. С.); «an American with dark skin, whose family originally came from the part of Africa south of the Sahara Desert» (LDCE) – «американец с темной кожей, близкие родственники которого родились в Африке, к югу от пустыни Сахары»; «an American of African and especially of black African descent» (MWD) – «американец африканского происхождения, особенно чернокожий»; «a person from America who is a member of a race of people who have dark skin, originally from Africa» (OALD) – «человек из Америки, являющийся представителем расы людей с темной кожей, имеющих африканские корни». В трех словарях (CD; MD; MWD) отдельные статьи посвящены соответствующим прилагательным. Отметим, что по отношению к табуированному существительному (*a*) *Negro* это словосочетание выступает не синонимом, а гипонимом – единицей с более узким лексическим значением. Эвфемизм *African American* обозначает лишь тех представителей негроидной расы, которые живут в США или родились на территории этой страны (даже для обозначения чернокожего человека, проживающего в Канаде, нужно исполь-

звать другой эвфемизм – *African Canadian*, хотя слово *American* имеет и широкое значение и может употребляться по отношению к Северной, Центральной и Южной Америке). С нашей точки зрения, данный момент нужно учитывать при написании научной работы, поскольку его игнорирование способно привести к смысловой ошибке – и, следовательно, к неверной интерпретации результатов исследования.

Отдельная словарная статья посвящена слову *Afro-American* только в одном словаре – «Merriam-Webster Dictionary», где эвфемизм представлен как абсолютный семантический эквивалент словосочетания *African American* (MWD). При этом во всех словарях есть статья, посвященная компоненту *Afro-*, который может ставиться перед любым существительным и прилагательным, обозначающим расовую, национальную или этническую принадлежность (в «Longman Dictionary of Contemporary English» и «Cambridge Dictionary» слово *Afro-American* приведено в качестве примера как отдельное существительное (LDCE) и в составе словосочетания *Afro-American literature* (CD).

Русским языком был ассимилирован только сокращенный вариант – *Afro-American*. Слово *афро[-]американец* (во множественном числе) зафиксировано в двух словарях, вместе с толкованиями «Этнорасовая группа негров США» (Кузнецов, с. 52) и «Американцы (жители США) африканского происхождения» (Ожегов, с. 58)³. Полный вариант – *African American* – иногда передается составным существительным *африкано-американец* [Бондаренко, 2016; и др.] или составным прилагательным *африкано-американский* [Вишневский, 2004; и др.], однако эти лексические единицы не зафиксированы ни в одном базовом словаре. Варианты *африканский американец* и *африканско-американский* используются еще реже и также не упомянуты в задействованных нами справочных изданиях.

Обратимся к эвфемизмам, основой которых является прилагательное *black* в значении «relating or belonging to people with black or dark brown skin, especially people who live in Africa or whose family originally came from Africa» (CD) – «относящийся к людям с чер-

ной или темно-коричневой кожей либо связанный с ними (особенно если речь идет о людях, живущих в Африке или имеющих африканские корни)»; «belonging to the race of people who originally came from Africa and who have dark brown skin» (LDCE) – «принадлежащий к расе людей, имеющих африканские корни и темно-коричневую кожу»; «relating to black people» – «связанный с чернокожими людьми»; «belonging or relating to a race of people with dark skin, especially people whose families were originally from Africa» (MD) – «принадлежащий к расе людей с темной кожей либо связанный с ними (особенно если речь идет о людях, имеющих африканские корни)» или такое же по написанию и звучанию существительное, обозначающее представителя негроидной расы. Прилагательное *black* представлено как стилистически нейтральное, а существительное – как стилистически маркированное. В «Cambridge Dictionary» оно имеет помету «offensive» (обидное, оскорбительное). Составители «Macmillan Dictionary» рекомендуют избегать данного слова, поскольку оно иногда рассматривается как обидное. В «Merriam-Webster Dictionary» отмечается, что существительное (*a*) *black* не имеет отрицательных коннотаций лишь во множественном числе (в котором оно обычно используется применительно к группе или сообществу, а не двум или трем лицам). Таким образом, данный эвфемизм – один из первых в языке политкорректности – уже затронут процессом дисфемизации. По-видимому, это слово не следует употреблять в научных текстах (напомним, что во множественном числе его признает нейтральным только один базовый словарь).

Важно учитывать, что применительно к людям существительное (*a*) *black* не является эквивалентом субстантивированного прилагательного *черный*. Использование последнего в авторской научной речи не только не соответствует нормам этики и стилистики, но и может исказить смысл высказывания: как отмечается в лексикографических источниках, носители русского языка употребляют слово *черный* не по отношению к неграм, а по отношению к приехавшим в Россию уроженцам среднеазиатских, кавказских и закавказских республик (Елистратов; Лопатин; ПТСРЯ). Приблизительным эквивалентом

английского существительного (*a*) *black* выступает русское существительное *чернокожий*. В словаре С.А. Кузнецова оно маркируется как презрительное и иллюстрируется таким контекстом: «Школы для чернокожих» (Кузнецов, с. 1474).

Прилагательное *чернокожий* не имеет стилистических помет и, следовательно, является нейтральным, общеупотребительным словом, например: *Чернокожее население острова, чернокожее лицо* (Кузнецов, с. 1474). Схожий статус имеет его англоязычный аналог – прилагательное *black*, хотя составители «Oxford Advanced Learner's Dictionary» советуют использовать его на территории Великобритании, а в США отдавать предпочтение словосочетаниям *black American* и *African American* (OALD). Если нет необходимости подчеркивать гражданство или место проживания представителя негроидной расы, мы рекомендуем использовать словосочетание (*a*) *black person*: оно применяется для толкования существительного (*a*) *black* в четырех базовых словарях (в единственном или множественном числе) (CD; LDCE; MWD; OALD). Словосочетание *чернокожий человек* представляется допустимым, однако, по нашему мнению, русское прилагательное *чернокожий* лучше сочетается со словами, имеющими более узкое или более широкое значение, чем слово *человек* (*чернокожие дети, чернокожий президент, чернокожее население*). Вариант *черный человек* может затруднить понимание текста, вызвав неуместные ассоциации с поэмой С.А. Есенина. Таким образом, прилагательное *черный* в значении «имеющий темный цвет кожи как признак негроидной расы» (Кузнецов, 1476; см. также Лопатин, с. 870; Морковкин, с. 1386) желательно использовать в сочетании с гипонимами (*ребенок, женщина*) или гиперонимами (*раса, население*). Наиболее точными аналогами словосочетания (*a*) *black person* являются слово *негр* и описательные варианты: *представитель негроидной расы, представитель чернокожего населения (Земли, острова, страны и т. д.), человек с самым темным типом кожи*.

Словосочетание *Black American* в интересующем нас значении представлено в трех базовых словарях как пример употребления

прилагательного *black* (CD; MWD; OALD). Данное словосочетание является синонимом эвфемизмов *African American* и *Afro-American* и, следовательно, тоже выступает гипонимом по отношению к существительным (*a*) *Negro* и (*a*) *black*. Словосочетания *черный американец* и *чернокожий американец* не упомянуты в базовых словарях. Тем не менее эти варианты иногда используются в текстах ненаучного характера (Александров, 2017; Млечин, 2015). На наш взгляд, их употребление в научной литературе желательно сопроводить кратким комментарием.

Перейдем к обозначениям, не включающим в себя прилагательное *black*.

В двух базовых словарях есть статья с существительным (*a*) *brown* в значении «(a person) having brown skin» (CD) – «(человек,) имеющий коричневую кожу», «a person with brown skin» (MWD) – «человек с коричневой кожей». Слово не имеет стилистических помет, однако номинирует не только негров, но и других людей с темным типом кожи или ярко выраженным загаром – в соответствии с определениями прилагательного *brown* (MD; OALD). При этом следует признать, что данное слово описывает внешность представителей негроидной расы более точно, чем (*a*) *black* (строго говоря, они имеют не черный, а темно-коричневый цвет кожи). На наш взгляд, существительное (*a*) *brown* совместимо с научным дискурсом при условии уточнения специфики его использования: 1) только по отношению к неграм; 2) в связи с отсутствием признаков дисфемизации, характерных для существительного (*a*) *black*, и меньшей цветовой условностью. Такой комментарий позволяет употреблять в тексте и прилагательное *brown* (прежде всего, в словосочетании (*a*) *brown person*).

Русское слово *коричневый* в значении «человек негроидной расы» не зафиксировано в базовых словарях (ни как отдельное прилагательное или существительное, ни в составе словосочетаний). Более того, в одном из значений, зафиксированных в словаре под ред. В.В. Морковкина, данная лексическая единица маркирует сторонников фашизма – «коричневой чумы» (Морковкин, с. 451).

Следующее наименование – прилагательное *colo(u)red* – заслуживает особого

внимания. Во всех базовых словарях оно представлено как синоним прилагательного *black* (CD; LDCE; MD) либо как его гипероним (MWD; OALD). В последнем случае имеется в виду любой человек, не принадлежащий к европеоидной («белой») расе. За несколько десятилетий этот эвфемизм полностью дисфемизировался – и теперь является даже более оскорбительным, чем (*a*) *Negro*, которое он был призван вытеснить в середине XX столетия. Прилагательное *colo(u)red* маркируется в словарях как устаревшее и обидное, причем такая характеристика не сопровождается «смягчающими» наречиями *often* и *sometimes*. В «Longman Dictionary of Contemporary English» данное обозначение названо очень оскорбительным («very offensive») и табуированным («taboo») (LDCE). Составители «Macmillan Dictionary» подчеркивают «коварство» этого слова, отмечая, что пожилые представители белой расы иногда считают его нейтральным, даже вежливым (MD). В южноафриканском варианте английского языка прилагательное *colo(u)red* имеет другое значение: «of mixed race» («принадлежащий к смешанной расе») (MWD), «having parents who are of different races» («родившийся от людей, которые принадлежат к разным расам») (OALD) и т. д.

Значение лексической единицы *цветной*, применяемой для характеристики человека, соответствует гиперонимическому значению *colo(u)red* в британском и американском английском. «Цветными» называют людей, не принадлежащих к европеоидной расе (Кузнецов, с. 1459; Лопатин, с. 861; Морковкин, с. 1367; Ожегов, с. 1306)⁴. Прилагательное представлено в базовых словарях как стилистически нейтральное, но очень широкая семантика, с нашей точки зрения, ограничивает возможности его использования в качестве замены лексических единиц, обозначающих представителей негроидной расы.

Прилагательные *dark-skinned* (MWD) и *темнокожий* (Кузнецов, с. 1314) также обозначают не только негров, но и людей другой расовой принадлежности, включая потомков от смешанных браков. Однако смысловой спектр данных лексических единиц явно уже, чем у слова *colo(u)red* «цветной»: они не подходят для описания внешности многих евро-

пеоидов, монголоидов и американоидов (индейцев). По нашему мнению, в научной работе прилагательные *dark-skinned* и *темнокожий* допустимо использовать как синонимы прилагательных *black* и *чернокожий*, но подобное употребление нуждается в комментарии. Например, автор может высказать сомнения в политкорректности слов *black* и *чернокожий*, сославшись на отдельные научные труды или публицистические материалы. Также не будет излишним подчеркнуть, что лексемы *dark-skinned* и *темнокожий* ассоциируются в первую очередь именно с неграми (поскольку относятся ко всем представителям данной группы человечества – за исключением альбиносов).

Прилагательное *non-white* и образованное от него существительное употребляются по отношению к людям, не являющимся представителями европеоидной расы. Согласно «Macmillan Dictionary», данное слово обычно считается оскорбительным, так как в нем содержится намек на превосходство «белой» расы над всеми остальными (MD). Мы не рекомендуем обращаться к упомянутой лексеме при написании научных работ (как и к единице *небелый*, отсутствующей в базовых словарях).

Заключение

Авторами статьи охарактеризован семантико-стилистический статус слов и словосочетаний, обозначающих представителей чернокожего населения Земли в английском и русском языках. Предложен вариант классификации лексических единиц в рамках научного дискурса. В ходе исследования, проведенного на материале толковых словарей, мы пришли к следующим выводам.

В английском языке наиболее приемлемым вариантом номинации людей, принадлежащих к негроидной расе, является словосочетание (*a*) *black person*: оно зафиксировано во всех базовых словарях, не относится к разговорной или субстандартной лексике и не имеет отрицательных коннотаций. Кроме того, представляется допустимым использовать описательные варианты, основанные на словарных определениях: *a member of the black race*, *a member of a race of people with*

dark skin, a member of population groups having dark pigmentation of the skin, a person with black or dark brown skin и т. д. Эвфемизмы *African American* и *Afro-American* предлагается использовать только по отношению к чернокожим людям, родившимся в США и/или проживающим на территории данной страны. Семантико-стилистическим аналогом словосочетания *(a) black person* в русском языке является существительное *негр*. Тем не менее его нежелательно использовать во время публичных выступлений в присутствии представителей соответствующей расы (наряду с однокоренными словами). Другими приемлемыми номинантами можно считать описательные конструкции *представитель негроидной расы* и *человек, принадлежащий к негроидной расе*, а также словосочетания *чернокожий человек*, *человек с самым темным типом кожи* и *представитель чернокожего населения (Земли, острова, страны* и т. д.). Последние три обозначения представляются оптимальными для выступлений перед слушателями-неграми, так как не содержат ни одного рискогенного элемента: ни корня *негр-*, ни существительного *раса* (созвучного с английским словом *(a) race* – нейтральным согласно базовым словарям, но неоднозначно воспринимаемым в рамках идеологии толерантности). В целом к существительному *негр* следует относиться бережно: как мы видим, без него в русском языке не останется универсального слова для обозначения чернокожих людей. В английском языке такие слова уже утрачены.

К лексическим единицам, которые мы рекомендуем использовать лишь при условии уточнения значения и/или обосновании использования, отнесены *(a) brown, dark-skinned* и *темнокожий*.

Пласт литературных слов, употребление которых в научном дискурсе неуместно, содержит англоязычные номинанты *(a) black, colo(u)red, (a) Negro* и *(a) non-white* и русское субстантивированное прилагательное *чернокожий*. Слово *цветной*, используемое по отношению к людям, обладает очень широкой семантикой, стилистически маркировано и поэтому имеет ограничение в употреблении в научном дискурсе. Лексема *коричневый* не имеет значения, описывающе-

го представителя негроидной расы или других групп человечества с темным цветом кожи, и, кроме того, может обозначать сторонников фашизма. Существительное *черный* чаще применяется к приехавшим в Россию уроженцам среднеазиатских, кавказских и закавказских республик (при этом обладая в данном значении выраженным негативным оттенком).

Дальнейшее исследование предполагает уточнение представленной классификации. Планируется проанализировать случаи использования рассмотренных обозначений в научных работах, посвященных вопросам расово-этнической толерантности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

² В «Большом академическом словаре русского языка» приведено толкование слова *негры*, в целом соответствующее толкованиям, представленным в базовых словарях: «народ, принадлежащий к негроидной расе; представители этого народа» (БАСРЯ, с. 580).

³ Согласно «Словарю эвфемизмов русского языка» Е.П. Сеничкиной, существительное *афро-американец* фиксируется как эвфемизм с начала XXI века (Сеничкина, с. 60–61).

⁴ В более ранней справочной литературе – «Новом толковом словаре русского языка» под редакцией Т.Ф. Ефремовой (2000) и «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.В. Дмитриева (2003) – слово *цветной*, употребляемое в интересующем нас значении, позиционируется как разговорное и презрительное соответственно. Отсутствие подобных помет в базовых словарях позволяет говорить о динамичном изменении стилистического статуса данной лексемы, ее нейтрализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бойко Л. Б., 2017. «Язык изломан? Что ж! – глядите». О некоторых аспектах регулирования в языке // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. № 1. С. 8–23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-izloman-cto-zh-glyadite-о-некоторых-аспектах-регулирования-в-языке/viewer> (дата обращения: 02.10.2020).

- Большая актуальная политическая энциклопедия : настольная книга современного политика : 1000 актуальных понятий современной политической жизни, 2009 / А. В. Беляков [и др.]. М. : Эксмо. 419 с.
- Бондаренко Д. М., 2016. Доработанная и доколониальная Африка в исторической памяти и массовом сознании африкано-американцев и недавних африканских мигрантов в США // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. № 4. С. 139–166. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/216970110.pdf> (дата обращения: 06.10.2020).
- Вишневецкий М., 2004. Африкано-американская община и политика США в Африке // Азия и Африка сегодня. № 9. С. 18–26.
- Жерновая О. Р., Петрукович Л. А., 2016. Лингвокультурный феномен политической корректности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1, Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. № 3 (184). С. 121–126.
- Ионин Л. Г., 2009. Демократия и политическая корректность // Прогнозис. № 3/4. С. 234–278. URL: http://www.intelros.ru/pdf/Prognosis/3-4_2010/10.pdf (дата обращения: 04.10.2020).
- Ионин Л. Г., 2017. Политкорректность: дивный новый мир. М. : Ad Marginem. 200 с.
- Кораблева В. Н., 2013. Анти-Спарта, или Политкорректность как практическая идеология современного либерализма // Философия и социальные науки. № 2. С. 50–55. URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/49769/1/pages%2050-55%20Korabljva.pdf> (дата обращения: 04.10.2020).
- Кронгауз М. А., 2018. Политкорректная правка русского языка проводится без учета самого языка. URL: <https://takiedela.ru/2018/11/esli-ponyatie-stanovitsya-ochen-vazhny/> (дата обращения: 12.10.2020).
- Муллагалиева Л. К., 2012. Язык толерантности. Уфа : БГПУ. 163 с. URL: <https://bspu.ru/files/2951> (дата обращения: 23.10.2020).
- Тер-Минасова С. Г., 2008. Политическая корректность, или языковой такт // Язык и межкультурная коммуникация. М. : Слово. С. 215–228. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Ter/_24.php (дата обращения: 04.10.2020).
- Ушакова Т. А., 2011. Политкорректность : Игра во что или кем? URL: <https://www.listos.biz/главная/библиотека/ушакова-т-а-политкорректность-игра-во-что-или-кем> (дата обращения: 15.10.2020).
- Шарапова И. В., Кобенко Ю. В., 2014. История возникновения понятия «political correctness» и способы его интерпретации // Вестник ТГПУ. № 10 (151). С. 46–50.
- Шаров К. С., 2019. Гендерно-нейтральные лингвистические трансформации мессианских священных текстов в современной англиканской гомилетической литературе // Russian Journal of Linguistics = Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». Vol. 23, № 2. P. 523–543. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genderno-neytralnye-lingvisticheskie-transformatsii-messijskih-svyaschennyh-tekstov-v-sovremennoy-anglikanskoj-gomileticheskoj> (дата обращения: 07.11.2020).
- Allan K., 2016. Contextual Determinants on the Meaning of the N Word // Springerplus. Vol. 5, № 1. Art. 1141. URL: <https://springerplus.springeropen.com/articles/10.1186/s40064-016-2813-1> (date of access: 03.12.2020).
- Brown A., 2019. African American Enslavement, Speech Act Theory, and the Law // Journal of African American Studies. № 23. P. 162–177. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12111-019-09431-z> (date of access: 01.11.2020).
- Hughes G., 2015. An Encyclopedia of Swearing: The Social History of Oaths, Profanity, Foul Language, and Ethnic Slurs in the English-Speaking World. L. : Routledge. P. 348–349.
- Kay M. L., Kurthen H., 1995. The Rhetoric of “Political Correctness” in the U.S. Media // Amerikastudien / American Studies. № 40 (2). P. 227–245. URL: https://www.researchgate.net/publication/324626231_The_Rhetoric_of_Political_Correctness_in_the_US_Media (date of access: 04.10.2020).
- Langton R., Haslanger S., Anderson L., 2012. Language and Race // Routledge Companion to the Philosophy of Language / ed. by G. Russell, D. Graff Fara. L. : Routledge. P. 753–767.
- O’Neill B., 2011. A Critique of Politically-Correct Language // Independent Review. № 16 (2). P. 71–98.
- Rahman J., 2012. The N Word: Its History and Use in the African American Community // Journal of English Linguistics. Vol. 40, № 2. P. 137–171.
- Rossiter A., 2020. A Descriptive Grammar of English: Modern English Grammar by Example. [S. l.] : Linguapress. 206 p.
- Seigenthaler J., 1993. Politically Correct Speech: An Oxymoron // Editor and Publisher. Vol. 126, № 10 (Mar. 6). P. 48–50.
- Shunnaq S. R., Balasubramanian Ch., 2018. Prescription and Descriptive Approaches // The TESOL Encyclopedia of English Language Teaching. P. 349–360.
- Visson L., 2013. What Mean?: Where Russians Go Wrong in English. N. Y. : Hippocrene Books, Incorporated. 152 p.

Whaley A. L., 2005. Racial Self-Designation and Disorder in African American Psychiatric Patients // *Journal of Black Psychology*. Vol. 31, № 1. P. 87–104.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

Александров В. Черный русский: история одной судьбы. М. : НЛЮ, 2017. 336 с.

БАСРЯ – Большой академический словарь русского языка / ред. Л. И. Балахонова. М. ; СПб. : Наука, 2004– . Т. 11 : Н – Недряться / ред. Н. В. Соловьев, Д. И. Панков. 2008. 632 с.

Дмитриев – Толковый словарь русского языка: около 7000 словарных статей, свыше 35 000 значений, более 70 000 иллюстративных примеров / под ред. Д. В. Дмитриева. М. : АСТ : Астрель, 2003. 1584 с.

Елистратов – Елистратов В. С. Словарь русского арго (материалы 1980–1990 гг.). М. : Азбуковник : Рус. словари, 2000. 694 с.

Ефремова – Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : свыше 136000 словарных статей, около 250000 семантических единиц. В 2 т. Т. 2. П – Я. М. : Рус. яз., 2000. 1084 с.

Комлев – Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов : [более 4500 слов и выражений]. М. : Эксмо, 2006. 669 с.

Кузнецов – Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт ; М. : Рипол Классик, 2008. 1536 с.

Лопатин, Лопатина – Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Толковый словарь современного русского языка : более 35 000 слов, около 70 000 устойчивых словосочетаний : Активная, наиболее употребительная лексика русского языка конца XX – начала XXI века. М. : Эксмо, 2013. 921 с.

Млечин Л. М. Империя террора. От «Красной армии» до «Исламского государства»*. М. : Алгоритм, 2015. 480 с.

Морковкин, Богачева, Луцкая – Морковкин В. В., Богачева Г. Ф., Луцкая Н. М. Большой универсальный словарь русского языка : около 30 000 наиболее употребительных слов / под ред. проф. В. В. Морковкина ; Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. М. : АСТ-Пресс школа, 2018. 1451 с.

Ожегов – Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : 100 000 слов, терминов и выражений / под ред. проф. Л. И. Скворцова.

28-е изд., перераб. М. : Мир и Образование, 2019. 1375 с.

ПТСРЯ – Психолингвистический толковый словарь русского языка. Вып. 6/1. Частотная лексика / науч. ред. И. А. Стернин, А. В. Рудакова. Воронеж : ВГУ, 2019. 130 с. URL: <https://www.vsu.ru/ru/university/structure/communicate/pdf/dict/psy-ling/psy-ling6-1.pdf> (дата обращения: 31.10.2020).

Сеничкина – Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. М. : Флинта : Наука, 2008. 458 с.

Ушаков – Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка : 170 тыс. слов и словосочетаний. Новая современная редакция. М. : Хит-Книга, 2020. 816 с.

Beard & Cerf – Beard H., Cerf C. The Official Politically Correct Dictionary and Handbook. N. Y. : Villard Books, 1993. 194 p.

CD – Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru> (date of access: 04.09.2020).

LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <https://www.ldoceonline.com> (date of access: 05.09.2020).

MD – Macmillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com> (date of access: 11.09.2020).

MWD – Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com> (date of access: 12.09.2020).

OALD – Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english> (date of access: 18.11.2020).

REFERENCES

Boyko L.B., 2017. «Yazyk izloman? Chto zh! – glyadite». O nekotorykh aspektakh regulirovaniya v yazyke [On Some Aspects of Linguistic Regulation]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniiya i pedagogiki* [Bulletin of PNRPU. Issues in Linguistics and Pedagogics], no. 1, pp. 8-23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-izloman-chto-zh-glyadite-o-nekotorykh-aspektah-regulirovaniya-v-yazyke/viewer> (accessed 2 October 2020).

Belyakov A.V., Matveychev O.A., Fomin O.V., Petrin V.S., Myasnikova O.A., Myasnikov A.G., Dolgikh O.A., Dement'yev I.Yu., Demenskiy S.Yu., Galperina A.S., 2009. *Bolshaya aktualnaya politicheskaya entsiklopediya: nastolnaya kniga sovremennogo*

* Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

- politika: 1000 aktualnykh ponyatiy sovremennoy politicheskoy zhizni* [A Big Topical Political Encyclopedia: A Handbook of Modern Politics: 1000 Topical Concepts of Modern Political Life]. Moscow, Eksmo Publ. 419 p.
- Bondarenko D.M., 2016. Dorabotorgovaya i dokolonial'naya Afrika v istoricheskoy pamyati i massovom soznanii afrikano-amerikantsev i nedavnikh afrikanskikh migrantov v SShA [Pre-Slave Trade and Pre-Colonial Africa in the Historical Memory and Mass Consciousness of African Americans and Recent African Migrants in the United States]. *Istoricheskiye issledovaniya. Zhurnal Istoricheskogo fakulteta MGU imeni M.V. Lomonosova* [Historical Research. Journal of the Faculty of History of Moscow State University Named After M.V. Lomonosov], no. 4, pp. 139-166. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/216970110.pdf> (accessed 6 October 2020).
- Vishnevskiy M., 2004. Afrikano-amerikanskaya obshchina i politika SShA v Afrike [African-American Community and US Policy in Africa]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today], no. 9, pp. 18-26.
- Zhernovaya O.R., Petrukovich L.A., 2016. Lingvokulturnyy fenomen politicheskoy korrektnosti [Linguocultural Phenomenon of Political Correctness]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1. Regionovedeniye: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kulturologiya* [Bulletin of the Adyghe State University. Series 1. Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies], no. 3 (184), pp. 121-126.
- Ionin L.G., 2009. Demokratiya i politicheskaya korrektnost [Democracy and Political Correctness]. *Prognosis*, no. 3/4, pp. 234-278. URL: http://www.intelros.ru/pdf/Prognosis/3-4_2010/10.pdf (accessed 4 October 2020).
- Ionin L.G., 2017. *Politkorrektnost: divnyy novyy mir* [Political Correctness: Brave New World]. Moscow, Ad Marginem Publ. 200 p.
- Korablyova V.N., 2013. Anti-Sparta, ili Politkorrektnost kak prakticheskaya ideologiya sovremennogo liberalizma [Anti-Sparta, or Political Correctness As a Practical Ideology of Modern Liberalism]. *Filosofiya i sotsialnyye nauki* [Philosophy and Social Sciences], no. 2, pp. 50-55. URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/49769/1/pages%2050-55%20Korabljva.pdf> (accessed 4 October 2020).
- Krongauz M.A., 2018. *Politkorrektnaya pravka russkogo yazyka provoditsya bez ucheta samogo yazyka* [Politically Correct Editing of the Russian Language is Carried out Without Taking the Language Itself into Account]. URL: <https://takiedela.ru/2018/11/esli-ponyatie-stanovitsya-ochen-vazhny> (accessed 12 October 2020).
- Mullagaliyeva L.K., 2012. *Yazyk tolerantnosti* [Language of Tolerance]. Ufa, BGPU. 163 p. URL: <https://bspu.ru/files/2951> (accessed 23 October 2020).
- Ter-Minasova S.G., 2008. Politicheskaya korrektnost, ili yazykovoy takt [Political Correctness, or Linguistic Tact]. *Yazyk i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Language and International Communication]. Moscow, Slovo Publ., pp. 215-228. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Ter/_24.php (accessed 4 October 2020).
- Ushakova T.A., 2011. *Politkorrektnost: Igra vo chto ili kem?* [Political Correctness: Playing What or Whom?]. URL: <https://www.listos.biz/главная/библиотека/ушакова-т-а-политкорректность-игра-во-что-или-кем> (accessed 15 October 2020).
- Sharapova I.V., Kobenko Yu.V., 2014. Istoriya vznikeniya ponyatiya «political correctness» i sposoby yego interpretatsii [The History of the Concept of “Political Correctness” and Methods of Its Interpretation]. *Vestnik TPGU* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University], no. 10 (151), pp. 46-50.
- Sharov K.S., 2019. Genderno-neytralnyye lingvisticheskiye transformatsii messianskikh svyashchennykh tekstov v sovremennoy anglikanskoy gomileticheskoy literature [Gender-Neutral Linguistic Transformations of Messianic Scriptures in the Modern Anglican Homiletic Literature]. *Vestnik RUDN. Seriya «Lingvistika»* [Russian Journal of Linguistics], vol. 23, no. 2, pp. 523-543. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genderno-neytralnye-lingvisticheskie-transformatsii-messianskih-svyaschennykh-tekstov-v-sovremennoy-anglikanskoy-gomileticheskoy> (accessed 7 November 2020).
- Allan K., 2016. Contextual Determinants on the Meaning of the N Word. *Springerplus*, vol. 5, no. 1, article 1141. URL: <https://springerplus.springeropen.com/articles/10.1186/s40064-016-2813-1> (accessed 3 December 2020).
- Brown A., 2019. African American Enslavement, Speech Act Theory, and the Law. *Journal of African American Studies*, no. 23, pp. 162-177. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12111-019-09431-z> (accessed 1 November 2020).
- Hughes G., 2015. *An Encyclopedia of Swearing: The Social History of Oaths, Profanity, Foul*

- Language, and Ethnic Slurs in the English-Speaking World*. London, Routledge, pp. 348-349.
- Kay M.L., Kurthen H., 1995. The Rhetoric of "Political Correctness" in the U.S. Media. *Amerikastudien / American Studies*, vol. 40 (2), pp. 227-245. URL: https://www.researchgate.net/publication/324626231_The_Rhetoric_of_Political_Correctness_in_the_US_Media (accessed 4 October 2020).
- Langton R., Haslanger S., Anderson L., 2012. Language and Race. Russell G., Graff Fara D., eds. *Routledge Companion to the Philosophy of Language*. London, Routledge, pp. 753-767.
- O'Neill B., 2011. A Critique of Politically-Correct Language. *Independent Review*, no. 16 (2), pp. 71-98.
- Rahman J., 2012. The N Word: Its History and Use in the African American Community. *Journal of English Linguistics*, vol. 40, no. 2, pp. 137-171.
- Rossiter A., 2020. *A Descriptive Grammar of English: Modern English Grammar by Example*. S. 1., Linguapress. 206 p.
- Seigenthaler J., 1993. Politically Correct Speech: An Oxymoron. *Editor and Publisher*, vol. 126, no. 10 (March 6), pp. 48-50.
- Shunnaq S.R., Balasubramanian Ch., 2018. Prescription and Descriptive Approaches. *The TESOL Encyclopedia of English Language Teaching*, pp. 349-360.
- Visson L., 2013. *What Mean?: Where Russians Go Wrong in English*. New York, Hippocrene Books, Incorporated. 152 p.
- Whaley A. L., 2005. Racial Self-Designation and Disorder in African American Psychiatric Patients. *Journal of Black Psychology*, vol. 31, no. 1, pp. 87-104.
- SOURCES AND DICTIONARIES**
- Aleksandrov V. *Chornyy russkiy: istoriya odnoy sudby* [Black Russian: A Story of One Destiny]. Moscow, NLO Publ., 2017. 336 p.
- Balakhonova L.I., Solovyov N.V., Pankov D.I., eds. *Bolshoy akademicheskii slovar russkogo yazyka. T. 11. N – Nedritsya* [The Large Academic Dictionary of the Russian Language. Vol. 11. N – Nedritsya]. Moscow, Saint Petersburg, Nauka Publ., 2008. 632 p.
- Dmitriyev D.V., ed. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka: okolo 7000 slovarnykh statey, svyshe 35 000 znacheniy, boleye 70 000 illyustrativnykh primerov* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: About 7,000 Entries, over 35,000 Meanings, More than 70,000 Illustrative Examples]. Moscow, AST Publ., Astrel Publ., 2003. 1584 p.
- Yelistratov V.S. *Slovar russkogo argo (materialy 1980–1990 gg.)* [Dictionary of Russian Argo (Materials of 1980s – 1990s)]. Moscow, Azbukovnik Publ., Russkiye slovari Publ., 2000. 694 p.
- Yefremova T.F. *Novyy slovar russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatelnyy: svyshe 136000 slovarnykh statey, okolo 250000 semanticheskikh yedinit. V 2 t. T. 2. P – Ya* [New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Derivational: More than 136,000 Dictionary Entries, About 250,000 Semantic Units. In 2 Vols. Vol. 2. P – Ya]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2000. 1084 p.
- Komlev N.G. *Slovar inostrannykh slov (boleye 4500 slov i vyrazheniy)* [Dictionary of Foreign Words (More than 4,500 Words and Expressions)]. Moscow, Eksmo Publ., 2006. 669 p.
- Kuznetsov S.A., ed. *Noveyshiy bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Latest Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, Norint Publ.; Moscow, Ripol Klassik Publ., 2008. 1536 p.
- Lopatin V.V., Lopatina L.Ye. *Tolkovyy slovar sovremennogo russkogo yazyka: boleye 35 000 slov, okolo 70 000 ustoychivyykh slovosochetaniy: Aktivnaya, naiboleye upotrebitelnaya leksika russkogo yazyka kontsa XX – nachala XXI veka* [Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language: More than 35,000 Words, About 70,000 Set Phrases: Active, Most Common Vocabulary of the Russian Language of the Late 20th – Early 21st Century]. Moscow, Eksmo Publ., 2013. 921 p.
- Mlechin L.M. *Imperiya terrora. Ot «Krasnoy armii» do «Islamskogo gosudarstva»* [Empire of Terror. From the "Red Army" to the "Islamic State"]. Moscow, Algoritm Publ., 2015. 480 p.
- Morkovkin V.V., Bogachova G.F., Lutsкая N.M. *Bolshoy universal'nyy slovar russkogo yazyka: okolo 30 000 naiboleye upotrebitel'nykh slov* [Large Universal Dictionary of the Russian Language: About 30,000 Most Common Words]. Moscow, AST-Press shkola Publ., 2018. 1451 p.
- Ozhegov S.I. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka: 100 000 slov, terminov i vyrazheniy* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 100,000 Words, Terms and Expressions]. Moscow, Mir i Obrazovaniye Publ., 2019. 1375 p.
- Sternin I.A., Rudakova A.V., eds. *Voronezh Psikholingvisticheskiy tolkovyy slovar russkogo yazyka. Vyp. 6/1. Chastotnaya leksika* [Psycholinguistic Explanatory Dictionary of the Russian Language. Iss. 6/1. Frequent Vocabulary]. Voronezh, VGU, 2019. 130 p. URL: <https://www.vsu.ru/ru/university/>

- structure/communicate/pdf/dict/psy-ling/psy-ling6-1.pdf (accessed 31 October 2020).
- Senichkina Ye.P. *Slovar' evfemizmov russkogo yazyka* [Dictionary of Euphemisms of the Russian Language]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2008. 458 p.
- Ushakov D.N. *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka. 170 tys. slov i slovosochetaniy. Novaya sovremennaya redaktsiya* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language. 170,000 Words and Word Combinations. New Modern Edition]. Moscow, Khit-Kniga Publ., 2020. 816 p.
- Beard H., Cerf C. *The Official Politically Correct Dictionary and Handbook*. New York, Villard Books, 1993. 194 p.
- Cambridge Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru> (accessed 4 September 2020).
- Longman Dictionary of Contemporary English*. URL: <https://www.ldoceonline.com> (accessed 5 September 2020).
- Macmillan Dictionary*. URL: <https://www.macmillandictionary.com> (accessed 11 September 2020).
- Merriam-Webster Dictionary*. URL: <https://www.merriam-webster.com> (accessed 12 September 2020).
- Oxford Advanced Learner's Dictionary*. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english> (accessed 18 September 2020).

Information About the Authors

Ivan S. Samokhin, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages in Theory and Practice, Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maklaya St, 6, 117198 Moscow, Russia, samokhin_is@pfur.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2356-5798>

Natalya V. Nikashina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages in Theory and Practice, Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maklaya St, 6, 117198 Moscow, Russia, nikashina_nv@pfur.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7523-8318>

Tatyana G. Stanchulyak, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages in Theory and Practice, Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maklaya St, 6, 117198 Moscow, Russia, stanchulyak_tg@pfur.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9773-5438>

Информация об авторах

Иван Сергеевич Самохин, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков, Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 г. Москва, Россия, samokhin_is@pfur.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2356-5798>

Наталья Викторовна Никашина, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков, Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 г. Москва, Россия, nikashina_nv@pfur.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7523-8318>

Татьяна Геннадьевна Станчуляк, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков, Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 г. Москва, Россия, stanchulyak_tg@pfur.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9773-5438>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.9>

UDC 81(091)
LBC 81r

Submitted: 28.04.2021
Accepted: 20.12.2021

PHONETIC AND PHONEMIC LAWS IN MODERN HISTORICAL AND PHONOLOGICAL STUDIES (LINGUISTIC HISTORIOGRAPHICAL ASPECT)

Vladimir A. Glushchenko

Donbass State Teachers' Training University, Sloviansk, Ukraine

Anna S. Orel

Donbass State Teachers' Training University, Sloviansk, Ukraine

Alexander V. Piskunov

Donbass State Teachers' Training University, Sloviansk, Ukraine

Abstract. The problem of phonetic and phonemic laws reconstruction in the works of linguists of the 19th – 21st centuries was investigated. The study demonstrated the significance of the concepts of sound changes based on the postulate of the phonetic law by E.D. Polivanov (convergent-divergent theory of sound changes), R.O. Jakobson (phonological mutations), which became the foundation of historical phonology, due to which V.K. Zhuravlev completed the construction of the paradigm of historical (diachronic) phonology. It was shown that the phonetic variability and variability of the sound system of the language were considered as a consequence of the action of certain linguistic laws. Definitions of the terms “phonetic law” and “phonemic law”, the establishment of their main differences proved the thesis about the connection of synchrony and diachrony which allowed us to interpret the phenomena of the history of the sound systems of the Proto-Slavonic and East Slavonic languages. V.K. Zhuravlev and Yu. Ya. Burmistrovich's contribution to the study of these issues in relation to the history of East Slavonic languages were described in detail. The work used an actualistic method which allowed us to consider a particular linguistic concept from the point of view of contribution and significance for linguistics in comparison with previous achievements. A.S. Orel presented the material on phonemic laws in works on the sound system history; A.V. Piskunov – the material on the role of phonetic law and analogy, linguistic reconstruction in the works of Kharkiv, Moscow, Kazan schools scientists of; V.A. Glushchenko – the material on understanding the essence of phonetic law in the works of Kharkiv and Moscow schools scientists.

Key words: phonetic law, phonemic law, sound system, synchrony, diachrony, Proto-Slavonic language, East Slavonic languages, linguistic studies history.

Citation. Glushchenko V.A., Orel A.S., Piskunov A.V. Phonetic and Phonemic Laws in Modern Historical and Phonological Studies (Linguistic Historiographical Aspect). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 2, pp. 113-122. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.9>

**ЗАКОНЫ ФОНЕТИЧЕСКИЕ И ФОНЕМАТИЧЕСКИЕ
В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИКО-ФОНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(ЛИНГВОИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)****Владимир Андреевич Глущенко**

Донбасский государственный педагогический университет, г. Славянск, Украина

Анна Сергеевна Орел

Донбасский государственный педагогический университет, г. Славянск, Украина

Александр Викторович Пискунов

Донбасский государственный педагогический университет, г. Славянск, Украина

Аннотация. Исследована проблема изучения и реконструкции фонетических и фонематических законов в трудах языковедов XIX–XXI веков. Продемонстрирована значимость базирующихся на постулате фонетического закона концепций звуковых изменений Е.Д. Поливанова (конвергентно-дивергентная теория звуковых изменений), Р.О. Якобсона (фонологические мутации), ставших фундаментом исторической фонологии. На их основе В.К. Журавлёв завершил построение парадигмы исторической (диахронической) фонологии. Показано, что фонетическая вариативность и изменчивость звуковой системы языка рассматривалась как следствие действия определенных языковых законов. Дефиниции терминов «фонетический закон» и «фонематический закон», установление их основных отличий стали доказательством тезиса о связи синхронии и диахронии, который позволил истолковать явления истории звуковых систем праславянского и восточнославянских языков. Подробно охарактеризован вклад В.К. Журавлёва и Ю.Я. Бурмистровича в изучение указанных вопросов применительно к истории восточнославянских языков. В работе использован актуалистический метод, который позволяет оценить ту или иную лингвистическую концепцию с точки зрения вклада и значимости для языкознания в сравнении с предшествующими достижениями. А.С. Орел представила материал о фонематических законах в трудах по истории звуковой системы; А.В. Пискунов – материал о роли фонетического закона и аналогии, лингвистической реконструкции в работах ученых Харьковской, Московской, Казанской школ; В.А. Глущенко – материал о понимании сущности фонетического закона в трудах ученых Харьковской и Московской школ.

Ключевые слова: фонетический закон, фонематический закон, звуковая система, синхрония, диахрония, праславянский язык, восточнославянские языки, история лингвистических учений.

Цитирование. Глущенко В. А., Орел А. С., Пискунов А. В. Законы фонетические и фонематические в свете современных историко-фонологических исследований (лингвистический аспект) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 113–122. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.9>

Introduction

In this article, we appeal to the scientific heritage of scientists of the Moscow, Kharkiv, Leipzig, Kazan linguistic schools, as well as to the works of phonologists, phoneticians and language historians of the late 20th – 21st centuries, who made a significant contribution to the study of the issue of phonetic and phonemic laws. The relevance of this study is determined by insufficient attention to the problem mentioned and its certain aspects, as well as the lack of comprehensive linguistic and

historical studies on the reconstruction of phonetic and phonemic laws in the linguistic history, including the Eastern Slavonic languages, while the importance of phonetic and phonemic laws in the development of the language system is enormous. One of the reasons for this is a small number of works on the linguistic history, which would present the interdependency of phonetic and phonemic laws, their classification, chronology, etc. A great contribution to the study of these issues in relation to the history of the Eastern Slavonic languages was made by the Russian scholars V.K. Zhuravlev

and Yu.Ya. Burmistrovich, but their studies were not continued, and their discoveries were not taken into account while compiling modern textbooks and methodological manuals [Zhuravlev, 1986a; Burmistrovich, 2002; 2007]. The proposed article is a way to draw attention to this linguistic phenomenon, and we hope to fill this gap.

Material and methods

Exploring the specifics of the phenomenon of the phonetic and phonemic laws in the works of the domestic scientists, the authors will strive to reveal the linguists' views on the following fundamental problems: 1) the concept of phonetic and phonemic laws; 2) features and differences between phonetic and phonemic laws; 3) regularity and phonetic conditions for laws operation.

The importance of the neo-grammarians' sound changes conception for the development of historical (diachronic) phonology is recognized by modern researchers, who consider this concept as one of the integral components of the "pre-phonological foundation of diachronic phonology" [Zhuravlev, 1986a, p. 45; Burmistrovich, 2002, p. 5]. According to V.K. Zhuravlev, one of the fundamental concepts of modern historical (diachronic) phonology is the statement on the non-exclusivity of phonetic laws at the allophone level [Zhuravlev, 1986a, p. 47], and it has gained great importance in the historical phonology of the Eastern Slavonic languages. Attempts to determine the general laws of language development were realized in the postulate of the non-exclusivity of the phonetic laws. The very idea of the non-exclusivity of phonetic laws, developed in the neo-grammarians' historical and phonetic studies, was further refined in the Moscow school scientists' studies and critically judged by representatives of the Kazan and Geneva linguistic schools, and the methodological means based on this were the first steps towards creating an exact linguistic science [Amirova, 1975, p. 419; Zhuravlev, 1986b, p. 27]. According to V.I. Postovalova, the idea of a phonetic law is a significant contribution into the interpretation of the essence and characteristics of linguistic regularities [Postovalova, 1978, p. 128].

The neo-grammarians recognized the fundamental role of phonetic laws and analogy: "The only one who accurately takes into account

the effect of sound laws, on the understanding of which all our science is based, is on solid ground in his research" [Osthoff, Brugman, 1956, p. 187–198]. Thus, neo-grammarians tried to study the essence of phonetic changes using phonetic laws and analogy. According to J. Schmidt, who analyzed the work of his contemporary A. Schleicher, all sound changes occurred under the influence of the following factors, namely "phonetic laws that acted without exception and cross-made incorrect analogies with them" [Delbrück, 2003, p. 51]. According to B. Delbrück, A. Schleicher referred to as "phonetic laws that operate without exception, but this does not mean that he did not recognize any other laws except those operating without exceptions" [Delbrück, 2003, p. 51].

In accordance with L. Bloomfield and A. Steponavichius's views, the methodological neo-grammarians' error is "the over-categorization of the formulation of laws without exceptions", that is, recognition of the absolute regularity of sound changes, while the neo-grammarians' opponents did not deny the fact of regularity in the language [Steponavichius, 1982, p. 56], however, only on condition of its relativity.

As a result of theoretical and methodological imperfection, the theory of the non-exclusivity of phonetic laws, developed in historical and phonetic studies by the Leipzig school scientists, has not been confirmed in practice [Postovalova, 1978, p.126]. As some linguists noted, the need to explain "exceptions" became the reason for review of the neo-grammarians' views on the causes and essence of phonetic laws [Amirova, 1975, p. 432; Zhuravlev, 1986b, p. 27]. The late period of the neo-grammarians' activity is characterized by the improvement of scientific views, confirmed by the introduction of the progressive idea of the limited effect of the phonetic law (chronological, spatial, positional, as well as the effect of analogy and foreign language loan words) [Paul, 1960, p. 88–89, 140–142]. According to Yu.Ya. Burmistrovich's research, the definition of the phonetic law in the neo-grammarians' conception generally reflects the most important features of this scientific concept, but does not specify them [Burmistrovich, 2002, p. 5]. The problem of the phonetic law reconstruction is highlighted in the practice of historical and phonetic research by the Kharkiv

school scientists. In V.A. Glushchenko's opinion, the need for a concrete historical approach to phonetic laws was upheld in the phonetic studies by A.A. Potebnia [Glushchenko, 1998, p. 59], and it was reflected primarily in an attempt to establish as many successive stages of these laws as possible [Potebnia, 1871].

More detailed theoretical justification of phonetic laws is given in the Moscow school scientists' characteristics, in particular, the ones given by F.F. Fortunatov, A.A. Shakhmatov, N.N. Durnovo [Fortunatov, 1956, p. 203; Shakhmatov, 2002, p. 192–195; Durnovo, 1912, p. 13–14]. Having studied F.F. Fortunatov's master's thesis, F.M. Berezin came to the conclusion that F.F. Fortunatov "used to have a clearer understanding of sound changes before the neo-grammarians" [Berezin, 1976, p. 319], it is consistent with formal approach to the study of linguistic phenomena in general. F.M. Berezin's valuable remark made it possible to say about the originality of theories of sound changes in the concepts of the Moscow and Leipzig schools scientists and they are evidences of the parallel development of linguistic thought in this direction, that is, it reflects a general tendency to formalize linguistics.

Further development of the theory of sound changes in the works of the Moscow school scientists made it possible to clarify both the concept of the phonetic law and the nature of the limitations of its action. So, N.N. Durnovo's definition [Durnovo, 1912, p. 13–14], as noted by Yu.Ya. Burmistrovich, V.A. Glushchenko, is more approximate to the modern interpretation [Burmistrovich, 2002, p. 6; Glushchenko, 1998, p. 153]. The Kharkiv, Moscow, and Leipzig schools scientists sequentially took into account the temporal, spatial and positional parameters of the phonetic law, and all these were reflected primarily in their empirical studies [Potebnia, 1871, p. 14; Shakhmatov, 2002, p. 192–194].

According to the linguists' ideas, the Kazan and Geneva schools scientists' attitude to the interpretation of the phonetic law was controversial. Basically, these schools scientists sought to establish the general laws of language development and denied the existence of exact laws. The influence of the neo-grammarians' conception was reflected in the mechanistic interpretation of the phonetic laws in the early

works by N.V. Krushevskii [Krushevskii, 1883, p. 60], as well as in recognition of the destructive nature of the phonetic law, which was inherent for F. de Saussure's works [Saussure, 1998, p. 150–151].

I.A. Baudouin de Courtenay criticized the neo-grammarians' interpretation of the phonetic law: the linguist generally denied both the existence of sound laws and the neo-grammarians' comparison of language with a body, and linguistics with natural sciences having named that as an "empty phrase" [Baudouin de Courtenay 1963, vol. 1, p. 35–43]. The existence of sound laws would be possible only if "the non-recognition of a large number of individuals, collectivity, social life, the exchange of linguistic thinking between individuals" [Baudouin de Courtenay, 1963, vol. 2, p. 329]. The linguist put forward the following interpretation of the phonetic law, when "the homogeneity and regularity appearing in the narrow sphere of individual cerebration and in speech communication should not be considered as a dependence that the exact formula of the phonetic law covers, but only as a statistical statement of the fact of coincidence in certain conditions existing in parts of social and speech communication" [Baudouin de Courtenay, 1963, vol. 2, p. 202]. The "phonetic laws", according to the linguist, are only 'a statement of what is happening on the surface of phenomena', and 'real' laws, laws of causality, are hidden in the depths, in the tangled knot of the varied elements" [Baudouin de Courtenay, 1963, vol. 2, p. 208]. Sometimes, as the linguist noted, even steady coincidence with conditions occurs and this gives rise to a "fiction" of the phonetic law" [Baudouin de Courtenay, 1963, vol. 2, p. 208]. Regarding the concept of "non-exclusivity", I.A. Baudouin de Courtenay pointed out the need for a more detailed study of the operation of laws, since "the imaginary exception is only confirmation of the general law" [Baudouin de Courtenay, 1963, vol. 1, p. 57].

N.V. Krushevskii supported the idea of "the existence of general sound or, more precisely, physiological laws, which by their nature are not different from physical or chemical laws" [Krushevskii, 1883, p. 60]. V.A. Bogoroditskii did not compare linguistic phenomena with natural phenomena, since the latter remained unchanged, and linguistic phenomena and sound laws are

constantly evolving, and are based “on the power of memory and habit” [Bogoroditskii, 1913, p. 53]. Both N.V. Krushevskii and V.A. Bogoroditskii supported the idea on the non-exclusivity of phonetic laws. I.A. Baudouin de Courtenay criticized the linguists’ view, since “we could consider all sound laws (phonation) attempts as exclusive only if we decided to definitely not recognize the participation of the psychic factor in the process of verbal communication between people” [Baudouin de Courtenay, 1963, vol. 2, p. 39–42]. As for exceptions in general, I.A. Baudouin de Courtenay called them “confirmation of the general law” [Baudouin de Courtenay, 1963, vol. 1, p. 57].

The researchers of I.A. Baudouin de Courtenay’s linguistic heritage, in particular V.N. Toporov, F.M. Berezin, and T.S. Sharadzenidze, were convinced that the decisive basis for this rejection is an in-depth interpretation of the essence of sound changes, an approximation to the concept of phonemes, morphologization of phonetic patterns inherent in I.A. Baudouin de Courtenay’s early works [Toporov, 1960, p. 28–36; Berezin, 1976, p. 193; Sharadzenidze, 1980, p. 80–84]. However, the negation of phonetic laws did not cause I.A. Baudouin de Courtenay to deny the regular nature of language changes [Sharadzenidze, 1980, p. 83; Baudouin de Courtenay, 1963, vol. 1, p. 57].

The rejection of the neo-grammarian’s interpretation of the sound law, on the one hand, the discovery of the morphologization and semasiology of sound units, on the other hand, caused the emergence of the Baudouin’s theory of alternations (it was actively developed by N.V. Krushevskii) [Baudouin de Courtenay, 1963, vol. 1, p. 269, 273–346; Krushevskii, 1883, p. 9], and consequently, according to the linguists, the foundations of phonology and morphology were laid [Berezin, 1976, p. 197; Zubkova, 1989, p. 159]. Disputing with the neo-grammarians on the phonetic law interpretation, N.V. Krushevskii also supported the theory of sound alternations, which, in his opinion, was consequence of unknown causes [Krushevskii, 1883, p. 9]. The study of sound alternations was carried out by H. Paul, but, unlike I.A. Baudouin de Courtenay, he considered alternations as the consequences of phonetic laws [Paul, 1960, p. 87]. Alternation theory is a good example of applying the principles

of comparative-historical research to perform practical tasks, including those related to the Slavonic language material. According to L.G. Zubkova, the most detailed consideration of the phonetic alternations types allowed I.A. Baudouin de Courtenay to draw the conclusion about the dynamic character of statics [Zubkova, 1989, p. 159].

N.V. Krushevskii put forward the thesis that there are general sound laws used in modern typological studies [Krushevskii, 1883, p. 42–43]. The conclusions made by F. de Saussure are close to N.V. Krushevskii’s views. Attempts to establish certain patterns of linguistic changes caused F. de Saussure to suggest that there were common forces and laws governing historical phenomena [Saussure, 1998, p. 32].

Due to the linguistic-historical analysis of V.A. Bogoroditskii’s activity conducted by F.M. Berezin [Berezin, 1976, p. 319], it was concluded that his phonetic studies implicitly presented the opinion that there were synchronistic and diachronic laws, depending on the effect of physiological or phonetic factors. Due to the division of language into statics and dynamics, I.A. Baudouin de Courtenay also singled out the corresponding “laws and conditions” operating in a certain state of the language or in its historical development [Baudouin de Courtenay, 1963, vol. 1, p. 81, 88]. Combining the effect of the phonetic law with a certain temporal aspect of the language synchronism, F. de Saussure rejected the presence of diachronic laws [Saussure, 1998, p. 97]. The idea of phonetic laws division into synchronistic and diachronic is the leading one for modern historical phonology and is associated with the definition of phonetic and phonological changes [Burmistrovich, 2002, p. 5–11; Burmistrovich, 2007, p. 129–141].

Focusing on the synchronism of the phonetic law operating within certain space-time boundaries, F. de Saussure approached to the modern definition of the allophone variation phonetic law (V.K. Zhuravlev’s formula), but a significant drawback of the scientist’s view is the lack of a clear definition of position as one of the most important factors in sound transformation.

The Moscow school scientists accepted the neo-grammarians’ conception of phonetic laws as a whole. As in the neo-grammarians’ conception

of phonetic law, the Moscow school scientists focused on the fact that “the effect of such sound laws is clearly clarified by the conditions for their detection, and the well-known era during which the sound law continues to be alive” [Shakhmatov, 1910–1911, p. 11], that is, one can express the opinion that the above mentioned definitions reduce the phonetic law to determining the conditions under which a phonetic change occurs. Thus, the thesis about the importance of the phonetic environment and positional conditions is one of the characteristic features of F.F. Fortunatov’s phonetic studies [Fortunatov, 1956, p. 203]. It was perceived and improved in the works of the Moscow school representatives, in particular A.A. Shakhmatov and N.N. Durnovo [Shakhmatov, 2002, p. 192; Durnovo, 1912, p. 13–14]. V.K. Zhuravlev singled out N.N. Durnovo’s opinion on the “phonological connection”, which formed the basis of the first phonological developments carried out by R.O. Jakobson and N.S. Trubetskoi [Zhuravlev, 1986a, p. 10]. According to V.K. Zhuravlev, the idea of positional study of phonetics is “a serious prerequisite for phonology” [Zhuravlev, 1986a, p. 10]. According to Yu.Ya. Burmistrovich’s view, due to the specification of such an item of the phonetic law as a condition, the term “position”, which was assigned to it, and interpretation of positional changes as syntagmatic, a modern definition of the phonetic law was formulated, it is available in V.K. Zhuravlev’s works [Burmistrovich, 2002, p. 6–7]. The “positional” theory of the Moscow school linguists viewed from the point of view of modern phonological concepts is important at the syntagmatic language level.

The problem of positional study of the language phonetic units, being a leading one for the Moscow school scholars, was not consistently reflected in the works of the Kazan school representatives, but they recognized the importance of taking into account the phonetic environment [Baudouin de Courtenay, 1963, vol. 1, p. 361]. I.A. Baudouin de Courtenay noted that the nature of phonetic alternations in synchronism was determined by the conditions of phonemes compatibility [Zubkova, 1989, p. 163]. It should be noted that the neo-grammarians and representatives of the historical method in the Russian and Ukrainian linguistics paid their

attention to study of the conditions of phonetic laws (A.I. Sobolevskii, N.M. Karinskii, A.E. Krymskii).

In general, the development of the language phonetic system in comparative-historical studies of the second half of the 19th century and the twenties of the 20th century was presented as gradual sound changes in linguistic-historical works [Amirova, 1975, p. 433; Steponavichius, 1982, p. 48–52]. This was reflected in an attempt to establish as many intermediate stages, or phonetic laws as possible, and is a practical embodiment of the principle of graduality. The principle of graduality, implicitly presented in the comparativists’ studies, as defined by A. Steponavichius, was fruitfully used in modern studies of paradigmatic changes in the phonological system [Steponavichius, 1982, p. 52].

A study of the regularity of language changes, which is one of the most important in historical linguistics, began in the neo-grammarians’ works and is associated with the study of sound correspondences in related languages and the reconstruction of phonetic laws. According to A. Steponavichius, in the conception of the Leipzig school scientists, regular correspondences were considered “as a consequence of the regularity of the most sound changes” [Steponavichius, 1982, p. 53–54], that is, intra-systemic changes. So, H. Paul interpreted the law as “the regularity of a certain group of historical phenomena” [Paul, 1969, p. 87]. It is significant that in the studies of I.A. Baudouin de Courtenay, phonetic laws were considered as regular phonetic correspondences [Baudouin de Courtenay, 1963, vol. 2, p. 194].

The solution to the problem of regularity in the works of the Leipzig school representatives is directly related to the evolution of their views. So, the regularity in the works by H. Osthoff, K. Brugman (early neo-grammarians) is explained by the physical nature of sound laws [Osthoff, 1956, p. 154–155]; B. Delbrück, H. Paul considered regularity as a consequence of the action of psychological, physiological and social factors (in studies of a later period) [Paul, 1969, p. 88–93]. The naturalistic interpretation of the phonetic law provides for absolute regularity. This thesis, as noted above, has been criticized and is a methodological error of the neo-grammarians. Another view on regularity admits its relativity (that is, the phonetic law has exceptions), and is considered to be more acceptable.

According to V.I. Postovalova, the very idea of the phonetic law is the first important stage in interpreting the essence and features of linguistic regularities [Postovalova, 1978, p. 128]. An assessment of the significance of the thesis on the regularity of sound changes for the further development of comparative studies was presented by V.K. Zhuravlev. He believed that the hypothesis on regularity inferred from the neogrammarians' thesis about the non-exclusivity of phonetic laws, was taken as the main principle in determining the "internal" relative chronology in modern studies [Zhuravlev, 1986b, p. 29]. That led to the conclusion that the development of questions of the relative chronologization of linguistic phenomena was in the scientists' conception of the Leipzig school.

The phonetic variability of the language sound system is a consequence of certain phonetic laws. The importance of the synchronistic laws of allophone variation (non-exclusive phonetic laws, as defined by the neogrammarians) for the development of historical phonology was advocated by V.K. Zhuravlev, Yu.Ya. Burmistrovich [Zhuravlev, 1986a, p. 45–50; 1986b; Burmistrovich, 2002, p. 5–6; 2006, p. 44; 2007, p. 130–135]. According to these researchers, one of the indicators of the phonological change is the termination of the phonetic law, since the phonetic law works only in the synchronistic state of the language, in Yu.Ya. Burmistrovich's opinion, the phonetic law is syntagmatically positional [Zhuravlev, 1986b, p. 29–31; Burmistrovich, 2002, p. 8].

The phonetic law, in the phonologists' interpretation, is a specific link that connects synchronism and diachrony. So, exploring the history of the language sound system, as E.D. Polivanov believed, one could imagine sound laws in the form of certain sound correspondences [Polivanov, 1991, p. 267]. In this regard, G. Guillaume's theory of the consistent transition of language into speech seems relevant. Based on the F. de Saussure's thesis on the distinction between language (potency) and speech (realization), G. Guillaume introduced the time factor into the sequential process of speech activity (this had not been done by F. de Saussure), which made it possible to outline a dynamic scheme for the language transition into speech: previous state → inevitable change →

next result [Guillaume, 2004, p. 75–76]. The difficulty, according to G. Guillaume, was the allocation of an intermediate "time interval, the carrier of regular differentiating changes" [Guillaume, 2004, p. 75–76]. The regular differentiating change in G. Guillaume's scheme, in our opinion, correlated with the regular phonetic law. So, the concept of G. Guillaume explained the relationship of synchronistic and diachronic processes in the phonological system, it has become the scheme for the implementation of historical changes in the language sound system (allophone variation). In addition, the application of this method is quite effective for retrospective and prospective reconstruction.

One of the most modern achievements in the field of historical phonology was the discovery on the phonemic law essence and formula and its difference from the phonetic law made by Yu.Ya. Burmistrovich. The merit of the discovery of the phonetic law formula belongs to V.K. Zhuravlev [Zhuravlev, 1986a, p. 45; 1986b, p. 29]. Having based on the results of his research, Yu.Ya. Burmistrovich made valuable remarks about the inaccuracies in establishing the number of phonetic laws for the Proto-Slavonic language, which are mainly characteristic of modern scholars. The author believed that "there were not two, but more phonetic laws in the history of the phonemic system of the Proto-Slavonic language" [Burmistrovich, 2006, p. 44]. In addition, Yu.Ya. Burmistrovich combined a number of phonetic laws of the Proto-Slavonic language into one general law, which he called the phonetic law of the internal group phonemic syngarmonism [Burmistrovich, 2002, p. 8; 2007, p. 135].

Having introduced the concept of phonemic law into linguistic literature, Yu.Ya. Burmistrovich noted that all previous attempts to determine the phonemic (or phonological) law were characterized by inaccuracies and incomplete explanations (see, for example, O.S. Akhmanova [Akhmanova, 1966, p. 152; Burmistrovich, 2002, p. 8; 2007, p. 135]). Thus, according to Yu.Ya. Burmistrovich, "a phonemic law is a rule in a certain language at a certain stage of its development that makes certain phonemes, paradigmatically weaker from other phonemes in the system, which are under pressure on it, move into a new place in it and turn into other phonemes" [Burmistrovich, 2007, p. 136]. In other

words, phonemic laws are paradigmatically non-positional, this is the main difference between them and phonetic laws [Burmistrovich, 2002, p. 8–9; 2007, p. 136].

The discovery of the phonetic law formula (by V.K. Zhuravlev), as well as the introduction of the concept of phonemic law (Yu. Ya. Burmistrovich) let historical (diachronic) phonology to get higher level of explanation. The identification of phonetic and phonemic laws in the history of the development of the phonological system, the establishment of their main differences became a confirmation of the thesis about the close relationship of synchrony and diachrony. The consistent practical implementation of these ideas made it possible to explain in more detail certain phenomena in the history of the phonological systems of the Proto-Slavonic and Eastern Slavonic languages.

E.D. Polivanov's original conception of sound changes (convergent-divergent theory of sound changes), R.O. Jakobson's phonological mutations, based on the postulate of phonetic law, have become the foundation of historical phonology. Taking them into account, V.K. Zhuravlev completed the construction of the paradigm of historical (diachronic) phonology.

A solid theoretical basis has made it possible to improve and generalize previous studies on the history of phonological systems as a chain from the Proto-Indo-European (in the form of its Proto-Slavonic dialect) to modern Eastern Slavonic languages (Yu. Ya. Burmistrovich).

Conclusion

The evolution of the linguists' views included the transition from an attempt to establish a universal cause of linguistic changes to the recognition of a complex of causes and establishment of causal links (I.A. Baudouin de Courtenay, F. de Saussure). The idea of uniqueness of phonetic laws, developed in the historical and phonetic studies by the neogrammarians, was formulated in the studies by the Moscow school scholars and was critically judged by the representatives of the Kazan and Geneva linguistic schools; being based on this methodological techniques, it became the first step towards phonology and is one of components of the "pre-phonological foundation of diachronic phonology".

Finding out phonetic and phonemic laws in the history of phonological system, the establishment of their main differences confirmed the thesis of the close relationship between synchrony and diachrony, and it became a significant contribution to the development and improvement of theoretical and methodological basis of historical phonology (V.K. Zhuravlev, Yu. Ya. Burmistrovich). Consistent practical implementation of these ideas allowed us to explain in more detail certain phenomena in the history of phonological systems of Proto-Slavonic and East Slavonic languages.

REFERENCES

- Akhmanova O.S., 1966. *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ. 608 p.
- Amirova T.A., 1975. *Ocherki po istorii lingvistiki* [Sketches on the History of Linguistics]. Moscow, Nauka Publ. 559 p.
- Baudouin de Courtenay I.A., 1963. *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu: v 2 t.* [Selected works on General Linguistics. In 2 Vols.]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, vol. 1. 384 p.; vol. 2. 391 p.
- Berezin F.M., 1976. *Russkoe yazykoznanie kontsa XIX – nachala XX vv.* [Russian Linguistics of the End of the 19th – the Beginning of the 20th Centuries]. Moscow, Nauka Publ. 366 p.
- Bogoroditskii V.A., 1913. *Obshchii kurs russkoy grammatiki. Iz universitetskikh chteniy* [General Course of Russian Grammar. From University Readings]. Kazan, 6. 553 p.
- Burmistrovich Yu. Ya. 2002. Zakony foneticheskie i zakony fonemicheskie [Laws Phonetic and Laws Phonemic]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova. Seriya: Yazykoznanie* [Herald of Khakass State University Named After N. F. Katanov. Linguistics], no. 3, pp. 5-11.
- Burmistrovich Yu. Ya., 2006. *Nayti propavshiy vek!: Ocherki po istorii slavianskogo istoricheskogo yazykoznaniiya* [To Find the Lost Century!: Sketches on History of Slavic Historical Linguistics]. Abakan, Izd-vo Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta. 59 p.
- Burmistrovich Yu. Ya., 2007. Zakony foneticheskie i zakony fonemicheskie: sut' tekhn i drugikh [Laws Phonetic and Laws Phonemic: Essence of Both Types]. *Slavia časopis pro slovanskou filologii*, 1950, ročník 76, pp. 129-141.

- Delbrück B. *Vvedenie v izuchenie yazyka (iz istorii i metodologii sravnitel'nogo yazykoznaniiya)* [Introduction to Language Study (From History and Methodology of Comparative Linguistics)]. Moscow, Editorial URSS, 2003. 152 p.
- Durnovo N.N., 1912. *Zapiski iz istorii russkogo yazyka. Fonetika i dialektologiya* [Notes from the History of the Russian Language. Phonetics and Dialectology]. Kharkiv, s. n. 1, 2, 211, 44 p.
- Fortunatov F.F., 1956. *Sravnitel'naya fonetika indoevropskikh yazykov: Kratkiy ocherk* [Comparative Phonetics of the Indo-European Languages: Short Sketch]. Fortunatov F.F. *Izbrannye trudy: v 2 t.* [Selected Works. In 2 Vols.]. Moscow, Uchpedgiz Publ., vol. 1, pp. 199-446.
- Glushchenko V.A., 1998. *Pryntsypy porivnialno-istorychnogo doslidzhennia v ukrainskomu i rosiiskomu movoznavstvi (70-i rr. XIX st. – 20 rr. XX st.)* [Principles of the Comparative-historic Study in the Ukrainian and Russian Linguistics (The 70s of the 19th Century – the 20s of the 20th Century)]. Donetsk. 222 p.
- Guillaume G., 2004. *Printsipy teoreticheskoy lingvistiki* [Principles of Theoretical Linguistics]. Krasina E.A., ed. *Lingvistika XX veka: sistema i struktura yazyka: khrestomatiya: v 2 ch.* [Linguistics of the 20th Century: System and Structure of Language. Chrestomathy. In 2 Parts]. Moscow, Izd-vo RUDN, part 1, pp. 73-85.
- Krushevskiy N.V., 1883. *Ocherk nauki o yazyke* [Sketches of Linguistic Science]. Kazan, s. n. 148 p.
- Osthoff H., 1956. *Predislovie k knige «Morfologicheskie issledovaniya v oblasti indoevropskikh yazykov»* [Preface to the Book “Morphological Studies in the Area of Indo-European Languages”]. Zvegintsev V.A., ed. *Khrestomatiya po istorii yazykoznaniiia XIX – XX vekov* [Chrestomathy on the History of Linguistics of the 19th – 20th Centuries]. Moscow, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatelstvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR, pp. 187-198.
- Paul H., 1960. *Printsipy istorii yazyka* [Principles of the History of Language]. Moscow, Izd-vo inostrannoy literatury. 500 p.
- Polivanov E.D., 1991. *Lektsii po vvedeniuyu v yazykoznanie i obshchey fonetike* [Lectures on Introduction to Linguistics and General Phonetics]. *Izbrannye trudy po vostochnomu i obshchemu yazykoznaniiyu* [Selected Works on Eastern and General Linguistics]. Moscow, Nauka Publ., Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury Publ., pp. 238-270.
- Postovalova V.I., 1978. *Istoricheskaya fonologiya i ee osnovaniya: Opyt logiko-metodologicheskogo analiza* [Historical Phonology and Its Principles: Experience of Logical-Methodological Analysis]. Moscow, Nauka Publ. 203 p.
- Potebnia A.A., 1871. *Zametki o malorusskom narechii* [Notes on Little Russian Dialect]. Voronezh, s. n. 134 p.
- Saussure F. de, 1998. *Kurs zakhalnoy linkhvistyky* [Course on General Linguistics]. Kyiv, Osnovy Publ. 324 p.
- Shakhmatov A.A., 1910–1911. *Kurs istorii russkogo yazyka (chitan v S.-Peterburgskom un-te v 1908–9 uch. g. Vvedenie* [Course on the Russian Language History (Taught at Saint Petersburg University in 1908-1909 Academic year. Introduction)]. Saint Petersburg. 407 p.
- Shakhmatov A.A., 2002. *Ocherk drevneyshego perioda istorii russkogo yazyka* [Sketch on the Ancient Period of the Russian Language History]. Moscow, Indrik Publ. 28, 2, 50, 369 p.
- Sharadzenidze T.S., 1980. *Lingvisticheskaya teoriya I.A. Boduena de Kurtene i ee mesto v yazykoznanii XIX–XX vv.* [Linguistic Theory of I.A. Baudouin de Courtenay and Its Place in the Linguistics of the 19th – 20th Centuries]. Moscow, Nauka Publ. 130 p.
- Steponavichius A., 1982. *Osnovy diakhronicheskoy fonologii. Mekhanizmy zvukovykh izmeneniy* [Principles of Diachronic Phonology. Mechanisms of Sound Changes]. Vilnius, Vilnyusskiy GU im. V. Kapsukasa. 84 p.
- Toporov V.N., 1960. *I.A. Boduen de Kurtene i razvitie fonologii* [I.A. Baudouin de Courtenay and Development of Phonology]. *I.A. Boduen de Kurtene (1845–1929). (K tridtsatiletiyu so dnya smerti)* [I.A. Baudouin de Courtenay (1845–1929). (To the 30th Anniversary of Death)]. Bernshtein S.B., ed. *Doklady nauchnoy sessii* [Reports of Scientific Session]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, pp. 28-36.
- Zhuravlev V.K., 1986a. *Diakhronicheskaya fonologiya* [Diachronic Phonology]. Moscow, Nauka Publ. 232 p.
- Zhuravlev V.K., 1986b. *Postulat neprelozhnosti foneticheskikh zakonov i sovremennaiia komparativistika* [Immutability Principle of Phonetic Laws and Modern Comparative Linguistics]. *Voprosy yazykoznaniiya*, no. 4, pp. 27-36.
- Zubkova L.G., 1989. *Lingvisticheskie ucheniia kontsa XVIII v. – nachala XX v.: Razvitie obshchei teorii iazyka v sistemnykh kontseptsiakh* [Linguistic Studies of the End of the 18th Century – the Beginning of the 20th Century: Development of Language Theory in Systemic Concepts]. Moscow, Izd-vo RUDN. 215 p.

Information About the Authors

Vladimir A. Glushchenko, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Germanic and Slavonic Philology, Donbass State Teachers' Training University, Generala Batyuka St, 19, 84116 Sloviansk, Ukraine, sdpunauka@ukr.net, <https://orcid.org/0000-0002-2394-4966>

Anna S. Orel, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Germanic and Slavonic Philology, Donbass State Teachers' Training University, Generala Batyuka St, 19, 84116 Sloviansk, Ukraine, doncaban@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4077-1614>

Alexander V. Piskunov, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Germanic and Slavonic Philology, Donbass State Teachers' Training University, Generala Batyuka St, 19, 84116 Sloviansk, Ukraine, piskunov.oleksandr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7176-7423>

Информация об авторах

Владимир Андреевич Глушенко, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германской и славянской филологии, Донбасский государственный педагогический университет, ул. Генерала Батюка, 19, 84116 г. Славянск, Украина, sdpunauka@ukr.net, <https://orcid.org/0000-0002-2394-4966>

Анна Сергеевна Орел, кандидат филологических наук, доцент кафедры германской и славянской филологии, Донбасский государственный педагогический университет, ул. Генерала Батюка, 19, 84116 г. Славянск, Украина, doncaban@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4077-1614>

Александр Викторович Пискунов, кандидат филологических наук, доцент кафедры германской и славянской филологии, Донбасский государственный педагогический университет, ул. Генерала Батюка, 19, 84116 г. Славянск, Украина, piskunov.oleksandr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7176-7423>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.10>

UDC 81'272
LBC 81.006.2

Submitted: 01.05.2021
Accepted: 20.12.2021

LANGUAGE SITUATION IN REPUBLICS LOCATED BETWEEN THE VOLGA UPLAND AND THE URAL MOUNTAINS: MAIN TRENDS OF CHANGES¹

Andrey G. Bolshakov

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Midkhat Kh. Farukshin

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The authors make analysis of a language situation in the Russian Federation republics of Bashkortostan, Mari El, Mordovia, Tatarstan, Udmurtia, Chuvashia, situated between the Volga Upland and the Urals, and point to ethnic constituency changes. Two fundamentally opposite tendencies in the regional language policy are distinguished: the need to strengthen dominance of the Russian language and the urge to keep or enhance significance of ethnic minorities' languages. The main trends in the coexistence of the Russian language with the titular ethnic languages in the 21st century are described: strengthening of the Russian language positions against diminution of ethnic minorities' languages functionality; decrease in the rate of titular ethnic representatives who can speak minorities' languages, weakening their role as an ethnic identity marker; shortening the number of schools where ethnic languages are taught; sustained reduction in the number of pupils who learn their republic official languages and ethnic minorities' languages, as well as abridging education programs and academic hours; russification of some representatives of titular ethnic in the republics; ethnic nihilism of national communities against ethnic minority languages; imbalance in language policy pursued by federal and regional (republic) state authorities. Steady decline in the advancement of the languages under study is revealed.

Key words: language, language policy, titular ethnic group, official language, ethnic minorities, language situation, monolinguality, polylinguality.

Citation. Bolshakov A.G., Farukshin M.Kh. Language Situation in Republics Located Between the Volga Upland and the Ural Mountains: Main Trends of Changes. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 2, pp. 123-135. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.10>

УДК 81'272
ББК 81.006.2

Дата поступления статьи: 01.05.2021
Дата принятия статьи: 20.12.2021

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКАХ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЙ¹

Андрей Георгиевич Большаков

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Мидхат Хабибович Фарукшин

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются основные тенденции в развитии языковой ситуации в шести республиках Поволжья и Приуралья: Башкортостане, Марий Эл, Мордовии, Татарстане, Удмуртии, Чувашии. Отмечены изменения в этническом составе населения этих республик. Установлено фундаментальное противоречие, харак-

теризующее языковую ситуацию в них: необходимость укрепления позиций доминантного (русского) языка и стремление сохранить и расширить роль языков этнических меньшинств. Описаны основные изменения в сосуществовании русского языка и языков титульных национальностей этих республик в XXI в.: укрепление позиций русского языка и уменьшение функциональной роли языков титульных национальностей; сокращение доли представителей титульных наций, владеющих родными языками народов, и ослабление роли языка как главного маркера этнической идентичности; сокращение школ с обучением на языках нерусских народов; сокращение охвата образовательными учреждениями количества учащихся, осваивающих государственные языки республик, родные языки народов, населяющих эти республики, а также программ и часов, отведенных на их изучение; русификация части представителей титульных национальностей республик; наличие среди представителей этих национальностей так называемого этноязыкового нигилизма; разбалансированность языковой политики федеральных и региональных (республиканских) органов государственной власти. Установлена стабильно отрицательная динамика в функциональном развитии титульных языков республик Поволжья и Приуралья.

Ключевые слова: язык, языковая политика, титульная этническая группа, государственный язык, этнические меньшинства, языковая ситуация, моноязычие, многоязычие.

Цитирование. Большаков А. Г., Фарукшин М. Х. Языковая ситуация в республиках Поволжья и Приуралья: основные тенденции изменений // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 123–135. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.10>

Введение

Субъекты Российской Федерации имеют как общие с другими субъектами государства проблемы, например, связанные с процессом де-федерализации России, так и специфические, вытекающие из этногосударственной природы республик. Для народов шести республик Поволжья и Приуралья (Башкортостана, Марий Эл, Мордовии, Татарстана, Удмуртии, Чувашии), как, вероятно, и для народов, проживающих на территориях других республик, принципиально важными и весьма чувствительными являются вопросы о языковой ситуации и реальном статусе их государственных, родных языков. Актуальность статьи объясняется необходимостью научного осмысления весьма существенных изменений, которые произошли в языковой политике в Российской Федерации и в республиках Поволжья и Приуралья в 2017–2021 годы.

Материал и методы

Статья основана на результатах сравнительного анализа федерального закона и республиканских законов о языках, федерального закона об образовании в Российской Федерации и республиканских законов об образовании, программ республик о сохранении и развитии языков, программ республик об образовании. Эти документы определяют государственную политику в области языка и язы-

ковых процессов. Используются статистические данные, в том числе информация, предоставленная Министерствами образования указанных республик.

Для получения данных, характеризующих процесс реализации государственной политики в этой области, особое внимание было уделено сбору эмпирического материала посредством социологических процедур и его обобщению. Эмпирическая часть исследования включала опросы экспертов, лидеров общественного мнения, студентов казанских вузов, а также организацию фокус-групп и проведение фрейм-анализа. Эта работа осуществлена группой сотрудников Казанского федерального университета под руководством проф. А.Г. Большакова (одного из авторов настоящей статьи).

Результаты и обсуждение

В статье характеризуются языковые процессы в республиках Поволжья и Приуралья, протекающие на фоне изменений в этническом составе их населения, типичной чертой которых является снижение в большинстве республик доли представителей титульных этнических групп – носителей родного языка. Далее рассматривается соотношение моноязычия и многоязычия как в общем плане, так и применительно к республикам. В заключительной части статьи анализируется современная языковая ситуация в республиках Поволжья и Приуралья.

Изменения в этническом составе республик

Республики Поволжья и Приуралья различаются по многим параметрам. Отметим здесь лишь существенные несходства по этническому составу населения. Это касается в первую очередь численного соотношения представителей титульной национальности и этнических русских в населении каждой республики (табл. 1).

Как видно из приведенных данных, только в двух республиках из шести титульная нация составляет большинство, в других – численный перевес принадлежит русским.

Другая особенность этнического состава населения республик заключается в том, что удельный вес одних титульных наций со временем снижается, других – напротив, возрастает. Приведенные ниже данные относятся к территории соответствующих республик. Так, доля марийцев в составе населения на территории Республики Марий Эл сократилась с 51,4 % в 1926 г. до 41,0 % в 2010 году. Доля удмуртов в снизилась с 53,2 % в 1926 г. до 28 % в 2010 году. Численность мордвы в 1926 г. составляла 1 340 тыс., а в 2010 г. – только 744 тысячи. Обратный процесс происходил в Татарстане: доля татар в составе населения республики возросла с 44,7 % в 1920 г. до 53,2 % в 2010 году.

Особый случай представляет Башкортостан: сравнение данных переписей 1989, 2002 и 2010 г. показывает значительные «скачки» численности татар и башкир (в частности, в 2002 г. по сравнению с 1989 г. численность башкир существенно увеличилась, а татар – снизилась; обратное, но не столь значительное изменение зафиксировала перепись 2010 г.). Данные изменения, по-видимому, являются

результатом административного давления и манипулирования статистической отчетностью с целью продемонстрировать как можно большую численность титульной национальности республики [Габдрафиков, 2017].

Очевидно, все эти изменения в этническом составе населения республик связаны с проблемами рождаемости и смертности, миграции, индустриального и социального развития, объективности проведения переписи в субъектах федерации, ассимиляции, а также другими факторами.

Определяющая черта этнического состава населения республик состоит в том, что все они являются многонациональными и, следовательно, характеризуются языковым многообразием. Так, в Республике Татарстан проживают представители свыше 173 народов. 8 из них являются крупными этносами – каждый насчитывает более 10 тыс. человек. Многонациональный состав населения республик со множеством языков, разумеется, не может не накладывать отпечаток на общую этнополитическую ситуацию в регионе и языковую политику, проводимую федеральными и республиканскими органами государственной власти и управления.

Моноязычие или многоязычие?

В Российском обществе существует фундаментальное противоречие: с одной стороны, наблюдается укрепление, расширение зоны действия и развитие доминантного русского языка как мощнейшей скрепы, обеспечивающей общенациональное единство и солидарность, с другой – заинтересованность народов, носителей других языков в сохране-

Таблица 1. Доля основных этнических групп в населении республики по данным переписи 2010 г. (в %)

Table 1. Share of the main ethnic groups in the population of the republic according to the 2010 census (%)

Республика	Этнические группы		
	Представители титульной нации	Русские	Другие
Башкортостан	29,5	36,0	34,5
Марий Эл	41,0	45,1	13,9
Мордовия	40,0	53,4	6,6
Татарстан	53,2	39,7	7,1
Удмуртия	28,0	62,2	9,8
Чувашия	67,7	26,9	5,4

нии, распространении и развитии родных языков при объективном снижении их роли. Формой выражения указанного противоречия является соотношение моноязычия и многоязычия: в одних республиках, например в Мордовии, русскоязычные жители составляют абсолютное большинство и представлено моноязычие, в других республиках, например в Татарстане, титульная нация составляет большинство населения и представлено двуязычие.

Эта проблема имеет прямое отношение к оценке языковой ситуации, сложившейся в республиках Поволжья и Приуралья и других республиках в составе Российской Федерации.

Мнения ученых о преимуществах и негативных последствиях моноязычия и многоязычия разделились. Сторонники единого языка усматривают ценность моноязычия («лингвистической конвергенции») в его коммуникативной роли: единый язык сближает людей, способствует их солидарности. Самым общим аргументом в пользу единого языка является указание на его ценность в воспитании у людей чувства идентификации с государством. Высказывалось также мнение, что единый язык принес бы мир и привел бы к социальной интеграции. Однако, как справедливо отметил С. Райт, все националисты считают, что нация-государство является идеально моноязычным целым; идеологически национализм требует от гражданина использовать национальный (общегосударственный) язык, чтобы проявлять лояльность; практически экономической, политической и культурной жизнью легче управлять в моноязычной среде [Wright, 2012, p. 64].

По мнению защитников многоязычия, языковая политика должна быть направлена на сохранение возможно большего числа языков мира и возникшие вопросы политики должны иметь дело с тем, какие языки становятся приоритетными и как лучше поступить с сохранением уязвимых языков. Авторы считают, что «мир с большим числом языков, как и мир с большим числом культур, искусств или видов животных, лучше – он более красочный, богатый и интересный» (см., например: [Reaume, Pinto, 2012, p. 39, 40]). В основе этой точки зрения лежит идея об эстетической, интеллектуальной, культурной и даже научной ценности любого языка

как для мира в целом, так и для отдельной группы в частности.

Сторонники многоязычия отвергают аргументы оппонентов, утверждающих, что оно ведет к межэтническим конфликтам, и отстаивают идею о том, что именно утверждение единственного языка за счет подавления других языков создает благоприятную почву для конфликтов. Как отмечал Дж. Саллабанк, подавление языковых прав человека ради национального единства редко приводит к такому единству; напротив, язык может стать символом самоопределения, однако все больше исследователей считают признание языковых прав и факторов этнической идентичности необходимыми для разрешения конфликтов [Sallabank, 2012, p. 111].

В связи с рассматриваемой точкой зрения возникает вопрос: следует ли во имя распространения, внедрения и укоренения доминантного языка ущемлять другие языки? Со ссылкой на многих зарубежных специалистов в научной литературе отмечалось, что большое число исследований свидетельствует об ущербе, причиненном лингвистическим меньшинствам, обычно во имя национального единства [Sallabank, 2012, p. 110]. Вряд ли подлежит сомнению то, что жертва языками этнических меньшинств недопустима независимо от целей, которые при этом преследуются. Ни интеграция гражданской нации, ни защита и укрепление доминирующего языка несовместимы с ограничением личных прав человека, в том числе права пользования родным языком, с утратой даже самого малого языка, а вместе с ним исчезновением его носителя – народа, каким бы малым по численности он ни был.

В связи с этим исключительно важным является поиск баланса между двумя противоположными тенденциями и соответствующей языковой политикой. Однако найти оптимальный способ разрешения этого противоречия пока не удастся.

Языковая ситуация в республиках Российской Федерации

Наиболее существенными общими процессами в сложившейся в республиках языковой ситуации являются: (1) укрепление по-

зиций русского языка и сужение функциональной роли языков титульных национальностей этих республик; (2) уменьшение доли представителей титульных наций, владеющих родными языками, и ослабление роли языка как главного маркера этнической идентичности; (3) сокращение школ с обучением на языках нерусских народов; (4) сокращение охвата образовательными учреждениями количества учащихся, изучающих государственные языки республик, родные языки народов, населяющих эти республики, как и сокращение программ и часов, отведенных на их изучение; (5) русификация части представителей титульных национальностей республик; (6) наличие среди части представителей этих национальностей так называемого этноязыкового нигилизма, выражающегося в пассивном отношении или даже игнорировании родного языка; (7) воздействие разбалансированности федеральной языковой политики и языковой политики республик.

Ослабление позиций государственных языков республик и родных языков этнических меньшинств проявляется в разных показателях. Один из них – типичное почти для всех республик Поволжья и Приуралья увеличение доли представителей титульных национальностей, не владеющих языком своей нации. Об этом свидетельствуют взятые в динамике данные проводившихся в СССР и постсоветской России переписей населения (табл. 2).

Тенденция сокращения количества владеющих родным языком продолжала действовать и после переписи 2010 года. Так, по ре-

зультатам микропереписи 2015 г. чувашским языком владели 52,6 % респондентов, в повседневной жизни пользовались 42,4 %, родным считали 47,9 % респондентов [Почему чувашки..., 2016]. Правда, в 2017 г. произошел трудно объяснимый скачок количества владеющих чувашским языком с 52,6 % в 2015 г. до 78,2 % в 2017 году.

Другой показатель касается изучения родных языков в сфере образования. Государственные языки республик, а также другие родные языки народов, проживающих на их территориях, изучаются в качестве самостоятельных предметов. Кроме того, существует система образовательных организаций (национальные школы), в которых ведется преподавание и обучение на родном языке. Общей тенденцией является сокращение из года в год количества таких школ (вплоть до того, что, например, в Удмуртской Республике не осталось ни одной школы с преподаванием на удмуртском языке) и количества учащихся, изучающих языки нерусских народов как самостоятельный предмет.

В Республике Башкортостан после языковой реформы и изменения федерального законодательства в 2018/19 учебном году башкирский язык как родной выбрали 15,6 % школьников. В то же время 75 % родителей (данные сентября 2017 г.) выбрали изучение башкирского языка как государственного.

На начало 2018/19 учебного года в общеобразовательных организациях Республики Марий Эл картина изучения языков выглядела следующим образом: русский язык – охват обучающихся составляет

Таблица 2. Количество представителей титульных национальностей, считающих родным язык своей этнической группы (в % к общей численности представителей соответствующей титульной национальности)

Table 2. Number of representatives of titular nationalities that consider their ethnic group language native (in % to the total of titular nationality representatives, respectively)

Титульная национальность	Год					
	1926	1959	1970	1979	1989	2010
Башкиры	н/д	61,9	66,2	67,0	72,3	71,5
Марийцы	н/д	95,1	91,2	87,7	80,8	70,6
Мордва	н/д	78,1	77,8	72,6	67,1	59,0
Татары	98,9	92,1	89,2	85,9	83,6	79,1
Удмурты	н/д	89,1	82,6	76,4	69,6	62,0
Чуваши	н/д	90,8	86,9	81,7	76,4	71,0

Примечание. Составлено по: [Kaiser, 1994, p. 266–267; Окончательные итоги..., 2010].

100 %; марийский (родной) язык – 10,4 % от общего количества обучающихся; марийский (государственный) язык – 47,3 %²; марийский (государственный) язык интегрировано с историей и культурой народов Марий Эл – 27,4 %. Поскольку в ближайшее время изменения в федеральной языковой политике вряд ли возможны, то ситуация в Марийской Республике, вероятно, не будет существенно меняться.

Для языковой ситуации в Мордовии особенно характерно повсеместное использование русского языка. Как показано А.В. Мартыненко, он является языком науки и высшего образования, за исключением отделений родного языка на филологических факультетах вузов республики. В административной сфере фактически используется только русский, а роль двух других государственных языков Республики Мордовии в местном делопроизводстве весьма символична [Мартыненко, 2020].

Численное превосходство русского населения объективно привело к тому, что русские в Мордовии в абсолютном большинстве не ощущают потребности изучать и знать мордовские языки, а в смешанных «русско-мордовских» семьях «безраздельно господствует» русский язык, и дети от таких браков зачастую говорят только на русском.

В республике в целом отчетливо проявляется тенденция снижения количества учащихся, изучающих мокшанский и эрзянский языки (табл. 3).

В Республике Татарстан, по данным Министерства образования и науки, динамика сокращения числа образовательных организаций с татарским языком обучения выглядит следующим образом: в 2016/17 учеб-

ном году их было 742 (из них 206 филиалов); в 2017/18 учебном году – 714 (из них 192 филиала); в 2018/19 учебном году – 702 (из них 187 филиалов); в 2019/20 учебном году – 679 (из них 162 филиала). Всего за 25 лет число школ с обучением на татарском языке сократилось с 2 394 в 1995/96 учебном году до 679 в 2019/20 учебном году, при этом с 10–11-летним обучением на татарском языке сегодня не осталось ни одной школы! Как отмечает Г. Залялова, обучением и воспитанием на татарском языке в школах охвачено лишь 25 % детей-татар, при этом даже в таких условиях учащиеся в массе не проходят аттестацию на родном языке [Залялова, 2020].

Как и в других республиках, происходит сокращение количества школ с преподаванием на родном чувашском языке в Чувашии: 416 в 2002 г., 223 в 2019 году. На чувашском языке (до 5 класса включительно) обучались 51,2 % школьников. Сокращается и число учащихся, изучающих чувашский язык и как родной, и как государственный язык республики. Например, число обучающихся, изучавших чувашский язык как родной, сократилось с 84,1 % в 2017/18 учебном году до 54,9 % в 2018/19 учебном году, то есть на одну треть. За этот же период число учеников, изучавших чувашский язык как государственный, сократилось с 55,1 % до 36,6 %.

Одна из проблем, негативно влияющих на изучение государственных языков республик, состоит в отсутствии итоговой государственной аттестации по этим языкам. Например, в Республике Башкортостан по данным, опубликованным Н.Г. Искужиной, итоговый экзамен (ЕРЭ) по башкирскому языку был введен в 2008 г., но он не был обязательным: его сдавали лишь те школьники, которые в

Таблица 3. Количество обучающихся, изучающих мокшанский и эрзянский языки в мордовских образовательных организациях в абсолютных цифрах и в процентном отношении к общему количеству обучавшихся в соответствующем году (в абсолютных цифрах и в %)

Table 3. Number of pupils that learn Moksha and Erzya languages in Mordovian educational organizations in absolute numbers and in percentage to total number of students in corresponding year (in absolute numbers and %)

Язык	Год		
	2017	2018	2019
Мокшанский	20 719 (18,5 %)	16 584 (14,5 %)	16 909 (14,5 %)
Эрзянский	21 382 (19,5 %)	19 682 (17,2 %)	19 065 (16,2 %)

дальнейшем предполагали изучать башкирский язык и литературу [Искужина, 2014, с. 222].

Как показано А.В. Мартыненко, Министерство образования Мордовской Республики рекомендовало школам включать в учебные программы изучение одного из мордовских языков либо на «безотметочной» основе, либо с оценкой по двухбалльной шкале («хорошо» и «отлично») [Мартыненко, 2020, с. 196–205]. По данным, представленным Г. Заляловой, в Республике Татарстан в 2018/19 учебном году количество учеников в общеобразовательных организациях с обучением на татарском языке составило 69 997 человек. При внешнем благополучии аттестацию на родном языке проходило 60 человек [Залялова, 2020, с. 3].

Следует также признать, что, как свидетельствуют проведенные группой исследователей Казанского университета опросы экспертов и лидеров общественного мнения, в Республике Татарстан итоговое тестирование по татарскому языку в 9-м классе школ с обучением на русском языке создавало дополнительное напряжение у русскоязычных родителей и учеников (включая некоторых городских татар), так как оценка по «неродному» языку могла влиять на средний балл аттестата и возможность продолжить обучение в 10 классе. В условиях роста имперских настроений на федеральном уровне введение аттестации по татарскому языку стало одним из катализаторов поворота федеральной языковой политики в 2017 году. Неслучайно Прокуратура Республики Татарстан после проверки школ констатировала: «Были установлены нарушения прав и свобод на добровольное изучение родных языков и государственного языка республики с навязыванием незаконных итоговых тестирований, влиявших как на перевод в 10-й класс, так и на средний балл аттестата» [Прокурор..., 2017].

Таким образом, общими чертами, характеризующими изменение ситуации с изучением языков титульных национальностей республик, являются: (а) сокращение количества национальных школ, уменьшение в них продолжительности обучения на родном языке и превращение в школы «с этнокультурным компонентом»; (б) уменьшение числа учащихся, изучающих эти языки в качестве самостоя-

тельного предмета; (в) практически отсутствие обычных итоговых экзаменов по названному родным языкам.

Во всех рассматриваемых республиках заметно усиление русификации. Так, по-видимому, можно говорить о нарастающей ассимиляции удмуртов, которая выражается в нисходящей тенденции владения и использования удмуртского языка, усилении позиций русского монолингвизма среди удмуртов, особенно в городах. Почти треть удмуртов считает родным языком русский язык. Уменьшение функциональной роли республиканского государственного языка, хотя и в разной степени, можно наблюдать и в других республиках.

При этом следует отметить один важный факт: когда огромная часть населения овладевает и пользуется русским языком – это не русификация, а естественное для нашей страны явление. Русификация обозначает процесс, в котором человек, не будучи этнически русским, теряет свою прежнюю этническую идентичность и социализируется или ресоциализируется, идентифицируется в контексте русского языка и русской культуры. Если русификация имеет место без принуждения, а происходит стихийно или в результате сознательного выбора человека, то она никак не связана с дискриминацией. В случае же насильственной ассимиляции ее сторонники могли бы получить такой же результат, как в императорской России, о чем писал Павленко: неуклюжая политика русификации имела обратный результат – возрастание национальной идентичности, она создала предварительные условия для мобилизации национальных движений, которые обернулись против империи [Pavlenko, 2013, p. 265]. Связано это было с принудительной русификацией, курс на которую получил, в частности, отражение в таком документе, как правила «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев», принятые в России в 1870 году. В них говорилось, что «конечной целью образования инородцев, живущих в пределах нашего отечества, бесспорно, должно быть их полное обрусение и слияние с русским народом» (цит. по: [Акишин, 2016, с. 63]).

В языковой политике важно учитывать, что ассимиляция и утрата родного языка – это, прежде всего, не лингвистический вопрос.

По мнению У. Шмидта, эти процессы связаны с неравным распределением властных полномочий внутри государства, давлением со стороны государственной власти и социально-экономическими условиями [Schmidt, 2008, p. 11, 12].

Негативной особенностью языковой ситуации в республиках Поволжья и Приуралья является так называемый этноязыковой нигилизм, означающий игнорирование или даже пренебрежение частью этнической группы родным языком, отказ пользоваться им. Такое отношение к языкам титульных национальностей типично для значительного числа их носителей. Так, особенностью языковой ситуации в Чувашской Республике называется то, что, хотя представители титульной национальности составляют внушительное большинство в населении республики, значительная их часть охвачена процессом русификации и не идентифицирует себя как носителей чувашского языка (см. об этом: [Marquardt, 2012, p. 128]). По некоторым подсчетам, проводившимся в отдельные годы, эта часть доходила до 40 %. Причина, видимо, в том, что «в глазах граждан снижается статус чувашского языка и растут сомнения в его практической ценности» [Алос-и-Фонт, 2015, с. 45]. Однако важно уточнить, что неприятие определялось не отношением к чувашскому языку как таковому, а отсутствием, например, по мнению родителей, перспектив в его использовании и трудностями в изучении в русскоговорящей среде [Бойко, Долгова, Харитонова, 2019, с. 81–85].

В Республике Марий Эл отношение населения и, прежде всего, титульной нации к укреплению и распространению государственного языка республики можно признать неоднозначным. Значительная часть современных марийцев русифицирована. Различные исторические периоды, включая постсоветский, способствовали тому, что часть марийцев не видит в качестве приоритетной ценности для себя изучение языка своего народа. Однако есть и другая часть этнических марийцев, которая считает важной задачу сохранения родного языка.

В Республике Удмуртия, по данным исследования 2015 г., лишь в четверти семей говорят только на удмуртском языке. Преобладающий язык общения с детьми в удмурт-

ских семьях – русский. Дети не в достаточной степени мотивированы дома осваивать национальный язык. Доля родителей, верящих, что знание удмуртского языка поможет в карьере ребенка, невелика. Позиция обязательного изучения удмуртского языка оспаривается не менее представительной установкой на его изучение лишь всеми желающими детьми. Последняя наиболее распространена среди родителей (из-за загруженности старшеклассников, невостребованности языка, отсутствия льгот при поступлении в вузы).

В Башкортостане языковая политика, направленная на повышение статуса башкирского языка, поддерживаемая значительной частью башкир, натолкнулась на пассивное неприятие со стороны не только большинства небашкирского населения республики, но и некоторых башкир. По данным Е.М. Арутюновой, за преподавание башкирского языка как предмета, обязательного для всех, в июле 2017 г. высказалось 23 % респондентов-башкир и еще 16 % поддержали обязательность его преподавания при условии, что на этот предмет будет отведено меньше часов [Арутюнова, 2019, с. 24]. Показательно также, что в Башкортостане только на башкирском языке в семье говорили, по данным опроса 2011–2012 гг., 36 % башкир; на работе общались только на башкирском языке 14 % башкир.

Многие явления, характеризующие языковую ситуацию в республиках Поволжья и Приуралья связаны с разбалансированностью языковой политики федерального центра и республик. При всех демографических, этнических и иных характеристиках населения той или другой республики решающее влияние на положение в сфере языка оказывает государственная языковая политика. Она во многом, если не безраздельно, определяет языковую ситуацию в стране, ее динамику и перспективы. От этой политики в значительной степени зависят судьбы национальных языков.

Как отмечалось в научной литературе, языковая политика определяет, в частности, образовательную политику, которая может игнорировать или даже исключать местные языки, привести к недостатку признания или политического представительства, запрещать использование языков меньшинств в публичной жизни [Sallabank, 2012, p. 104]. Политика

может быть направлена на ограничение сфер использования языков. Она же может сыграть положительную роль, поддерживая языковое многообразие.

При законодательном регулировании языковых процессов в стране не всегда учитываются интересы нерусских народов, заключающиеся в сохранении, изучении и развитии их языков. Удаление из федеральных государственных образовательных стандартов национально-регионального компонента, введение добровольности изучения государственных языков республик, сокращение преподавания родного языка до 2 часов в неделю, ограничение обучения на родном языке только до 9 класса включительно, несомненно, нанесли ущерб позициям и распространению национальных языков, кроме русского, а также их престижу.

Согласно Федеральному закону «О языках народов Российской Федерации», к ведению федеральной власти относится «содействие развитию государственных языков республик», однако в течение последних 20 лет не было принято ни одного нормативно-правового акта, который содействовал бы реализации этого положения. Республиканские власти в рамках своих довольно узких полномочий по языковым вопросам приняли несколько законов, программ, концепций, но часто не обеспечивали их реализацию. Допускались и серьезные ошибки, приводившие к конфликтным ситуациям. К ним относится введение в нескольких республиках (Башкортостане, Татарстане) обязательного изучения государственного языка республики всеми учащимися школ независимо от национальной принадлежности без широкого общественного обсуждения и без достаточной методической и кадровой подготовки. В то же время нельзя не отметить: многое, что могли бы предпринять республиканские власти для сохранения, расширения сферы использования и дальнейшего развития государственных, родных языков, они не в состоянии сделать из-за жестких ограничений, наложенных федеральной властью в сфере управления языковыми процессами.

Приведем пример. Министерства образования республик лишены права самостоятельно решать вопросы издания учебной литературы на национальных языках, поскольку

выдачей лицензий на публикацию литературы на родных языках занимается федеральное Министерство просвещения. Чтобы включить учебники по родному языку и литературе и по другим предметам на национальном языке в федеральный перечень, нужно пройти сложную процедуру: 1) получить у Министерства просвещения Российской Федерации лицензию; 2) представить учебник или учебное пособие в Москву, при этом организовав перевод этих изданий на русский язык; 3) провести общественную экспертизу учебника. Более того, как свидетельствует опыт Республики Татарстан, Рособрудзор стал требовать от преподавателей родного языка перевода программ и учебной документации по татарскому языку на русский язык.

Без снижения уровня преподавания и обучения вполне можно было бы передать вопросы образования на языках титульных национальностей (они же государственные языки республик) на региональный уровень. С одной стороны, это освободило бы федеральные структуры от некоторых функций при сохранении функции контроля, с другой – повысило бы самостоятельность региональных властей в организации обучения на родном языке и, следовательно, ответственность за состояние этого языка.

Без пересмотра и некоторого перераспределения полномочий в сфере управления языковыми процессами невозможно улучшить положение языков нерусских народов и государственных языков республик. Нужна децентрализация с целью расширения полномочий республик и, прежде всего, в организации обучения и воспитания в образовательных учреждениях с преподаванием на государственном (родном для титульной национальности) языке республики.

Заключение

Как показало проведенное исследование, языковая ситуация в республиках Поволжья и Приуралья отражает больше проблем, чем решений. По разным причинам объективного характера (в первую очередь из-за существенно различающейся значимости инструментальной роли русского языка и других языков народов Российской Федерации) задача оста-

новить процесс свертывания функций и сужение сферы действия национальных языков представляется трудноразрешимой. Ряд народов сталкивается с проблемой умирания своего языка и необходимостью ее предотвращения. Из языков титульных этнических групп в республиках Поволжья и Приуралья чувашский язык отнесен ЮНЕСКО к числу находящихся в состоянии выживания, а марийский и удмуртский языки включены в категорию находящихся под угрозой вымирания.

Для сохранения и развития языка требуются огромные усилия, прежде всего, со стороны самой этнической группы – носителя языка. Принятие в шести республиках программ сохранения и развития языков, безусловно, нужный и своевременный шаг. Однако сегодня очевидно, что их выполнение часто дается с трудом.

Интересы сохранения и расширения сферы применения языков требуют, по единодушному мнению экспертов, улучшения ситуации с изучением родных языков в дошкольных учреждениях и в системе среднего образования. Для этого необходимы расширение и повышение качества подготовки учителей, преподающих родной язык и литературу, а также учителей, способных преподавать другие общеобразовательные предметы на национальных языках. Другой, не менее важной мерой является всестороннее совершенствование методики преподавания родных языков.

Требуется совершенствование на федеральном и региональном уровнях нормативно-правовой базы языковой политики как в плане более полного использования возможностей, открытых федеральным законодательством, так и в аспекте корректировки распределения предметов ведения и полномочий между федеральной властью и властями республик в сфере языка и языковой политики.

Выявленная в результате исследований языковая напряженность в быту может быть преодолена посредством качественной медийной политики и политики гражданского просвещения. Только в случае эффективной работы региональных СМИ может сформироваться атмосфера понимания необходимости билингвизма, а не просто диглоссии. Необходимо изменение общей идеологической концепции региональных национальных СМИ:

не просто «на языке», но и «о языке» и «для обучения языку», смена формата с «поставщика информации» на «институт гражданского просвещения».

В процессе овладения языками первичной является языковая среда в семье и вторичной – система образования. Большинство респондентов отметили в качестве основных субъектов формирования языковой среды семью и сельские общности. В обоих случаях в цепочке языковой преемственности «бабушки / дедушки – родители – дети» слабым звеном выступает поколение родителей: им уже негде обучаться языку и нет его знания, достаточного для того, чтобы передавать детям. Преодоление этого возможно путем создания креативных просветительских пространств, где вне зависимости от возраста и этнической принадлежности люди смогут общаться на национальном языке, повышать уровень владения им и развивать коммуникативные навыки.

Большинство респондентов отмечают, что при любом количестве часов на изучение того или иного языка в школах фактором преодоления проблемы выступает мотивация обучающихся: если у учащегося нет желания (мотива) учить язык, то не помогут и ежедневные уроки, если учащийся мотивирован на применение изучаемого языка, то он и при минимальном количестве часов получает знания.

Согласно опросам как экспертов, так и студентов, не обнаруживается негативного отношения русскоязычного населения к национальным языкам республик и нерусских к русскому языку. Исходя из этого, представляется целесообразным дифференцировать мероприятия по популяризации национальных языков для носителей и неносителей языка с целью привлечения внимания к языковой проблеме всех жителей республик.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ При подготовке статьи использованы материалы и данные, полученные исследовательской группой в составе А.Г. Большакова, А.В. Иванова, Л.Р. Низамовой, А.Н. Нурутдиновой, Е.В. Храмовой, участников научного проекта «Конфликтогенные факторы в сфере языка и языковой политики в республиках Поволжья и Приуралья: идентифика-

ция, технология прогнозирования и предупреждение конфликтов» (руководитель М.Х. Фарукишин), реализуемого в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований РАН по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг.».

² Для понимания данных эксперта Н.Н. Глухой важно то, что речь идет об обучении двум школьным предметам: «Марийский язык и литература» (марийский государственный язык) и «Родной язык» (марийский родной язык). Марийский язык, безусловно, является единым языком, но школьные предметы и их содержание отличаются.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алос-и-Фонт Э., 2015. Преподавание чувашского языка и проблема языкового поведения родителей // Научные доклады. Чебоксары : ЧГИГН. Вып. 20. С. 3–56.
- Акишин М. О., 2016. Государственный и юридические языки Российской империи XIX века // Genesis: исторические исследования. № 5. С. 56–73.
- Арутюнова Е. М., 2019. Выступление на заседании Ученого Совета ФНИСЦ РАН 27 марта 2019 г. // Ученые записки Центра фундаментальных научных исследований РАН / отв. ред. М.К. Горшков. М. : ФНИ СЦ РАН. С. 19–25.
- Бойко И. И., Долгова А. П., Харитонов В. Г., 2019. Опыт языковой политики в Чувашии: день сегодняшний и ретроспектива 1990-х // Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этностатистика / под ред. М. Ю. Мартыновой, В.В. Степанова. М. : ИЭА РАН. С. 81–89.
- Габдрафиков И. М., 2017. Феномен Башкортостана: от «трагической демографии» к «закономерной реконфигурации численности» // Этнографическое обозрение. № 5. С. 116–124.
- Заялова Г., 2020. Человек не приемлет насилия // Звезда Поволжья. 19 мая.
- Искужина Н. Г., 2014. Языковая ситуация в городах Республики Башкортостан (социолингвистический аспект) : дис. ... д-ра филол. наук. Уфа. 393 с.
- Мартыненко А. В., 2020. Языковая ситуация в Республике Мордовия: основные тенденции развития // Вестник антропологии. № 3. С. 196–205.
- Окончательные итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. URL: u/free_doc/new_site/peredpis2010/croc/documents/vol14/pub-04-06.pdf (дата обращения: 30.04.2021).

Почему чуваша не говорят по-чувашски? Интервью Р. Сафина с Э. Алос-и-Фонтом, 2016 // Idel.Реалии. 4 окт.

Прокурор Татарстана о нарушениях в преподавании языков: полный текст выступления, 2017 // Казань24.ru. 29 нояб. URL: <https://kazan24.ru/news/politics/prokuror-tatarstana-o-narusheniyah-v-prepodavanii-yazykov-polnyj-tekst-vystupleniya> (дата обращения: 25.11.2020).

Kaiser R. J., 1994. The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. Princeton, NJ : Princeton University Press. P. 266–267.

Marquardt K. L., 2012. Stabilization and Symbolism: Language and Regional Politics in the Chuvash Republic // Nationalities Papers. Vol. 40, № 1. P. 127–147.

Pavlenko A., 2013. Multilingualism in Post-Soviet Successor States // Language and Linguistics Compass. Vol. 7, iss. 4. P. 262–271.

Reaume D., Pinto M., 2012. Philosophy of Language Policy // The Cambridge Handbook of Language Policy / ed. by B. Spolsky. Cambridge : Cambridge University Press. P. 37–57.

Sallabank J., 2012. Diversity and Language Policy for Endangered Languages // The Cambridge Handbook of Language Policy / ed. by B. Spolsky. Cambridge : Cambridge University Press. P. 100–123.

Schmidt U., 2008. Language Loss and the Ethnic Identity of Minorities. ECMI Issue Brief. № 18. Nov. P. 11–12.

Wright S., 2012. Language Policy, the Nation and Nationalism // The Cambridge Handbook of Language Policy / ed. by B. Spolsky. Cambridge : Cambridge University Press. P. 59–78.

REFERENCES

- Alos-i-Font E., 2015. Prepodavanje chuvashskogo yazyka i problema yazykovogo povedeniya roditeley [Teaching Chuvash Language and Problem of Language Behavior of Parents]. *Nauchnye doklady* [Scientific Reports]. Cheboksary, ChGIGN, iss. 20, pp. 3–56.
- Akishin M.O., 2016. Gosudarstvennyy i yuridicheskie yazyki Rossiyskoy imperii XIX veka [State and Legal Languages of Russian Empire of 19th Century]. *Genesis: istoricheskie isslehdovaniya*, no. 5, pp. 56–73.
- Arutyunova E.M., 2019. Vystuplenie na zasedanii Uchenogo Soveta FNISTs RAN 27 marta 2019 g. [Speech at Meeting of Scholar Council of FNISPTs RAS, March 27, 2019]. Gorshkov M.K., ed. *Uchenye zapiski Tsentra fundamentalnykh*

- nauchnykh issledovaniy RAN*. Moscow, FNI STs RAN, pp. 19-25.
- Boyko I.I., Dolgova A.P., Kharitonova V.G., 2019. Opyt yazykovoy politiki v Chuvashii: den' segodnyashniy i retrospektiva 1990-kh [Experience of Language Policy in Chuvashii: Today and in Retrospect of 1990s]. Martinova M.Yu., Stepanov V.V., eds. *Izmerenie kulturnogo mnogoobraziya. Yazykovaya situatsiya, perepisi, polevaya etnostatistika* [Measurement of Cultural Plurality. Language Situation, Censuses, Field Ethnographic]. Moscow, IEA RAN, pp. 81-89.
- Gabdrafikov I.M., 2017. Fenomen Bashkortostana: ot «tragicheskoy demografii» k «zakonomernoy rekonfiguratsii chislennosti» [Phenomenon of Bashkortostan: "From Tragic Demography" to "Natural Population Reconfiguration"]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], no. 5, pp. 116-124.
- Zalyalova G., 2020. Chelovek ne priemlet nasiliya [Human Being Does Not Tolerate Violence]. *Zvezda Povolzhya*, 2020, May 19.
- Iskuzhina N.G., 2014. *Yazykovaya situatsiya v gorodakh Respubliki Bashkortostan (sotsiolingvisticheskiy aspekt): dis. ... d-ra filol. nauk* [The Linguistic Situation in the Cities of the Republic of Bashkortostan (Sociolinguistic Aspect). Dr. philol. sci. diss.]. Ufa. 393 p.
- Martynenko A.V., 2020. Yazykovaya situatsiya v Respublike Mordoviya: osnovnye tendentsii razvitiya [Language Situation in Mordovia: Main Tendencies of Development]. *Vestnik antropologii* [Herald of Anthropology], no. 3, pp. 196-205.
- Okonchatel'nye itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 g* [Final Results of the 2010 All-Russian Population Census]. URL: [u/free_doc/new_site/perepis2010/croc/documents/vol4/pub-04-06.pdf](http://free_doc/new_site/perepis2010/croc/documents/vol4/pub-04-06.pdf) (accessed 30 April 2021).
- Pochemu chuvashi ne govoryat po-chuvashski? Interv'yū R. Safina s E. Alos-i-Fontom [Why Don't the Chuvash Speak Chuvash? R. Safin's Interview with E. Alos i Font], 2016. *Idel. Realii*, October 4.
- Prokuror Tatarstana o narusheniyakh v prepodavanii yazykov: polnyy tekst vystupleniya [Tatarstan Prosecutor on the Violations in Teaching of Languages. Full Speech], 2017. *Kazan'24.ru*, November 29. URL: <https://kazan24.ru/news/politics/prokuror-tatarstana-o-narusheniyah-v-prepodavanii-yazykov-polnyj-tekst-vystupleniya> (25 November 2020).
- Kaiser R.J., 1994. *The Geography of Nationalism in Russia and the USSR*. Princeton, NJ, Princeton University Press, pp. 266-267.
- Marquardt K.L., 2012. Stabilization and Symbolism: Language and Regional Politics in the Chuvash Republic. *Nationalities Papers*, vol. 40, no. 1, pp. 127-147.
- Pavlenko A., 2013. Multilingualism in Post-Soviet Successor States. *Language and Linguistics Compass*, vol. 7, iss. 4, pp. 262-271.
- Reaume D., Pinto M., 2012. Philosophy of Language Policy. Spolsky B., ed. *The Cambridge Handbook of Language Policy*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 37-57.
- Sallabank J., 2012. Diversity and Language Policy for Endangered Languages. Spolsky B., ed. *The Cambridge Handbook of Language Policy*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 100-123.
- Schmidt U., 2008. Language Loss and the Ethnic Identity of Minorities. *ECMI Issue Brief*, no. 18, November, pp. 11-12.
- Wright S., 2012. Language Policy, the Nation and Nationalism. Spolsky B., ed. *The Cambridge Handbook of Language Policy*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 59-78.

Information About the Authors

Andrey G. Bolshakov, Doctor of Sciences (Politology), Associate Professor, Head of the Department of Conflictology, Kazan Federal University, Kremlevskaya St, 18, 420008 Kazan, Russia, bolshakov_andrei@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5036-000X>

Midkhat Kh. Farukshin, Doctor of Sciences (Philosophy), Honored Scientist of Russian Federation, Adviser Professor, Department of Politology, Kazan Federal University, Kremlevskaya St, 18, 420008 Kazan, Russia, Midkhat.Farukshin@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0004-4559>

Информация об авторах

Андрей Георгиевич Большаков, доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой конфликтологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008 г. Казань, Россия, bolshakov.andrei@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5036-000X>

Мидхат Хабибович Фарухшин, доктор философских наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор-консультант кафедры политологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008 г. Казань, Россия, Midkhat.Farukshin@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0004-4559>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.11>

UDC 81'42:(070:616-036.21)
LBC 81.055.51.5

Submitted: 19.10.2021
Accepted: 20.12.2021

FIGURATIVE FRAMING AROUND PANDEMIC DISCOURSE: FROM METAPHORICAL WARS ON CORONAVIRUS TO WARS ON ANTI-VAXXERS

Inna V. Skrynnikova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Tatiana N. Astafurova

Volgograd State University, Volgograd, Russia;
Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia

Abstract. The current paper deals with metaphorical framing of the COVID-19 pandemic and public response to it in the public and media discourse. Being one of the most dramatic global challenges of the third Millennium, the COVID-19 pandemic spurred transformation in social order, economic/business relationships and dramatic growth in social anxiety and tensions, mistrust and discriminatory measures. It has inevitably found its reflection in language and related discursive practices, which rely heavily on discourse metaphors. When being systematically employed, they affect people's views of events, situations and decisions they subsequently make. The present paper focuses primarily on the COVID-induced discourse changes that create new metaphorical framings and re-shape the familiar ones. The repertoire of elicited discourse metaphors framing the coronavirus discourse communicates the changing combating strategies referred to by the authors as globalist, nationalist and discriminatory. By drawing on specially compiled subcorpus of public and media texts, the paper reveals the conceptual and inferential structure of the concept of the COVID-19 pandemic and discusses the possible implications of activating various pandemic-related frames. The study stresses that the discursive construction of the coronavirus pandemic mirrors the dynamic nature of the pandemic itself as well as the measures to combat the insidious virus taken by national governments, the spread of misinformation and fake news as well as the split in the society and discrimination of certain groups (vaccine deniers/anti-vaxxers). Acknowledging the prevalence of military metaphors in the pandemic-related discourse, the authors claim that metaphorical framing serves as a crucial conceptual tool to communicate the gradual transition from war on COVID-19 to war of vaccines and ultimately to war on out-groups (vaccine deniers, anti-vaxxers).

Key words: metaphor, metaphorical framing, public discourse, media discourse, globalist strategy, nationalist strategy, discriminatory strategy.

Citation. Skrynnikova I.V., Astafurova T.N. Figurative Framing Around Pandemic Discourse: From Metaphorical Wars on Coronavirus to Wars on Anti-Vaxxers. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 2, pp. 136-148. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.11>

УДК 81'42:(070:616-036.21)
ББК 81.055.51.5

Дата поступления статьи: 19.10.2021
Дата принятия статьи: 20.12.2021

ОБРАЗНЫЙ ФРЕЙМИНГ ДИСКУРСА ПАНДЕМИИ: ОТ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ВОЙН С КОРОНАВИРУСОМ ДО ВОЙН С АНТИПРИВИВОЧНИКАМИ

Инна Валериевна Скрынникова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Татьяна Николаевна Астафурова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия;
Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье исследуется конструирование дискурса пандемии COVID-19 посредством метафорического фрейминга и общественной реакции на нее, отраженной в публичном и медийном дискурсах. Являясь одним из самых серьезных глобальных вызовов третьего тысячелетия, пандемия коронавируса ускорила трансформацию общественного порядка, экономических / деловых отношений и рост социальной тревожности и напряженности, недоверия и дискриминации определенных слоев общества. Это неизбежно нашло отражение в языке и связанных с ним дискурсивных практиках, в значительной степени опирающихся на дискурсивные метафоры, которые при систематическом использовании трансформируют взгляды людей на события и принимаемые впоследствии решения. В статье делается акцент на изменениях в навязанном коронавирусом дискурсе, которые способствуют возникновению новых и преобразованию известных типов метафорического фрейминга. Предложена классификация варьирующихся стратегий борьбы с пандемией (глобалистских, националистических и дискриминационных), передаваемых репертуаром извлеченных дискурсивных метафор, конструирующих дискурс коронавируса. На материале специально составленного подкорпуса русскоязычных и англоязычных публичных и медийных текстов раскрывается концептуальная и инференциальная структуры концепта пандемии COVID-19 и демонстрируются возможные последствия активизации различных связанных с пандемией фреймов. Показано, что дискурсивное конструирование пандемии коронавируса отражает ее динамичный характер, а также меры борьбы с вирусом, принимаемые национальными правительствами, распространение дезинформации и фейковых новостей, а также раскол в обществе и дискриминацию отдельных групп (антипрививочников). Выявив преобладание военных метафор в дискурсе пандемии, авторы утверждают, что метафорический фрейминг служит важнейшим концептуальным инструментом для сообщения о постепенном переходе от войны с ковидом к войне вакцин и в итоге к войне с «чужаками» (антипрививочниками).

Ключевые слова: метафора, метафорический фрейминг, публичный дискурс, медийный дискурс, глобалистская стратегия, националистическая стратегия, дискриминационная стратегия.

Цитирование. Скрынникова И. В., Астафурова Т. Н. Образный фрейминг дискурса пандемии: от метафорических войн с коронавирусом до войн с антипрививочниками // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 136–148. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.11>

Introduction

The pandemic caused by the new COVID-19 virus is considered to be one of the most dramatic global challenges of the third millennium, which spread worldwide within several months and marked a new era in which the coronavirus rules. Though COVID-19 is primarily a biological phenomenon which is being actively studied within the framework of biology, medicine and contiguous natural sciences, its impact is by no means reduced solely to health care as it unprecedentedly “intoxicated” all spheres of life. COVID-19 pandemic spurred a crisis and transformation in social order, economic and business relationships and provoked severe restrictions on travelling globally. It was followed by the dramatic growth in social anxiety and tensions, closed borders, ongoing debates about vaccines and their effectiveness, the resulting mistrust and various sorts of discriminatory measures.

In all times any social turmoil has inevitably found its reflection in language, its lexicon and phraseology, giving rise to new words, word-

combinations and metaphors. In the course of the current pandemic, human language and discursive practices were the first to react to the new global reality in all aspects of social life: politics, economics, education, international and social relations, forms of communication and mass media. These days, the linguistic consciousness and related discursive practices are being enriched with new words, word-combinations and neologisms (*коронавирус – coronavirus, пандемия – pandemic, самоизоляция – self-isolation, антипрививочники – anti-vaxxers, ковидиоты – covidiot, карантин – quarantine*, etc.), that reflect new cognitive models, concepts and metaphorical frames, which indicate significant changes in peoples’ world views [Zaitseva, 2020].

Since its inception in the late 2019, the COVID-19 pandemic has long pervaded not only what we are talking about on a daily basis but also the ways we talk about it. The pandemic gave rise to numerous neologisms due to their fast spread and circulation in social networks and public media, which, in its turn, spurred new collocations and phrases, changing the meaning

of existing words [Shmeleva, 2021], borrowing medical jargon into general language and generating a myriad of metaphorical framings of the coronavirus discourse. Metaphors are frequently applied to refer to different aspects of diseases, their outbreak, symptoms and treatment. The high relevance of the metaphorical framing is particularly obvious in health-related discourse, as it can impact patients' general wellbeing [Sontag, 1979; Semino, 2017].

Metaphor as a fundamental way of thinking and reasoning has been pervasive in understanding a wide range of human experiences such as time, causation, events, emotions, self, morality, and disease. Its effects on the ways we see major societal issues have been long attested in cognitive science, psycholinguistics and related fields [Gibbs, 2012; Kovecses, 2020; Lakoff, Johnson, 2003].

Taking a closer look at the pandemic discourse, the authors found that metaphorical narratives, which have been unfolding around COVID-19, are dynamic and tend to evolve reflecting the changes in the nature of the pandemic itself and the ways nations deal with it. The repertoire of elicited discourse metaphors framing the discourse about coronavirus, with its successive waves, prompts the ways nations approach it, and is consistent with the changing combating strategies, referred to by the authors as globalist, anti-globalist/nationalist and discriminatory.

Scope and methods

The present paper focuses primarily on the COVID-induced discourse changes that create new metaphorical framings and re-shape the familiar ones. It addresses the following questions:

- how the concept of the COVID-19 pandemic is conceptually and inferentially structured in public and media discourse;
- what are the most frequent and apt metaphors figuratively framing the discourse about coronavirus and measures to combat it;
- how the COVID-19 discourse is evolving with new waves of the pandemic following one another.

Methodologically, the paper relies on a specialized corpus of public and media texts (mostly Russian and English), the authors compiled, using Sketch Engine corpus compilation

tool. The manually selected texts in the corpus cover the period from January 2020 to December, 2021. The sources of the texts range from newspaper articles and interviews with representatives of medical experts community to speeches and statements of public figures and politicians involved in managing the pandemic.

Along with this subcorpus comprising about 275,600 words, we used Russian and British national corpora as reference corpora. Initially the query included the words *вирус* – *virus*, *корона* – *corona*, *ковид* – *COVID*, *коронавирус* – *coronavirus*, *пандемия* – *pandemic(s)* and *эпидемия* – *epidemic(s)* to identify salient source frames such as *борьба* – *fight*, *битва* – *battle*, *война* – *war*, *игра* – *game*, *путешествие* – *journey*, *путь* – *path*, *победить* – *to win*, *нобить* – *to beat*, etc. The next step was to manually analyze the concordances of these target words and annotate them for linguistic metaphors which were subsequently annotated for the type of conceptual metaphor using the MetaNet annotating schemas [Sweetser, David, Stickles, 2019]. In terms of qualitative analysis, we elicited all source frames and grouped them into hierarchies enabling us to reveal the conceptual and inferential structure of the COVID-19 pandemic concept.

The innovative nature of this paper lies in the extensive analysis of discourse metaphors drawn from our observations of figurative framings, found in the pandemic-related discourse in public and social media, and a compiled specialized subcorpus of COVID-related metaphors. Some examples are borrowed from The Coronavirus Corpus – an online collection of news articles in English from around the world from January 2020 onwards (XXVIII) and a cross-linguistic open database of metaphors #ReframeCovid (XXVI), an initiative aimed at collecting and promoting alternative metaphorical narratives about the pandemic. We claim that the discursive construction of the coronavirus pandemic evolves around certain aspects of the coronavirus discourse (measures to combat the insidious virus taken by national governments, controversial public response to them, the resulting split in society, the spread of misinformation and fake news as well as ethnic, racial, professional and group discrimination). Transformation of COVID-19 discourse is driven by numerous

factors, including the changing nature of the pandemic itself, with its alternating waves, along with the changes in the discursive strategies exercised by public actors or other stakeholders (pharmaceutical companies, multinationals, professional and pseudo-professional medical communities), each pursuing their own goals. However, the COVID-19 discourse is still relatively underexamined as an ongoing and evolving phenomenon, abundant with diverging and opposing metaphorical narratives consistent with the ideologies and strategies of various interest groups. Therefore, the coronavirus agenda is widely applied as a tool to shape public opinion.

With this in mind, the authors examine the range of metaphorical frames employed in public and media discourse and exemplify the ways of affecting the target audience by imposing competing ideologies and strategies (globalist, anti-globalist/nationalist and discriminatory) related to the COVID-19 pandemic, thus shaping social behavior. By answering the aforementioned research questions our study paves the way for further longitudinal studies and its results provide crucial information for subsequent opinion mining, enabling us to compass public sentiments and the current state of mind, beliefs and feelings of various communities.

Results and discussion

Military framing of the pandemic and its dynamics

The first wave of the pandemic, when its origins were still unknown, and doctors were hardly able to find proper treatment of the disease, is rife with frustration and anxiety as well as harsh criticism of the government and its inability to fight the virus. Language responded promptly by coining the corresponding words and expressions, most of which are metaphorical, since metaphor has been attested to be a powerful explanatory tool for unfamiliar and highly abstract concepts [Skrynnikova, 2020]. People worldwide experienced *corona apocalypses, the fear from the emerging of a new deadly mutated strain of the pandemic, were locked down, worked remotely* (i.e. at a considerable distance from others, Russian neologism – *удалёнка* (*udalyonka*) and eventually *went covidcrazy on*

quarantiation (XXX). At that point, the global community, being aware the virus knows no boundaries and spreads fast, united its efforts to withstand the dismaying and formerly unknown disease by sharing their findings and developing vaccines across the globe. This is when metaphor researchers started exploring the inventory of metaphors used to discuss current unprecedented social issues of the COVID-19 pandemic, and the role of metaphors in our reasoning and behavior in this situation.

Previous research [Kalinin, Romanov, 2021; Nerlich, 2020; Semino, 2021; Wicke, Bolognesi, 2020] have shown that the pandemic discourse relies heavily on the war framing. The military metaphors are commonly pervasive in public and media discourse about diseases as they cover various topics providing an effective structural framework for communicating and thinking about abstract and complex topics. Moreover, this frame bears a strong negative emotional valence. When applied to diseases, the war metaphor is generally resorted to for framing the situation relatively to the treatment of the disease [Wicke, Bolognese, 2020]. As we can see from MetaNet, a structured repository of conceptual metaphors and frames [Dodge, Hong, Stickles, 2015] elaborated by UC Berkeley and International Computer Science Institute (ICSI), the formalization of this metaphor is as follows:

DISEASE TREATMENT IS WAR or
TREATING DISEASE IS WAGING WAR
(XXV).

This metaphor implies a number of mappings:
DISEASED CELLS are ENEMY
COMBATANTS
MEDICAL PROFESSIONALS are
ARMY OF ALLIES
BODY is a BATTLEFIELD
MEDICAL TOOLS are WEAPONS
TREATING a DISEASE is FIGHTING
[Flusberg, Matlock, Thibodeau, 2018].

Disease-related discourses are structured by the figurative frame of WAR, which is conventional and is used unconsciously. The prevalence of this frame can be explained by its drawing on our basic knowledge and embodied experience along with inferred urgency to take action to achieve an ultimate goal. Another reason for high frequency of the war frame is the simplicity of its inner structure, with opposing

forces clearly referred to as in-groups (allies) and out-groups (enemies). Having its own strategy to achieve a goal, each force exercises its strategy, not without risks, including lethal ones. This is why this frame seems rather suitable, although arguable, for the discourse around COVID-19. Therefore, metaphorical descriptions of the pandemic as a war can be traced in Vladimir Putin's calls *to join efforts to win the pandemic*, and his belief in the victory is reflected in his references to the ancient Russian history:

(1) ...И печенеги ее терзали, и половцы, – со всем справилась Россия. **Победим** и эту заразу коронавируса (I).

Both the Pechenegs and the Polovtsians tormented Russia. Russia coped with everything. And we will definitely **win** this coronavirus contagion ¹.

Similar ideas are communicated by other national leaders:

– in China's Xi Jinping speech to the World Economic Forum in Davos:

(2) ...The world had **fought a tenacious battle** against the once in a century pandemic. First, we need to embrace cooperation and jointly **defeat** the pandemic (II);

– in Boris Johnson's statements on Britain's ability *to beat the deadly enemy*, in French President Macron's national address:

(3) We are at war. The **enemy** is here, it's invisible and **attacking** (III);

– in American ex-President Trump's speech:

(4) We are **waging the war**, in the true sense of the word (IV).

It is critical to note that metaphors are far from being "neutral ways of perceiving and representing reality, as each source domain highlights some aspects of the target and backgrounds others, facilitating different inferences and evaluations" [Lakoff, Johnson, 2003]. Similarly, war metaphors for diseases foreground the need for swift action to do away with it, while backgrounding the option of adapting to and living with it [Semino, 2021].

However, the use of war metaphors has not been widely welcomed and found to be potentially

harmful and inapt to elaborate all aspects of the pandemic. The argument against military metaphors is that they tend to inappropriately personify the virus as a malicious opponent, thus adding to further social anxiety. This may subsequently legitimize tough and occasionally authoritarian governmental measures across the globe, and even imply weakness, unwillingness or even inability to fight for those who die. The following are critiques of military framings found in media headlines: "Why '**War** on COVID-19' is not the best metaphor", "We are not at '**war**' with coronavirus", "Using **military** language to discuss coronavirus is dangerous and irresponsible – the US must stop" [Tamkin, 2020].

Shifting towards vaccine wars

As months passed, more data about the nature and effects of COVID-19 became available, with new mutations arising in different parts of the world. Formerly united by the common threat and the constantly rising number of victims, countries then decided to focus on their internal problems and were busy developing their vaccines introducing various restrictive measures on a national scale (self-isolation, social distancing, lockdowns, national borders closures, restrictions on international travel, etc.) consistent with the epidemiological situation. Developed nations became aware of the pressing need for vaccination enabling to achieve collective immunity, in medical circles referred to as "*herd protection*", while vaccines for developing and underdeveloped ones were still unaffordable. Such uneven distribution of vaccines gave rise to what public and social media term "*vaccine nationalism*", the mindset and act of gaining preferential access to newly developed COVID-19 vaccines by individual, mostly higher income countries [Bhutto, 2021]. This could not but raise questions about anti-globalist/nationalist approaches to the global public health crisis. Combining nationalist and globalist approaches to COVID-19 vaccines implies simultaneous and controversial globalization and deglobalization processes. It results in the mounting political and economic split globally, the lack/lag in public awareness of global coherence, especially in fields other than economic ones and various structural impediments

to global collaboration in the face of the common threat [Zhou, 2021].

Such state of affairs translated into trading accusations among the nations concerning origins of the virus and its spread. Instead of cooperating to defeat such a deadly disease, governments in power are busy exchanging accusations. China accused the US of spreading the COVID-19 pandemic in Wuhan [Huang, 2020; Myers, 2020]. The USA labeled the virus as “*Chinese virus*” and asked an opened investigation against Wuhan labs. Another “apple of discord” is (in)efficiency of various vaccines, their mutual recognition and methods to eradicate COVID-19. As a result, the war on COVID-19 has transformed into the war of vaccines, with each vaccine producing country promoting their own vaccine and finding faults with the one developed in another country.

Evidence of that is found both in official public sources and social media on deaths caused by different vaccines. For instance, the blog writer, Steve Kirsch argues:

(5) Pfizer’s COVID-19 vaccine **kills** more people than it saves (V).

Similar military narratives containing mutual accusations concerning competing vaccines also prevail in official reports and social media:

(6) Are Chinese and Russian Covid-19 vaccines **victims** of prejudice? (VI);

(7) ...Publications, serving as **fronts** for Russian intelligence, have **targeted** Western-produced COVID-19 vaccines with misleading coverage (VII);

(8) Pfizer’s vaccine has been the prime **target** of Russian disinformation... (VIII);

(9) Sputnik V’s backers were already **under fire** for releasing little data on the vaccine’s safety record (IX).

The examples above seem to validate the critical role of metaphorical framing in the implementation of such nationalist strategies in public and media discourse. It serves as a powerful tool of ideologization to promote certain interests of language users. By imposing particular metaphorical COVID-related narratives, metaphorical framing is critical in the positive or negative representation of the pandemic and issues related to it.

This ideological polarization is widely used in media to highlight the positive and good quality

and effectiveness of ‘*our*’ vaccines, on the one hand, and emphasize the negative qualities and effectiveness of ‘*others*’ vaccines. The media of the vaccine producing countries use the ideology of positive *us* representation and negative *others* representation. The latter is reported clearly through blaming the Chinese government of shortcomings and restrictions:

(10) ...The efficacy of the vaccines push WHO to stress the necessary need for **fighting** infodemics on one hand and trusting and respecting science on the other. Infodemics is deliberate attempts to disseminate wrong information to undermine the public health response and advance alternative agendas of groups or individuals (X);

(11) We’re not just **fighting** an epidemic; we are **fighting** an infodemic (XI).

Blaming the victim and resorting to division and contrast strategies are used clearly through the media as applied to framing of vaccination.

Discriminating deniers through metaphors

As COVID-19 keeps spreading, sickening and killing people across the globe, widespread mandatory vaccination adoption becomes critical for battling the pandemic. However, widespread vaccine hesitancy deriving from specific concerns about long-term safety, fears due to past experiences and other uncertainties about COVID-19 vaccines, are rising [Larson, Broniatowski, 2021]. In a social environment, formed in the era of COVID-19, a mismatch between attitudes towards vaccination, compliance with social distancing rules and individual protective measures (wearing masks and gloves, quarantine, etc.) can serve as a pretext for social aggression and inequality. G.W. Allport argued that even simple inequality, prejudice if left unchecked, can develop into an extreme form, (starting from anti-locution and ending up at genocidal extermination) [Allport, 1954; Caless, Tong, 2015].

Bias (stigmatization) as prototypical concepts of racial, ethnic, class, age, gender and professional inequality are verbalized in the discriminatory COVID-19 discourse with its agonal concepts. Structural-cognitive elements of intolerance are proneness to conflict, all-or-nothing mentality, imposing opinions, which are enforced

in discriminatory topics of communication, violation of the norms of living together, deviant behavior of members of the out-group and open opposition to its representatives. They manifest themselves in a high degree of aggressiveness by means of a pungent social response to an event, excessive emotionality and rejection, imposing a certain view and lifestyle on representatives of the minority group, its psychological humiliation under the social and communicative dominance of the majority group.

Politicizing pandemics encourages ethnic and racial discrimination among different people, societies, and countries. It pushes people to indulge in hate speech and aggression resulting in disinformation, distortion, racial rhetoric, slur expressions, ideology, manipulation, and propaganda. A recent example is an anti-vaxxer's threatening in New York:

(12) ...If the authorities start vaccinating children, I can guarantee you one thing: Town halls and schools will be **burned to the ground** (XII).

In Russia, one of the infected confesses:

(13) ...Их соседи посылали бы им проклятия одним только взглядом и перестали бы здороваться с родней (XIII).

...Their neighbors would curse them with glances and stop saying hello to their relatives. Give them **a gun** and they wouldn't hesitate to **shoot** us all.

Concurrently, research shows that public conversations about COVID-19 contribute to an increasingly polarized citizenry in the society as well as the politicization of science and health issues [Finkel et al., 2021; Woolhandler et al., 2021]. This division reflects general vaccine attitudes, concerns about side effects, distrust of medical professions. One important factor related to vaccine hesitancy is political ideology. For example, US Democrats are more receptive to advice of scientists than Republicans [Blank, Shaw, 2015]. Amid COVID-19, conservatives perceive the virus as less severe and more likely to think the pandemic is a conspiracy [Calvillo et al., 2020].

From this perspective, vaccinated folks are considered to be morally accountable and deserve to be praised as opposed to anti-vaxxers who are immoral and, therefore, should be regulated for not taking the COVID-19 vaccine. The ethical focus is to promote universal vaccination entailing

positive individual and public freedom for pro-vaxxers against restrictions or even discrimination of anti-vaxxers. This raises the question about the freedom of movement of unvaccinated people in public implying that someone who refuses the COVID-19 vaccine could bring harm to their broader community. But in a progressive society limitations on people's freedom are acceptable without infringing on the freedoms of others.

The recent trend of politicizing the COVID-19 vaccination manifested itself in the changing pandemic-related discourse. Despite the abundance of military metaphors in the public and media COVID-related discourse, the framing tends to shift towards discriminating those opposing and hesitant about inoculation against COVID-19. This marks the gradual transition from war on COVID-19 to war of vaccines and ultimately to war on out-groups (*anti-vaxxers*) as opposed to in-groups (*pro-vaxxers* – people with enough common sense to vaccinate themselves and their kids, protecting them from preventable diseases) (XXIX).

Media coverage of COVID-19 vaccine denial issues as well as public authorities responses to them are rife with military metaphors emphasizing the idea of a looming danger from vaccine deniers who should be opposed to by the in-group majority of pro-vaxxers:

(14) Gene Simmons rips anti-vaxxers: "If you're willing to walk among us unvaccinated, you are **an enemy**" (XIV);

(15) When a prominent Israeli opponent of vaccination died from COVID-19 in September 2021, his supporters "claimed that he was **murdered** by government authorities..." (XV);

(16) Even for **a militant** pro-vaxxer – I'm proud to be such – the idea of a general population-wide "mandatory" vaccination makes one uneasy (XVI);

(17) And in the UK, **the militant** anti-vaccine group Alpha Men Assemble (AMA) is reportedly plotting **to target** the police and vaccination centres (XVII).

According to the press secretary of the Russian President Dmitry Peskov, one can also find opponents of COVID-19 vaccination in the presidential administration, who will not be tolerated:

(18) Наша позиция по отношению к ним [антиваксерам] **непримирима** (XVIII).

Our position about them (vaccination opponents) is **irreconcilable**.

Discrimination metaphors instantly capture attention as they express strong negative emotional valence of anxiety and fear, highlighting relevance and urgency, motivating action. Experientially, discrimination is an important and widespread human experience. It can be either a first-hand experience of participating in real discrimination situations: family discrimination at home; gender, age and occupational inequalities at work; racial, ethnic, class, in-group and other inequalities in society; or a second-hand experience through witnessing current inequalities in media, covering humiliating or abusive activities, etc.

To avoid such a backlash, it seems more reasonable to involve social democracy in the discussions of the COVID-19 crisis instead of discrimination of anti-vaxxers. Such an approach implies the form of governance and societal formation assuming that, if one is sick, everybody is potentially sick, therefore, a risk to one means a risk to all. This solidaristic provision of welfare to support the infected and potentially infected is both efficient and just. It clearly contrasts with discrimination governance that permits the minority to bear the brunt of the COVID-19 crisis representing egalitarian and just society in public institutions and practices, unlike contested “herd immunity”. The latter is considered a good way of protection from infectious diseases when the entire population is immune either from vaccination or acquiring immunity through previous infection.

Repertoire of alternative framings

The metaphors elicited from our subcorpus suggest that metaphors are diverse in terms of the experiential domains from which they draw, various aspects of the pandemic they reflect, and “the ways in which they frame that aspect of the pandemic” [Semino, 2021, p. 53].

Although the frequency of military metaphors in public and media discourse is undebatable, their pervasiveness is severely opposed to. Different arguments against excessive militarization of the pandemic discourse range from concerns that war metaphors do not contribute to searching for alternative ways to solve problems, to exacerbating xenophobia along with fear and anxiety in the

populations across the globe that these metaphors generate. For instance, K. Henderson [2020] stresses that employing a war narrative to talk about COVID-19 can be used to an advantage of white supremacist groups. Using a war frame divides communities, thus legitimizing the use of actual military actions. The press also opposes deliberate use of the war frame and calls for alternative figurative frames. An attempt to do so is a recent #ReframeCovid initiative, a collection of short texts (articles, advertisements, notes, etc.) providing alternative framings of the pandemic. They range from framing COVID as a GAME (FOOTBALL) to CALAMITIES/STORMS, to FAMILY, with the latter been applied to refer to the measures taken in response to the pandemic (e.g., lockdown, the WHO We are Family Campaign).

(19) The fact that we are keeping our masks on shouldn't lead anyone to believe that the vaccines are anything less than **game** changing (XIX);

(20) Surviving the **waves** of a pandemic **storm**: how to fix the supply chain flaws exposed by COVID-19 (XX).

However, some game metaphors, for instance, are similar to military metaphors in treating the virus as an opponent and implying either winning or losing:

(21) But just like a **football player** wouldn't discard one piece of protective equipment just because he got another one, we are going to keep all of our preventive measures in place until after the opponent is **defeated** (XXI).

The Russian public discourse around the pandemic frequently employs PRISON and CAMP frames which derive from Soviet times where those opposing the Soviet ideology were more often isolated than sick patients. This explains the use of *self-isolation* (unlike *quarantine*), *regime*, associated with a prison or *high-security colony*, rather than a hospital. Moscow and a number of other cities introduced a *permit regime*, and the expression *digital/electronic concentration camp* flashed across the Internet and social media:

(22) Под прикрытием коронавируса, Собянин хочет в Москве установить **электронный концлагерь** (XXII).

Under cover of the coronavirus, Sobyenin wants to establish an electronic **concentration camp** in Moscow.

Less radical metaphorical conceptualizations of the isolation zones are promoted by the GARDENING frame (*covidary* = fr. covid + rosary; *covidarium* = fr. covid + dendrarium – rus. *ковидарий*). In many ways a coronavirus is what we would consider an invasive species/weed, managing of which has a traditional three-tiered response: prevention, early detection and rapid response followed by mitigation. From this perspective, COVID-19 as an alien species infects vulnerable targets which have little or no natural immunity. The term “weed” is any plant growing where it is not wanted while a noxious weed is commonly defined as a plant that grows out of place and is pernicious and persistent. Such line of reasoning evokes the inferences that COVID is a weed which has been introduced into an environment where it did not evolve. As a result, it has no natural enemies to limit its reproduction and spread. In this way, this weed produces significant changes to vegetation, composition, structure, or ecosystem function.

Previous research has repeatedly demonstrated the aptness of FIRE metaphors for characterizing emotions and other phenomena, from sexual desire to social movements [Charteris-Black, 2017; Kovecses, 2000], and, therefore, they appear to be suitable for exploitation in the coronavirus era [Semino, 2021]. Their creative and flexible use to frame the pandemic serves several functions. They vividly stress danger and urgency to take action, signal different phases of the pandemic, and explain the process of contagion and measures to reduce it. They can also foreground the role of medical personnel, relate the pandemic to health inequalities and other related problems or even predict scenarios of post-pandemic life.

Another alternative framing relies on the ANIMAL frame suggesting corresponding abusive nominations both for the virus and anti-vaxxers (e.g. *beast*, *invasive/alien species*, *herd immunity*, etc.). A beast is usually not a gentle or attractive animal. People are referred to as beasts when they behave “...in a violent and uncontrolled, crude, or horrible way, pertaining to the physical, sensual, or carnal nature of humans, rather than their spiritual or intellectual nature. Beasts often aggressively attack people” (XXIX). This line of reasoning is traced in the rhetoric of the vaccination campaign in Russia which changed

within several months. From the balanced stories of doctors about an insidious sore and exhortations of unreasonable fellow citizens to get vaccinated, TV propagandists moved on to showing “horror stories” and threats against anti-vaxxers, without understanding what they were protesting against: against vaccinations in principle or against forced vaccination:

(23) Просто предлагают поверить им на слово: страшнее антиваксера **зверя** нет (XXIII).

They just offer to take their word for it: there is no **beast** worse than an anti-vaxxer.

Our analyses seem to provide sufficient evidence that the conceptual prolificacy of the pandemic domain is encouraged by figurative source frames providing both conventional and novel conceptualizations of the global health crisis. Our findings suggest striking creative potential the human language demonstrates even in the face of protracted uncertainty and alarming news coming from every corner of the world.

Conclusion

The presented study explored the evolving discourse around COVID-19 as manifested in public and social media permeated by metaphors. By drawing on specialized corpus data, it revealed the conceptual and inferential structure of the concept of the COVID-19 pandemic. The results obtained in the course of the research speak in favour of pervasiveness of the military metaphors to figuratively frame the discourse about coronavirus and measures to combat it. Another issue the study addressed was whether military framing of the pandemic is comparable to other potentially relevant metaphorical framings related to the pandemic-induced discourses. We found that COVID-19 discourse is strikingly dynamic evolving along with new phases of the pandemic itself and reflecting the changing strategies employed to withstand the pandemic.

Taken together our results suggest the prevalence of the WAR frame in shaping public discourse around the coronavirus. However, this frame is more frequent when talking about such aspects of the current pandemic as pressing urgency to respond to it through diagnostics and treatment as well as unwillingness to reconcile with it. This brings us to conclude that selecting a

single apt way of framing the pandemic is hardly acceptable, and employing alternative framings (FIRE, GARDEN, ANIMAL, PRISON) for various aspects of the pandemic would be more appropriate. In this regard, future studies could shed more light on the effects of alternative figurative framings.

Metaphor is a pervasive, powerful but yet uncensored tool for reasoning and communication about critical issues. Therefore, it can be potentially useful or harmful when framing societal challenges, such as global pandemic. To provide for reasonable public health messaging, the metaphor selection should be well-informed and context-sensitive. False or distorted information, manipulation, excessive ideologization, baseless accusations, and inaccurate conclusions, if facilitated by metaphorical framing, can spread quicker than the virus itself. A possible line of further research could be testing the power of metaphorical framings in real-life situations and their possible effects on reasoning.

NOTE

¹ Hereinafter the translation of Russian examples is provided by the authors.

REFERENCES

- Allport G.W., 1954. *The Nature of Prejudice*. Cambridge, Mass., Addison-Wesley Publishing Company. 537 p.
- Blank J.M., Shaw D., 2015. Does Partisanship Shape Attitudes Toward Science and Public Policy? The Case for Ideology and Religion. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 658, iss. 1. DOI: 10.1177/0002716214554756.
- Bhutto F., 2021. The World's Richest Countries are Hoarding Vaccines. This is Morally Indefensible. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/mar/17/rich-countries-hoarding-vaccines-us-eu-africa> (accessed 20 October 2021).
- Calvillo D.P., Ross B.J., Garcia R.J., Smelter T.J., Rutchick A.M., 2020. Political Ideology Predicts Perceptions of the Threat of COVID-19 (And Susceptibility to Fake News About It). *Social Psychological and Personality Science*, vol. 11, iss. 8, pp. 1119-1128. DOI: 10.1177/1948550620940539.
- Caless B., Tong S., 2015. Leading Policing in Europe: An Empirical Study of Police Leadership. *European Police Science and Research Bulletin*, iss. 12, pp. 13-17.
- Charteris-Black J., 2017. *Fire Metaphors: Discourses of Awe and Authority*. S. 1., Bloomsbury. 238 p.
- Dodge E., Hong J., Stickles E., 2015. MetaNet: Deep Semantic Automatic Metaphor Analysis. *Proceedings of the Third Workshop on Metaphor in NLP*, pp. 40-49. URL: <https://aclanthology.org/W15-1405.pdf>.
- Finkel Y., Mizrahi O., Nachshon A. et al., 2021. The Coding Capacity of SARS-CoV-2. *Nature* 589, pp. 125-130. DOI: 10.1038/s41586-020-2739-1.
- Flusberg S.J., Matlock T., Thibodeau P.H. 2018. War Metaphors in Public Discourse. *Metaphor and Symbol*, vol. 33, iss. 1, pp. 1-18. DOI: 10.1080/10926488.2018.1407992.
- Gibbs R., 2012. *Embodiment and Cognitive Science*. Cambridge, Cambridge University Press. 337 p.
- Henderson K., 2020. Trump is Not a Wartime President – and COVID-19 is Not a War. *Counterpunch*. URL: <https://www.counterpunch.org/2020/04/24/trump-is-not-a-wartime-president-and-covid-19-is-not-a-war> (accessed 20 November 2021).
- Huang J., 2020. *Chinese Diplomat Accuses US of Spreading Coronavirus*. URL: <https://www.voanews.com/science-health/coronavirus-outbreak/chinese-diplomat-accuses-us-spreading-coronavirus> (accessed 22 October 2021).
- Kalinin O.I., Romanov A.S., 2021. Comparative Analysis of the Coronavirus Metaphorical Projections in the Chinese and Russian Mass Media. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences], vol. 14, iss. 10, pp. 1499-1508. DOI: 10.17516/1997-1370-0834.
- Kovecses Z., 2000. *Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling*. Cambridge, Cambridge University Press. 224 p.
- Kovecses Z., 2020. *Extended Conceptual Metaphor Theory*. Cambridge, Cambridge University Press. 196 p.
- Larson H.J., Broniatowski D.A., 2021. Volatility of Vaccine Confidence. *Science*, vol. 371, iss. 6536, p. 1289. DOI: 10.1126/science.abi6488.
- Lakoff G., Johnson M., 2003. *Metaphors We Live By*. Chicago, University of Chicago Press. 256 p.
- Myers S.L., 2020. *China Spins Tale that the U.S. Army Started the Coronavirus Epidemic*. URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/13/world/asia/coronavirus-china-conspiracy-theory.html> (accessed 15 November 2021).

- Nerlich B., 2020. *Metaphors in the Time of Coronavirus*. URL: <https://blogs.nottingham.ac.uk/makingsciencepublic/2020/03/17/metaphors-in-the-time-of-coronavirus> (accessed 15 November 2021).
- Semino E., 2017. Corpus Linguistics and Metaphor. Dancygier B., ed. *The Cambridge Handbook of Cognitive Linguistics*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 463-476.
- Semino E., 2021. "Not Soldiers but Fire-Fighters" – Metaphors and Covid-19. *Health Communication*, vol. 36, iss. 1, pp. 50-58. DOI: 10.1080/10410236.2020.1844989.
- Shmeleva E., 2021. Russkiy kovidnyy: novye yazykovye yavleniya global'noy pandemii [COVID-Russian: New Linguistic Features from a Global Pandemic]. *Russian Language Journal*, vol. 71, iss. 2, pp. 319-331. URL: <https://scholarsarchive.byu.edu/rlj/vol71/iss2/17>.
- Skrynnikova I.V., 2020. Analogical Reasoning in Uncovering the Meaning of Digital-Technology Terms: The Case of Backdoor. *Journal of Computer-Assisted Linguistic Research*, vol. 4, pp. 23-46. DOI: <https://doi.org/10.4995/jclr.2020.12921>.
- Sontag S., 1979. *Illness As Metaphor*. London, Allen Lane. 100 p.
- Sweetser E., David O., Stickles E., 2019. MetaNet: Automated Metaphor Identification Across Languages and Domains. Bolognesi M., Brdar M., Despot K., eds. *Metaphor and Metonymy in the Digital Age: Theory and Methods for Building Repositories of Figurative Language*. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company, pp. 23-47. DOI: 10.1075/milcc.8.02swe.
- Tamkin E., 2020. Using Military Language to Discuss Coronavirus is Dangerous and Irresponsible – The US Must Stop. *New Statesman*. URL: <https://www.newstatesman.com/world/2020/04/using-military-language-discuss-coronavirus-dangerous-and-irresponsible> (accessed 15 October 2021).
- Wicke P., Bolognesi M., 2020. Framing COVID-19: How We Conceptualize and Discuss the Pandemic on Twitter. *PLoS ONE*, 15 (9). DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0240010> (accessed 10 October 2021).
- Woolhandler S. et al., 2021. Public Policy and Health in the Trump Era. *The Lancet Commissions*, vol. 397, iss. 10275, pp. 705-753. DOI: 10.1016/S0140-6736(20)32545-9.
- Zaitseva I.P., 2020. "Koronapsikhoz", "koronaskeptiki", "covidism", "covidophobia" i drugie sotsiolingvisticheskie markery 2020 g. ["Corona Psychosis", "Corona Skeptics", "Covidism", "Covidophobia" and Other Sociolinguistic Markers of 2020]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], vol. 7, no. 4, pp. 801-813. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).801-813.
- Zhou Y.R., 2021. Vaccine Nationalism: Contested Relationships Between COVID-19 and Globalization. *Globalizations*. DOI: <https://doi.org/10.1080/14747731.2021.1963202> (accessed 20 October 2021).

SOURCES AND DICTIONARIES

- I – *Rodina*. URL: <https://rg.ru/2020/04/08/rodina-i-pechenegi-ee-terzali-i-polovcy-kak-s-nimi-borolas-rus.html> (accessed 20 November 2021).
- II – *World Economic Forum*. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2022/01/address-chinese-president-xi-jinping-2022-world-economic-forum-virtual-session> (accessed 20 November 2021).
- III – *BBC News*. URL: <https://www.bbc.com/news/av/51917380> (accessed 10 November 2021).
- IV – We're at War with an Invisible Enemy. *Youtube*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IPaa0kIMdhM> (accessed 6 October 2021).
- V – *Politifact*. URL: <https://www.politifact.com/factchecks/2021/dec/21/steve-kirsch/contorted-claim-children-killed-covid-19-vaccines> (accessed 6 October 2021).
- VI – *Trtworld Magazine*. URL: <https://www.trtworld.com/magazine/are-chinese-and-russian-covid-19-vaccines-victims-of-prejudice-43896> (accessed 10 October 2021).
- VII – *The Wall Street Journal*. URL: <https://www.wsj.com/articles/russian-disinformation-campaign-aims-to-undermine-confidence-in-pfizer-other-covid-19-vaccines-u-s-officials-say-11615129200> (accessed 7 October 2021).
- VIII – *The Daily Beast*. URL: <https://www.thedailybeast.com/russian-intelligence-targeting-pfizer-vaccine-by-planting-disinformation-state-department-says> (accessed 6 October 2021).
- IX – *The Science Journal*. URL: <https://www.science.org/content/article/russias-covid-19-vaccine-safe-brazils-veto-sputnik-v-sparks-lawsuit-threat-and> (accessed 25 November 2021).
- X – *World Health Organization. Africa*. URL: <https://www.afro.who.int/news/update-covid-19-23-september-2020> (accessed 29 November 2021).
- XI – *World Health Organization*. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789240010314> (accessed 30 September 2021).
- XII – *The Washington Post*. URL: <https://www.washingtonpost.com/nation/2021/11/01/anti->

- vaccine-staten-island-protest-burn-threat (accessed 29 November 2021).
- XIII – *BBC News*. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-59403115> (accessed 26 November 2021).
- XIV – *The Hill*. URL: <https://thehill.com/blogs/in-the-know/in-the-know/581147-gene-simmons-rips-anti-vaxxers-if-youre-willing-to-walk-among> (accessed 12 November 2021).
- XV – *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Deaths_of_anti-vaccine_advocates_from_COVID-19 (accessed 10 November 2021).
- XVI – *The Independent*. URL: <https://www.independent.co.uk/voices/germany-mandatory-vaccinations-covid-pandemic-b1970582.html> (accessed 10 October 2021).
- XVII – *The Independent*. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/antivaxxer-extremism-violence-plots-b1991710.html> (accessed 12 October 2021).
- XVIII – *RBC*. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/61f3c6f09a79476d322bbf51> (accessed 12 November 2021).
- XIX – *Southwest Vermont Healthcare*. URL: <https://svhealthcare.org/Services/Orthopedics/how-the-pandemic-is-like-a-football-game> (accessed 10 October 2021).
- XX – *Health Affairs*. URL: <https://www.healthaffairs.org/doi/10.1377/forefront.20200928.305253/full> (accessed 10 October 2021).
- XXI – *Southwest Vermont Healthcare*. URL: <https://svhealthcare.org/Services/Orthopedics/how-the-pandemic-is-like-a-football-game> (accessed 10 October 2021).
- XXII – *Live Journal*. URL: <https://eduard-456.livejournal.com/946826.html> (accessed 10 October 2021).
- XXIII – *Novaya gazeta*. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/11/25/v-morge-peredumat-nepoluchitsia> (accessed 20 November 2021).
- XXIV – *British National Corpus*. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc> (accessed 18 December 2021).
- XXV – *MetaNet Metaphor Wiki*. URL: <https://metaphor.icsi.berkeley.edu/pub/en> (accessed 16 December 2021).
- XXVI – *#ReframeCovid Collection of Metaphors*. URL: <https://docs.google.com/spreadsheets/d/1TZqICUdE2CvKqZrN67LcmKspY51Kug7aU8oGvK5WEbA/edit#gid=781680773> (accessed 6 October 2021).
- XXVII – *Russian National Corpus*. URL: <https://ruscorpora.ru/new> (accessed 6 October 2021).
- XXVIII – *The Coronavirus Corpus*. URL: <https://www.english-corpora.org/corona> (accessed 6 October 2021).
- XXIX – *Urban Dictionary*. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Pro-vaxxer> (accessed 20 October 2021).
- XXX – Gromenko E.S., Pavlova A.S., Ridetskaya Y.S., eds. *Slovar' russkogo yazyka koronavirusnoy epokhi* [Dictionary of the Russian Language of the Coronavirus Era]. Saint Petersburg, Institut lingvistic. issled. RAN, 2021. 550 p. URL: https://pure.spbu.ru/ws/portalfiles/portal/78276278/_pdf (accessed 20 October 2021).

Information About the Authors

Inna V. Skrynnikova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Language Communication and Linguodidactics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, i.skrynnikova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2390-7866>

Tatiana N. Astafurova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Foreign Language Communication and Linguodidactics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, pic@volsu.ru; Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Volgograd State Technical University, Prosp. Lenina, 28, 400005 Volgograd, Russia, mkk_2012@vgasu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1299-8109>

Информация об авторах

Инна Валериевна Скрынникова, кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, i.skrynnikova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2390-7866>

Татьяна Николаевна Астафурова, доктор филологических наук, профессор кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, pic@volsu.ru; профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Волгоградский государственный технический университет, просп. Ленина, 28, 400005 г. Волгоград, Россия, mkk_2012@vgasu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1299-8109>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.12>

UDC 81'373.2:070
LBC 81.053.16

Submitted: 20.09.2021
Accepted: 20.12.2021

FUNCTIONAL POTENTIAL OF KATOIKONYMS (EXEMPLIFIED BY 20th – 21st CENTURY VOLGOGRAD REGIONAL NEWSPAPERS)

Svetlana Ye. Kirillova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. Katoikonims, which nominate residents, and their functioning in the language of Volgograd (Stalingrad) region media are in the focus of research. The facts revealed in the texts of local newspapers of different periods (1941–1945, 1985–1991 and 2010–2021) contributed to the characteristics of the units under study. The main and additional functions of the names of residents were revealed. The main functions, the implementation of which is not conditioned by context, include nominative, associated with the naming of a significant for a native speaker object of reality, and compressive, connected with the transmission of information about a locality in a compressed form. Contextually stipulated additional functions include address, which reflects the replacement of a toponym with a derivative katoikonim; text-forming, which enables the transmission of knowledge about the content of material before acquaintance with it, memorial-local, which causes associations about cultural and historical heritage, as well as differentiating, which helps to distinguish people by the territory of dwelling, identifying that emphasizes a person's belonging to the area of residence, stylistic (play on words with a katoikonim), and temporal (localization of the subjects of the narrative in a specific time period) functions. The paper describes the conditions for the implementation of the additional functions. The use of derivatives that demonstrate relatively stable tendencies to perform certain functions in local media within different time periods has been characterized.

Key words: onomastics, katoikonim, function, newspaper language, language of the region.

Citation. Kirillova S. Ye. Functional Potential of Katoikonims (Exemplified by 20th – 21st Century Volgograd Regional Newspapers). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 2, pp. 149-158. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.12>

УДК 81'373.2:070
ББК 81.053.16

Дата поступления статьи: 20.09.2021
Дата принятия статьи: 20.12.2021

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАТОЙКОНИМОВ В ТЕКСТАХ ВОЛГОГРАДСКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ГАЗЕТ XX–XXI ВЕКОВ

Светлана Евгеньевна Кириллова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье исследуется функционирование катойконимов – названий жителей – в языке средств массовой информации Волгоградской (Сталинградской) области. Характеристика изучаемых единиц осуществлена с использованием массива фактов, извлеченных из разновременных текстов местных газет (1941–1945, 1985–1991 и 2010–2021 гг.). Выявлены основные и дополнительные функции названий жителей. К основным функциям, реализация которых не обусловлена контекстом, отнесены номинативная, связанная с названием значимого для носителя языка объекта действительности, и компрессионная, связанная с передачей в сжатом виде информации о населенном пункте. К дополнительным функциям, обусловленным контекстом, отнесены адресная, отражающая замещение топонима производным от него катойконимом, текстообразующая, благодаря которой осуществляется передача носителю языка информации о содержании материала до знакомства с ним, мемориально-краеведческая, вызывающая ассоциации с культурно-историческим наследием, а также дифференцирующая (различение людей по территориальному признаку), идентифицирующая (подчеркивание принадлежности че-

ловека к местности проживания), стилистическая (языковая игра с использованием катойконима) и темпоральная (локализация субъектов повествования в конкретном временном периоде). В работе описаны условия для реализации дополнительных функций. Установлена специфика употребления ряда дериватов, демонстрирующих относительно устойчивые тенденции к выполнению отдельных функций в местных СМИ разных временных срезов.

Ключевые слова: ономастика, катойконим, функция, язык газеты, язык региона.

Цитирование. Кириллова С. Е. Функциональный потенциал катойконимов в текстах волгоградских региональных газет XX–XXI веков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 149–158. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.12>

Введение

Смена научных парадигм в лингвистике и доминирование полипарадигмальности при рассмотрении явлений языка мотивируют ученых рассматривать языковые единицы как ресурс, исследовать границы его функциональных возможностей и отвечать на вопросы, с какой целью и на каком основании те или иные явления существуют в речи носителей языка и каков потенциал их использования. О значимости и доминировании функционального подхода к изучению элементов языка свидетельствует возрастающее количество исследований, выполненных на его основе в различных отраслях филологии. За первые 20 лет текущего столетия были опубликованы работы по функциональной ономастике и топонимике (см., например: [Ильин, Рыженко, 2013; Отин, 2004]). В то же время целый ряд вопросов, касающихся использования ономастических единиц в устной и письменной речи носителей языка, исследован не в полной мере. Так, лингвисты фактически не уделяли внимания функциональному подходу в исследованиях по катойконимике. В современной науке не существует перечня функций, которые способны выполнять наименования жителей, и, соответственно, отсутствует четкое представление об эволюции бытования изучаемых языковых единиц. При этом решение такой исследовательской задачи может помочь охарактеризовать речевой потенциал катойконимов и их место в картине мира носителей языка. Сказанное определяет цель работы – описать функциональные свойства региональных катойконимов, зафиксированных в текстах местных периодических изданий разных синхронных срезов, и выявить в динамике тенденции употребления названий жителей в рамках выбранных источников.

Объектом настоящей работы выступает функциональная катойконимика в ее региональном варианте. Предмет рассмотрения – функции зафиксированных в текстах разновременных местных газет названий жителей населенных пунктов Волгоградской области.

Языковые единицы откликаются на процессы, протекающие вне языковой среды, и в таком случае эффективным способом описать в динамике специфику изучаемого явления станет сопоставление данных нескольких синхронных срезов, соотносящихся со значимыми историческими событиями. В качестве таких срезов были выбраны 1941–1945 гг. и 1985–1991 гг., сравниваемые с современными данными за 2010–2021 годы. Изучение специфики использования названий жителей в границах указанных временных рамок позволит установить функциональные особенности исследуемых единиц в эти временные промежутки и расширить представление о разноаспектных возможностях катойконимов как языкового ресурса.

Материал и методы

В качестве источника языкового материала были выбраны областная газета «Волгоградская правда» (в военное время – «Сталинградская правда»), а также издания Быковского района «Коммунар» (ранее – «Большевицкое слово») и Калачевского района «Борьба» (ранее – «Большевицкая победа»). Использование этих СМИ обусловлено рядом факторов. Во-первых, локальные медиа в большей степени отражают местные названия жителей и специфику их употребления. Примеры из областного издания могут послужить своеобразной «контрольной группой» для более точного описания свойств и потенциала региональной «микрочатойконимии». Под наз-

ванном термином мы понимаем совокупность катойконимов, обозначающих жителей муниципального района, преимущественно функционирующей в языке газет, издающихся на территории этого района. Во-вторых, районные издания фиксируют значительный пласт названий жителей, практически не используемых в СМИ регионального уровня. Таким образом, в научный оборот вводится новый материал и уточняются данные, полученные нами в более ранних исследованиях (см., например: [Кириллова, 2016]).

В процессе работы названия жителей извлекались методом сплошной выборки. Авторская картотека насчитывает более 2 500 контекстов. Анализ функционального потенциала региональной катойконимии проводился при помощи контекстуального метода, а также приемов деривационного, семантического, статистического и ареального методов.

Результаты и обсуждение

В языкознании термин «функция» трактуется как «назначение, роль, выполняемая единицей (элементом) языка при его воспроизведении в речи» [Ахманова, 2004, с. 506]. На это определение мы опираемся и в данной работе, однако специфика источников исследования и результаты контекстуального анализа демонстрируют два смысловых уровня, заложенных в понятие «функционирование». Так, общепризнано, что одной из характерных черт публицистического стиля, к которому относится и язык газетных текстов, является оценочность, в том числе социальная. Следовательно, попадание в журналистский материал языковой единицы не случайно и свидетельствует о ее определенной роли в масштабах текста и издания в целом. В то же время невозможно отрицать наличие собственно языкового назначения того или иного слова в ограниченном контексте, в большинстве случаев – в рамках предложения. Таким образом, и термин «функция», и связанное с ним понятие «функционирование» может трактоваться и в широком, и в узком смысле: «как факт появления и употребления катойконимов в газетном тексте и как реализация дериватами комплексов конкретных функций в раз-

личных контекстуальных условиях» [Кириллова, 2016, с. 11].

Термин «функция» в узком понимании означает реализацию языкового потенциала катойконима в конкретном логически завершенном речевом отрезке, как правило – предложении. Можно выделить два типа функций: основные (номинативная и компрессивная) и дополнительные (адресная, текстообразующая, дифференцирующая, идентифицирующая, стилистическая, темпоральная и мемориально-краеведческая).

Будучи специфической по семантическому потенциалу единицей, катойконим со словообразовательной точки зрения остается обычным производным словом, а значит, автоматически выполняет в речевом отрезке как минимум часть функций, типичных для дериватов в целом (подробнее см.: [Земская, 1992]). Как и любая языковая единица, название жителей в газетных материалах всех исследуемых периодов выполняет номинативную функцию, именуя значимый для носителя языка объект действительности:

(1) На форуме «Армия-2021» **волгоградцы** увидят современную боевую технику ¹ («Волгоградская правда», 10.06.2021, заголовок);

(2) **Волжане** Тамара Дмитриевна и Евгений Иванович САВЕЛЬЕВЫ вместе уже 66 лет («Волгоградская правда», 10.07.2017);

(3) Счастья вам, дорогие **калачевцы!** («Борьба», 01.01.1987);

(4) И теперь, тоже часами, может говорить о неброской красоте Заволжья, **быковчанах** («Коммунар», 08.03.1985);

(5) Родные товарищи **Быковчане** ², мы получили от вас подарки («Большевистское слово», 24.05.1945);

(6) В боях и труде гремит слава **сталинградцев!** («Сталинградская правда», 03.10.1942);

(7) Деятельно готовятся **ляпичевцы** ко дню выборов («Большевистская победа», 29.01.1941).

Фиксация в газетном тексте и частотное использование конкретного деривата является одним из признаков значимости соответствующего населенного пункта и вхождения таких наименований жителей в активный словарный запас жителей региона.

Компрессивная функция катойконима связана с тем, что дериват необходим для реализации закона речевой экономии, поскольку

ку успешно передает большой объем информации в сжатом виде. Носителю языка проще употребить слово *волгоградцы*, чем использовать развернутую конструкцию *жители (города) Волгограда*. При обозначении жителей регионального центра различия могут не ощущаться, но в связи с наличием в региональной топонимии значительного количества длинных, а также состоящих из нескольких слов топонимов употребление катойконима упрощает задачу номинации жителей: *верхнебалыклейцы* и *нижнебалыклейцы* – соответственно жители сел Верхний и Нижний Балыклей в Быковском районе. Две названные функции, в узком понимании этого термина, мы относим к основным, облигаторным, так как они реализуются катойконимами регулярно, хотя и не раскрывают полностью разносторонний потенциал дериватов.

Дополнительные функции в узком понимании этого термина – те, которые могут быть присущи катойконимами в условиях определенных контекстов. Они выполняются не всегда, при одновременной реализации одна из них может доминировать.

Определяя перечень этих функций, мы опирались на работы по функциональной топонимике [Ильин, 2012; Никонов, 2011]. Выбор этой научной базы обусловлен тесной многоаспектной связью названий жителей с соответствующими производящими топонимами. В настоящее время установлено, что названия жителей реализуют такие функции, как адресная, дифференцирующая, идентифицирующая, стилистическая, текстообразующая, темпоральная. В этой работе мы охарактеризуем часть из них, чтобы сфокусировать внимание на разносторонних возможностях использования катойконимов в СМИ нескольких синхронных срезов.

С точки зрения истории языка и активных процессов в современной лексике интерес представляет адресная функция. Она отражает зафиксированное учеными (см., например: [Васильев, 2012]) еще для древних периодов развития русского языка замещение топонима производным от него катойконимом для обозначения места действия или указания на это место:

(8) Более 35 тысяч **волгоградцев** выздоровели после коронавируса («Волгоградская правда», 07.01.2021, заголовок);

(9) После чего состоялся Крещенский крестный ход до городского пляжа к Крещенской купели, где в присутствии большого количества **калачевцев** прошел Молебен и Великое освящение вод р. Дон («Борьба», 22.01.2015);

(10) Недавно **демидовцы** единогласно избрали ее депутатом в райсовет народных депутатов («Коммунар», 08.03.1985);

(11) **Мариновцы** из земляных подвалов переходят жить в светлые отстроенные квартиры («Большевикская победа», 15.10.1943);

(12) Помочь им выиграть битву за город должны в первую очередь мы, **сталинградцы** («Сталинградская правда», 27.09.1942).

В приведенных и других примерах благодаря различным контекстуальным уточнителям катойконим именуется не столько жителей, сколько территорию их заселения. В контексте (8) название количества выздоровевших волгоградцев способствует активизации переносного значения деривата «жители области». В примерах (9)–(12) катойконимы указывают на место действия, равное соответствующему населенному пункту. Необходимо отметить, что реализация этой функции активизируется в современных СМИ.

Это объясняется рядом причин, среди которых, например, недостаточное использование семантического потенциала региональных названий жителей в военное и перестроечное время. Так, для газеты Калачевского района в указанные периоды было свойственно активное использование деривата *калачевцы* в обобщенном смысле «жители района» либо вовсе с неясной семантикой, не позволяющей точно установить, о городе или районе идет речь. В таких контекстах топонимический компонент значения, указывающий на место действия, не акцентируется и представляется достаточно расплывчатым. Например, в письме с фронта от С.В. Попова:

(13) Горячий привет вам, товарищи земляки-**калачевцы**, из Действующей Красной Армии! («Большевикская победа», 23.02.1942).

На наш взгляд, одним из объяснений такой реализации адресной функции является изменение мировоззрения носителей языка. В советское время в газетных текстах – и в профессиональных, и в материалах от рядовых читателей – большой акцент при использовании названий жителей делался на массо-

вость, общность, сопричастность. Современные периодические издания более прагматичны, журналисты стараются употреблять катойконимы как многофункциональное средство. Оно может одновременно формировать представление об относительно значимом количестве героев (условные *волгоградцы*, *быковчане* и *калачевцы* создают в сознании читателя ощущение массовости происходящего, так как единицы во множественном числе изначально означают «больше, чем один»), указывать на место действия и/или адресата текста, вносить в этот текст определенные стилистические нюансы или вовсе структурировать его.

Охарактеризованная функция, заключающаяся в обеспечении логичности построения текста и передаче читателям информации о содержании материала до его прочтения, называется текстообразующей. В этих случаях название жителей, как правило, выносится в заголовок или выступает в виде обращения:

(14) Где **волгоградцы** могут купить и пополнить транспортную карту Волга? («Волгоградская правда», 21.04.2017, заголовок);

(15) Праздник самых юных **логовчан** («Борьба», 09.05.1986, заголовок);

(16) Наш ответ **голубинцам** («Большевистская победа», 06.02.1941, заголовок).

В таких примерах дериват выносится в сильную текстовую позицию и за счет сочетания в своей семантике различных компонентов (указание на территорию, множественность и т. д.) способствует реализации закона речевой экономии. С помощью одного слова читателю можно сообщить о примерном содержании будущей публикации (и даже ее типовой структуре), месте действия и героях. В некоторых случаях это сопровождается и дополнительной коннотативной или стилистической нагрузкой на дериват.

Таким образом, анализ двух из перечисленных функций позволяет понять, что названия жителей в разновременных газетных текстах могут использоваться как многофункциональное средство обозначения внеязыковых реалий, передачи оттенков значений и построения публикации. Отметим, что реализация катойконимом текстообразующей функции

имеет специфику применительно к разным рассмотренным срезам. В материалах газет XX в. использование названий жителей в сильных позициях нередко имело идеологический оттенок, соотносимый по значению с клише *все советские люди (как один)*, но в масштабах той территории, которую обозначал соответствующий топоним *калачевцы (как все советские люди)*³.

В современных публикациях авторы делают акцент на формальной стороне потенциала катойконимов, то есть на способности языковой единицы частично предопределить содержание и структуру текста. Это, по-видимому, обусловлено типовым характером ряда регулярно выходящих и относительно шаблонных тематических публикаций с характерными клишированными заголовками, например: *...стало известно волгоградцам*. Кроме того, подобное смещение акцентов при использовании дериватов в заголовках обусловлено и переходом многих СМИ в Интернет. Как показал проведенный нами опрос сотрудников волгоградских медиа (30 респондентов), журналисты сознательно употребляют типовые заголовки с катойконимами для того, чтобы алгоритмы сетевого поиска вывели эту новость в число популярных в регионе и предложили ее как можно большему количеству местных пользователей всемирной сети.

Богатый разноаспектный потенциал названий жителей, раскрывающийся в газетных публикациях, предопределил использование этих языковых единиц в более «масштабных» целях, чем собственно языковое обозначение для явления действительности или средство организации текстового пространства. Результаты проведенного анализа подтверждают выводы, сделанные в современных социологических исследованиях (см., например: [Яицкова, 2017]): у факта появления деривата в газетном тексте есть не только сугубо прагматическое объяснение.

Для современного носителя русского языка катойконим является одним из значимых средств самоидентификации (см., например: [Ахметова, 2015]). Кроме того, употребление определенного варианта названия жителей либо помещение этого слова в специальный контекст позволяет выражать эмоции и оценки, а также влиять на фоновые знания реципиента.

В этом случае языковая единица в соответствии с принципом «часть обладает всеми свойствами целого» способствует выполнению той задачи, которая стоит перед автором газетного материала, а иногда и изданием в целом. Исследуя городские газеты, И.А. Пушкарева выделяет для них мемориально-краеведческую функцию [Пушкарева, 2017], что представляется обоснованным в масштабах газеты. Возникает вопрос, способна ли сохранять историческую память, вызывать определенные реакции и ассоциации и передавать знания краеведческого характера одна языковая единица, хотя и обладающая большим функциональным потенциалом?

Анализ разновременных текстов показал, что катойконимы, унаследовавшие часть семантических компонентов производящих топонимов (см. об этом: [Васильев, 2012; Ильин, 2012; Левашов, 1968]), обладают таким потенциалом. Реализация последнего имеет эволюционный характер, то есть семантически катойконим адаптируется к свойствам языка эпохи. Предваряя рассмотрение конкретных примеров, отметим, что ответ на сформулированный выше вопрос тесно связан с такой топонимической проблемой, как исчезновение географических названий (см. об этом, например: [Попов, 2021]). Часть волгоградских катойконимов, которая должна была утратиться из словарного запаса местных жителей, по разным причинам еще употребляется. Это явление и позволяет нам выделить для катойконимов особую функцию, реализация которой возможна не в рамках собственно лингвистического контекста, а в результате актуализации фоновых знаний, выходящих за пределы соответствующего материала:

(17) Особенно красивой, по воспоминаниям **царицынцев**, была в этом храме икона Рождества Христова, созданная иконописцем Андреем Милениным («Волгоградская правда», 25.02.2016);

(18) Через 20 минут на площадке возле музея «Россия. Моя история» стартует Царицынский бал и флешмоб «**Царицынцы**» («Волгоградская правда», 31.08.2019).

В приведенных и других подобных им примерах посредством катойконима осуществляется отсылка к тому периоду, когда областной центр носил название *Царицын*. Та-

ким образом автор материала настраивает читателя на соответствующее восприятие ценностей, поведения, мировоззрения людей другой эпохи. Схожий способ воздействия на сознание реципиента информации отражен и в названии флешмоба в контексте (18), хотя в данном случае языковая единица уже является не столько катойконимом в его традиционном понимании, сколько именем собственным-названием мероприятия.

Катойконимы из указанных и аналогичных им контекстов считаем правильным отнести к разряду историзмов, так как с карты региона исчезли либо соответствующие географические названия в связи с переименованием, либо населенные пункты. Дериваты же продолжают употребляться во многом вследствие значимости этих населенных пунктов для истории области и для жизни современных волгоградцев в целом. Если важность регионального центра во все периоды его существования комментарию не требует, то значимость других населенных пунктов необходимо конкретизировать в контексте. Так, материалы, в которых фиксируются обозначения жителей исчезнувшей немецкой колонии Сарепта, содержат объяснение статуса поселения и его жителей:

(19) Найдя на Ергенинских горах родники, **сарептяне** построили один из первых в России водопроводов («Волгоградская правда», 04.07.2013);

(20) Имя доктора Вира было известно далеко за пределами поселения и сыграло не последнюю роль в налаживании отношений **сарептян** с калмыками («Волгоградская правда», 04.07.2013);

(21) **Сарептяне** стали первыми сажать экзотический тогда картофель, готовить бальзамы и настои на травах («Волгоградская правда», 30.01.2015);

(22) Но главным достижением **сарептян** было созданное ими в начале девятнадцатого века горчичное производство («Волгоградская правда», 29.09.2018).

Примеры (19)–(22) намеренно приведены в хронологическом порядке, чтобы продемонстрировать, что подобные употребления – не единичные случаи, а сознательное, регулярное и активное использование конкретных катойконимов-историзмов.

Ярким примером использования катойконимов-историзмов еще со времен Сталинградской битвы стал дериват *сталинградцы*,

который уже в военные годы превратился в нарицательное имя и символ памяти о героях и пережитых ими событиях, приобрел различные значения и коннотации. Такая особенность названного деривата сохранилась и частично видоизменилась в современных, причем не только региональных, газетных текстах. Подобные свойства характерны и для производящего топонима *Сталинград* [Ильин, 2012].

Особым случаем функционирования историзмов становится употребление катойконимов, именующих жителей исчезающих населенных пунктов. В соответствии с закономерностями развития общерусской катойконимии и ее региональной подсистемы для малочисленных поселений нерационально использовать соответствующие дериваты, в том числе если потенциально нет лингвистических препятствий для их образования. В это же время в волгоградской прессе материалы о вымирающих поселках нередко сопровождаются появлением либо активизацией ранее ушедших в пассивный словарный запас соответствующих оттопонимических производных. Наиболее характерные примеры – село Нижний Балыклей (*нижнебалыклейцы*) и станица Степано-Разинская (*степаноразинцы*) в Быковском районе (подробно см.: [Кириллова, 2021]). Важно, что такие употребления дериватов фиксируются именно в районных периодических изданиях современного синхронного среза. В указанных выше и других подобных случаях катойконим становится и ярким средством выражения социальной оценки, акцентируя внимание читателя на важности проблемы исчезновения целых поселений. Во время прочтения материала о населенном пункте, в котором подчеркивается мысль о нескольких оставшихся жителях, возникает ощущение, что названия типа *нижнебалыклейцы* и *степаноразинцы* действительно были актуальны именно раньше, а сейчас контрастируют с реальностью.

Помимо историзмов в региональных медиа фиксируются и архаизмы, то есть вышедшие из употребления формы катойконимов, которые заменены новыми либо функционируют параллельно с ними. Так, в военное и довоенное время для жителей районного центра Быковского района Быково употреблялся дериват *быковцы*, как в письме бойца И. Быкова:

(23) Здравствуйте дорогие, товарищи земляки, **быковцы!** («Большевицкое слово», 27.04.1944).

В тот же период появлялась и номинация *Быковчане* (в газетах 1940-х гг. катойконимы нередко писались с заглавной буквы), и только она упоминается в материалах за 1985–1991 и 2010–2021 годы. Подобные примеры наблюдаются и в калачевской газете «Борьба», и в областном издании, где до сегодняшнего дня сосуществуют архаичный вариант *царицане* и современный *царицынцы*. При этом форма, созданная по образцу XIX в., может окончательно «выйти из языковой моды», как произошло с *александрянами* (с. Александровка в Быковском районе), а может быть нормой изначально либо стать ею в процессе конкуренции с другими, появляющимися в более позднее время дериватами. Употребление архаичных названий объясняется рядом факторов: от демонстрации с помощью катойконима возраста населенного пункта (Камышин – *камышане*) до отражения уклада жизни населения, поскольку нередки случаи, например, «архаичного» наименования для жителей станиц (Голубинская – *голубяне*). В подобных случаях, в отличие от контекстов с лексемой *быковцы*, дериват не может считаться архаизмом. Употребление устаревшей словообразовательной модели обусловлено комплексом внеязыковых и собственно языковых факторов, вследствие чего такой катойконим реализует мемориально-краеведческую функцию.

Выводы

Сравнительный анализ употребления катойконимов, зафиксированных в региональных СМИ 1940-х, 1980-х и 2010-х гг., позволил охарактеризовать функциональный потенциал исследуемых единиц. Внутритекстовые роли, типичные для катойконимов, согласно полученным данным целесообразно разделить на основные (номинативная, компрессивная), характерные для всех единиц в любых контекстуальных условиях, и дополнительные, раскрывающиеся в особом контекстуальном окружении (адресная, текстообразующая, мемориально-краеведческая, дифференцирующая, идентифицирующая, стилистическая и темпоральная).

В волгоградской прессе обнаружена тенденция к использованию названий жителей в качестве средства накопления и трансляции краеведческой информации. Отмечены особенности употребления отдельных дериватов в СМИ советского периода, в том числе наименований жителей исторически значимых населенных пунктов (*Сталинград* и *сталинградцы*): для таких номинаций характерно приращение дополнительных эмоциональных компонентов значения. В современных СМИ актуализированы текстообразующая и мемориально-краеведческая.

Более подробное изучение вопросов функционирования катойконимов в региональных газетных текстах, в том числе с привлечением большего количества фактического материала и данных новых синхронных срезов, является перспективой исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее, кроме визуального выделения катойконимов, сохранены орфография и пунктуация источника, если не указано иное.

² Катойконим приводится по орфографии 1940-х гг., в последующих периодах фиксируется в публикациях со строчной буквы.

³ Типовой контекст, характерный для публикаций в калачевской газете 1980-х годов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахманова О. С., 2004. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. М. : Едиториал УРСС. 576 с.
- Ахметова М. В., 2015. «Неправильное» именование как оскорбление (об одном аспекте вариантности катойконимов) // Шаги / Steps. Т. 1, № 1. С. 19–39.
- Васильев В. Л., 2012. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М. : Рукописные памятники Древней Руси. 816 с.
- Земская Е. А., 1992. Словообразование как деятельность. М. : Наука. 221 с.
- Ильин Д. Ю., 2012. Топонимическая лексика в текстах региональных газет конца XIX – начала XXI века: динамические процессы. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 408 с.
- Ильин Д. Ю., Рыженко А. Ю., 2013. Функциональные особенности семантики ойконимических наименований регионального топонимикона // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 2 (18). С. 8–14.
- Кириллова С. Е., 2016. Функционирование катойконимов в текстах региональных СМИ // Студенческий электронный журнал «СТРИЖ». № 2 (6). С. 11–14. URL: <http://strizh.vspu.ru/files/publics/1455702459.pdf> (дата обращения: 14.09.2021).
- Кириллова С. Е., 2021. Названия жителей в региональных газетных текстах как маркеры статуса населенного пункта // Материалы Научной сессии (г. Волгоград, 19–23 апреля 2021 г.). Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 263–265.
- Левашов Е. А., 1968. Москвичи и иных мест люди. Л. : Наука. 103 с.
- Никонов В. А., 2011. Введение в топонимику. М. : Изд-во ЛКИ. 184 с.
- Отин Е. С., 2004. Словарь коннотативных собственных имен. Донецк : Юго-Восток ЛТД. 412 с.
- Попов С. А., 2021. Исчезнувшие ойконимы как часть топонимического пространства региона // Культурный ландшафт регионов. Т. 3, № 3/4. С. 95–101. DOI: 10.17748/2686-8814-2021-3-3-4-95-101.
- Пушкарева И. А., 2017. О краеведческой концепции времени в дискурсе городской газеты конца XX – начала XXI в. (на материале рубрик газеты «Кузнецкий рабочий») // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 49. С. 52–66. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30715363> (дата обращения: 14.09.2021).
- Яицкова А. И., 2017. Городская идентичность в структуре социальной идентичности личности // Город, социум, среда: история и векторы развития : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Нижний Тагил, 14–15 сент. 2017 г.) / отв. ред. О. В. Рыжкова. Нижний Тагил : РГПУ. С. 117–120. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30100112> (дата обращения: 14.09.2021).

ИСТОЧНИКИ

- Большевицкая победа : [газ. Калачев. р-на Сталингр. обл.].
- Большевицкое слово : [газ. Быков. р-на Сталингр. обл.].
- Борьба : [газ. Калачев. р-на Волгогр. обл.].
- Волгоградская правда : [газ. Волгогр. обл.].
- Коммунар : [газ. Быков. р-на Волгогр. обл.].
- Сталинградская правда : [газ. Сталингр. обл.].

REFERENCES

- Akhmanova O.S., 2004. *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow, Editorial URSS Publ. 576 p.
- Akhmetova M.V., 2015. «Неправильное» именование как оскорбление (ob odnom aspekte variantnosti katoikonimov [“Incorrect” Naming As an Insult (About One Aspect of the Variance of Katoykonyms)]. *Shagi* [Steps], vol. 1, no. 1, pp. 19-39.
- Vasilyev V.L., 2012. *Slavyanskije toponimicheskie drevnosti Novgorodskoy zemli* [Slavic Toponymic Antiquities of the Novgorod Land]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi Publ. 816 p.
- Zemskaya E.A., 1992. *Slovoobrazovanie kak deyatel'nost* [Word Formation As an Activity]. Moscow, Nauka Publ. 221 p.
- Ilyin D.Yu., 2012. *Toponimicheskaya leksika v tekstakh regionalnykh gazet kontsa XIX – nachala XXI veka: dinamicheskie protsessy* [Toponymic Vocabulary in the Texts of Regional Newspapers of the Late 19th – Early 21st Century: Dynamic Processes]. Volgograd, Izd-vo VolGU. 408 p.
- Ilyin D.Yu., Ryzhenko A.Yu., 2013. Funktsionalnye osobennosti semantiki oykonimicheskikh naimenovaniy regionalnogo toponimykonu [The Semantic and Functional Potential of Oikonims in the Different Periods’ Texts of Regional Toponymikon]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 2 (18), pp. 8-14.
- Kirillova S.E., 2016. Funktsionirovaniye katoikonimov v tekstakh regionalnykh SMI [The Functioning of Katoikonyms in the Texts of the Regional Media]. *StRIZh*, no. 2 (6), pp. 11-14. URL: <http://strizh.vspu.ru/files/publics/1455702459.pdf> (accessed 14 September 2021).
- Kirillova S.E., 2021. Nazvaniya zhiteley v regionalnykh gazetnykh tekstakh kak markery statusa naselennogo punkta [Names of Inhabitants in Regional Newspaper Texts As Markers of the Status of a Settlement]. *Materialy Nauchnoy sessii (g. Volgograd, 19–23 aprelya 2021 g.)* [Proceedings of the Scientific Session (Volgograd, April 19–23, 2021)]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 263-265.
- Levashov E.A., 1968. *Moskvichi i inyykh mest lyudi* [Muscovites and People from Other Places]. Leningrad, Nauka Publ. 103 p.
- Nikonov V.A., 2011. *Vvedenie v toponimyku* [Introduction to Toponymy]. Moscow, Izd-vo LKI. 184 p.
- Otin E.S., 2004. *Slovar konnotativnykh sobstvennykh imen* [Dictionary of Connotative Proper Names]. Donetsk, YugoVostok LTD. 412 p.
- Popov S.A., 2021. Ischeznuvshie oykonimy kak chast toponimicheskogo prostranstva regiona [Disappeared Oikonyms As Part of the Toponymic Space of the Region]. *Kulturnyy landschaft regionov* [Cultural Landscape of the Regions], vol. 3, no. 3/4, pp. 95-101. DOI: 10.17748/2686-8814-2021-3-3-4-95-101.
- Pushkareva I.A., 2017. O kraevedcheskoy kontseptsii vremeni v diskurse gorodskoy gazety kontsa XX – nachala XXI v. (na materiale rubrik gazety «Kuznetskiy rabochiy») [On the Local Historical Conception of Time in the City Newspaper Discourse of the Late 20th – Early 21st Centuries (On the Material of the Newspaper Kuznetskiy Rabochiy Sections)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], no. 49, pp. 52-66. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30715363> (accessed 14 September 2021).
- Yaitskova A.I., 2017. Gorodskaya identichnost v strukture sotsialnoy identichnosti lichnosti [Urban Identity in the Structure of Social Identity]. Ryzhkova O.V., ed. *Gorod, sotsium, sreda: istoriya i vektory razvitiya: materialy vseros. nauch.-prakt. konf. (g. Nizhniy Tagil, 14–15 sentyabrya 2017 g.)* [City, Society, Environment: History and Vectors of Development. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Nizhniy Tagil, September 14–15, 2017)]. Nizhniy Tagil, RGPPU, pp. 117-120. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30100112> (accessed 14 September 2021).

SOURCES

- Bolshevistskaya pobeda: gaz. Kalachev. r-na Staligr. obl.* [Bolshevistskaya Pobeda. Newspaper of the Kalachevsky District of Stalingrad Region].
- Bolshevistskoe slovo: gaz. Bykov. r-na Staligr. obl.* [Bolshevistskoe Slovo. Newspaper of the Bykovsky District of Stalingrad Region].
- Borba: gaz. Kalachev. r-na Volgogr. obl.* [Bor’ba. Newspaper of the Kalachevsky District of Volgograd Region].
- Volgogradskaya pravda: gaz. Volgogr. obl.* [Volgograd Pravda. Newspaper of Volgograd Region].
- Kommunar: gaz. Bykov. r-na Volgogr. obl.* [Kommunar. Newspaper of the Bykovsky District of Volgograd Region].
- Staligradskaya pravda: gaz. Staligr. obl.* [Staligradskaya Pravda. Newspaper of Stalingrad Region].

Information About the Author

Svetlana Ye. Kirillova, Postgraduate Student, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, se_kirillova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5400-5972>

Информация об авторе

Светлана Евгеньевна Кириллова, аспирант кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, se_kirillova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5400-5972>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.13>

UDC 81'42:82-311.9
LBC 81.055.51

Submitted: 11.10.2021
Accepted: 20.12.2021

SYNCRETISM AS A SCIENCE FICTION TEXT'S "DIMENSION": EXPERIENCE OF SYSTEMIC DESCRIPTION

Irina A. Schirova

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

Yulia V. Sergaeva

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The complex phenomenon of syncretism has been a subject of close academic scrutiny in various aspects of humanities, social and natural sciences. In this paper, the study of syncretic features of science fiction texts fits into broader sociocultural context and relates to increasing complexity of modern reality, science and fiction. Understanding a fictional text as a complex and multidimensional integral whole, the authors consider syncretism a typologically marked textual "dimension", produced by a complex system of interrelated and interactive heterogeneous characteristics, fused into a textual whole to realize the author's intention. To confirm the hypothesis, the authors explore the syncretic science fiction texts of the 20th–21st centuries which create a unique fictional world to produce a blended model of the traditionally opposed ways of human cognition: rational and emotional. The authors give a brief overview of the specifics of understanding syncretism in different scientific disciplines; offer the definition of syncretism and the methodology of its description; distinguish three types of syncretism (syncretism of reality, of intention, and of language data); analyze heterogeneous textual characteristics as systemic manifestations of syncretism at different levels of textual organization: subject-and-thematic, lexical-and-semantic, and structural-and-syntactic. The mechanism of creating a syncretic text is connected with the deautomatization of a reader's perception and with higher cognitive activity of the interpreter.

Key words: syncretism, category of complexity, integrity, science fiction text, constitutive property, authorial intention, artistic model.

Citation. Schirova I.A., Sergaeva Yu.V. Syncretism As a Science Fiction Text's "Dimension": Experience of Systemic Description. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 2, pp. 159-170. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.13>

УДК 81'42:82-311.9
ББК 81.055.51

Дата поступления статьи: 11.10.2021
Дата принятия статьи: 20.12.2021

СИНКРЕТИЗМ КАК «ИЗМЕРЕНИЕ» НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА: ОПЫТ СИСТЕМНОГО ОПИСАНИЯ

Ирина Александровна Щирова

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Юлия Владимировна Сергаева

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Исследование феномена синкретизма встраивается авторами статьи в широкий современный социокультурный контекст и связывается с усложнением реальности, художественных форм и научных объектов. Исходя из понимания художественного текста как многомерного целостного образования, авторы видят в синкретизме одно из таких «измерений» – типологически маркированное текстовое свойство, реализуемое сложной системой взаимосвязей разнородных текстовых характеристик, органическое «слияние» которых в текстовое целое обусловлено объединяющим началом авторской интенции. Сформулированная гипотеза подтверждается анализом синкретичных научно-фантастических текстов XX–XXI вв., в которых силою воображения креативного субъекта и в уникальной художественной форме моделируется неразрывная связь традиционно противопоставляемых способов человеческого познания – рационального и эмоционально-образного. В статье кратко охарактеризована специфика осмысления синкретизма в разных научных дисциплинах; дано его определение, предложена методология его описания и выделены виды синкретизма (синкретизм реальности, интенции и языковой данности), отражающие специфику художественного моделирования; установлены разнородные характеристики, маркирующие системность проявлений синкретизма на разных уровнях организации научно-фантастического текста: предметно-тематическом, лексико-семантическом и структурно-синтаксическом. Механизм порождения синкретичного текста сопряжен с деавтоматизацией читательского восприятия и активизацией когнитивной деятельности интерпретатора.

Ключевые слова: синкретизм, категория сложного, целостность, научно-фантастический текст, текстообразующее свойство, авторская интенция, художественная модель.

Цитирование. Щирова И. А., Сергаева Ю. В. Синкретизм как «измерение» научно-фантастического текста: опыт системного описания // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 159–170. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.13>

Введение

Актуальность исследования синкретизма как сложного явления коррелирует с усложнением современных реалий и интересом современной науки к проблеме сложного. Глобализация социальных процессов, новые формы коммуникации и рост объемов информации усложняют организацию мира, органично встраивая сложное в проблемное поле научного познания. Как составляющая глобального контекста наука пополняется сложными категориями и понятиями, использует комплексные и интегральные методы исследования, актуализирует целостность видения, утверждает методологический плюрализм. Изучение проявлений феномена сложности отвечает на вызовы времени.

Присущее современной культуре усложнение художественных форм заставляет согласиться с определением Ю.М. Лотманом искусства как «особой коммуникации», «особым образом организованного языка», «генератора языков особого типа», оказывающих человеку «незаменимую услугу» [Лотман, 1998, с. 15, 17]. Языки искусства обслуживают одну из самых сложных и не до конца ясных по механизму сторон человеческого знания [Лотман, 1998, с. 17]. Психологизация повествования и замещение жесткой событийной линии неопределен-

ностью «внутренних событий»; перемещение авторской оценки в подтекст и перепоручение повествования ненадежному нарратору; сложные для разграничения виды «чужой речи»; постмодернистская антиосновность и размывание норм, «отказ от серьезности и всеобщий плюрализм» (фразеология В.П. Руднева: [Руднев, 1997, с. 221]), реализующий себя в иронии, пародии, пастише и стилизации; по словам И. Ильина, «калейдоскопически меняющиеся ракурсы действительности, в своем мелькании не дающие возможности познать ее сущность» (цит. по: [Руднев, 1997, с. 224]), полидискурсивность и поликодовость, – все эти способы художественной организации усложняют восприятие текста и расширяют спектр интерпретативных решений, предопределяя рост когнитивной активности адресата. Аналогичные компетенции требуются от имплицитного читателя синкретичных научно-фантастических текстов, выступающих предметом рассмотрения в этой статье.

Тезис о сложности и гетерогенности художественного текста, многомерности его организации и разнообразии его свойств, планов, областей и повествовательных инстанций, об иерархии смысловых уровней текста и сочетающихся в нем знаковых систем давно воспринимается как научная аксиоматика (более подробно см.: [Щирова, 2008; 2013]). Тек-

стовый синкретизм, к проявлениям которого оправданно отнести и синкретизм текстотипа (ср. тексты психологического или авантюрного детектива, фэнтези, научной фантастики, киберпанка, литературно-критического эссе и пр.), вносит в текст «дополнительное изменение», маркирует интеграцию «инородных» элементов. Усложнение организации увеличивает трудность его восприятия.

Феномен синкретизма исследовался в разных областях научного знания. В философско-культурологической традиции описание нерасчлененности первобытного мышления и первобытной культуры связывается с именами Э.Б. Тайлора, Л. Леви-Брюля, К. Леви-Стросса, Э. Дюркгейма [Тайлор, 1989; Леви-Брюль, 1994; Леви-Стросс, 1999; Дюркгейм, 1995]. Синкретизм первобытного сознания в мифологии разрабатывался в фундаментальных трудах М. Элиаде, А.Ф. Лосева, Е.М. Мелетинского, Б. Малиновского, Дж. Кэмпбелла [Элиаде, 1996; Лосев, 1994; Мелетинский, 2000; Малиновский, 1998; Кэмпбелл, 2004]. Идеи синкретизма обнаруживаются в трудах о «первозданном слове», из которого вырастает миф [Афанасьев, 1995], в выводах В.М. Жирмунского о разрушении границ между жанровыми канонами и видами искусства [Жирмунский, 1977], в концепции взаимопроникаемости литературных родов и видов [Белинский, 2014]. В исследованиях средневекового сознания и словесности также отмечаются проявления синкретизма (ср., например: [Аверинцев, 1997; Бахтин, 1990; Хейзинга, 2011]). Отдельные виды духовной деятельности воспринимаются в это время как «жизнь в ее нерасторжимом единстве», «интегрированная цивилизация» [Эко, 2004, с. 34]. Так, М.М. Бахтин обнаруживает начало средневековой драматургии в синтезе серьезной и смеховой традиций [Бахтин, 1990].

Спектр лингвистических исследований синкретизма также достаточно широк. Вопросы сложных синкретичных образований и явления переходности в языке и речи разрабатывались В.В. Виноградовым, О.С. Ахмановой, В.В. Бабайцевой [Виноградов, 2001; Ахманова, 1969; Бабайцева, 2017], синкретизм рассматривался как семантическая, лингво-мыслительная и исследовательская категории [Колесов, 1991; Пименова, 2011; Береснева,

2017], а ранний синкретизм – как универсальное онтологическое свойство [Чеснокова, 1988]. Недискретные, диффузные зоны синкретизма выделялись в морфологии и синтаксисе разных языков, в сфере частей речи и членов предложения (см., например: [Чареков, 2009; Высоцкая, 2006; Meiser, 1992; Baerman, 2007; Luraghi, 2001]). Лингвисты рассматривали понятия, близкие синкретизму по смысловому содержанию, например, сложные синтетические произведения, созданные на базе ранее существовавших текстов и на стыке жанров (ср. «роман-притча», «сказка-притча» в творчестве Б. Брехта, Дж. Оруэлла, У. Фолкнера, Ж.-П. Сартра).

Представленная история исследования синкретизма, бесспорно, не исчерпывает всего многообразия подходов к этому сложному феномену. Выделяя наиболее известные направления его изучения, авторы стремились показать некоторые их взаимосвязи, увидеть синкретизм как целостность, встроив его в глобальный культурный контекст.

Важной составляющей научного знания сегодня признается его контекстуализация. Например, Е.Ю. Ильинова и Л.А. Кочетова обоснованно указывают на недостаточность рассмотрения языковых и структурных характеристик для получения адекватного представления о дискурсе в жанровом аспекте, которое требует и прагматической перспективы [Ильинова, Kochetova, 2016]. Общая логика исследования синкретизма демонстрирует осмысления механизмов его порождения, форм проявления и функций на разных этапах социокультурного развития. Изучение синкретичных научно-фантастических текстов XX–XXI вв. в настоящей работе связывается с усложнением реальности, художественных форм и научных проблем, характеризующих современную эпоху как эпоху сложного. Под синкретизмом текста при этом понимается имеющее системный характер, органическое сочетание в сложном, иерархически организованном текстовом целом разнородных (разноуровневых, разноплановых и т. д.) дифференциальных характеристик: семантико-структурных, функционально-коммуникативных, когнитивно-дискурсивных и пр.

Синкретичный текстотип научной фантастики сочетает в себе дифференциальные

характеристики двух типов текста: научного и художественного. Объективируемые в них разные способы познания – рациональное и эмоциональное (художественно-образное) – неразрывно объединяются в смысловой цельности текста единой авторской интенцией. Каждый из взаимосвязанных текстотипов вместе с тем обладает качественной определенностью, то есть отличается от иного текстотипа конститутивными характеристиками.

Целью исследования выступает системное описание синкретичного текста как целостности, а синкретизма – как текстообразующего и типологически маркированного его свойства.

Материал и методы

Методология исследования учитывает интегративный характер современного научного познания. Движение к адекватному осмыслению сложного синкретичного текста обеспечивается целостным подходом, основанным на понимании текста как ингерентного компонента литературной коммуникации. Отражая стремление к целому в познании мира, коммуникативно-когнитивные субъекты (автор, читатель, фикциональный субъект), порождаемый и воспринимаемый синкретичный текст, а также экстралингвистический контекст трактуются как взаимосвязанные и взаимообусловленные элементы в составе целостного единства и рассматриваются в многообразии формируемых ими неразрывных связей. В работе используются метод моделирования, лингвостилистический и контекстуальный анализ, сравнительно-сопоставительный метод и метод научной рефлексии.

Сложность художественного текста как иерархически организованного смыслового целого и «единицы высшего ранга» [Тураева, 2021, с. 23], усложнение текстовой организации в синкретичном текстотипе, а также продуктивность использования целостных (холистических) подходов в изучении сложных феноменов ориентирует на рассмотрение синкретичного текста научной фантастики как сложной системы взаимосвязей и взаимодействий разнородных характеристик, которые: а) репрезентируются на разных уровнях и в разных областях организации текста (ср. уров-

ни реальной коммуникации; авторской интенции и изображенной коммуникации или области прагматики, интенциональной семантики и семантики / содержания, в терминологии Ю.И. Левина [Левин, 1998]); б) актуализируются на разных этапах существования текста (порождение – восприятие – понимание – интерпретация) и предполагают разные ракурсы рассмотрения (ср. текст как: сложное, многомерное антропоцентрическое образование; иерархически организованное смысловое целое; индивидуально-авторский вариант концептуализации мира; художественная модель; неотъемлемый компонент коммуникативной ситуации; результат совместной когнитивной деятельности когнитивных субъектов-соавторов, языковая данность и пр.).

Материалом исследования послужили научно-фантастические короткие рассказы, написанные как признанными классиками этого жанра, так и менее известными авторами (R. Bradbury, A. Asimov, A. Clarke, T. Chaing, A. Feldman, A. Bloch). Выбор малообъемной прозы обусловлен ее информативной насыщенностью и компрессией языкового материала. Обозримость текстового пространства короткого рассказа повышает степень точности выводов о прослеживаемых закономерностях.

Результаты и обсуждение

Синкретизм науки и искусства в образном «инобытии» художественной модели

Являясь спекулятивной литературой, сложные научно-фантастические тексты основываются на фантастических допущениях и совмещают объективную реальность с субъективно прогнозируемыми гипотетическими событиями. Определение уровня их реальности осложняется и спецификой художественного текста: любая его «реальность» оказывается фикцией.

Объектом моделирования в текстах научной фантастики выступают наука и искусство – ключевые сферы познавательной деятельности. Основа их традиционного противопоставления формируется контрастом между сущностными характеристиками науки – ее обращенностью к *ratio*, обезличенностью,

установкой на создание объективных и системно организованных знаний и отличительными характеристиками искусства, которому присущи обращенность к *emotio* человека и открытая субъективность, декларируемая в эстетически выразительных художественных формах. На современном этапе социокультурного развития эти традиционные контрасты, однако, не всегда проявляются со всей очевидностью: наука вступает в диалог с иными способами познания, демонстрирует множественные междисциплинарные связи, что воспринимается как объективная закономерность. Усложнение реальности и научных объектов, антропоориентированность науки и субъективизация научной истины ставят под сомнение возможность решения сложных задач усилиями одной научной дисциплины. Поиск «точек пересечения» между явлениями, синтез знания и проблемно-ориентированный характер возвращают науку к идее целостного мышления. Актуально звучат слова В.И. Вернадского: «Отделение научного мировоззрения и науки от одновременно или ранее происходившей деятельности человека в области религии, философии, общественной жизни или искусства невозможно, поскольку «эти проявления человеческой жизни тесно сплетены между собой и могут быть разделены только в воображении» [Вернадский, 1988, с. 58].

***Синкретичный текст как целостность:
синкретизм реальности, интенции
и языковой данности***

Обратимся к эмпирическому материалу и проследим механизмы реализации синкретизма в тексте научной фантастики, исходя из того, что взаимопроникновение и взаимодействие его дифференциальных характеристик, обусловлены смысловой целостностью текста. Обратим особое внимание на слияние традиционно несочетаемого на разных уровнях и в разных планах текста. Для упорядочивания характеристик сравниваемых сущностей разграничим в ходе анализа три вида синкретизма – синкретизм реальности, синкретизм авторской интенции и синкретизм языковой данности. Выделенные типы синкретизма, характеризующие объект моделирования;

модель как гипотетическое построение и объективирующую ее языковую данность прослеживаются на разных уровнях и в разных областях организации научно-фантастического текста. При этом в синкретичном текстотипе «научно-фантастический текст» характеристики искусства ингерентно присущи художественному тексту, интегрирующему в себя элементы научного текста, а характеристики науки – научному тексту, интегрируемому в текст художественный. Синкретичный научно-фантастический текст, как следствие, продемонстрирует органическое слияние разнородных характеристик.

Синкретизм реальности в научно-фантастическом тексте закономерно включает характеристики науки в число реализующих его дифференциальных характеристик. Отличительной особенностью современной научной реальности являются интеграционные процессы и частный случай их проявления – междисциплинарность. Художественно-трансформированная реальность научно-фантастического текста, воспроизводя характеристики объекта моделирования, отсылает адресата к различным культурным смыслам и аспектам научной деятельности, фиксирует проявления междисциплинарности. К такого рода проявлениям относится взаимодействие:

а) информационных технологий, робототехники и религии (Clarke A. “The Nine Billion Names of God”);

б) биологии и медицины, философских и религиозных представлений (Chiang T. “Exhalation”);

в) археологии, анатомии и антропологии (Bloch A. “Men are Different”).

Переплетение «проявлений жизни» в анализируемой литературе не ограничивается сочетанием дифференциальных характеристик в синкретичной картине мира текста. Предметы обсуждения фикциональных субъектов, например, спасение вселенной от всепоглощающей энтропии (Asimov A. “The Last Question”) или непредсказуемое во времени влияние незначительного на систему – так называемый «эффект бабочки» (Bradbury R. “A Sound of Thunder”) отображают интересы реального социума. Актуальность научной проблематики повышает эффективность воздействия текста на картину мира реципиента, программи-

рует его когнитивную активность, предопределяет успешность «вчувствования» в художественный текст.

Метаязык науки традиционно используется для передачи фактуальной, концептуальной и гипотетической научной информации, нейтральной по своей оценочной направленности; ассоциируется с научной деятельностью и ее атрибутами: предметом научных исследований, отраслями научного знания, научными дисциплинами и институтами, научными специальностями и пр. В проанализированных текстах метаязык науки был, в частности, представлен номинациями:

– фактов, предметов, процессов и явлений из сферы науки – *robots, relays, circuits, interstellar travel, uranium, hyperspace, Solar station*;

– отраслей наук и представляющих их ученых – *scientist, archeologist, historian, researcher, mathematician, psychiatrist*;

– гипотез, концепций, теорий – *advocates of the inscription hypothesis, the problem of entropy, Ilinski technique* и пр.

Художественный текст – уникальная смысловая целостность, все составляющие которой передают единый глубинный смысл. Реализуя интенцию автора текста, интегрируемые в него «инородные» элементы научного текста становятся неотъемлемой составляющей художественного текстового целого. Так, на уровне сюжетной линии создание верифицируемого научного знания перемещается в сферу гипотетической реальности: сафари оказывается путешествием во времени (*Time Safari*) и охотой на динозавров: *All you got to worry about is – “Shooting my dinosaur,”* (R.B.); ученый-археолог, проводящий эксперимент над человеком, – роботом: *I’m an archaeologist, and Men are my business* (A.B.); математики – представителями инопланетной расы: *the invaders from the Dog-star Sิริuss were the greatest mathematicians in the System* (A.F.), а привычный современному поколению компьютер – суперкомпьютером, способным анализировать сложнейшие проблемы человечества: *supercomputer Multivac used to analyze human problems and provide the most effective solution* (A.A.).

В мире вымышленной реальности элементы научной деятельности обретают

не свойственные им семантические характеристики и функции. Например, в рассказе «Exhalation» (Т.Сh.) биолого-медицинский термин *lungs*, номинирующий гипотетическую реалию вымышленного будущего и составляющий основу семантического ряда, получает новые смысловые наслоения и комбинаторные свойства: легкие становятся механическим контейнером для заправки воздуха и предметом обмена (*a replacement lung, to keep spare sets of full lungs, emptied lungs, filling stations for lungs* и т. п.). Согласно авторской интенции, сочетания с ключевым словом *lungs* не только обозначают технические детали эксперимента персонажа-киборга, но и выстраивают развернутую концептуальную метафору «дыхание = жизнь», то есть нечто живое и естественное, наполняющее жизнью Вселенную и противостоящее неодушевленному механическому. Образ поддерживается метафорическими выражениями с семантически сходными лексемами *breath, exhalation* (*the universe began as an enormous breath* (здесь и далее выделено нами. – И. Ш., Ю. С.) *being held, a universe’s exhalation*), превращается в лейтмотив, появляется в сильных позициях заглавия («Exhalation») и завершающих абзацах. Значение существительного *lung* – ‘either of the two **organs** in the **chest** with which **people** and some **animals breathe**’ [Cambridge Dictionary] – в масштабах целостного текста пополняется новыми семантическими нюансами и получает символический смысл жизненного начала. Как и чудотворное божественное дыхание, оно не имеет временных границ: *I hope that you were motivated by a desire for knowledge, a yearning to see what can arise from a universe’s exhalation. Because even if a universe’s lifespan is calculable, the variety of life that is generated within it is not* (Т.Сh.).

Синкретизм интенции в научно-фантастическом тексте подразумевает включение в художественную модель элементов с разнородными характеристиками, органически сочетающимися в силу общей направленности на реализацию авторской интенции и передачу глубинного текстового смысла. Смысл этот реализуется в форме, деавтоматизирующей читательское восприятие. Достоверная, интеллективная и точная научная

информация, традиционно апеллирующая к ratio человека, превращается в составляющую фикционального мира, моделируемого в сознании литературных коммуникантов. Обретая новые образные формы, она используется для трансляции не научной истины, а художественной правды.

Так, в рассказе о путешествии во времени на сафари в мезозойскую эру «A Sound of Thunder» (R.B.) в уникальной эстетической форме объективируется равнодушное, бережное отношение к природе и истории человечества. Страстная речь протагониста – персонажа Тревиса содержит «пучок» стилистических приемов: градацию, синтаксический параллелизм, усиленный повторами, в том числе анафорическими. Становясь неотъемлемой частью художественного образа, фактуальная информация (цифры, даты, названия реальных животных), обретает форму эмотивно заряженного манифеста, контрастирует с безразличием к судьбе планеты антагониста Тревиса – охотника Экельса, маркирует авторское мировидение:

“And all the families of the families of the families of that one mouse! With a stamp of your foot, you annihilate **first one, then a dozen, then a thousand, a million, a billion** possible mice!”

“So they’re dead,” said Eckels. “**So what?**”

“**So what?**” Travis snorted quietly. “Well, what about the foxes that’ll need those mice to survive? **For want of ten** mice, a fox dies. **For want of ten** foxes a lion starves. **For want of** a lion, all manner of insects, vultures, infinite billions of life forms are thrown into chaos and destruction” (R.B.).

Синкретизм языковой данности текста научной фантастики объективирует синкретизм художественной модели, воспроизводящей синкретизм реальности, и реализуется в дифференциальных характеристиках науки и искусства, неразрывно связанных авторской интенцией. Рациональный способ познания (научная сфера деятельности) моделируется с помощью научной терминологии (*calcium compound, microscope, periscope*); топонимов и антропонимов, совпадающих с реальными или имитирующими таковые (*planet called Earth, Tibet, Texas, Grand Canyon, President Keith*); точных цифр и дат (*A.D. 2055. A.D. 2019. 1999! 1957! Gone!*). Языковое модели-

рование чувственно-образного способа познания (творческой деятельности) осуществляется с помощью изобразительных и выразительных средств, типичных для художественного текста как произведения искусства – перцептуальных образов и тропов: *Sounds like music and sounds like flying tents filled the sky, and those were pterodactyls soaring with cavernous gray wings, gigantic bats of delirium and night fever* (R.B.); эмотивной и оценочной лексики: *Was there any limit to the follies of mankind? monstrous giant* (A.C.); экспрессивного синтаксиса: *All the energy we could ever use, forever and forever and forever* (A.A.) и пр. Фантастические основания научно-фантастического текста прогнозируют наличие в нем многообразных элементов вымышленной реальности. Так, в рассказе «The Mathematicians» (A.F.) фантастические образы пришельцев моделируются с помощью:

а) вымышленных имен (*Zizzo, Zizza, Zalibar*);

б) вымышленного языка, носителями которого они выступают:

– “Papa, what sort of language did these Star-beings talk?”

– “A very simple language, but the humans were never able to master it. So, the invaders, being so much smarter, mastered all the languages of the globe” (A.F.);

в) необычной внешности:

– “Wasn’t there any difference at all between the Star-beings and the humans, papa?”

– “There was. The newcomers, each and all, had a pair of wings covered with green feathers growing from their shoulders, and long, purple tails” (A.F.).

Необычный для восприятия научно-фантастический мир также конструируется и с помощью концептуальной интеграции. В процитированном рассказе «The Mathematicians» она формирует основу бленда *An-vils*, раскрывающего двойственную сущность пришельцев-математиков: наполовину ангелов и наполовину демонов (*Half angels, half devils*).

Согласно авторской интенции, неоднородность образа пришельцев-математиков, погружившихся в мир ранее несвойственных для них человеческих эмоций, обеспечивается синкретичной семантикой глагола *to multiply*.

Глагол реализует два значения – математического действия умножения и воспроизведения потомства:

– “And what happened to Zizzo and Zizza, papa?”

– Well, like all the An-vils, they were great mathematicians. So, they **multiplied**” (A.F.).

Комический эффект каламбура на уровне композиции дополняется неожиданной развязкой. Портретная художественная деталь (наличие крыльев) деавтоматизирует восприятие текста, имплицитно связывает прошлое и настоящего: отец и дочь оказываются потомками давно покинувших Землю пришельцев:

– “Oh, papa,” laughed Zoe, **flapping her wings** excitedly, “that was a very nice story!” (A.F.).

Таким образом, заглавие рассказа «Mathematicians» пополняется новыми смыслами, органически встраиваясь в текстовое целое.

Бесспорно, семантика, формы и функции синкретичного научно-фантастического текста сложнее, чем они представлены в статье, а лежащие в его основе фантастические допущения, как и уходящие в мифологию корни синкретизма, расширяют круг культурных смыслов, которые еще могут быть подвергнуты анализу. Перспективной представляется и детализация взаимосвязей, формирующих сложный анализируемый текстотип, и разработка его когнитивных механизмов.

Выводы

1. Предложенное понимание синкретизма как комплексного феномена обусловлено усложнением реалий мира, научных объектов и художественных форм, адекватное описание которых сегодня требует холистических и целостных подходов. Данные концептуально-методологические ориентиры рассматривались как релевантные при исследовании стилового и текстового синкретизма, синкретизма научно-фантастического текстотипа, усложняющего структуру и семантику текста, и художественного текста как иерархически организованного смыслового целого.

2. Синкретизм научно-фантастического текста оправданно трактовать как конститутивное типологически отмеченное текстовое свойство, органическое сочетание взаимосвязанных и взаимодействующих дифференциальных (разнородных) текстовых характеристик, реализующихся в разных областях, планах, уровнях и на разных этапах «жизни» текста. Системные проявления дифференциальных характеристик объединяются авторской интенцией синкретичного научно-фантастического текста в иерархически организованную смысловую целостность, обретают взаимосвязь и взаимообусловленность.

3. Разнородность характеристик синкретичного текстотипа деавтоматизирует восприятие текста читателем, активизируя его когнитивную деятельность по актуализации глубинного текстового смысла.

4. Синкретизм научно-фантастического текста воспроизводит синкретизм реальности – неразрывную связь науки и искусства как традиционно противопоставляемых друг другу сфер жизнедеятельности человека, репрезентируется в художественной модели на гипотетическом уровне авторской интенции (синкретизм интенции) и объективируется языковыми средствами (синкретизм языковой данности).

5. Взаимосвязи и взаимодействия дифференциальных характеристик в целостной системе синкретичного научно-фантастического текста реализуют единство его многообразия в двух направлениях. Элементы научного текста, интегрируемые в художественный текст, реализуют авторскую интенцию на конструирование смыслового целого в форме образного инобытия; становясь его ингерентной составляющей, они актуализируют качественно новые смысловые приращения и обретают новую функциональную направленность. Художественный текст, интегрируя элементы научного текста как текста иной качественной определенности, обретает текстовое свойство синкретизма и новый статус синкретичного текстотипа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аверинцев С. С., 1997. Поэтика ранневизантийской литературы. М. : Coda. 343 с.

- Афанасьев А. Н., 1995. Поэтические воззрения славян на природу. В 3 т. Т. 1. М. : Современ. писатель. 257 с.
- Ахманова О. С., 1969. Лингвистическое значение и его разновидности // Проблема значения в лингвистике и логике. М. : Сов. Россия. С. 12–17.
- Бабайцева В. В., 2017. Система членов предложения в современном русском языке. М. : Флинта. 496 с.
- Бахтин М. М., 1990. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М. : Худож. лит. 543 с.
- Белинский В. Г., 2014. Разделение поэзии на роды и виды. М. : Директ-Медиа. 99 с. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=37234> (дата обращения: 27.05.2021).
- Береснева В. А., 2017. Лингвистический синкретизм: опыт категориального изучения проблемы // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1 (50). С. 118–122. DOI: 10.20916/1812-3228-2017-1-118-122.
- Вернадский В. И., 1988. О научном мировоззрении // Труды по всеобщей истории науки. М. : Наука. С. 42–79.
- Виноградов В. В., 2001. Русский язык: грамматическое учение о слове. М. : Рус. яз. 719 с.
- Высоцкая И. В., 2006. Синкретизм в системе частей речи современного русского языка. М. : Моск. пед. гос. ун-т. 304 с.
- Дюркгейм Э., 1995. Социология. М. : Канон. 352 с.
- Жирмунский В. М., 1977. О поэзии классической и романтической // Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л. : Наука. С. 134–138.
- Колесов В. В., 1991. Семантический синкретизм как категория языка // Вестник Ленинградского государственного университета. Серия 2. Вып. 2, № 9. С. 40–49.
- Кэмпбелл Дж., 2004. Мифический образ. М. : АСТ. 688 с.
- Леви-Брюль Л., 1994. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М. : Педагогика-Пресс. 608 с.
- Леви-Строс К., 1999. Первобытное мышление. М. : ТЕРРА-Книжный клуб. 392 с.
- Левин Ю. И., 1998. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М. : Яз. рус. культуры. 824 с.
- Лосев А. Ф., 1994. Миф. Число. Сущность. М. : Мысль. 920 с.
- Лотман Ю. М., 1998. Об искусстве. СПб. : Искусство-СПб. 704 с.
- Малиновский Б., 1998. Магия, наука и религия. М. : АСТ. 304 с.
- Мелетинский Е. М., 2000. Поэтика мифа. М. : Наука. 407 с.
- Пименова М. В., 2011. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания. № 3. С. 19–48.
- Руднев В. П., 1997. Постмодернизм // Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. М. : Аграф. 384 с.
- Тайлор Э. Б., 1989. Первобытная культура. М. : Политиздат. 573 с.
- Тураева З. Я., 2021. Текст: Структура и семантика М. : URSS. 136 с.
- Хейзинга Й., 2011. Осень Средневековья. СПб. : Изд-во И. Лимбаха. 768 с.
- Чариков С. Л., 2009. Семантическая структура словообразования в русском и алтайских языках. СПб. : ЛГУ им. А.С. Пушкина. 116 с.
- Чеснокова Л. Д., 1988. Синкретизм в сфере членов предложения // Филологические науки. № 4. С. 41–47.
- Щирова И. А., 2008. О человекомерности науки и текста // Стиль. № 7. С. 197–211.
- Щирова И. А., 2013. Текст сквозь призму сложного. СПб. : Политехника-Сервис. 217 с.
- Эко У., 2004. Эволюция средневековой эстетики. СПб. : Азбука-классика. 111 с.
- Элиаде М., 1996. Аспекты мифа. М. : Инвест – ППП : СТ «ППП». 240 с.
- Baerman M., 2007. Syncretism // Language and Linguistics Compass. Vol.1. P. 539–551. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1749-818X.2007.00024.x>. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (date of access: 30.07.2021).
- Pyinova E. Yu., Kochetova L. A., 2016. Diachronic Perspective in Text and Discourse Studies: Review of Approaches // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 15, № 4. С. 18–25. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.2>.
- Luraghi S., 2001. Syncretism and the Classification of Semantic Roles // STUF – Language Typology and Universals. № 54 (1), P. 35–51. DOI: <https://doi.org/10.1524/stuf.2001.54.1.35>.
- Meiser G., 1992. Syncretism in Indo-European Languages – Motives, Process and Results // Transactions of the Philological Society. № 90. P.187–218. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-968X.1992.tb01060.x>.

ИСТОЧНИКИ

- A.A. – Asimov A., 2021. The Last Question. URL: <https://owlcation.com/humanities/Science-Fiction-Short-Stories-Online> (accessed 23 June 2021).
- A.B. – Bloch A., 2021. Men are Different. URL: <https://owlcation.com/humanities/Science-Fiction-Short-Stories-Online> (accessed 23 June 2021).

- A.C. – Clarke A., 2021. The Nine Billion Names of God. URL: https://urbigenous.net/library/nine_billion_names_of_god.html (accessed 30 July 2021).
- A.F. – Feldman A., 2021. The Mathematicians. URL: <https://owlcation.com/humanities/Science-Fiction-Short-Stories-Online> (accessed 28 June 2021).
- R.B. – Bradbury R., 2021. A Sound of Thunder. URL: <https://owlcation.com/humanities/Science-Fiction-Short-Stories-Online> (accessed 10 August 2021).
- T.Ch. – Chiang T., 2021. Exhalation. URL: <http://www.lightspeedmagazine.com/fiction/exhalation> (accessed 30 July 2021).

REFERENCES

- Averintsev S.S., 1997. *Poetika rannevizantijskoy literatury* [Poetics of Early Byzantine Literature]. Moscow, Coda Publ. 343 p.
- Afanasyev A.N., 1995. *Poeticheskiye vozzreniya slavyan na prirodu. V 3 t. T. 1* [Poetic Views of the Slavs on Nature. In 3 Vols. Vol. 1]. Moscow, Sovremenny pisatel Publ. 257 p.
- Akhmanova O.S., 1969. Lingvisticheskoye znachenie i yego raznovidnosti [Linguistic Meaning and Its Types]. *Problema znacheniya v lingvistike i logike* [The Problem of Meaning in Linguistics and Logic]. Moscow, Sov. Rossiya Publ., pp. 12-17.
- Babaytseva V.V., 2017. *Sistema chlenov predlozheniya v sovremenном russkom yazyke* [The System of Sentence Parts in Modern Russian Language]. Moscow, Flinta Publ. 496 p.
- Bakhtin M.M., 1990. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kultura srednevekovyaya i Renessansa* [The Work of François Rabelais and the Popular Culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ. 543 p.
- Belinsky V.G., 2014. *Razdeleniye poezii na rody i vidy* [The Division of Poetry into Kinds and Forms]. Moscow, Direkt-Media Publ. 99 p. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=37234> (accessed 27 May 2021).
- Beresneva V.A., 2017. Lingvisticheskiy sinkretizm: opyt kategorialnogo izucheniya problemy [Linguistic Syncretism: Categorical Approach to the Issue]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], no. 1 (50), pp. 118-122. DOI: 10.20916/1812-3228-2017-1-118-122.
- Vernadsky V.I., 1988. O nauchnom mirovozzrenii [On Scientific Worldview]. *Trudy po vseobshhey istorii nauki* [Works on the History of Science]. Moscow, Nauka Publ., pp. 42-79.
- Vinogradov V.V., 2001. *Russkiy yazyk: grammaticheskoye ucheniye o slove* [Russian Language: Grammatical Teaching About the Word]. Moscow, Russkiy yazyk Publ. 719 p.
- Vysotskaya I.V., 2006. *Sinkretizm v sisteme chastei rechi sovremennogo russkogo yazyka* [Syncretism of Parts of Speech in Modern Russian Language]. Moscow, Moskovskiy pedagogicheskiy gosudarstvennyy universitet. 304 p.
- Durkheim E., 1995. *Sotsiologiya* [Sociology]. Moscow, Kanon Publ. 352 p.
- Zhirumsky V.M., 1977. O poezii klassicheskoy i romanticheskoy [On Classical and Romantic Poetry]. *Teoriya literatury. Poetika. Stilistika* [Theory of Literature. Poetics. Style]. Leningrad, Nauka Publ., pp. 134-138.
- Kolesov V.V., 1991. *Semanticheskiiy sinkretizm kak kategoriya yazyka* [Semantic Syncretism As a Linguistic Category]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. iss. 2, no. 9*, pp. 40-49.
- Campbell J., 2004. *Mificheskiy obraz* [The Mythic Image]. Moscow, AST Publ. 688 p.
- Levy-Bruhl L., 1994. *Sverkhhestestvennoe v pervobytnom myshlenii* [Primitives and the Supernatural]. Moscow, Pedagogika-Press Publ. 608 p.
- Levi-Strauss C., 1999. *Pervobytnoe myshlenie* [Primitive Thinking]. Moscow, TERRA-Knizhnyy klub Publ. 392 p.
- Levin Yu.I., 1998. *Izbrannyye trudy. Poetika. Semiotika* [Selected Works. Poetics. Semiotics]. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ. 824 p.
- Losev A.F., 1994. *Mif. Chislo. Suschnost* [Myth. Number. Essence]. Moscow, Mysl Publ. 920 p.
- Lotman Yu.M., 1998. *Ob iskusstve* [About Art]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ. 704 p.
- Malinovsky B., 1998. *Magiya, nauka i religiya* [Magic, Science and Religion]. Moscow, AST Publ. 304 p.
- Meletinsky E.M., 2000. *Poetika mifa* [The Poetics of Myth]. Moscow, Nauka Publ. 407 p.
- Pimenova M.V., 2011. Leksiko-semanticheskiiy sinkretizm kak proyavlenie formalno-soderzhatelnoy yazykovoy asimmetrii [Syncretism in Lexical Semantics Manifesting the Linguistic Asymmetry Between Form and Meaning]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], no. 3, pp. 19-48.
- Rudnev V.P., 1997. Postmodernizm [Postmodernism]. *Slovar kultury XX veka. Klyuchevyye ponyatiya i teksty* [The 20th Century Culture Dictionary. Key Notions and Texts]. Moscow, Agraf Publ. 384 p.
- Tylor E.B., 1989. *Pervobytnaya kultura* [Primitive Culture]. Moscow, Politizdat Publ. 573 p.

- Turaeva Z.Ya., 2021. *Tekst: Struktura i semantika* [Text: Structure and Semantics]. Moscow, URSS Publ. 136 p.
- Huizinga J., 2011. *Osen' Srednevekovyaya* [The Autumn of the Middle Ages]. Saint Petersburg, Izd-vo I. Limbaha. 768 p.
- Charekov S.L., 2009. *Semanticheskaya struktura slovoobrazovaniya v russkom i altayskikh yazykakh* [Semantic Structure of Word Formation in the Russian and Altai Languages]. Saint Petersburg, LGU im. A.S. Pushkina. 116 p.
- Chesnokova L.D., 1988. Sinkretizm v sfere chlenov predlozheniya [Syncretism in the System of Sentence Parts]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], no. 4, pp. 41-47.
- Schirova I.A., 2008. O chelovekomernosti nauki i teksta [Man As the Measure of Humanities and Text]. *Stil'* [Style], no. 7, pp. 197-211.
- Schirova I.A., 2013. *Tekst skvoz prizmu slozhnogo* [Text Through the Complexity]. Saint Petersburg, Politehnika-Servis Publ. 217 p.
- Eco U., 2004. *Evoljutsiya srednevekovoy estetiki* [Art and Beauty in the Middle Ages]. Saint Petersburg, Azbuka-klassika Publ. 111 p.
- Eliade M., 1996. *Aspekty mifa* [Aspects of a Myth]. Moscow, Invest – PPP Publ., ST «PPP» Publ. 240 p.
- Baerman M., 2007. Syncretism. *Language and Linguistics Compass*, vol. 1, pp. 539-551. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1749-818X.2007.00024.x>. *Cambridge Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (accessed 30 July 2021).
- Ilyinova E.Yu., Kochetova L.A., 2016. Diachronic Perspective in Text and Discourse Studies: Review of Approaches. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 15, no. 4, pp. 18-25. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.2>.
- Luraghi S., 2001. Syncretism and the Classification of Semantic Roles. *STUF – Language Typology and Universals*, no. 54 (1), pp. 35-51. DOI: <https://doi.org/10.1524/stuf.2001.54.1.35>.
- Meiser G., 1992. Syncretism in Indo-European Languages – Motives, Process and Results. *Transactions of the Philological Society*, no. 90, pp. 187-218. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-968X.1992.tb01060.x>

SOURCES

- Asimov A., 2021. *The Last Question*. URL: <https://owlcation.com/humanities/Science-Fiction-Short-Stories-Online> (accessed 23 June 2021).
- Bloch A., 2021. *Men are Different*. URL: <https://owlcation.com/humanities/Science-Fiction-Short-Stories-Online> (accessed 23 June 2021).
- Clarke A., 2021. *The Nine Billion Names of God*. URL: <https://owlcation.com/humanities/Science-Fiction-Short-Stories-Online> (accessed 23 June 2021).
- Feldman A., 2021. *The Mathematicians*. URL: <https://owlcation.com/humanities/Science-Fiction-Short-Stories-Online> (accessed 28 June 2021).
- Bradbury R., 2021. *A Sound of Thunder*. URL: <https://owlcation.com/humanities/Science-Fiction-Short-Stories-Online> (accessed 10 August 2021).
- Chiang T., 2021. *Exhalation*. URL: <https://owlcation.com/humanities/Science-Fiction-Short-Stories-Online> (accessed 30 July 2021).

Information About the Authors

Irina A. Schirova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of English Philology, Herzen State Pedagogical University of Russia, Reki Moyki Emb., 48, 191186 Saint Petersburg, Russia, english.phil.dept@herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3378-8677>

Yulia V. Sergaeva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of English Philology, Herzen State Pedagogical University of Russia, Reki Moyki Emb., 48, 191186 Saint Petersburg, Russia, ysergaeva@herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2868-5190>

Информация об авторах

Ирина Александровна Щирова, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. реки Мойки, 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия, english.phil.dept@herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3378-8677>

Юлия Владимировна Сергаева, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. реки Мойки, 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия, ysergaeva@herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2868-5190>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.14>

UDC 81'38
LBC 81.055

Submitted: 24.01.2021
Accepted: 20.12.2021

PRINCIPLES OF SYSTEM MODELING OF THE GENRE (EXEMPLIFIED BY TEXTS OF NATURAL WRITTEN SPEECH)

Nadezhda I. Tyukaeva

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The article determines the problems of modern speech genre modeling and proposes a method for solving them. The methodology for describing the speech genre in modern linguistics needs to work out principles that are focused on system design. In genre modeling, at the present stage, the main tendency towards the so-called "portraiture" (passportization) has formed. The logical result was the accumulation of many essay works, which introduce diverse descriptions of individual genres without revealing their system characteristics. As a productive technology for speech genre description, a universal methodology of functional modeling is being developed. It allows constructing the genres with the parameters of regularity, commitment and oppositional character. Considering the genre model as a complex structure, the author describes its constituting modules in their syntagmatic interaction. The hypothesis of formal transformational modeling is put forward: an oppositional change in the typical structure of a module entails de-structuring, and decay of the speech genre. The article describes some stages in the formal transformational modeling of a genre module. In order to identify the attributive content of the genre, an analysis according to the so-called communicative-semiotic model was chosen as a productive method. A methodology of transformational opposition analysis is being developed. It arises from the idea of combinatorial and contrastive functions attribution to the author's modules of the genre. Substitutional analysis is performed by correlating the selected module of the genre with the same module of another genre in order to identify differentiation between them. The proposed principle of describing the genre is postulated as a method of objective modeling.

Key words: method, system modeling, model of the genre, speech genres, prototypical approach.

Citation. Tyukaeva N.I. Principles of System Modeling of the Genre (Exemplified by Texts of Natural Written Speech). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 2, pp. 171-184. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.14>

УДК 81'38
ББК 81.055

Дата поступления статьи: 24.01.2021
Дата принятия статьи: 20.12.2021

ПРИНЦИПЫ СИСТЕМНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ЖАНРА (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ ЕСТЕСТВЕННОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ)

Надежда Ивановна Тюкаева

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия

Аннотация. В статье определяются теоретико-методологические проблемы современного построения модели речевого жанра и предлагается способ их решения. Показано, что в жанровом моделировании на современном этапе основной является тенденция к портретированию (паспортизации), закономерным результатом реализации которой стало накопление множества работ-очерков, где описаны отдельные жанры, но не показаны их системные характеристики. Утверждается, что продуктивная технология описания речевого жанра возможна на базе универсального метода функционального моделирования, который позволит конструировать жанры с опорой на признаки регулярности, обязательности, оппозитивности. Исходя из того, что модель жанра представляет сложную структуру, предлагается описание ее компонентов в их синтагматическом взаимодействии с применением формально-трансформационного анализа. Выдвинута гипотеза: оппозиционное изменение типовой структуры модуля ведет к деструктуризации, разрушению

речевого жанра. В статье на примере одного из модулей жанра описаны некоторые этапы реализации функционального моделирования. Для установления атрибутивного состава жанра избран продуктивный коммуникативно-семиотический анализ и разработана методика трансформационно-опозиционного анализа, в основе которой лежит идея закреплённости за модулями жанра комбинаторной и контрастивной функций. Субститутивный анализ проведен посредством соотношения выделенного модуля жанра с однотипным модулем другого жанра с целью обнаружения дифференциации между ними. Предложенный метод описания жанра постулируется как метод объективного моделирования.

Ключевые слова: метод, системное моделирование, модель жанра, жанры речи, прототипический подход.

Цитирование. Тюкаева Н. И. Принципы системного моделирования жанра (на примере текстов естественной письменной речи) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 171–184. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.14>

Введение

В последние годы появилось большое количество исследований, посвященных моделированию языковых объектов, в частности жанров речи. Кроме того, можно с уверенностью констатировать, что современное жанроведение начинает осознавать необходимость поиска методологических оснований для построения моделей речевых жанров (далее – РЖ).

В связи с этим в настоящей статье поднимается вопрос о принципах и методах построения модели речевого жанра, определяются некоторые методологические проблемы современного способа построения его модели и предлагается метод решения задач жанрового моделирования.

Способность носителей языка порождать и воспринимать речь реализуется за счет устойчивых структур, которые являются бессознательными (со стороны автора и адресата) маркерами РЖ. Любой текст, в той или иной степени отражая эти структуры, выступает перед лингвистом как репрезентант РЖ и дает исследователю основания конструировать его структуры, отождествляя их с определенным жанром.

В нашей работе методология исследования содержания жанровой модели высказывания опирается на понимание его как совокупности признаков типовых реализаций текста. Иными словами, модель жанра представляется в качестве структуры, состоящей из моделей признаков, функционирующих как устройство, иерархически организованное, реализующее стратификацию высказываний и их идентификацию. В работах по речевому

жанроведению, опубликованных представителями Сибирского лингвистического кружка (Барнаул – Кемерово), неоднократно высказывалась мысль о заложенной в инвариантной модели жанра возможности реализации типовых жанровых структур (автора, адресата, композиции, темы, ситуации и пр.).

Применение деятельностного подхода в описании жанра (изучение способов реализации речевой деятельности) позволяет констатировать следующее: автор, имея набор персональных признаков (языковые и неязыковые факты, дающие возможность идентифицировать языковую личность автора), синтезирует их с комплектом жанровых свойств речевого произведения и тем самым систематизирует, стандартизирует собственную речь в соответствии с формальными требованиями РЖ. Согласимся с мнением М.Ю. Федосюка о том, что в отечественном жанроведении полный перечень содержательных признаков РЖ, по-видимому, «и составляет ту прозрачную для распознавания адресатом характеристику коммуникативных намерений говорящего» [Федосюк, 1997, с. 108], которую М.М. Бахтин называл речевым замыслом автора [Бахтин, 1986].

Очевидно, жанровая модель речевого производства, избранная в качестве приоритетной, задает правила речевого поведения создателю высказывания, что обеспечивает выбор языковой личностью того или иного РЖ.

Исходя из того, что каждый текст естественной речи оформлен как РЖ, хотелось бы отметить проблему степени жесткости построения каждого жанра и в онтологическом, и в гносеологическом модусах. Так, М.М. Бахтин разграничивал стандартизованные жанры такого типа, как приветствие и поздравление,

где говорящему предоставляется минимум возможностей для собственного творчества, и более «свободные», в которых степень жесткости соблюдения условного «стандарта» уменьшается [Бахтин, 1986]. В естественной речи, которая представлена в большей степени «свободными» жанрами, под стандартом понимается условный тип речи, который интуитивно осознается носителями языка как эталон или прототип жанра. При осмыслении РЖ мы придерживаемся позиции В.В. Дементьева, который считает речевой жанр «переходным явлением между языком и речью» [Дементьев, 2002, с. 30], определяемым не коммуникацией, а ее формой [Бахтин, 1986, с. 253]. Исходя из этого, становится очевидным, что онтологическая сложность изучаемого объекта (РЖ) и формирующих его факторов приводят ученых к трудному поиску подходов и методов реконструкции РЖ в гносеологическом аспекте.

Рассуждая в этом ключе, хотелось бы обозначить методологический принцип жанроведения: сквозь призму типового текста могут рассматриваться языковые и речевые явления языка (их структура и система). Осознавая, что язык как динамическая система (существующая в деятельности) «обеспечен целостностью при действии языковой надсистемы» [Оленев, 2016, с. 26], мы предполагаем, что РЖ является надсистемой языка как детерминанта того, что, по словам Н.Д. Голева, «задает устойчивые режимы функционирования всей системы» [Оленев, 2016, с. 26]. В таком понимании РЖ необходимо толковать как инвариант согласованного комплекса языковых единиц, оформленных в виде модели, который представляет тип сложной «адаптивной системы» [Мельников, 1972, с. 188], обеспеченной единицами, субстанцией, функцией, детерминацией, адаптацией, надсистемой. Очевидно, что проблемы построения гносеологической модели РЖ как подвижной системы, соединяющей два начала: языковое и речевое, – связаны с тем, что речевой жанр испытывает на себе влияние множества факторов. В таком онтологическом освещении РЖ обнаруживается как проводник языковых понятий в социум (от одного субъекта другому). Иными словами, РЖ рассматривается нами как модель «физиологического» [Бодуэн

де Куртенэ, 1963, с. 191–192] воплощения языковой системы (кроме физиологического И.А. Бодуэн де Куртенэ выделял психологический и физический миры), способной информировать о языковых фактах и представлениях о них социум.

Материалы и методы

Гносеологическое осмысление РЖ и изучение признаков текста в аспекте жанровой реализации, то есть исследование принципов формального и содержательного конструирования речи, инициирует использование метода моделирования высказываний в рамках определенного жанра. Этот метод признан наиболее продуктивным [Шмелева, 1997; Тарасова, 2007; Дрофман, 2012; Шерстяных, 2014; Шурлина, 2017; Усачева, 2010; Пром, Йованович, 2017; Тюкаева, 2019; и др.], так как его применение позволяет реконструировать РЖ на базе выявления пучка признаков жанра. Преимущество жанрового моделирования как способа описания РЖ видится нами в особых онтологических свойствах объекта. С одной стороны, РЖ дифференцируются носителями языка по ряду признаков, которые возможно свести к прототипичным, то есть идеальным, частотным по отношению к жанру. Это «крайние, полярные (чистые) случаи, в которых рассматриваемые объекты наиболее четко и резко противопоставлены друг другу» [Русская..., 1973, с. 15]. С другой стороны, РЖ – это модель, форма построения высказывания, поэтому выделение определенных в тексте структурных элементов такой модели и установление их корреляции с языковыми и речевыми фактами позволяет обнаружить типовые комбинации, правила построения типового высказывания и принципы его организации. В этом случае конкретное высказывание выступает в качестве варианта текста стандартной структуры (инварианта РЖ). В связи с этим встает вопрос о методах и подходах реконструкции вариантов текстов в пределах РЖ с целью обнаружения их типовой конструкции. Одним из наиболее востребованных методов современного жанрового моделирования является метод прототипического анализа (см.: [Fromilhague, 1996; Кузьмина, 2006; Акулова, 2007; Тырыгина,

2008; Гаврилова, 2008; Прохорова 2012; Кантурова, 2012; Шеина, 2015; и др.], том числе и наша работа: [Тюкаева, 2005]).

Основными методами прототипического описания определяются следующие: а) обнаружение эталона текста (прототипа) на основе убеждения в том, что жанр «предполагает существование некоего прототипа» [Тырыгина, 2008, с. 120], и распространение идеи прототипа на тематические единицы текста с их последующим описанием; б) определение референта для имени жанра и понимание референта как прототипа жанра; в) описание прототипа как набора параметров (выдержка из работы: «параметры относятся либо к сфере контекста – все, что обуславливает данную коммуникативную ситуацию, и в первую очередь характер взаимодействия ее актантов, либо к сфере контекста – языковое наполнение и окружение фрагмента» [Гаврилова, 2008, с. 74]). В таком ракурсе модель жанра представляет организацию «признаков этого концепта по принципу поля» [Гаврилова, 2008, с. 74].

Иными словами, изучение РЖ на основе прототипического анализа направлено на определение ядра жанра, то есть «идеального» в жанровом исполнении текста (прототипа), в большей степени отражающего свойства РЖ.

Анализ прототипических подходов к характеристике РЖ (подробнее об этом см.: [Тюкаева, 2021]) показал, что проблема системного описания, которая «не только не решена, но и имеет многолетний отрицательный опыт» [Дементьев, Феина, 2005, с. 6], связана с методологическими погрешностями, не позволяющими выйти за рамки эмпирического подхода. Рассмотрим методологический принцип прототипического подхода с позиции конструктивного анализа с целью выявления проблемных узлов его использования.

Методологический коллапс при попытках обнаружить прототип РЖ вызван тем, что исследователь¹ пытается решить задачу определения жанровых признаков, не имея инструментов описания. Так, при отсутствии набора признаков жанра (очевидно, его нужно установить) исследователь на интуитивном основании задает одну из констант формулы поиска единиц модели – прототип ('П'), эталон жанра. Иными словами, в таких исследованиях прототип жанра определяется как дан-

ность, то есть находится в области «дано». Далее, используя собственный опыт, исследователь вводит в модель РЖ набор признаков ($a, b, c, d, \dots$) прототипа («неизвестное»), выявленного интуитивным путем, методом подбора словесных формулировок, отражающих ответы на вопросы: «что?», «где?», «как?», «с какой целью?», «для кого?» и др. Интуитивные ответы на перечисленные вопросы и образуют формулу прототипа жанра (в исследовании это подается как набор признаков).

На следующем этапе исследования автор иллюстрирует языковыми средствами обозначенный конгломерат признаков с целью сопоставить особенности анализируемых текстов (объединенных по имени, например письмо, записка, переписка) и формулу прототипа (условно обозначим эти действия формулами неравенства: $a \geq a^*$; $b \geq b^*$; $c \geq c^*$; $d \geq d^*$ и др., где признаки с пометой «*» – это признаки анализируемых текстов). Признаки текста, совпадающие по характеристике со свойствами прототипа, принимаются за жанровые ($a = a^*$; $b = b^*$ – жанровые признаки; $c \neq c^*$; $d \neq d^*$ – нежанровые признаки). Таким образом, в поисках жанровых признаков посредством прототипического описания исследователь интуитивно определяет признаки прототипа, которые и переносит на объект исследования путем идентификации.

Думается, в определенной степени концепция использования опыта исследователя имеет право на существование, однако с объективистских позиций такой подход квалифицируется скорее как субъективный. Очевидно, что неудовлетворенность результатами таких описаний и провоцирует необходимость выработки иных принципов, способных объективировать процесс описания РЖ.

Исследования, посвященные определению признаков РЖ, предполагающие изучение процессов его формирования и выявление его специфических свойств, практически всегда осуществляют анализ экстра- и интралингвистических факторов по общепризнанным, принятым за образец и ставшим классическими моделям описания РЖ [Шмелева, 1997; Вежбицка, 1997; Лебедева, 2001; Иссерс, 2008; Williamson, 2010; Newsom, 2010; Шурлина, 2017; Шерстяных, 2014; и др.].

В научной литературе методику описания лингвистического объекта по определенным параметрам-схемам принято обозначать как портретирование [Апресян, 2006; Голев, Напреенко, 2016] или паспортизация [Лебедева, 2003; Стернин, Попова, 2007]. Жанровая паспортизация как принцип в генристике получила широкое распространение. При использовании этого метода определяются свойства РЖ, выделяется множество его признаков. В таком случае можно говорить, что жанровая паспортизация решает задачу соотнесения имени жанра с набором его признаков, то есть идентифицирования.

Обзорная паспортизация РЖ предполагает определение комплекса характеристик, выводимых с применением эмпирических методов: интуитивного анализа, наблюдения, концептуального анализа, путем выделения типичного, частотного (формально, лексически выраженного) языкового материала. Примеры обзорной жанровой паспортизации (обзорного портретирования) РЖ довольно многочисленны (см.: [Fromilhague, 1996; Акулова, 2007; Лебедева, 2001; 2003; Тюкаева, 2005; Кузьмина, 2006; Тырыгина, 2008; Гаврилова, 2008; Дрофман, 2012; Кантурова, 2012; Прохорова, 2012; Шеина, 2015; и др.]).

Закономерным следствием разноаспектного изучения и разностороннего описания РЖ оказалось появление множества несоотносимых между собой «паспортов» жанра. Безусловно, проводимые исследования описательного характера, как правило, оказываются одним из этапов развития научного направления и обусловлены онтологической многообразностью изучаемого объекта, представляющего весьма сложную динамическую модель, включающую экстралингвистические и собственно лингвистические признаки, разнообразные аттракторы, дискурсивные «дистрибуции», процессуальные парадигмы, функциональные признаки.

Нельзя не заметить, что в современном жанроведении наблюдается тенденция решения проблем по принципу эмпирического описания: путем перечисления лингвистических и экстралингвистических характеристик, соотносящих имя жанра (так называемый номиналистический принцип) с особенностями экспликации (иногда импlications) признаков высказы-

вания в пределах «текстотипа» (текста, содержащего жанровую структуру).

Осознание проблем, возникающих при применении эмпирического подхода, и разработка методов объективистского описания РЖ могут стать импульсом к переходу от номинализма, который занимает в сегодняшней жанроведческой парадигме главенствующее положение, к парадигме фактологического исследования. На методологическом уровне паспортизация РЖ концептуально связана с «теорией именованности». Иными словами, она направлена на поиски значений жанровой детерминации – «привязывание» признаков текста к его жанровому имени.

Языковеды часто оперируют именем жанра (иногда процесс номинации производится самим лингвистом) как понятием или дефиницией. Такое теоретизирование имени отражает эссенциалистический принцип и восходит к философскому спору Платона и Аристотеля (реализм и номинализм как философские течения). В современной теории речевого жанроведения наблюдается тенденция к развитию номинализма как методологического принципа, спецификой которого является изучение одноименных текстов в качестве продуктов, выполняющих некоторую гносеологическую функцию, то есть исследователи объединяют в один жанр тексты, в естественном языке связанные тем, что имеют одно имя (например, письмо, записка, девичий дневник), которому при анализе придается метаязыковой статус с соответствующей познавательной функцией. Следовательно, имя жанра, спонтанно созданное носителями языка, в генристике предстает в функции термина, преподнесенного в исследованиях как научный факт, характеризуемый рядом лингвистических признаков (именно их пытается обнаружить лингвист при описании конкретного жанра). На сегодняшний момент сложилась ситуация переноса имени жанра, естественно сложившегося в языке, в сферу терминообразования. Иными словами, естественное имя становится частью терминологической лингвистики (метаязыком).

Традиционно терминообразование как факт методологии – это один из концептуальных моментов исследования объекта (обычно конечных), фиксирующий в сокра-

щенном виде часть категорического суждения, имеющего отношение к определенной области научного познания. Очевидно, что движение теоретической мысли от термина к определению научного понятия является слабым местом номиналистической концепции, порождающей ряд проблем жанроведения. Примеры номиналистического описания РЖ довольно многочисленны, перечислим выдержки из названий научных статей, демонстрирующих этот подход: «последняя страница тетради как жанр», «пацанская лирика как жанр», «модель жанра “поэтическое послание”», «политическое эссе как жанр», «спонтанно-рефлекторные записи как жанр», «студенческое граффити как жанр». Также жанрами определяются названия форм компьютерно-опосредованной коммуникации (КОК): электронное письмо, чат, веб-страница, веблог и некоторые другие.

Предполагаем, что при описании конкретных РЖ в методологическом плане исследователю необходимо задаться вопросом: «Каков механизм разграничения жанров речи, например, при изоморфных лексических, функциональных и прочих признаках?». Если имена жанров различны и разведены в обыденном сознании, ведет ли это к однозначному языковому разграничению текстов и языковых моделей РЖ? Так, вопросы: «Беседа, разговор, болтовня, общение, обсуждение – это разные жанры?», «Какие факты языка свидетельствуют о разграничении этих жанров?» (при положительном ответе на первый вопрос) – относятся к принципиальным в гносеологическом плане.

Исследование жанра «от его имени» предполагает, что для описания каждого жанра создаются индивидуальные комплексы признаков-параметров. Иными словами, всякий раз создается уникальная модель жанра, свойственная только ему одному. Так, дифференциация жанров по названию с последующим определением ядерных признаков при совпадении параметра «материальный субстрат» не решает проблем, обозначенных вопросами: «Существует ли методика дифференциации этих явлений?», «На каких основаниях производится разграничение РЖ?». Например, надпись на стене гаража (субстрат – стена гаража): *Продается гараж* – может относиться

к разным жанрам и, соответственно, по-разному называться (граффити, объявление, записка, реклама и т. п.). С позиций номиналистического подхода эта надпись должна иметь разные признаки (структуру, субстрат, образ и пр.), если будет отнесена к разным жанрам.

В методологическом плане погрешности номиналистического подхода обнаруживают себя уже на начальной стадии исследования РЖ: по сути, задача лингвиста заключается в доказательстве соответствия имени жанра его текстовым особенностям. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что описанные подходы, выполнившие задачу осознания жанровой дифференциации, не способствуют реализации фактического описания РЖ, которое не должно ограничиваться, с одной стороны, сложившимся в социуме «именем», с другой стороны, поиском некоего прототипа, находящегося в области ментального, интуитивного представления.

Таким образом, обозначенная ситуация указывает на то, что жанроведение нуждается в иной методологии, а именно в разработке универсальной методики анализа РЖ. Решение заявленной проблемы видится в формировании другой теоретической основы, сводящейся к методике экспертного анализа, то есть анализа по установленным схемам, осуществляемого в условиях выбора между явлениями, находящимися в оппозитивной представленности (признак – антипризнак).

Накопленный опыт исследований в области речевого жанроведения имеет некоторую инертность, которую необходимо преодолеть. Исходя из идей, сформулированных М.М. Бахтиным, и учитывая многообразную практику описаний РЖ, каждый исследователь, работающий в русле речевого жанроведения, пытается определить то, что интуитивно нащупал в свое время основатель жанроведения М.М. Бахтин: жанр – это тип построения целого, отношений, целей, композиций, завершений, авторов, адресатов и пр.

Основой теоретико-методологического подхода, представленного в данной статье, послужили работы отечественных и зарубежных лингвистов в области теории речевых жанров и принципов моделирования (М.М. Бахтина, Т.В. Шмелевой, А. Вежбиц-

кой, В.В. Дементьева, Н.Д. Голева, Н.Б. Лебедевой и др.).

Результаты и обсуждение

Отправной точкой реализации идей объективного определения принципов организации РЖ считаем обнаружение методологической проблемы речевого жанроведения, то есть постановку вопросов, диагностику противоречий, связанных с обнаружением обозначенных М.М. Бахтиным типов высказываний – РЖ. Импульс движению жанроведения в сторону постановки проблемы, что уже является научным фактом, предполагающим некоторый результат в области методологии исследования, дает принцип лингвоэкспертной деятельности. Постановка вопросов: «На что влияет существование типов речи?», «Какие проблемы возникают при ошибочном выборе жанра?», «Возникнут ли коммуникативные ошибки при изменении структуры жанра?» – уже способна развернуть жанроведение от необходимости рассуждений об определении понятия «жанр», функции его имени к выработке методов, позволяющих давать экспертную оценку функциональным возможностям жанра. Очевидно, ответы на поставленные вопросы требуют разработки методологического аппарата для определения единиц, функций, характеристики системности РЖ.

В качестве продуктивной методики описания РЖ с нашей стороны предприняты попытки создания универсальной методики «функционального моделирования», которая позволит конструировать естественные письменные РЖ и их модули на основании регулярности, обязательности, оппозиционного характера. Универсальность разрабатываемой методики базируется на представлении РЖ как знака (семиотический подход) и поиске возможности его описания в виде конструкта или модели, ориентированной в направлении исследования системности, которая может быть зафиксирована в виде кода для функционального программирования.

Считаем, что в настоящий момент необходимо развивать концепцию построения конструкта РЖ по принципу системно-функционального анализа. Предполагается, что разрабатываемый принцип позволит систем-

но представить единицы жанра сквозь призму систематических категорий (субстанция, функция, детерминированность и др.) и теоретически обосновать системное моделирование автора жанра, позволяющее не только описать совокупность языковых элементов, организующих жанр, но и разработать принцип его реконструкции на основе анализа текстовой субстанции.

Исходный тезис нашего исследования заключается в том, что модель системы жанра в гносеологическом описании имеет сложную уровневую структуру: текст конструируется из ряда фациентов (признаков РЖ), которые образуют также конструкт, состоящий из комплекса единиц-признаков – условно назовем их *модули фациента* или *модули РЖ* (в концепции Н.Б. Лебедевой – «параметры», один из которых «автор» [Лебедева, 2003, с. 95]). Следовательно, инвариант модуля предстает как семиотический конструкт, варианты модуля – это речевые факты, имеющие значение и значимость в пределах жанра (подробнее об этом см.: [Тюкаева, 2019б, с. 212]). Попытки определения значения фациентов предпринимались в координатах ядро / периферия [Тюкаева, 2005; Лебедева, 2001; 2003], при этом выполнялись задачи опознавания признака жанра и поиск принципов выражения в нем жанрового значения. Возможно, модель жанра целесообразно конструировать по принципу функционального поля, но этот вопрос требует отдельного размышления, и его решение не является целью настоящей статьи.

Разрабатываемая методика функционального моделирования РЖ предполагает несколько этапов.

Для того чтобы решить проблему атрибутивного аспекта РЖ, то есть определить его единицы, необходимо провести анализ жанра по так называемой коммуникативно-семиотической модели² (КСМ), предложенной Н.Б. Лебедевой, так как эта модель отражает большее количество признаков высказывания (среди других моделей, представленных в жанроведении), учитывая «максимальное число элементов ситуации, конституирующих РЖ» [Лебедева, 2003, с. 98] (подробно об этом в нашей работе: [Тюкаева, 2019а; 2021]). Фациенты коммуникативно-семиоти-

ческой модели (элементы ситуации, конституирующие жанры естественной письменной речи) представляют рубрики описания, по которым можно производить многоаспектный обзор параметров конкретного РЖ. Такие обзоры многократно осуществлялись в рамках работ по описанию естественной письменной речи.

Исходя из вышесказанного, видится необходимой разработка параметров *системного моделирования* с целостной методологией описания. В этом отношении стремление к созданию объективистской методологии моделирования РЖ предполагает анализ компонентов по установленным схемам с минимальной опорой на опыт исследователя и его интуитивные предположения.

В рамках нашего описания каждый модуль жанра рассматривается в виде модели как комплекс речесемiotических особенностей, на основе которых моделируется РЖ. Придерживаясь логики системного описания, исследователь изучает признаки РЖ сквозь призму системных категорий, применяемых в общей теории систем: единиц, систем, функций, субстанций, надсистем, детерминант, адаптаций [Оленев, 2016, с. 26].

Реализация методики функционального моделирования жанра связана с необходимостью выявления всех элементов (единиц) системы текста, то есть *модулей* (мы отталкиваемся от понимания модуля конструктивного признака жанра как системы семиотических явлений, оязыковленных в тексте). В этом случае считаем эффективным применение метода формально-количественного обнаружения списка признаков модуля, который представляет наиболее частотные характеристики модуля (фациента), свойственные описываемому жанру. Такая работа осуществлена на примере ряда жанров естественной письменной русской речи (далее – ЕПРР³) [Тюкаева, 2005; Лебедева и др., 2021; и др.].

На следующем этапе моделирования РЖ предполагается проведение процедур выявления *значимых единиц в жанровой структуре*.

Определяя единицы модуля в модели жанра, необходимо исходить из того, что каждый признак жанра, реализованный в высказывании, онтологически представлен в виде лингвистических и экстралингвистических

знаков в их взаимосвязи с «конкретными» и «социальными» признаками в пространстве текста. Модули жанра в высказывании выступают, с одной стороны, как носители совокупной информации о языковой (речевой) и внеязыковой действительности, с другой – как выразители индивидуальных (персональных) и социальных (типовых) особенностей автора. В данном случае понятие «социальный», то есть типовой, жанровый, коллективный, используется для обозначения признаков, противопоставленных в речевом произведении «конкретным», то есть частным, индивидуальным, личным, персональным. Учет такого фактора, как персонологические образования в высказывании, в жанроведческих исследованиях требует выстраивания методических приемов по обнаружению и разграничению подобного рода структур при построении модели жанра. Эта работа частично реализована при описании персонем различных жанров [Тюкаева, 2016].

Выявление статуса модулей жанра предлагаем осуществлять по методике функционального моделирования жанра, которая в ряду прочих включает трансформационно-опозиционный анализ⁴. При дальнейшем выстраивании методики функционального моделирования необходимо в жанровый конструктор включить методы по выявлению идентификаторов модуля. Такое построение базируется на идее о том, что текст содержит типовую структуру модуля жанра, имеющую внутреннюю (глубинную) и внешнюю (поверхностную, формальную) части (подмодули), которые характеризуются отличными от модулей другого жанра качествами. Следовательно, принимая во внимание то, что дифференциальные признаки типовой структуры модуля жанра могут являться идентификаторами как самого модуля, так и РЖ в целом, выдвигаем гипотезу формально-трансформационного моделирования: оппозиционное (полярное) изменение (трансформация) типовой структуры модуля влечет деструктуризацию, разрушение РЖ. Иными словами, изменение жанрового модуля, состоящего из «закодированного» сочетания языковых и экстралингвистических компонентов, приведет к изменению значения и функции жанра и отразится на процессе идентификации РЖ.

Процедуру определения модуля жанра предлагается производить путем использования адаптированного к объекту исследования метода формально-количественного моделирования, описанного Н.Д. Голевым [Голев, Напреенко, 2016, с. 85] как универсальная методика атрибуции текстов. Основной принцип формально-количественного моделирования заключается в следующем: исходя из того, что «контрастивные по отношению друг к другу количественные данные могут являться идентификаторами» [Голев, Напреенко, 2016, с. 85], установление модулей РЖ возможно производить путем определения частотной фиксации факта. Таким образом, исследователь получает возможность вычислить типовые характеристики модуля РЖ. Принимая во внимание то, что этот метод нуждается в более детальном описании относительно использования его при изучении РЖ, считаем, однако, необходимым обозначить его в настоящей работе, но в качестве одного из приемов метода системного моделирования жанра.

Таким образом, функциональное моделирование жанра включает в себя ряд методов, в частности трансформационно-опозиционного анализа, когда каждый признак, выделенный эмпирическим путем (обзорной паспортизацией), подвергается субститутивному и трансформационному анализу. Субститутивный анализ предполагается производить посредством соотношения выделенного модуля жанра с однотипным модулем другого жанра с целью выявления дифференциации между ними или путеммены выделенного признака на противоположный (экстралингвистический и языковой). Априори устанавливается, что при замене инвариантного, типового модуля / подмодуля изменяется (в функциональном плане) и РЖ, о чем может свидетельствовать реакция носителей языка в ходе эксперимента или возникающее противоречие значений.

В основе трансформационно-опозиционного анализа лежит идея закрепленности за модулями РЖ комбинаторной и контрастивной функций, отображаемых в процессе изменения контекста (жанра) и/или чередования модулей.

Приведем пример апробации разрабатываемого метода.

Выделенный модуль «Автор» жанра «студенческое граффити»⁵ (тип возраста ав-

тора – «молодой» [Тюкаева, 2005, с. 76]; в нашей терминологии – подмодуль «Возраст») соотносится с модулями смежных по обозначенному признаку жанров: «Девичий альбом», «Девичий дневник», «Армейский альбом», «Армейское письмо», «Чат», «ВК» и др. В настоящий момент терминологический аппарат находится в активной разработке, поэтому признак жанра, условным обозначением которого является свернутая характеристика (словесная формула), определим как код. В жанре «студенческое граффити» код – «молодой».

Далее необходимо соотнести языковой модуль «Автор» «студенческого граффити» и модуль «Автор» перечисленных жанров.

Предположим, что при соотношении модулей наиболее частотным оказался подмодуль «Тема» (модуля «Автор»), где код «любовь» выражен частотной фразой *Я тебя люблю* и лексемой *любить*. Следовательно, обозначенные данные характеризуют модуль «Автор» жанра «студенческое граффити».

Следующий этап – субституция: изменение кода «молодой» на код «взрослый». В этом отношении на настоящем этапе осмысливаются два варианта методов.

Первый вариант – внеязыковой, осуществляемый путем экстралингвистической замены (метод – эксперимент): написание текста на парте «взрослым». Эксперимент предполагает варианты методов: метод опроса или ситуативного эксперимента, то есть стимуляция пожилого автора написать на парте. Подобного рода эксперименты уже проводились в рамках нашей лингвистической школы (Барнаул – Кемерово). Предположительные варианты опроса: а) что будет написано? б) кому адресована надпись? Частотность совпадений / несовпадений позволит соотнести данный параметр по шкале «типично / нетипично» для модуля «Автор» жанра «студенческое граффити».

Второй вариант эксперимента – языковой. Субституцию лингвистической составляющей модуля «Автор» предполагается проводить следующим образом: выделенные лингвистические признаки, например, модуля «студенческое граффити» заменить на лингвистические признаки оппозиционного модуля «Автор» – «мемуары». Код модуля «Автор» жанра «графффити» – «молодой», код модуля «Автор» жанра «мемуары» – «пожилой».

Так, если на парте написать текст с сохранением признаков модуля «Автор» жанра «мемуары» (подмодуль «Тема») и провести опрос с целью выявления реакции на данный факт, то считаем достаточной реакцию замешательства, чтобы зарегистрировать «жанровую ошибку». Фиксация жанровой ошибки позволяет квалифицировать обозначенный код как маркер модуля жанра. Описываемая методика нуждается в доработке, однако проведенные первичные эксперименты позволяют зафиксировать код «молодой» за модулем «Автор» жанра «студенческое граффити» и код «пожилой» за модулем «Автор» жанра «мемуары» (подобный эксперимент проведен в рамках выпускной квалификационной работы под нашим руководством, результаты опубликованы в [Тюкаева, 2019а]).

Трансформационно-оппозиционная методика была нами апробирована [Тюкаева, 2005; Лебедева и др., 2021], относительно результатов апробации необходимо отметить, что она нуждается в доработке, однако проведенные эксперименты позволяют квалифицировать некоторые модули жанров.

Заключение

Таким образом, мы обозначили проблемы современной теории речевых жанров в аспекте разработки принципов определения типовых признаков РЖ, предложили пути решения возникающих вопросов об особенностях объективистского описания модели РЖ и продемонстрировали продуктивность трансформационно-оппозиционного метода. Разработка методов описания РЖ связана с задачей построения его модели, синтезирующей накопленные знания об объекте в целостную методологию анализа, позволяющего прогнозировать как поведение автора в рамках определенного жанра, так и коммуникативное событие, соответствующее жанру. Предложенная методика описания РЖ позволяет квалифицировать функциональное моделирование как объективный метод. В результате в рамках данного исследования осуществлена попытка решения теоретико-методологической проблемы моделирования жанра речи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Имеется в виду любой исследователь, работающий по принципу полевого или прототипического описания жанра.

² Разработаны несколько востребованных в современной генрике схем-параметров описания РЖ (Т.В. Шмелева, А. Вежбицка, О.С. Иссерс).

³ Хотелось бы отметить, что в своем исследовании мы опираемся на тексты ЕППР. Выбор материала исследования обусловлен тем фактом, что тексты ЕППР представляют разновидность высказываний и отражают естественное, наивное, «не профессиональное» представление носителей языка, авторов текстов о генезисе, структуре и функционировании типов (жанров) естественных текстов. Заострим внимание на том факте, что анализ жанров ЕППР показывает наличие норм, типов, устойчивых структур, которые находятся в процессе саморегуляции, самоидентификации, без вмешательства внешних факторов (нормативных актов, регламентирующих организаций и пр.). Иными словами, интерес к жанрам ЕППР со стороны лингвистики вызван тем, что ЕППР – это система, в которой без предписаний, обучений, регулирований существуют нормы, стандарты, отраженные в письменных высказываниях. Эти «непрофессиональные» нормы чувствуются и регламентируются естественным образом носителями языка в онтологическом аспекте. В стремлении к объективному описанию параметров жанра мы останавливаемся на объекте ЕППР, где естественным образом сформированы и сохранены стандарты речи – РЖ. В данном аспекте важно заострить внимание на том, что форма высказываний ЕППР письменная. Это предполагает отсутствие адресата во время создания высказывания и автора в момент осуществления коммуникации и, следовательно, в определенной степени нивелирует влияние дискурса, ситуации непосредственного общения на процессы кодирования, последующего распаковывания информации, ее интерпретации, заложенных в модель РЖ, что объективизирует процесс гносеологического описания.

⁴ Трансформационно-оппозиционный анализ разрабатывается по принципу метода субституции как продолжение дистрибутивных процедур в условиях жанровой конструкции.

⁵ Инвариантно-вариативный способ описания жанра «студенческое граффити» был разработан нами в рамках коммуникативно-семиотической модели Н.Б. Лебедевой [Лебедева, 2003; Тюкаева, 2005]. В результате такого рода описания были получены доминантные признаки жанра, совокупность которых составила инвариант жанра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акулова Е. В., 2007. Речевой жанр «Объявление о знакомстве» как поле реализации культурно-специфических и тендерных представлений // Вестник Чувашского университета. Серия: Гуманитарные науки. № 1. С. 113–117.
- Апресян Ю. Д., 2006. Основные принципы и понятия системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография. М. : Яз. слав. культур. С. 33–74.
- Бахтин М. М., 1986. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. Изд. 2-е. М. : Искусство. С. 250–258.
- Бодуэн де Куртэнэ И. А., 1963. Фонетические законы // Избранные труды по общему языкознанию. В 2 т. Т. 2. М. : Акад. наук СССР. С. 189–208.
- Вежбицка А., 1997. Речевые жанры // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : Колледж. Вып. 1. С. 99–112.
- Гаврилова Е. В., 2008. Реализация разговорных жанровых прототипов в художественном тексте: на материале современной франкоязычной литературы : дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород. 192 с.
- Голев Н. Д., Напреенко Г. В., 2016. Формально-количественное моделирование языковой личности: идентификационный аспект // Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсоналогия. М. : Ленанд. С. 76–93.
- Дементьев В. В., 2002. Коммуникативная генристика: речевые жанры как средство формализации социального взаимодействия // Жанры речи. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та. Вып. 3. С. 18–40.
- Дементьев В. В., Фенина В. В., 2005. Когнитивная генристика: внутрикультурные речежанровые ценности // Жанры речи. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та. Вып. 4. С. 5–34.
- Дрофман И. И., 2012. «Паспорт» речевого жанра приветствия / прощания (по модели Т.В. Шмелевой) // Научная мысль Кавказа. № 1 (69). С. 20–22.
- Иссерс О. С., 2008. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М. : ЛКИ. 284 с.
- Кантурова М. А., 2012. Деривационные процессы в системе речевых жанров: на примере речевого жанра кулинарного рецепта : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск. 26 с.
- Кузьмина К. А., 2006. Структурные и языковые особенности проповеди как речевого жанра : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб. 23 с.
- Лебедева Н. Б., 2001. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования // Вестник БГПУ. № 1. С. 6–12.
- Лебедева Н. Б., 2003. К построению жанровой типологии (на материале естественной письменной русской речи) // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. В 3 ч. Ч. 2. Барнаул : Изд-во БГПУ. С. 91–100.
- Лебедева Н. Б., Зырянова Е. Г., Плаксина Н. Ю., Тюкаева Н. И., 2021. Жанры естественной письменной речи. Студенческое граффити, маргинальные страницы тетрадей, частная записка. М. : Красанд. 256 с.
- Мельников Г. П., 1972. Системный подход в лингвистике // Системные исследования : ежегодник. М. : Наука. С. 184–205.
- Оленев С. В., 2016. Аспектирующие и синтезирующие (системные) подходы к изучению языковой личности // Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсоналогия. М. : Ленанд. Вып. 2. С. 7–27.
- Пром Н. А., Йованович Т. Г., 2017. Комбинированная модель жанров печатных СМИ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. № 2. С. 16–18.
- Прохорова Л. П., 2012. Когнитивный механизм эволюции жанра сказки // Вестник Кемеровского государственного университета. № 4-4 (52). С. 103–106.
- Русская разговорная речь, 1973 / отв. ред. Е. А. Земская. М. : Наука. 485 с.
- Стернин И. А., Попова З. Д., 2007. Язык и национальная картина мира. Воронеж : Истоки. 61 с.
- Тарасова И. А., 2007. Коммуникативная модель жанра «поэтическое послание»: инвариант и культурные трансформации // Жанры речи. Саратов : Наука. Вып. 5. С. 300–310.
- Тырыгина В. А., 2008. Сравнительный анализ тематизированных матриц прототипических диктрем в текстах британских медиажанров // Вестник Челябинского государственного университета. № 3. С. 115–122.
- Тырыгина В. А., 2014. Жанр в перспективе трех семиотических измерений // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 19 (705). С. 176–187.
- Тюкаева Н. И., 2005. Студенческое граффити как жанр естественной письменной русской речи : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул. 229 с.
- Тюкаева Н. И., 2016. Принципы выделения персонажей в жанре «студенческое граффити» // Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсоналогия. М. : ЛЕНАНД. Вып. 2. С. 271–281.
- Тюкаева Н. И., 2019а. Моделирование речевого жанра: формально-функциональный аспект (на примере текстов естественной письменной)

- ной русской речи) // Культура и текст. № 2 (37). С. 189–200.
- Тюкаева Н.И., 2019б. Обоснование принципов системного моделирования жанра (на примере текстов естественной письменной речи) // Культура и текст. № 3 (38). С. 206–225.
- Тюкаева Н.И., 2021. Тексты естественной письменной речи как объект жанрового анализа: проблема метода // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 20, № 2. С. 99–110. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.9>.
- Усачева О. Ю., 2010. К определению понятия «жанр интернета» и построению модели жанра в среде интернет // Мир русского слова. № 1. С. 51–57.
- Федосюк М. Ю., 1997. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. № 5. С. 102–120.
- Шейна И. М., 2015. Прототипическая и дискурсивная модели жанра «договор» // Иностранные языки в высшей школе. Рязань : РГУ им. С.А. Есенина. С. 42–51.
- Шерстяных И. В., 2014. Моделирование речевых жанров (на примере комплимента) // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Вып. 1 (26). С. 168–176.
- Шмелева Т. В., 1997. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов : Колледж. Вып. 2. С. 88–98.
- Шурлина О. В., 2017. Модель речевого жанра «Веб-браузер» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 4-7. С. 65–67.
- Fromilhague C., 1996. Introduction a l'analyse stylistique. A Sancier-Chateau. Paris : Dunod. 270 p.
- Newsom C. A. 2010. Pairing Research Questions and Theories of Genre: A Case Study of the Hodayot // Dead Sea Discoveries. № 17. P. 270–288. URL: <http://82.179.249.32:2080/eds/pdfviewer/pdfviewer?vid=17&sid=57280dec-955e-439c-aadb72baf4ab5b4b%40sessionmgr115&hid=102> (date of access: 22.01.2021).
- Williamson R. Jr., 2010. Peshet: A Cognitive Model of the Genre // Dead Sea Discoveries. № 17. P. 336–360.
- Apresyan Yu.D., 2006. Osnovnye printsipy i ponyatiya sistemnoy leksikografii [Basic Principles and Concepts of System Lexicography]. *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [Language Picture of the World and System Lexicography]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ., pp. 33-74.
- Bakhtin M.M., 1986. Problema rechevykh zhanrov [The Problem of Speech Genres]. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., pp. 250-258.
- Boduen de Kurtene I.A., 1963. Foneticheskie zakony [Phonetic Laws]. *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu. V 2 t. T. 2* [Selected Works on General Linguistics. In 2 Vols. Vol. 2]. Moscow, Akad. nauk SSSR, pp. 189-208.
- Vezhbitska A., 1997. Rechevye zhanry [Speech Genres]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres. Collection of Scientific Articles], iss. 1, pp. 99-112.
- Gavrilova E.V., 2008. *Realizatsiya razgovornykh zhanrov v khudozhestvennom tekste: na materiale sovremennoy frankoyazychnoy literatury: dis. ... kand. filol. nauk* [Implementation of Conversational Genre Prototypes in a Literary Text: Based on the Material of Modern French-Language Literature. Cand. philol. sci. diss.]. Nizhniy Novgorod. 192 p.
- Golev N.D., Napreenko G.V., 2016. Formalno-kolichestvennoe modelirovanie yazykovoy lichnosti: identifikatsionnyy aspekt [Formal and Quantitative Modeling of Linguistic Personality: Identification Aspect]. *Yazykovaya lichnost: modelirovanie, tipologiya, portretirovanie. Sibirskaya lingvopersonologiya* [Linguistic Personality: Modeling, Typology, Portraiture. Siberian Linguopersonology]. Moscow, Lenand Publ., pp. 76-93.
- Dementev V.V., 2002. Kommunikativnaya genristika: rechevye zhanry kak sredstvo formalizatsii sotsialnogo vzaimodeystviya [Communicative Genristics: Speech Genres As a Means of Formalizing Social Interaction]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, iss. 3, pp. 18-40.
- Dement'ev V.V., Fenina V.V., 2005. Kognitivnaya genristika: vnutrikul'turnye rechezhanrovye tsennosti [Cognitive Genristics: Intra-Cultural Speech Values]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, iss. 4, pp. 5-34.
- Drofman I.I., 2012. «Pasport» rechevogo zhanra privetstviya / proshchaniya (po modeli T.V. Shmelevoy) [“Passport” of the Greeting/Farewell Speech Genre (According to the Model of T.V. Shmeleva)]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza* [Scientific Thought of the Caucasus], no. 1 (69), pp. 20-22.

REFERENCES

Akulova E.V., 2007. Rechevoy zhanr «Obyavlenie o znakomstve» kak pole realizatsii kulturno-specifichnykh i tendernykh predstavleniy [The speech Genre “Announcement of Acquaintance” As a Field for the Implementation of Culturally Specific and Tender Ideas]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no. 1, pp. 113-117.

- Issers O.S., 2008. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech]. Moscow, LKI. 284 p.
- Kanturova M.A., 2012. *Derivatsionnye processy v sisteme rechevykh zhanrov: na primere rechevogo zhanra kulinarного retsepta: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Derivational Processes in the System of Speech Genres: On the Example of the Speech Genre of a Culinary Recipe. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Novosibirsk. 26 p.
- Kuzmina K.A., 2006. *Strukturnye i yazykovye osobennosti propovedi kak rechevogo zhanra: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Structural and Linguistic Features of the Sermon As a Speech Genre. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg. 23 p.
- Lebedeva N.B., 2001. *Estestvennaya pismennaya russkaya rech kak obyekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Natural Written Russian Speech As an Object of Linguistic Research]. *Vestnik BGPU*, no. 1, pp. 6-12.
- Lebedeva N.B., 2003. *K postroeniyu zhanrovoy tipologii (na materiale estestvennoy pismennoj russkoy rechi)* [Towards the Construction of Genre Typology (Based on the Material of Natural Written Russian Speech)]. *Estestvennaya pismennaya russkaya rech: issledovatel'skiy i obrazovatel'nyy aspekty. V 3 ch. Ch. 2* [Natural Written Russian Speech: Research and Educational Aspects. In 3 Parts. Part 2]. Barnaul, Izd-vo BGPU, pp. 91-100.
- Lebedeva N.B., Zyryanova E.G., Plaksina N.Yu., Tyukaeva N.I., 2021. *Zhanry estestvennoy pismennoy rechi. Studencheskoe graffiti, marginalnye stranitsy tetradey, chastnaya zapiska* [Genres of Natural Written Speech. Student Graffiti, Marginal Pages of Notebooks, Private Note]. Moscow, Krasand Publ. 256 p.
- Melnikov G.P., 1972. *Sistemnyy podhod v lingvistike* [Systematic Approach in Linguistics]. *Sistemnye issledovaniya: ezhegodnik* [System Research. Yearbook]. Moscow, Nauka Publ., pp. 184-205.
- Olenev S.V., 2016. *Aspektiruyushchie i sinteziruyushchie (sistemnye) podkhody k izucheniyu yazykovoy lichnosti* [Aspecting and Synthesizing (Systemic) Approaches to the Study of Linguistic Personality]. *Yazykovaya lichnost: modelirovanie, tipologiya, portretirovanie. Sibirskaya lingvopersonologiya* [Linguistic Personality: Modeling, Typology, Portraiture. Siberian Linguopersonology]. Moscow, Lenand Publ., iss. 2, pp. 7-27.
- Prom N.A., Yovanovich T.G., 2017. *Kombinirovannaya model zhanrov pechatnykh SMI* [Combined Model of Print Media Genres]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, no. 2, pp. 16-18.
- Prokhorova L.P., 2012. *Kognitivnyy mekhanizm evolyutsii zhanra skazki* [Cognitive Mechanism of the Evolution of the Fairy Tale Genre]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin Kemerovo State University], no. 4-4 (52), pp 103-106.
- Zemskaya E.A., ed., 1973. *Russkaya razgovornaya rech* [Russian Colloquial Speech]. Moscow, Nauka Publ. 485 p.
- Sternin I.A., Popova Z.D., 2007. *Yazyk i natsionalnaya kartina mira* [Language and National Picture of the World]. Voronezh, Istoki Publ. 61 p.
- Tarasova I.A., 2007. *Kommunikativnaya model zhanra «poeticheskoe poslanie»: invariant i kulturnye transformatsii* [Communicative Model of the Genre "Poetic Message": Invariant and Cultural Transformations]. *Zpanry rechi* [Speech Genres], iss. 5, pp. 300-310.
- Tyrygina V.A., 2008. *Sravnitel'nyy analiz tematizirovannykh matrits prototipicheskikh diktrem v tekstakh britanskikh mediazhanrov* [Comparative Analysis of Automated Matrices of Prototypical Dictums in the Texts of British Media Genres]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], no. 3, pp. 115-122.
- Tyrygina V.A., 2014. *Zhanr v perspektive trekh semioticheskikh izmereniy* [Genre in the Perspective of Three Semiotic Dimensions]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], iss. 19 (705), pp. 176-187.
- Tyukaeva N.I., 2005. *Studencheskoe graffiti kak zhanr estestvennoj pis'mennoj russkoy rechi: dis. ... kand. filol. nauk* [Student Graffiti As a Genre of Natural Written Russian Speech. Cand. philol. sci. diss.]. Barnaul. 229 p.
- Tyukaeva N.I., 2016. *Printsipy vydeleniya personemy v zhanre «studencheskoe graffiti»* [Principles of Personeme Allocation in the Genre of "Student Graffiti"]. *Yazykovaya lichnost: modelirovanie, tipologiya, portretirovanie. Sibirskaya lingvopersonologiya* [Linguistic Personality: Modeling, Typology, Portraiture. Siberian Linguopersonology]. Moscow, LENAND Publ., iss. 2, pp. 271-281.
- Tyukaeva N.I., 2019a. *Modelirovanie rechevogo zhanra: formalno-funktsionalnyy aspekt (na primere tekstov estestvennoy pismennoj russkoy rechi)* [Modeling of the Speech Genre: Formal and Functional Aspect (Using the Example of Natural Written Russian Texts)]. *Kultura i tekst* [Culture and Text], no. 2 (37), pp. 189-200.

- Tyukaeva N.I., 2019b. Obosnovanie printsipov sistemnogo modelirovaniya zhanra (na primere tekstov estestvennoy pismennoy rechi) [Substantiation of the Principles of System Modeling of the Genre (By the Example of Natural Written Speech Texts)]. *Kultura i tekst* [Culture and Text], no. 3 (38), pp. 206-225.
- Tyukaeva N.I., 2021. Teksty estestvennoy pismennoy rechikak obyekt zhanrovogo analiza: problema metoda [Texts of Natural Written Speech As an Object of Genre Analysis: The Problem of Method]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 20, no. 2, pp. 99-110. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.9>.
- Usacheva O.Yu., 2010. K opredeleniyu ponyatiya «zhanr interneta» i postroeniyu modeli zhanra v srede internet [On the Definition of the Concept of “Internet Genre” and the Construction of a Genre Model in the Internet Environment]. *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word], no. 1, pp. 51-57.
- Fedosyuk M.Yu., 1997. Nereshennye voprosy teorii rechevykh zhanrov [Unresolved Issues of the Theory of Speech Genres]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], no. 5, pp. 102-120.
- Sheina I.M., 2015. Prototipicheskaya i diskursivnaya modeli zhanra «dogovor» [Prototypical and Discursive Models of the “Contract” Genre]. *Inostrannye yazyki v vysshey shkole* [Foreign Languages in Higher Education]. Ryazan, RGU im. S.A. Esenina, pp. 42-51.
- Sherstyanykh I.V., 2014. Modelirovanie rechevykh zhanrov (na primere komplimenta) [Modeling of Speech Genres (Using the Example of a Compliment)]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, iss. 1 (26), pp. 168-176.
- Shmeleva T.V., 1997. Model rechevogo zhanra [A Model of the Speech Genre]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], iss. 2, pp. 88-98.
- Shurlina O.V., 2017. Model rechevogo zhanra «Veb-brauzer» [The Model of the Speech Genre “Web Browser”]. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Actual Problems of Humanities and Natural Sciences], no. 4-7, pp. 65-67.
- Fromilhague C., 1996. *Introduction a l'analyse stylistique. A Sancier-Chateau*. Paris, Dunod. 270 p.
- Newsom C.A., 2010. Pairing Research Questions and Theories of Genre: A Case Study of the Hodayot. *Dead Sea Discoveries*, no. 17, pp. 270-288. URL: <http://82.179.249.32:2080/eds/pdfviewer/pdfviewer?vid=17&sid=57280dec-955e-439c-aadb72baf4ab5b4b%40sessionmgr115&hid=102> (22 January 2021).
- Williamson R. Jr., 2010. Peshet: A Cognitive Model of the Genre. *Dead Sea Discoveries*, no. 17, pp. 336-360.

Information About the Author

Nadezhda I. Tyukaeva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of General and Russian Linguistics, Altai State Pedagogical University, Prosp. Krasnoarmeysky, 101, 656031 Barnaul, Russia, tukaewa1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3415-0405>

Информация об авторе

Надежда Ивановна Тюкаева, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания, Алтайский государственный педагогический университет, просп. Красноармейский, 101, 656031 г. Барнаул, Россия, tukaewa1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3415-0405>

Журнал «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» издается для широкого ознакомления научного сообщества с новыми исследованиями отечественных и зарубежных авторов, связанными с приоритетными лингвистическими направлениями, что способствует развитию современного гуманитарного знания и международного научного взаимодействия, а также созданию творческой дискуссионной площадки для реализации комплексного подхода в решении проблем языкознания на основе соединения традиций российской университетской и академической филологической науки с достижениями современной лингвистики.

Редакционная политика журнала направлена на распространение достижений российской и мировой лингвистики, опирающихся на современную научную методологию и широкий круг лингвистических источников, чему способствует:

– обеспечение доступности опубликованных статей независимо от географического положения и языковой принадлежности их авторов и читателей: развитие журнала по типу научного издания «открытого доступа» (Open Access), расширение присутствия журнала в международных базах данных и открытых электронных ресурсах, публикация статей на английском языке, увеличение объема аннотации (Abstract) и дублирование списка литературы в латинском алфавите (References);

– поддержание высоких стандартов публикаций благодаря их экспертной оценке и профессиональной редакционно-издательской обработке;

– публикация научно-теоретических, научно-практических и экспериментальных работ по актуальным проблемам развития и функционирования русского и других языков, межкультурной коммуникации и сопоставительному изучению языков, теории языка, научных дискуссий по проблемам приоритетных направлений лингвистики, междисциплинарных исследований.

Уважаемые читатели!

Подписка на II полугодие 2022 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20986.

Стоимость подписки на II полугодие 2022 года 2586 руб. 90 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics is published to introduce high priority linguistic topics and current innovative results of Russian and foreign researchers to scientific community, which contributes to developing humanitarian issues and international science communications, enhancing debates and discussions, offering solutions on linguistic issues based on Russian scholarly and academic traditions in Philology combined with modern advances in Linguistics.

Editorial policy of the journal is intended to promote Russian and world achievements in Linguistics that are gained with relevance to modern research methods and broad scale of linguistic sources.

It is facilitated with:

- ensuring accessibility to the published articles irrespective of the geographic location or language of authors and readers;
- introducing an open access journal policy;
- extending inclusion of the journal into international data bases and open digital resources;
- publishing articles in English, duplicating References in Latin, enlarging Abstracts;
- maintaining high publishing standards due to expertise, professional editorial and technological processes;
- publishing scholarly and theoretical, scholarly and practical works and experimental results in current issues on functional linguistics of the Russian and other languages, intercultural communication, comparative language studies, linguistic theory, handling scientific discussions on prioritized trends in linguistics, cross-disciplinary studies.

Dear readers!

Subscription for the 2nd half of 2022 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 20986.

The cost of subscription for the 2nd half of 2022 is 2586.9 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

**УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ
В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВолГУ.
Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ»**

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik2@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik2@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание».

Редакционная коллегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://l.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN *SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY. LINGUISTICS*

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik2@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **the Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik2@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* print periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://l.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics
is indexed by:

